

Дэвид Гудинг

***Новый взгляд на
Евангелие от Луки***

**WORLD WIDE PRINTING
DUNCANVILLE, USA
1997**

Дэвид Гудинг
Новый взгляд на Евангелие от Луки
Издательство World Wide Printing, Duncanville, USA

Титул оригинала: **ACCORDING TO LUKE**
A new exposition of the Third Gospel
Professor David Gooding

Авторизованный перевод с английского: *Леонид Трофимов*
Редактор: к. Филос. н. *Татьяна Барчунова*

Компьютерная верстка: *А. Бояревич*
Художественное оформление: *Дм. Кусенков, П. Войтов*
В оформлении книги использована картина В.Д. Поленова
“У моря Галилейского” (Государственная Третьяковская
Галерея, г. Москва).

ISBN 0-890863-61-0

© The Myrtlefield Trust,
русский перевод,
предисловие к русскому
переводу
© The Myrtlefield Trust,
English text, 1995

За более подробной информацией о сочинениях профессора Гудинга на русском, украинском, английском, венгерском, чешском, болгарском, польском, испанском и немецком языках обращайтесь по адресу: The Myrtlefield Trust, Post Office box 42, Newtownards, BT23 3FD, Northern Ireland, United Kingdom.

Содержание

Предисловие автора к русскому переводу	9
Предисловие редактора русского перевода	11
<i>КАК ЛУКА РАССКАЗЫВАЕТ О ХРИСТЕ</i>	15
<i>ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ</i>	17
<i>Часть Первая: ПРИХОД ХРИСТА</i>	41
<i>Этап 1: БОГОВОПЛОЩЕНИЕ (1:5-2:52)</i>	41
Предварительный обзор	41
<i>Действие 1. Последние часы перед рассветом (1:5-80)</i>	50
<i>Действие 2. Восход солнца (2:1-52)</i>	78
Заключительные замечания	97
<i>Этап 2: ВСТУПЛЕНИЕ СЫНА БОЖЬЕГО В МИР (3:1-4:44)</i>	103
Предварительный обзор	103
<i>Действие 1. Иоанн в пустыне и на Иордане (3:1-20)</i>	110
<i>Действие 2. Христос на Иордане и в пустыне (3:21-4:13)</i>	118

<i>Действие 3. Христос в Назарете (4:16-30) .....</i>	125
<i>Действие 4. Христос в Капернауме (4:31-43) .....</i>	139
<i>Этап 3: ОТНОШЕНИЕ ХРИСТА</i>	
<i>К ГРЕХУ И ГРЕШНИКАМ (5:1-7:1) .....</i>	
Предварительный обзор	145
Новый путь (5:1-39)	152
<i>Действие 1. Христос и авторитеты (5:1-26) .....</i>	155
<i>Действие 2. Христовы принципы духовного поведения (5:27-39) .....</i>	169
<i>Действие 3. Христос и авторитеты (6:1-19) .....</i>	176
<i>Действие 4. Христовы принципы нравственности (6:20-49) .....</i>	183
<i>Этап 4: ХРИСТОВ ПУТЬ СПАСЕНИЯ (7:2-8:56) ....</i>	
Предварительный обзор	193
<i>Действие 1. Спасение от смерти: вознагражденная вера (7:2-17) .....</i>	199
<i>Действие 2. Ложные представления о спасении и отвержение Спасителя (7:18-35) .....</i>	207
<i>Действие 3. Спасение и служение прощенных (7:36-8:3) .....</i>	214

<i>Действие 4. Тайны Царства Божьего, связанные со спасением (8:4-21) .....</i>	221
<i>Действие 5. Спасение от природной стихии (8:22-25) .....</i>	225
<i>Действие 6. Спасение от злых духов и отвержение Спасителя (8:26-39) .....</i>	228
<i>Действие 7. Спасение от потери жизненных сил (8:40-48) .....</i>	233
<i>Действие 8. Спасение и «тайное» воскрешение из мертвых (8:49-56) .....</i>	240
<i>Этап 5: ХРИСТОС И ГРЯДУЩЕЕ ИСКУПЛЕНИЕ (9:1-50) .....</i>	244
Предварительные замечания	244
<i>Действие 1. Установление Царства Божьего с точки зрения нашего мира (9:1-27) .....</i>	259
<i>Действие 2. Установление Царства Божьего с точки зрения иного мира (9:28-50) .....</i>	264
Часть вторая: УХОД ХРИСТА ЦЕЛЬ ПУТИ	281
<i>Этап 1: ПУТЬ К СЛАВЕ (9:51-10:37) .....</i>	292
Предварительный обзор	292

<i>Действие 1. Уход Христа: страдания и потери (9:51-10:16) .....</i>	<i>298</i>
<i>Действие 2. Уход Христа: победы и радости (10:17-37) .....</i>	<i>313</i>
<i>Этап 2: О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО РАСПОРЯДИТЬСЯ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ. О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ НУЖДАХ И ПРИОРИТЕТАХ (10:38-13:21) .....</i>	<i>324</i>
<i>Предварительный обзор .....</i>	<i>324</i>
<i>Действие 1. В чем состоят первостепенные человеческие нужды (10:38-11:28) .....</i>	<i>333</i>
<i>Действие 2. Правильное понимание Слова Божьего (11:29-12:12) .....</i>	<i>356</i>
<i>Действие 3. Правильное отношение к собственности (12:13-53) .....</i>	<i>377</i>
<i>Действие 4. Правильная оценка времени, оставшегося до суда, и наступивших времен (12:54-13:21) .....</i>	<i>391</i>
<i>Этап 3: КУДА ИДЕМ МЫ (13:22-17:10) .....</i>	<i>404</i>
<i>Предварительный обзор .....</i>	<i>404</i>
<i>Действие 1. Славное сообщество святых (13:22-14:6) .....</i>	<i>410</i>
<i>Действие 2. Удовольствия и воздаяние должного на пиру Мессии (14:7-15:2) .....</i>	<i>419</i>

<i>Действие 3. Радости искупления (15:3-16:18) .....</i>	426
<i>Действие 4. Утешение и покой на небесах (16:19-17:10) .....</i>	434
<i>Этап 4: ГОТОВЯСЬ ЦАРСТВОВАТЬ С ХРИСТОМ (17:11-19:28) .....</i>	444
Предварительный обзор	444
<i>Действие 1. О приходе Царства (17:11-18:14) .....</i>	449
<i>Действие 2. О вступлении в Божье Царство (18:15-19:28) .....</i>	463
<i>Этап 5: ЦАРЬ ВСТУПАЕТ В СЛАВУ (19:29-24:53) .....</i>	477
Предварительный обзор	477
Часть 1.	
<i>Действие 1. Иерусалим и первый приход Царя (19:29-48) .....</i>	482
<i>Действие 2. Царь и вопрос о религиозной власти (20:1-19) .....</i>	491
<i>Действие 3. Царь и вопрос о политической власти (20:20-21:4) .....</i>	500
<i>Действие 4. Иерусалим и второе пришествие (coming) Царя (21:5-38) .....</i>	508

Часть 2.

Действие 5. Царь вкушает пасху в Иерусалиме. Символы Его смерти (22:1-22:38) 517

Действие 6. Царь схвачен и подвергнут допросу религиозными властями (22:39-71) 523

Действие 7. Царь подвергнут допросу, приговорен к смерти и распят государственными властями (23:1-56а) 531

Действие 8. Царь вкушает пищу в Иерусалиме: свидетельство Его воскресения (23:56б-24:53) 545

ПРИЛОЖЕНИЯ 560

1. Правомерно ли подходить к сочинениям Луки с точки зрения аристотелевых канонов литературного анализа? 560

2. Совместима ли литературная симметрия со строгой историчностью? 561

3. О вопросах, возникающих при сопоставлении различных и взаимоисключающих вариантов анализа литературной структуры библейского повествования 564

Предисловие автора к русскому переводу

Внимательно читая Евангелие от Луки, нельзя не поймать себя на мысли о том, что имеешь дело с исключительно мощным разумом. И этот разум принадлежит не Луке, а Тому, Кого современники знали как Сына простого плотника из крестьянской семьи из Назарета. Достаточно было бы тех многочисленных притч, таких как Притча о блудном сыне, которые Он рассказывал экспромтом, отвечая на вопросы Своих сельских слушателей или изощренную критику оппонентов в религиозных спорах, чтобы снискать Ему всеобщую славу гениального религиозного мыслителя или выдающегося моралиста.

Но Он высказывал о Себе гораздо более сильные утверждения; на самом деле, настолько сильные, что вплоть до сегодняшнего дня Его высказывания звучат вызовом нашему пониманию мира и значению человечества в нем.

Лука, по всей вероятности, язычник (не иудей), спутник апостола язычников Павла, писал примерно в 54 году нашей эры, чтобы познакомить образованных язычников с теми важными событиями, которые составляют содержание его Евангелия. Следуя самым высоким требованиям эллинистической историографии, он создал свое сочинение на основании глубокого изучения сообщений свидетелей событий и доступных ему исторических документов. Однако Лука был не просто хронистом. Его изложение событий позволяет отнести его к величайшим историкам древности. Труд Луки — не только историческое сочинение, но и образец высокой литера-

туры, который имеет заслуженную репутацию прекраснейшей книги в мире. Цель предлагаемого читателю комментария к Евангелию от Луки — помочь читателю почувствовать красоту этой книги и насладиться истинами, которые она содержит.

В заключение этого короткого Предисловия я хотел бы сказать, что мне повезло с переводчиками. Татьяна Барчунова и Леонид Трофимов трудились долго и неутомимо, чтобы перевод был точным и изящным. Я бесконечно благодарен им за профессионально выполненную работу.

*Дэвид Гудинг
Белфаст
Март 1997*

Предисловие редактора русского перевода

Цель настоящего предисловия скромна — объяснить читателю книги профессора Гудинга некоторые особенности ее русского перевода. Однако поскольку эти особенности тесно связаны с необходимостью максимально точной передачи замысла автора книги, то я буду касаться и особенностей ее содержания.

Открыв оглавление книги профессора Гудинга, вы увидите, что она разделена — за исключением первого раздела — не на главы или параграфы, а на Действия. Почему мы с переводчиком книги Л. Трофимовым остановились на таком необычном для комментария к Священному Писанию способе обозначения частей книги?

Дело в том, что термин, который используется в подлиннике для обозначения частей книги, — слово «movement» — точного русского эквивалента не имеет. В английском языке он несет два основных значения — «движение» и «часть музыкального произведения (симфонии)». Профессор Гудинг прибегает к этому термину не случайно. Его задача заключается не просто в том, чтобы изложить содержание Евангелия от Луки, а в том, чтобы *показать смысл каждого события в жизни Иисуса Христа, каждого Его деяния как части реализации божественного замысла спасения*. А Лука в толковании профессора Гудинга выступает как дееписатель, сознательно организующий свое повествование в определенное *динамическое целое*, подчиненное этой направленности сочинения.

Основу для толкования третьего Евангелия в книге английского теолога составляет образ пути Гос-

пода Иисуса Христа, символизирующего Его спасительную миссию¹. Образ пути проявляется и в самом членении текста Евангелия на две части, в которых освещается, соответственно, приход Иисуса Христа на землю и Его исход с земли. *Движение* по этому пути, состоящее из нескольких этапов, составляет канву повествования, и принцип его организации в целостную систему.

Изложенная выше концепция профессора Гудинга послужила причиной того, что в качестве структурной единицы своего комментария к Евангелию от Луки он выбирает слово «movement». Слово «Действие» является, на мой взгляд, наиболее адекватным переводом этого оригинального термина на русский язык², хотя оно и не используется для обозначения частей текстов данного жанра.

Поскольку автор книги подробно характеризует методы и принципы своего анализа во вводной главе, то нет необходимости еще раз на них останавливаться в этом предисловии. Однако мне хотелось бы обратить внимание на две особенности подхода профессора Гудинга, которые делают его книгу исключительно ценным «*путеводителем*» по третьему Евангелию, отличающим его от других толкований этой книги Библии.

Концентрированное выражение подхода Дэвида Гудинга к анализируемому материалу содержится, на мой взгляд, в *таблицах*, которыми сопровождается описание каждого этапа *пути* Иисуса Хрис-

---

¹ См. об этом также: Тищенко С. В. *Основные мотивы интерпретации Евангелия от Луки // Канонические Евангелия*. Под ред. С. В. Лезова и С. В. Тищенко. — М., 1992. — С. 273 и след.

² Этот русский эквивалент слова «movement» был впервые использован мной в переводе книги Д. Гудинга «*Верные веры*» (М., 1994).

та, изображенного Лукой (см., например Таблицу на с. 108-109). Таблицы содержания евангельских текстов можно встретить и в других толкованиях Священного Писания¹. Особенность таблиц, составленных Дэвидом Гудингом, состоит в том, что они организованы не по линейному принципу. Что это значит? Любой текст — будь то произведение литературы или кинолента — по своей природе линейен, то есть изображает события в виде определенной последовательности. Профессор Гудинг ставит перед собой нетривиальную задачу — линейную последовательность текста обратить в объемное изображение, объемное настолько, насколько это позволяют средства естественного языка и графики. Вспомогательным средством «объемной» передачи текста являются таблицы, наглядно показывающие параллелизм и симметрию евангельских сюжетов и тем самым демонстрирующие архитектуру сочинения Луки, которую непросто увидеть в последовательном расположении рассказов. Тем более что традиционная система членения евангельского текста на главы, которая восходит еще к XIII веку, не всегда помогает проследить динамику событий — их развитие и кульминацию.

Интересно отметить, что профессор Гудинг показывает, что предложенное им членение текста не является единственно возможным (см. Приложение 3), и настаивает на том, что оно должно быть безоговорочно воспринято каждым читателем (см. с. 99-102).

Реконструкция текста, проделанная Дэвидом Гудингом, базируется на его глубокой эрудиции. Знатоки древних языков, древней этнографии и литерату-

---

¹ См., например, недавно переизданные в Москве и Санкт-Петербурге «Четвероэвангелие» и «Апостол» архиепископа Аверкия.

ры, он использует свои знания для того, чтобы прояснить значение слов и деяний Иисуса Христа не только как чудес, совершенных для конкретных людей в конкретных обстоятельствах, но и символический смысл его помощи нищим и больным. Возвращение к жизни умерших — это не только воскрешение Лазаря и дочери Иаира. Оно символизирует возможность воскрешения и вечной жизни всех людей, благодаря Господу Иисусу Христу.

В данном коротком предисловии также считаю нужным прокомментировать чисто формальные принципы, которыми мы руководствовались в оформлении сносок. Внимательный читатель, безусловно, заметит отсутствие единообразия. Дело в том, что в оформлении русских ссылок мы следовали наиболее распространенной сейчас отечественной системе, тогда как иностранные ссылки в точности повторяют английский оригинал.

В заключение своего короткого введения мне хотелось бы выразить свою признательность тем, кто способствовал появлению книги профессора Гудинга на русском языке. Это д-р Джон Леннокс, Майкл Мидлтон, д-р Артур Уильямсон и Дуглас Уинклер.

*Т. Барчунова,
кандидат философских наук*

*16 сентября 1996 года
Новосибирск*

КАК ЛУКА РАССКАЗЫВАЕТ О ХРИСТЕ

Рассказ Луки о Христе — это вдохновенное повествование о двух Его величайших действиях: приходе Господа с небес на землю и Его уходе с земли на небо. Соответственно, весь рассказ можно разделить на две части («Приход Христа» и «Уход Христа»), композиционной границей между которыми является пятьдесят первый стих девятой главы.

«Приход Христа» открывается незабываемой сценой: Мария и Иосиф приходят в Вифлеем, чтобы их имена внесли в перепись, проводившуюся по всей Римской империи, а в вифлеемской гостинице не оказывается места для рождения Спасителя мира. И все-таки «Приход...» заканчивается на торжественной ноте: в момент Своего преобразования Христос предстает перед нами в сиянии вселенской славы как Тот, Кому суждено быть Царем в грядущем Божьем царстве.

Столь же незабываемая сцена открывает вторую часть — «Уход Христа» (см.: 9:51-56): в одной из самарянок деревень Иисуса не хотят принимать. Упрекая Своих учеников за мстительный гнев, Он впоследствии напоминает им, что их имена вписаны в списки лучшего, неземного города. Соответственно, в кульминационный момент «Ухода...» мы видим Сына человеческого Иисуса, который был отвергнут и распят здесь, на земле, воскресшим и возносящимся к небесной славе.

Приход Христа и Его Уход... В этих двух действиях Лука доносит до нас весть о спасении. Предвечный Сын Божий пришел в наш мир и стал человеком, жил среди нас, чтобы здесь, в этом мире, уготовить и дать

нам прощение, гармонию, мир с Богом и уверенность в том, что придет время и воля Божья будет исполнена на земле так же, как она исполняется на небе.

Но это еще не все. Благодаря Своему Уходу, Он вознес человечество к вершинам вселенной. Следуя за Вождем своего спасения, все доверившиеся Ему однажды войдут во всевышнее Царство, чтобы разделить с Ним Его славу и царствовать с Ним по Его возвращении.

А теперь обратимся к первому этапу Прихода Христа.

ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ

Этот раздел книги посвящен исключительно вопросам методологии. Начиная чтение книги, можно его пропустить и перейти непосредственно к основной части (Часть Первая, Приход Христа). Но будет полезно вернуться к нему после того, как вы закончите чтение основной части.

Задача настоящего исследования Евангелия от Луки состоит в том, чтобы как можно глубже раскрыть смысл и понять цель каждой из частей повествования. Поэтому прежде всего необходимо оговорить, что в данном контексте подразумевается под смыслом и целью повествования.

На первый взгляд, может показаться, что не нужно глубокого анализа, чтобы определить, какова цель написания Евангелия от Луки: Лука сам называет эту цель во вступлении (см. 1:1-4). Он пишет свой труд, чтобы некто Феофил убедился в твердости того, в чем был наставлен. В объявленной Лукой цели просматривается утверждение о том, что его повествование является достоверным и авторитетным; вполне естественно, что это утверждение оказалось предметом продолжительной дискуссии. Мы не собираемся переносить эту дискуссию на страницы нашей книги. Автор настоящего исследования с позиций веры принимает традиционный взгляд, согласно которому Лука был вдохновлен Святым Духом и его сочинение является достоверным. Это не означает, что анализ вопроса об историчности повествования Луки неуместен или бесполезен. Читателю, желающему быть в курсе текущей дискуссии по вопросу о достоверности и авторитетности труда евангелиста, следует обратиться к со-

ответствующим научным комментариям. Лука, безусловно, ожидает, что мы с доверием отнесемся к его заявлению о том, что он внимательно ознакомился с современными ему источниками, и согласимся с утверждением о достоверности его повествования. Мы так и сделаем, а затем посмотрим, о чем он хочет нам рассказать, какое это имеет значение, почему он считает, что мы должны об этом узнать, и какие, по его мнению, мы должны в связи с этим сделать выводы. Заявленная Лукой цель состоит в том, чтобы убедить нас в достоверности сообщений христиан, и он, конечно же, будет прилагать все усилия к тому, чтобы мы в точности уяснили их смысл.

Здесь уместно заметить, что книга, которую вы сейчас читаете, не предназначалась для специалистов в области исследований Нового Завета. Она адресована, причем адресована с большой симпатией, тем читателям, которые, не будучи библеистами, тем не менее подходят к прочтению Евангелия от Луки со всей серьезностью. Глубокое прочтение Евангелия связано и с пониманием того, о чем пишет Лука¹, и с *выявлением его целей и намерений, которые не лежат на поверхности*. Нам кажется, что серьезным читателям сравнительно нетрудно поверить, что описанные Лукой события действительно имели место, однако им гораздо труднее поверить в то, что только поэтому он и решил их описать. Они интуитивно чувствуют, что, когда Лука отбирал события для своего повествования, он исходил при этом из их значения, намереваясь (осознанно или по воле вдохновлявшего его Святого Духа) донес-

---

¹ *К услугам неспециалиста, желающего установить точный смысл того или иного отрывка Евангелия от Луки, — огромный выбор научных экзегетических комментариев. В том случае, когда смысл отрывка неясен или оспаривается, автор данной книги в основном будет ссылаться на работу И. Говарда Маршалла «The Gospel of Luke, a Commentary on the Greek Text» (Exeter, Paternoster Press, 1978), в которой содержатся не только внешние и рациональные комментарии, но и многочисленные ссылки на разнообразные исследования, в которых отражен весь спектр мнений по тому или иному вопросу.*

ти это значение до своих читателей. Поэтому, познакомившись с тем, что говорят текстологи и переводчики, историки и экзегеты, и сформировав ясное и точное представление о том, что, согласно Луке, произошло в том или ином случае, серьезные читатели могут испытывать определенную неудовлетворенность и чувствовать, что что-то ускользает от их понимания. Речь при этом идет, разумеется, о том, *каково, согласно авторскому замыслу, значение происшедшего*. Они могут при необходимости написать точное краткое изложение Евангелия от Луки, могут даже, в случае необходимости, составить на основании Евангелия проповедь. Тем не менее, они могут усомниться, совпадает ли смысл, приписываемый тому или иному событию в их проповеди, с тем смыслом, который вкладывал в это событие сам Лука. Как же, в таком случае, определить, что входило в намерения Луки?

И вот на этом уровне анализа текста автору хотелось бы оказать читателям свою скромную помощь и предложить ряд способов и средств, которые помогли бы лучше уяснить смысл и цель каждой из частей повествования Луки. Разумеется, во многих случаях смысл и цель отрывков будут лежать на поверхности. Так, например, когда Лука подробно описывает проповеди Господа о нравственности, очевидно, что, как и говорится во вступлении, главная цель евангелиста — убедить нас, что перед нами достоверное изложение того, о чем учил Христос. Но даже если это прямо и не вытекает из строгого экзегетического анализа¹, интуиция христианина подсказывает, что в данном случае Лука ставил перед собой и другие цели: подвести нас к тому, чтобы мы приняли учение Христа о нравственности и строили в соответствии с ним свою жизнь.

---

¹ *Экзегетика (герменевтика)* — богословская дисциплина, связанная с толкованием древних текстов. Она опирается на строгий грамматический анализ, критику текстов, а также использует исторические данные (прим. ред.).

Смысл и цель других фрагментов повествования могут оказаться не столь очевидными. Рассмотрим, к примеру, один из эпизодов, связанных с рождением Христа. Из целого ряда стихов (см. 1:57—66) мы узнаем, что Захария назвал своего сына Иоанном по настоянию ангела, несмотря на бурные протесты родственников и друзей. После этого он освободился от уз немоты, на которую был обречен из-за того, что сначала отнесся к тому, что ему говорил ангел, с недоверием. «Как все это следует понимать?» — спрашиваем мы. Разумеется, Захарии пошло на пользу то, что он поступил в соответствии со словами ангела. Но зачем сообщать об этом нам? И вообще, почему нас должно волновать, как называли его сына: Иоанном, Тимофеем, Аггеем или Соломоном?

Или возьмем эпизод из детских лет Христа (см. 2:41-51), избранный Лукой для своего Евангелия. Это единственный сюжет, повествующий о детских годах Христа, и мы благодарны Луке за то, что можем с ним познакомиться и быть уверенными в том, что это не легенда, а реальный случай. Но почему детские и отроческие годы Христа представлены в повествовании одним-единственным эпизодом? Заявить, что Лука описал этот эпизод потому, что он имел место в действительности, разумеется, недостаточно. Да, он имел место. Но за этот продолжительный период произошло и немало других событий. И трудно себе представить, что, проведя работу по сбору материала (см. 1:1-3), Лука не услышал ни одного другого рассказа о детстве Иисуса. А если услышал, то почему ограничился только одним сюжетом? И почему именно этим? Может быть, потому, что в нем описывалась типичная для детских лет Иисуса ситуация? Или, наоборот, потому, что в нем отрази-

лось нетипичное, особое событие? И, вообще, кто должен был извлечь для себя урок из происшедшего? Учителя? Или Мария и Иосиф? Мария и Иосиф предстают в этом эпизоде не в лучшем свете: похоже, что они испытывают сильную тревогу и волнение. Ожидается ли, в таком случае, чтобы мы сами сделали вывод о том, что, несмотря на все сказанное ей ангелом об уникальности ее Сына, Мария так и не была готова к тому, что Он будет вести Себя столь необычно? И как мы тогда должны к этому отнестись: удивиться или нет? Или же нам рассказали об этом эпизоде, чтобы мы не повторяли ошибки Марии и Иосифа, спокойно шедших своей дорогой и уверенных, что Христос с ними, — в то время, как Его с ними не было? Или, быть может, упоминание о Марии и Иосифе и их тревоге сделано вскользь, в то время как главная цель повествования — снабдить богословов сведениями о высокой степени самосознания ребенка Иисуса, чтобы затем они смогли использовать эти сведения в своих трудах о Христе?

Правильным ответом на все эти вопросы будет, наверное, такой: описанный Лукой эпизод — не миф, выдуманный, чтобы донести до читателей какую-то конкретную идею, а реальный исторический факт. Как и любой другой факт истории (и даже в еще большей степени!) он многозначен; и, следовательно, мы имеем право — и, возможно, даже должны — делать на основании этого факта любые, самые разнообразные заключения, которые оставались бы в пределах разумного¹. Тем не менее, мы исходим из ожидания, что Лука будет под-

---

¹ *Обратите внимание на широкие возможности для субъективной интерпретации, открывающиеся перед читателем, — об этом будет полезно вспомнить в том случае, если впоследствии кому-то захочется выразить неудовольствие по поводу субъективности используемых автором методов интерпретации.*

сказывать, как именно истолковывать записанные им рассказы, и, когда кажется, что он не дает подобных подсказок, естественно чувствовать недоумение и растерянность.

В определенной степени подобные чувства, видимо, связаны с тем, что мы привыкли к форме изложения, принятой современными историками. Современный историк, если он хочет, чтобы его считали историком, должен не только собрать и описать относящиеся к той или иной теме факты, но и указать их значение, дать им свое истолкование и оценку. Лука поступает иначе. Равно как и авторы других синоптических Евангелий, он широко известен тем, что избегает открыто давать свою собственную интерпретацию того или иного события¹. Однако Лука и не является современным историком: он — историк древний и пишет в русле традиции великих библейских историков, повествования которых также известны тем, что в них присутствует минимум авторских комментариев.

Прежде чем делать поспешное заключение о том, что Лука не сделал ничего, чтобы помочь читателю правильно понять и истолковать описанные им события, необходимо констатировать, что, хотя Луку и следует однозначно относить к когорте библейских историков, у него есть нечто общее с классическими историками древности, в том числе с великим основоположником истории как научной дисциплины — Фукидидом. Функцию речей в Деяниях Апостолов Луки нередко сравнивали с функцией речей в «Истории» Фукидида². Фукидид заверяет нас, что тщатель-

---

¹ Иногда она у него, разумеется, встречается. См., напр. 18:1 и 19:11.

² См., напр.: I. Howard Marshall, *The Acts of the Apostles. An Introduction and Commentary*, TNTC (IVP, 1980), p. 42.

но изучил свои источники, но редко их называет¹. То же самое можно сказать и о Луке. И что еще более интересно, Фукидид также прибегает к сопоставлению двух событий или двух речей, между которыми существуют столь явные сходства или различия, что читатель не может над ними не задуматься. После такого сопоставления Фукидиду уже не требуется вставлять в повествование собственный комментарий, потому что читатель и так начинает понимать иронию, трагизм или какой-то другой смысл события, высвечивающийся в результате вдумчивого размышления над той или иной парой сюжетов или речей². Лука преследует отличные от Фукидида цели, однако пользуется сходным инструментарием.

Так, например, в 7:36-50 он рассказывает историю, не имеющую параллелей в других Евангелиях. Уличная женщина вошла в дом фарисея Симона в то время, когда там находился приглашенный на обед Христос, и начала оказывать Ему знаки внимания. «Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему...». Однако складывалось впечатление — по крайней мере, у Симона, — что Христос не понимает, кто к Нему прикоснулся. После чего наступает развязка.

В следующей главе Лука описывает еще одну историю (8:43-48). «...Женщина... подойдя сзади, коснулась края Его одежды... И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне?

---

¹ См. H. D. F. Kitto, *Poiesis, Structure and Thought* (University of California Press, 1966), pp. 289, 349.

² Наиболее известным примером является сопоставление Фукидидом Мелосских переговоров и описания Сицилийского похода в конце книги пятой и начале книги шестой (Фукидид. *История*. Москва, Науч.-изд. центр «Ладомир» — «Наука», 1993). Однако есть и другие примеры. См. H.D. F. Kitto, *указ. соч.*, p. 333-338 и спец. раздел, p. 279-354.

Когда же все отрицались, Петр сказал... Наставник! народ окружает Тебя и теснит... Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто; ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня. Женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла...». Если бы Лука был современным историком, вполне возможно, что он предварил бы вторую историю следующим замечанием: «Только что мы видели, как пророческая способность Христа, позволившая Ему распознать, кем была прикасавшаяся к Нему женщина, была подвергнута серьезному сомнению. Сейчас мы рассмотрим еще один эпизод, который, наверное, может развеять сомнения, возникшие в предыдущем рассказе». А по окончании второго рассказа он вполне бы мог добавить следующий комментарий с изложением собственной интерпретации: «Итак, благодаря этим двум эпизодам мы смогли увидеть самую суть одной из составляющих служения Христа. В обоих эпизодах речь шла о женщинах и о проблемах, связанных с полом и здоровьем: в первом случае — о нравственном нездоровье, во втором — о физическом. Обе женщины познали горечь остракизма, которому их подвергло ортодоксальное общество. В первом случае оно опасалось нравственной скверны, во втором — обрядовой нечистоты. Христос положил конец их изоляции и объявил, что теперь ничто не мешает им влиться в нормальное, «чистое», общество. Однако силу Его нравственного и физического чутья подвергли критике, в одном случае, — посчитав поверхностной, а в другом — недостаточной.

Обратите внимание, как точно в обоих случаях Христос отвечает на выдвинутые в Его адрес критические замечания...» и т. д.

У Луки не встретишь ни подобных предварительных замечаний, ни последующих комментариев, содержащих интерпретацию автора. Однако не следует делать скоропалительного вывода о том, что, отбирая из имевшихся у

него источников рассказ о женщине в доме Симона, отсутствующий у других евангелистов, и располагая его рядом с рассказом о женщине, страдавшей кровотечением, сам Лука не замечал сходств и различий между двумя рассказами, а если и замечал, то не придавал им значения. Разумеется, невозможно представить исчерпывающие доказательства того, что Лука видел роль этих сходств и различий; однако, столкнувшись с той же самой особенностью многих других пар рассказов, встречающихся на протяжении всего Евангелия, мы склонны сделать вывод о том, что отсутствие в повествовании Луки явных комментариев скорее всего объясняется тем, что он принадлежал традиции ветхозаветных авторов и Фукидид. Как и они, Лука приложил большие усилия к тому, чтобы изучить источники, отобрать необходимый материал и расположить его так, чтобы вдумчивый читатель мог следить за последовательным развитием той или иной темы и видеть важные в смысловом отношении сходства и различия между сюжетами. Однако сделав это, он удовольствовался тем, что позволил материалу самому говорить за себя и положился на активное восприятие читателей. Им самим следовало распознавать значимость материала без все новых и новых дополнительных объяснений и комментариев. Никто не спорит, что сегодня исторические произведения пишутся иначе; метод же, использованный Лукой, был назван Г. Китто¹ «драматическим методом»². Его использование не делает повествование более ущербным. Фукидид сочетал свой метод с горячей приверженностью исто-

---

¹ Указ. соч., р. 282 и далее, 349-50.

² Под понятием «драматический» здесь подразумевается не драматизм повествования, а специфика используемых автором приемов, посредством которых повествование начинает говорить само за себя и автору не требуется делать дополнительные объяснения и комментарии от себя лично. (См. об этом, напр.: Стратановский Г.А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История... С. 415 – 416. – прим. ред.).

рическим фактам, и нет никаких оснований думать, что то же самое нельзя сказать и о Луке.

Увидев ссылку на работы, посвященные Фукидиду, читатель может заподозрить, что подход автора данной книги к Евангелию от Луки определяется его опытом исследования произведений авторов классического и эллинистического периодов. Несомненно, что наряду с методами этих авторов Луке были не менее хорошо известны и традиции устной арамейской литературы. Однако, будучи воспитанным на аристотелевской традиции, автор данной книги полагает¹, что, по каким бы направлениям ни велся поиск «идеи», которую желал донести до своих читателей историк, подобный Луке, при анализе его сочинения прежде всего необходимо обратить внимание на три момента. Во-первых, это отбор материала и пропорции между различными его частями. Во-вторых, это любые темы и тезисы, которые встречаются неоднократно в независимых друг от друга частях повествования. Именно в этих повторяющихся тезисах, темах и акцентах вероятнее всего удастся увидеть ход мысли Луки и выявить его представления о значимости излагаемого им материала. И, в-третьих, это то, каким образом Лука распоряжается своим материалом, или, как назвал бы это Аристотель, *systasis ton pragmaton*, то есть расположение отдельных элементов повествования друг по отношению к другу и к повествованию в целом и значение этого расположения для его динамики. Какова логика подобного распо-

---

¹ Существует мнение, что брать аристотелевы каноны литературного анализа, сформулированные в IV в. до н. э. на базе художественных произведений, вроде греческих трагедий, и использовать их для интерпретации произведения совершенно другого жанра — повествования о реальных исторических фактах, написанного в I в. н. э., — неправомерно. Это возражение рассматривается в Приложении 1.

ложения? Что является для Луки критерием: исключительно лишь хронология или тематическая общность группируемых эпизодов? Можно ли проследить в сменяющих друг друга рассказах какую-то смысловую динамику, или каждый из них строго изолирован друг от друга? Можно ли говорить о том, что каждый рассказ или группа рассказов образует отдельный сюжет, со своими мотивами, с большими и малыми кульминациями, паузами, отступлениями и развязками? И в каком месте того или иного рассказа, согласно замыслу Луки, наступает кульминация: там, где мы сами ожидаем ее увидеть, или в каком-то другом, на первый взгляд, необычном месте?

Прежде всего, рассмотрим, как Лука отбирает материал и какие пропорции для него устанавливает. Лука, конечно же, рассказал нам не обо всем, что говорил и делал Христос. Анализ тех фрагментов повествования, где предположительно и Лука, и Марк опирались на одинаковые источники, свидетельствует, что Лука не исчерпывает даже всех своих данных. Очевидно, что он отбирал то, что ему казалось важным, и уделял тому или иному сюжету столько места, сколько считал нужным. Возьмем, к примеру, сюжеты о зачатии, рождении, младенчестве и отрочестве Христа. Марк обходит их молчанием. Матфей посвящает им четыре (или пять-шесть, в зависимости от того, как их подсчитывать) рассказа: родословие, реакция Иосифа на зачатие и рождение Христа, приход волхвов, бегство в Египет от устроенного Иродом избития младенцев и возвращение. Обратите внимание, что в описании всех этих событий ни словом не упоминаются ни Предтеча Христа, Иоанн Креститель, ни его родители. Лука же, напротив, отобрал целых десять рассказов о рождении и младенчестве Христа,

пять из которых посвящены событиям, предшествовавшим Его рождению, а остальные пять — рождению и событиям, последовавшим вслед за рождением. Итак, у Луки больше рассказов, посвященных этим сюжетам, чем у Матфея. Но дело здесь не только в количестве: в отобранных Лукой рассказах упор делается совсем на другом. Так, например, в каждом из первых пяти рассказов упоминается Иоанн Креститель (в 1:13-17; 1:36; 1:41-44; 1:57-63; 1:76-79). Ему уделяется почти столько же, если не больше, места, чем приходу Христа. Очевидно, что Лука считал вопрос об Иоанне Крестителе чрезвычайно важным и ожидал, что мы отнесемся к нему так же. Почему?

Существует два пути, по которым можно пойти в поисках ответа на этот вопрос. При желании можно выйти за пределы рассмотрения Евангелия от Луки и предположить, что у Луки были какие-то особые причины для того, чтобы уделять так много внимания Иоанну Крестителю. Возможно, у него были связи с группами его учеников, продолжавшими независимое существование даже после Пятидесятницы, вроде тех, о которых он упоминает в Деян. 18:24:19:7. Возможно, Лука считал, что служению Иоанна не было уделено должного внимания и хотел восполнить этот пробел. Вариантов много, и, кто знает, может быть, какие-то предположения окажутся верными.

Однако будет лучше, если мы, по крайней мере, сначала, пойдем по другому пути и попробуем определить, исходя из самих евангельских рассказов, что же именно так заинтересовало Луку в Иоанне Крестителе. В этом случае мы обнаружим, что центр нашего внимания сместится. Несмотря на то, что об Иоанне Крестителе упоминается в каждом из первых пяти рассказов,

пропорции рассказов дают основание предположить, что Луку в большей степени интересует не сам Иоанн, а его родители¹.

Если после этого мы попытаемся установить, существует ли какая-то ведущая тема или темы, развивающиеся на протяжении всех первых пяти рассказов, то обнаружим следующее.

В первом рассказе (см. 1:5-25) Захарии является ангел и объявляет ему, что у него и у его жены, хотя оба они уже были в преклонном возрасте, появится сын; после чего ангел описывает славное служение, которое предстоит впоследствии вести их сыну. На этом (см. 1:17) Лука вполне бы мог при желании завершить свой рассказ, потому что все, что имело отношение к Иоанну Крестителю и его будущему служению Предтечи, уже было сказано. Однако Луку интересует не только Иоанн и его будущее служение: он желает рассказать нам о чем-то еще, и он посвящает этому следующие шесть стихов. Принесенная ангелом весть показалась Захарии неправдоподобной. Он сказал ангелу об этом и был поражен немотой за свое неверие: «...ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время» (1:20). Как объясняет Лука, замешательство Захарии должно было быть тем более сильным, что все это произошло в то время, когда он совершал утреннюю молитву в храме, и когда Захария вышел к народу, дожидавшемуся снаружи его благословения, слова благословения не могли слететь с его уст. По завершении своей череды служения он пошел домой. Прошло немного времени, и его жена зачала. На этом первый рассказ завершается, и Лука переходит к следу-

---

¹ Например, в первом рассказе Иоанну посвящено пять стихов (1:13-17), а его отцу и матери – более шестнадцати (1:5-13а, 18-25).

ющему рассказу. Однако обратите внимание на результат: Лука заинтересовал нас вопросом о правдоподобности слов ангела, рассказал о наказании за неверие и затем обратил наше внимание в будущее: Захария будет нем, покуда... Теперь нам обязательно захочется узнать, чем кончится дело. Сделан первый шаг на пути к будущей кульминации.

Рассказ 2 (см. 1:26-38) посвящен Благовещению Марии. Как и Захария, Мария обратилась к ангелу с вопросом, однако ее вопрос был вызван не неверием. Мария столкнулась с затруднением нравственного порядка: ей было непонятно, как незамужняя девушка может стать матерью. Она получила ответ на свой вопрос. И вновь (см. 1:35) на этом рассказ можно было бы считать законченным, потому что все, что можно было из него узнать о величии Сына Марии и Его чудесном зачатии, мы уже узнали. Однако рассказ этим не исчерпывается, и теперь в нем зазвучат уже знакомые нам мотивы. Ангел, разумеется, знал, что вера Марии будет нуждаться в поддержке и поощрении. И он говорит ей, что «у Бога не остается бессильным никакое слово» (см. 1:37), а в подтверждение и доказательство этих слов сообщает о чудесном зачатии Елизаветы (см. 1:36).

Из рассказа 3 (см. 1:39-56) мы узнаем, что Мария — и это вполне естественно после того, что ангел рассказал ей о Елизавете, — идет к Елизавете; и в то время, когда она находится у Елизаветы, произносит *Magnificat*¹. Чувства Марии, отразившиеся в этом всплеске хвалы Богу, столь возвышенны, что было бы неудивительно, если бы автор повествования подчеркнул его значение тем, что привел бы лишь минимум

---

¹ *Magnificat* (лат.) — начальное слово гимна Марии «Величит душа моя Господа...» (Лк. 1-46), от которого весь гимн получил свое название.

сопутствующих ему фактов и не включил бы в данный рассказ каких-либо других элементов. Однако Лука поступает иначе. Прежде всего, он сообщает нам, что сказала Марии и о Марии Елизавета: «...Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное ей от Господа» (1:45). Марии были даны потрясающие обетования, и Лука подробно их описывает; однако при каждом удобном случае он подчеркивает, что вера в эти обетования не возникает механически, сама по себе. Захария не смог поверить; и если поверила Мария, то это следовало расценивать не как нечто само собой разумеющееся, а как событие особое.

После того как Мария вернулась домой, Елизавета родила своего сына, который на восьмой день был обрезан и получил имя Иоанн. Когда Лука будет говорить о наречении ребенка Марии, он скажет только, что «...по прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать *Младенца*, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве» (2:21). При желании Лука мог бы сделать так, чтобы в рассказе 4 (см. 1:57-66) в такой же краткой форме было сказано о рождении, обрезании и наречении Иоанна Крестителя, после чего без промедления перейти к рассказу 5 (см. 1:67-79) о пророчестве, произнесенном Захарией над своим новорожденным сыном. Однако каким бы величественным само по себе ни было это пророчество, являясь выражением веры в древние пророчества (см. 1:70), в Божий завет (см. 1:72) и в Божью клятву (см. 1:73), мы вполне можем не увидеть его значимости в той степени, в которой ее видел Лука, если оставим без серьезного внимания некоторые, намеренно включенные им в рассказ 4 подробности. Восемь стихов, в которых ярко описаны семейные события (см. 1:57-64), содержат в себе куль-

минацию: к Захарии возвращается дар речи. Мы, разумеется, вспоминаем, что он был лишен речи за свое неверие в слова ангела, и теперь можем сделать вывод, что за прошедшее время вера к Захарии вернулась; он поступает согласно повелению ангела и вопреки всем возражениям называет своего сына Иоанном. Лука посвятил еще два стиха (см. 1:65-66) описанию того впечатления, которое произвел на окружающих переход Захарии от немоты неверия к красноречию веры. Мы достигли кульминации, которая входила в замысел Луки уже тогда, когда он писал рассказ 1.

Прервемся, чтобы подвести некоторые итоги. В следующей главе мы будем подробно рассматривать смысл этих первых пяти рассказов. А пока мы привели их лишь в качестве примера, который должен продемонстрировать, что внимание, проявленное к тому, как Лука отбирает материал для своего повествования и какие пропорции ему придает, а также к темам, развиваемым на протяжении ряда рассказов, поможет нам понять, каким образом он сам относится к описываемым им событиям. В этих пяти рассказах он описывает чудесное рождение Иоанна и непорочное зачатие Христа. В определенном смысле значение этих двух чрезвычайно важных событий таково, что уже сами по себе они затмевают любые сопутствующие фактические подробности. Однако Лука решил не просто изложить эти события в качестве объективных фактов, чтобы мы истолковывали их как нам заблагорассудится. Он просит нас посмотреть на них через призму субъективного опыта тех, кто первым услышал о грядущих событиях, и многократно подчеркивает, как в связи с этим должна была проявиться их вера. В частности, Лука подроб-

но прослеживает борьбу одного человека со своим скептицизмом — от первоначального поражения к последующей победе. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что Лука писал свой труд для того, чтобы Феофил «узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (1:4). Возможно, что Феофил, призванный уверовать в столь важные события, описанные Лукой, в прошлом относился к Захарии с некоторым сочувствием.

Остается вопрос о принципах расположения материала в Евангелии. Как правило, Лука следует хронологическому порядку, но встречаются и исключения. Рассмотрим один маленький пример. Рассказывая о служении Иоанна Крестителя (см. 3:1-20), Лука доводит повествование до того момента, когда Иоанна бросают в тюрьму. После описания того, как Иоанна бросили в тюрьму (см. 3:20), он переходит к рассказу о крещении Христа (см. 3:21-22), которое, разумеется, состоялось до этого события и, более того, было совершено Иоанном, хотя Лука об этом и не упоминает. В этом нет ничего странного. Отступая от строгого хронологического порядка, Лука не фальсифицирует историю: он просто завершает одно историческое Действие, чтобы затем перейти к следующему, пусть оно и началось раньше, чем закончилось первое.

Это вполне правомерно, и так поступают многие историки и биографы. Но даже тогда, когда Лука описывает два события в строгой хронологической последовательности, а в большинстве случаев это именно так, зачастую становится ясно, что хронологическая последовательность — не главное, что связывает описываемые события между собой. Так, например, в 18:1 Лука сообщает, что наш Господь рассказал прит-

чу. В 18:9 он говорит, что Господь рассказал еще одну притчу. Надо полагать, что первая притча предшествовала второй, хотя какой временной промежуток разделяет эти притчи и были ли они рассказаны по одному и тому же случаю, остается неизвестным. Возможно, хронологическая последовательность притч и имеет свое значение, однако гораздо более очевидно значение того факта, что в обеих притчах речь идет о молитве (подробнее см. Часть Вторая, раздел В iii (а)) и первая напоминает нам, что наши молитвы или их отсутствие показывают, что мы думаем о сущности Бога, а вторая — что в наших молитвах может открыться, порой, с исчерпывающей красноречивостью, что мы думаем о самих себе.

Или возьмем, к примеру, рассказы о слепом нищем (см. 18:35-43) и о сборщике податей Закхее (см. 19:1-10). Здесь Лука подробно характеризует как хронологическую, так и географическую связь между двумя эпизодами: первый произошел, «когда... подходил Он к Иерихону», второй — когда Иисус «вошел в Иерихон и проходил чрез него». Является ли это единственным, что объединяет два эпизода? Отнюдь! Первый эпизод — это рассказ о спасении: «вера твоя спасла тебя» (18:42). То же самое можно сказать и о втором эпизоде: «ныне пришло спасение дому сему» (19:9). Герой первого эпизода беден, второго — богат. Один жил милостыней; и спасение освободило его от необходимости заниматься этим унижительным ремеслом. Второй жил на доходы от сбора податей, а также в определенной степени, что видно из 19:8, от вымогательства; и спасение также освободило его от занятия постыдным делом.

Однако это еще не все. За восемь стихов до начала рассказа о слепом нищем Лука поместил следу-

ющую тему: «как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Слушатели: «кто же может спастись?» Христос: «невозможное человекам возможно Богу» (18:24-27). Трудно сказать, сколько времени прошло между этой беседой и случаем со слепым нищим. Судя по повествованию Луки (см. 18:21-34), можно сделать вывод, что какое-то время прошло, а из Мк. 10:23-45 мы знаем, что в течение этого времени произошел другой случай, когда к Христу обратились с просьбой сыновья Зеведея. Таким образом, с хронологической точки зрения могло пройти достаточно времени, чтобы к тому времени, когда ученики оказались свидетелями спасения сначала нищего, а затем Закхея, эта беседа уже выветрилась из их памяти. Однако обратите внимание, что Лука так организовал свой материал, что лишь семь стихов повествования (см. 18:28-34) разделяют окончание беседы и начало рассказов о спасении. Разве забудут читатели слова Христа о том, что для богача почти невозможно получить спасение, к тому времени, когда через семь стихов Лука будет рассказывать о спасении нищего бедняка и — чудо из чудес — сборщика податей, разбогатевшего неправедным путем? Если и забудут, то вряд ли в этом будет виноват Лука.

Но и это еще не все. После рассказа о слепом нищем (см. Мк. 10:46-52) Марк сразу же переходит к восхождению в Иерусалим (см. 11:1). Лука же вставляет между этими двумя сюжетами (см. 18:43 и 19:29) не только рассказ о Закхее (см. 19:1-10), но и притчу о минах (см. 19:11-28), которая служит кульминацией тщательно разработанной и оформленной темы: тем, у кого есть имущество или богат-

ство, трудно обрести спасение; однако с помощью Бога возможно и это; пример того, как Христос спас и бедного, и богатого, сделав нечестивого сборщика податей благотворителем; и затем притча, в которой Христос учит Своих учеников относиться к тому, чем они владеют, как к доверенной им священной собственности Христа, за распоряжение которой им предстоит держать ответ по Его возвращении.

Итак, если наш подход верен, то получается, что Лука использует исходно независимые друг от друга элементы беседы и проповеди, а также разнообразные события, независимые в том смысле, что все они происходили в разное время и в разных местах, и, произведя тщательный отбор, располагает их таким образом, что в композиционном отношении они формируют восходящий ряд объединенных общей темой уроков. Он добивается своей цели, не изменяя при этом смысла или значения исходных элементов: являясь частью единого восходящего ряда, они сохраняют то же значение, что изначально, — когда выступали в качестве независимых друг от друга событий или бесед. Двадцать жемчужин, каждая из которых прекрасна и ценна сама по себе, не утрачивают ни единой частички своей красоты и ценности, если они нанизаны на одну нить и превратились в ожерелье. С другой стороны, ожерелье — это нечто большее, чем набор разрозненных жемчужин. То же самое можно сказать и о рассмотренном нами восходящем ряде элементов в повествовании Луки: каждый из них вносит в повествование что-то свое, дополняет общую картину, делает ее более гармоничной, законченной. Таким образом, если читатель обратится к данному разделу Евангелия от Луки, же-

лая ознакомиться с учением нашего Господа о богатстве, он сможет с полным правом воспользоваться Его словами о том, что богатым почти невозможно обрести спасение, и построить на основании этого проповедь с предостережением всем богатым людям о том, что владение богатством — чрезвычайно опасная вещь. Лучше быть бедным, чем упустить спасение. Такая проповедь была бы правдой, но не всей правдой. Для того чтобы люди получили более полное представление об этом вопросе, проповеднику пришлось бы, наверное, в скором времени прочитать еще одну проповедь, на этот раз — о Закхее. Сограждане презирали Закхея и подвергли его остракизму за то, что он сколачивал свое состояние постыдным способом, но Христос принял Закхея и даровал ему спасение, чем немало огорчил добродетельных местных жителей, многие из которых — увы — вообще не обрели спасения! Разумеется, во второй проповеди следовало бы обязательно подчеркнуть, что, как явствует из рассказа Луки, Христос не стал поощрять вымогательство Закхея, но в корне изменил к лучшему его отношение к материальным вещам. Для того чтобы закрепить этот урок и рассмотреть его на новом, более высоком, уровне, в следующей проповеди используется притча о минах и тем самым подчеркивается, что для того, чтобы избежать опасностей, сопряженных с богатством, недостаточно просто воздерживаться от вымогательства или не иметь ни гроша и выпрашивать на жизнь у окружающих, как это делал слепой до того, как получил спасение; лишь ответственный подход к нашим «минам» — подход служителей, которые готовы дать отчет перед Христом, будет одобрен Христом, когда Он вернется и потребует от нас этого отчета.

Разумеется, если Лука посредством отбора и композиции преобразил исходные элементы в восходящий ряд взаимодополняющих уроков, объединенных общей темой, это не означает, что он поступил точно так же во всех остальных разделах Евангелия. Вполне возможно, что какие-то элементы Евангелия являются в смысловом отношении самодостаточными. Они имеют значение сами по себе и напрямую не связаны с контекстом Евангелия. Если в дальнейшем мы столкнемся с такими элементами, стоит отнестись к этому с пониманием. Тем не менее, мы начинаем нашу книгу, исходя из того, что полезно проследить между соседними фрагментами повествования тематическую взаимосвязь. Следует признать, что существует опасность настолько увлечься поиском тематических взаимосвязей, что они начнут встречаться даже там, где их на самом деле нет, и не нужно думать, что автор всегда успешно избегает этой опасности. В области, находящейся на границе экспозиционного анализа и гомилетики¹, риск начать возводить сказочные замки субъективизма больше, чем в более строгой сфере экзегетики, где нет места воображению. Однако автор данной книги с готовностью полагается на критическое чутье своих читателей. Он не рассчитывает, что ему удастся их убедить в том, что в каждом случае его видение смысла и тематических взаимосвязей совпадает с видением Луки. Автор будет вполне удовлетворен, если

---

¹ *Экспозиционный анализ, согласно традиции которой следует профессор Гудинг, относится к рассмотрению всего текста в целом. Сюда входит рассмотрение тематических повторов, кульминационных моментов повествования, метафор, ассоциаций. Он направлен на выявление смысла каждого фрагмента текста, и смысла текста в целом. Экспозиционный анализ можно также назвать литературной критикой текста. Гомилетика — раздел богословия, излагающий принципы церковного проповедничества (прим. ред.).*

его книга окажет хотя бы какую-то помощь тому, кто захочет лучше уяснить себе значение написанного Лукой.

Еще одно замечание, и мы сможем приступить к основной части работы. В исследованиях определенного уровня важно разграничивать то значение, которое видел в словах и делах Христа Лука, и дополнительное значение, которое видим в них мы, рассматривая их в свете последующих откровений Святого Духа в Посланиях апостолов. Исходя из того, что источником и Посланий, и Евангелия неизменно является Святой Дух, мы посчитали, что в данной книге необязательно постоянно проводить подобное разграничение¹.

---

¹ *Принимая во внимание учебный характер этой книги, хотелось бы заметить, что она принесет наибольшую пользу тому, кто сначала ознакомится с повествованием Луки, а затем, в процессе чтения данного комментария, будет постоянно соотносить последний с библейским текстом.*

*ЧАСТЬ ПЕРВАЯ***ПРИХОД ХРИСТА***ЭТАП 1***БОГОВОПЛОЩЕНИЕ****Предварительный обзор**

Нет сомнений, что исходная цель первых двух глав Евангелия от Луки — засвидетельствовать воплощение Сына Божьего. Любое изложение этих глав будет неверным, если мы не уделим достаточного внимания этому уникальному событию, значение которого невозможно переоценить. Тем не менее, Лука не ограничивается одной лишь констатацией факта воплощения, подобной тем величественным словам, которые мы читаем в четвертом Евангелии: «И Слово стало плотию и обитало с нами» (Ин.1:14). Он сопровождает рассказ о воплощении целым рядом других рассказов. Очевидно, что их основное назначение — сообщить о подготовке к пришествию Христа, о Его непорочном зачатии и рождении, о Его младенчестве и детских годах. В чем еще состояло назначение этих рассказов станет ясно после того, как мы внимательно проанализируем их содержание, объем и композицию.

Событие, описываемое в Евангелии вслед за рассказом 10, отделено от последнего промежутком в восемнадцать лет (3:1). Таким образом, бросается в глаза, что первые десять рассказов тесно связаны между собой и образуют единую группу.

Рассматривая Этап 1, мы выделяем следующие десять рассказов, составляющих единую группу:

1	1:5-25	Захария в храме.
2	1:26-38	Благовещение Марии.
3	1:39-56	Мария приходит к Елизавете; Magnificat Марии.
4	1:57-66	Рождение и наречение Иоанна.
5	1:67-80	Пророчество Захарии.
6	2:1-7	Рождение Иисуса в Вифлееме.
7	2:8-20	Ангел посылает пастухов к яслям Иисуса.
8	2:22-35	Пророчество Симеона.
9	2:36-40	Пророчество Анны.
10	2:41-52	Мальчик Иисус в храме.

У нас уже была возможность обратить внимание на внутреннюю композицию этих рассказов (см. выше раздел «Исходные посылки и методы исследования Евангелия от Луки»). Теперь давайте рассмотрим композицию самой группы и подумаем, какие из этого можно сделать выводы.

Мы видим, что, хотя все рассказы представляют собой единый поток повествования, Лука не позволяет этому потоку увлечь читателя так, чтобы он переходил от рассказа к рассказу без остановок. Время от времени Лука прерывает повествование, вставляя какие-то общие замечания или кратко подытоживая тот или иной рассказ, и, как правило, указывает временной промежуток между одним рассказом (или группой рассказов) и другим. В таблице расположение рассказов будет выглядеть следующим образом:

Рассказ 1 1:5-23 Захария в храме.

«После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев, и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми» (1:24-25).

Рассказ 2 1:26-38 Благовещение Марии.

Рассказ 3 1:39-55 Мария приходит к Елизавете; Magnificat Марии.

«Пребыла же Мария с нею около трех месяцев и возвратилась в дом свой» (1:56).

Рассказ 4 1:57-66 Рождение и наречение Иоанна.

Рассказ 5 1:67-79 Пророчество Захарии.

«Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (1:80).

Рассказ 6 2:1-7 Рождение Иисуса в Вифлееме.

Рассказ 7 2:8-20 Ангел направляет пастухов к яслям Иисуса.

«По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве» (2:21).

Рассказ 8 2:22-35 Пророчество Симеона.

Рассказ 9 2:36-39 Пророчество Анны.

«Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (2:40).

Рассказ 10 2:41-51 Мальчик Иисус в храме.

«Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков» (2:52).

Исходя из такого расположения, можно выделить четыре пары рассказов, причем первый и последний будут обособленными и не войдут ни в одну из этих пар. Такое деление естественным образом вытекает из структуры повествования. Рассказ 1 отделен от рассказа 2 как тематически, так и во времени: между описанными в рассказах событиями проходит пять месяцев (см. 1:24).

Рассказы 2 и 3 объединены родственными сюжетами и единым временным промежутком. В рассказе 2 ангел сообщает Марии о чудесной беременности Елизаветы и сразу после того, как он ее покидает, Мария «во дни сии» (1:39) отправляется к Елизавете (рассказ 3). И напротив, нам прямо сообщается, что между Magnificat Марии, которым заканчивается рассказ 3, и событиями, о которых пойдет речь в рассказе 4, прошло три месяца.

Рассказы 4 и 5 естественно складываются в новую пару. Сюжеты этих рассказов тесно взаимосвязаны между собой: в рассказе 4 Захария вновь обретает дар речи, а в рассказе 5 он тотчас же использует его, чтобы произнести свое великое пророчество. Следующее по окончании рассказа 5 указание на временной промежуток обращает наше внимание на многие годы, которые должны были пройти, прежде чем Иоанн начал свое служение перед народом; поэтому, чтобы вернуться к началу рассказа 6, нам приходится сделать несколько шагов назад.

Рассказы 6 и 7 тоже естественно складываются в пару: после рождения Христа в Вифлееме в ту же самую ночь к Его яслям приходят пастухи. А в конце рассказа 7 сначала упоминается промежуток в семь дней (см. 2:21), и затем (см. 2:22) еще один промежуток в тридцать два дня (обряд очищения совершался через сорок дней после рождения ребенка).

Между рассказами 8 и 9 опять-таки нет указания на временной промежуток, ибо этого промежутка и не было. Анна подходит к Иисусу с Марией и Иосифом «в то время» (2:38), когда Симеон заканчивает свое пророчество. Однако вполне естественно, что указание на временной промежуток разделяет рассказы 9 и 10: между описанными в них событиями прошло около двенадцати лет (см. 2:42).

И наконец, последний рассказ. Он обособлен от других, и его увенчивает еще одно общее замечание, которое относится к промежутку примерно в восемнадцать лет, отделяющему десятый рассказ от событий, описываемых далее.

Этот анализ явно говорит о том, что Лука последователен в своем стремлении зафиксировать точное время происходивших событий. Совершенно очевидно, что он считал, что фиксирует реальные, исторически регистрируемые факты, а не создает мифы или излагает всем известные истины в мифологической форме. Как мы увидим в дальнейшем (см. ниже раздел, посвященный Рассказам 2 и 3), это уже само по себе настолько важно, что можно подумать, будто расположение материала, относящегося к первому этапу повествования, целиком и полностью объясняется желанием Луки точно придерживаться хронологической последовательности событий. Однако нам необходимо вспомнить об оставшихся без ответа вопросах, которые мы сформулировали в отношении рассказа 10 во вводном разделе «Исходные посылки и методы исследования Евангелия от Луки». Почему Лука выбрал только один рассказ о детских годах Иисуса, поместив его обособленно от других пар рассказов, в самом конце группы? Кроме того, открывающий группу рассказ 1 также обособлен от прочих. Необходимо рассмотреть

эти два рассказа более подробно. Быть хронологически точным для Луки очень важно, но, возможно, он преследует здесь и другие цели.

В рассказе 1 речь идет о пожилом человеке, ведущем служение в храме, причем ключевым элементом рассказа как раз и является его возраст. В рассказе 10 говорится о пришедшем в храм мальчике, и опять же сила рассказа основана на том, что поразившему учителей закона своими вопросами и ответами мальчику исполнилось всего лишь двенадцать лет. «Звучит любопытно, но легковесно», — возможно скажете вы. Давайте рассмотрим этот вопрос более глубоко. В рассказе 1 ставится вопрос, могут ли пожилые супруги вопреки всем законам природы стать родителями? В рассказе 10 тоже говорится о родителях, но в совершенно другом контексте. Обращаясь к мальчику, Мария говорит: «Чадо! что Ты сделал с нами? вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя. Он сказал им: ...или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» «...Отец Твой и Я», «Отцу Моему»... Нет сомнений, что мальчик говорит здесь о Своем сверхъестественном родстве.

Супруги, чудесным образом ставшие родителями, и сверхъестественное родство. Вполне очевидно, что и сходства, и различия между рассказами 1 и 10 не случайны и имеют большое значение. В этих рассказах Лука обращает наше внимание на два чудесных обстоятельства, сопутствовавших труду искупления. Причем перед нами не просто подробное свидетельство о чудесах, которыми, что вполне очевидно, сопровождался приход в наш мир Христа. Рассказы о них взаимодополнительны: они говорят нам, что для нашего искупления были необходимы два существенно различных между собой чуда.

Захария и его жена были уже в преклонных годах и по дряхлости своей не могли продолжить свой род. Ребенок у них мог родиться только в том случае, если бы удалось обратить вспять естественный процесс биологического старения и распада (см. 1:7,18), а Елизавету избавить от ее врожденного бесплодия. Конечно же, это могло сделать только чудо, но если, как сначала подумал Захария, такое чудо невозможно, то разве можно тогда всерьез говорить об искуплении? В лучшем случае искупление грехов окажется просто неудачно выбранным выражением. Новое тело, не имеющее ничего общего со старым, новый мир, не имеющий ничего общего со старым, — все это, конечно, замечательно, но никак не связано со спасением через искупление грехов. Это спасение предполагает обращение вспять происходящих в природе процессов разложения, обновление умирающих тел, воскресение мертвых и восстановление духовно падших.

Однако чудеса такого рода — лишь половина истории искупления. Происхождение Иисуса связано с чудом иного рода: не с восстановлением природы в ее первоначальном состоянии, в котором она находилась до падения человека, но с введением в природу доселе ей неведомого — с человеческим рождением Того, Кто был одновременно и человеком, и Богом. Подчеркну еще раз: если нет чуда небесного отцовства Христа, то нет и искупления. Ни один обычный человек, каким бы святым он ни был, не смог бы предложить себя в качестве жертвы, достаточной чтобы понести на себе грех мира и воскресить жизнь в мертвых телах бесчисленного множества уверовавших в него людей.

Таким образом, на наш взгляд, напрашивается следующая вывод: Лука завершает повествование о воплощении Иисуса Христа рассказом 10 потому, что его содержание перекликается с содержанием рассказа 1.

Теперь, познакомившись с тем, как Лука отбирает и располагает материал, относящийся к первому этапу повествования, мы должны выяснить, существует ли какая-то тема (или темы), объединяющая несколько рассказов. Частично этот вопрос уже обсуждался во вводном разделе. Мы видели, что в рассказах 1 — 5 говорится о реакции Захарии, Елизаветы и Марии на возвешение им грядущих чудесных событий. Мария поверила в то, о чем ей было возвешено, а впоследствии получила особое свидетельство, подтвердившее и укрепившее ее веру. Захария сначала не верил словам ангела, однако в конце концов вера вернулась к нему, достигая своего апогея в рассказах 4 и 5. В рассказах 6 — 10 мы вновь встречаемся с темой реакции на происходящие события, однако теперь речь идет об отношении Марии к тому, что происходит с ее Сыном, что начинают о Нем говорить окружающие и что Он начинает говорить о Себе Сам. Так же, как и в первых пяти рассказах, здесь мы не найдем в Марии неверия. Однако если в этих рассказах и Мария, и Захария, и Елизавета должны были поверить в грядущие, еще не случившиеся чудеса, теперь же, в рассказах 6 — 10, когда великое чудо Боговоплощения уже произошло, необходимо попытаться увидеть и понять, каково значение этого чуда и связанных с ним новых событий. Но Марии, которой не составило большого труда поверить в грядущее чудо, оказывается трудно понять и принять то, что следовало из уже произошедшего чуда.

В рассказах 6 и 7 говорится, что, по указу императора Августа, Мария должна была идти в Вифлеем. Там ей пришлось время рожать ребенка. Случилось так, что новорожденного пришлось положить не в колыбель на постоялом дворе, а в ясли для скота. Всего через несколь-

ко часов, в ту же самую ночь, к яслям приходят пастухи и, объясняя, откуда они узнали местонахождение Иисуса, рассказывают необычайную историю и сообщают о Нем немало удивительного. Все, кто слышал их, пришли в изумление; но Мария «сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (2:19).

В рассказах 8 и 9 Мария и Иосиф «дивились сказанному (Симеоном — Д.Г.) о Нем (об Иисусе — Д.Г.)», после чего, обращаясь к Марии, Симеон прибавил, что придет день, когда из-за того, что произойдет с ее Сыном, ее поразит горе (2:33-35).

Наконец, как мы уже видели, рассказ 10 обращает наше внимание на тревогу, которую ощущали Мария и Иосиф, когда на какое-то время потеряли своего Сына, а также — на изумление, которое они испытали, когда увидели, чем Он занимался, затем — на высказанное обеспокоенной Марией неодобрение и, наконец, — на то, что ни Мария, ни Иосиф не поняли Его ответа (см. 2:48-50).

Можно заметить нарастающее напряжение повествования: сначала идет только один стих (см. 2:19), в котором говорится, что Мария продолжала размышлять о происшедшем, затем — три стиха, в которых описывается удивление Иосифа и грядущая скорбь Марии (см. 2:33-35), и наконец, — целый рассказ о горе, тревоге и изумлении, которые испытывали Иосиф и Мария, и о том, что они так и не поняли слов Иисуса (см. 2:43-51). Мы видим, в каком направлении развивается эта тема реакции на происходящие события. Если в рассказах 1-5 Захария проходит путь от неверия до апогея веры, то в рассказах 6 — 10 удивление и заинтересованность Марии, размышляющей над происходящим, сменяются сначала дурными предчувствиями, а затем — тревогой и непониманием.

Мы еще вернемся к затронутой теме, а пока сформулируем выводы, вытекающие из нашего предварительного обзора: нет никаких сомнений, что на первом этапе своего повествования Лука с хронологической точностью излагает объективные и имеющие огромное значение факты зачатия и рождения Иоанна Предтечи, а затем — зачатия и рождения Христа. Более того. Отобранный им материал, сравнительный объем рассказов и их расположение ставят эти факты в нужную перспективу: согласно авторскому замыслу, мы должны знакомиться с объективными событиями, но обращать главное внимание на субъективное отношение к этим событиям Захарии, Елизаветы, Марии и Иосифа. Получается, что мы как бы смотрим на происходящее их глазами. При анализе их реакции на происходящее, мы обнаружим, что анализируем при этом и свою собственную реакцию. С другой стороны, их субъективное отношение к событиям — тоже часть истории и является для нас таким же объективным историческим фактом, как и рождение Иоанна или рождение Иисуса. Наша оценка свидетельств об этих двух чудесных рождениях обязательно должна включать в себя оценку характера, желаний, поступков, веры или скептицизма тех, кто были главными действующими лицами в этих знаменательных событиях.

Действие 1. Последние часы перед рассветом (1:5-80)

Рассказ 1. Захария в храме (1:5-25). Если, заимствуя образное выражение Захарии, мы назовем рождение Христа «светлой зарей с небес» (1:78 — *перев. с греч. В.Н. Кузнецовой*¹), то можно сказать, что гл. 1 Евангелия от Луки рассказывает о последних часах перед

---

¹ См. *Капитальные Евангелия / Пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. М., 1992. Далее цит. как «пер. В.Н. Кузнецовой»* (прим. перев.).

рассветом. Это была долгая ночь, временами — очень мрачная для Израиля. Но на всем ее протяжении — будь то во времена национального подъема или катастроф, пленения или возвращения из плена — не угасала надежда на то, что ночь эта в конце концов закончится и, как сказал Малахия, «взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Малах. 4:2). Исайя говорил в своем пророчестве (Ис. 40:3-8), что, прежде чем «явится слава Господня», будет послан Предтеча, который подготовит путь Господу. Малахия добавил, что перед наступлением Дня Господня Бог пошлет пророка Илию, который «обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я пришел не поразил земли проклятием» (Малах. 4:5-6). И вот, более 400 лет спустя после пророчества Малахии, эта ночь, которой, как казалось, не будет конца, кончалась: вот-вот должна была заняться заря. Начались великие приготовления; Божий замысел, возникший в глубинах вечности, стал воплощаться в реальность. Пришло время для рождения Предтечи. Человека по имени Захария и его жену Елизавету, уже давно избранных быть его родителями, ныне следовало известить о грядущем рождении и наставить в том, как воспитать ребенка в строгости, которая бы отвечала его будущему служению, столь же уникальному, каким было служение Илии (1:13-17). Итак, за несколько месяцев до грядущей зари, к Захарии был послан ангел Гавриил, сообщивший ему, что у него и у его жены в скором времени родится ребенок. Захария же отказался ему верить!

Неверие Захарии, проявленное им в этот критический момент истории, несомненно, придает повествованию глубокий драматизм. Однако можно твердо сказать, что, сообщая нам об этом, Лука руководствуется не только своим тонким чутьем писателя. И дело не

только в том, что Лука стремится поставить жизнь и служение Иоанна Крестителя в контекст связанных с ними исторических событий и поэтому рассказывает о таких подробностях, как проявленное Захарией неверие. Требования хронологической точности и историчности были бы соблюдены даже в том случае, если бы рассказ о временном неверии Захарии был опущен, а раз уж честность Луки заставила его о нем упомянуть, то, исходя из чувства великодушия, можно было бы сделать это кратко. Однако рассказ Луки полон самых разнообразных подробностей. Почему? Видимо, потому, что, по мнению Луки, временное неверие Захарии связано с очень важными вопросами, требующими пристального внимания.

Сначала давайте рассмотрим причины неверия Захарии, исходя из того, что сообщает о них Лука. Дело было не в том, что Захарию ошеломила неожиданная весть ангела и по своему искреннему смирению он не смог поверить, что именно ему и его смиренной жене оказана высокая честь стать родителями Предтечи. В этом случае он мог бы ответить ангелу, подобно тому, как некогда ответил Господу Гедеон: «Вот, и племя мое... самое бедное, и я в доме отца моего младший» (Суд. 6:15). На самом же деле Захария сказал следующее: «...По чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в годах преклонных» (1:18). Вот почему ему трудно было в это поверить: лишь чудо божественного вмешательства могло привести к тому, чтобы у него и у его жены появился ребенок. Захария считал такое чудо настолько маловероятным, что, даже когда о нем объявил Божий ангел — в чем Захария не сомневался, — он оказался не готовым в это поверить, по крайней мере, пока у него не появились более твердые основания для такой веры, нежели просто слова ангела.

Надо полагать, Захария не обдумывал своего ответа; наверное, поэтому в его ответе видна досадная, граничащая с бессмысленностью непоследовательность.

Ведь Захария не был ни атеистом, ни деистом. Он был даже не простым прихожанином. Он был священником, который в момент появления перед ним ангела совершал утреннее богослужение в храме, выступая от имени собравшегося снаружи народа. Более того, из уст ангела мы узнаем, что Захария обращался к Богу в своих молитвах, чтобы Бог даровал ему ребенка. Какой смысл просить Бога о том, чего нельзя получить, полагаясь на одни лишь силы природы, и при этом верить, что Бог никогда не будет вмешиваться в действие этих сил?

Справедливости ради следует предположить, что и Захария, и его жена просили Бога о ребенке, пока оставались в пределах детородного возраста. В таком случае их просьба состояла лишь в том, чтобы Творец чуть подтолкнул силы природы и они сделали бы то, что должны были делать согласно Его замыслу. Теперь же и Захария, и Елизавета уже давно вышли из такого возраста. Для того, чтобы у них появился ребенок, требовалось вмешательство Творца, Который бы обратил вспять процессы старения и распада. И не исключено, что, перейдя через определенный возрастной рубеж, Захария и Елизавета перестали просить Бога о ребенке, думая, что эти процессы старения и распада также являются частью замысла Творца и что Он не будет вмешиваться, чтобы изменить установленные Им же Самим процессы.

Если бы обычный человек отказался поверить слову ангела в каком-то касающемся только его лично деле, это само по себе внушило бы серьезную тревогу. Однако, как мы уже заметили, Захария ко времени посеще-

ния его ангелом был не простым человеком, а священником, официально выступавшим от имени народа Божьего. Более того, добрая весть, которую ангел сообщил Захарии, была не просто адресованным ему лично Благовещением: как подробно объяснил ангел (см. 1:15-17), она являлась преддверием и неотъемлемой частью собственно Благой вести. И тем не менее Захария отказывается верить Благовещению, и в основе его неверия лежит то, что может поставить под сомнение всю Благоую весть в целом. Если бы Бог не мог возродить Елизаветиной способности к деторождению, разве оставалась бы надежда на то, что все творение когда-либо будет освобождено от рабства тлену? Если бы Бог не мог вдохнуть новую жизнь в старевшее и умиравшее тело Елизаветы, как бы Он смог поднять из гробницы мертвое тело Иисуса Христа, пролежавшее там в течение трех дней? А если такое воскресение невозможно, то тогда никогда не будет возможным и никакое другое воскресение. В словах заявившего о своем неверии Захарии прозвучало то, что ставило под сомнение всю Благоую весть, хотя сам он об этом и не подозревал.

Мы узнаем, что ангел лишил его дара речи. Это не был акт возмездия или произвола. Через несколько минут после беседы с ангелом Захарии предстояло выйти из храма и, поскольку это был день его священнического служения, произнести над ожидавшими его людьми Божье благословение. Но если священник не в состоянии поверить твердому слову Божьего ангела из-за того, что не может согласиться с возможностью божественного вмешательства, которое повернуло бы вспять процессы природного распада, это значит, что такой священник утратил веру в основополагающий принцип искупления грехов (см. Рим. 8: 20-24). Без веры в искупление не остается и благой вести. А без благой вести

любое, произнесенное им над народом благословение будет всего-навсего пустой обрядовой формальностью. Раз Захария не поверил ангелу, ему не стоило делать вид, что он может кого-то благословить. Поэтому ангел и лишил его дара речи.

Обратим теперь внимание на то, что Лука не относится к Захарии с предубеждением. Подробно рассказывая о его неверии, он не хочет тем самым дать понять, что ставит под сомнение его приверженность священническому служению или нравственные качества. Лука подчеркивает, что, будучи священником, Захария взял себе в жены женщину из священнического рода Аарона (см. 1:5), а в том, что касалось его нравственных качеств и святости в личной жизни, то «...оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно» (1:6). Однако религия Израиля далеко не исчерпывалась нравственной жизнью и следованием обрядам. Израильские пророки и священство и даже самое существование Израиля должны были служить свидетельством реальности искупительного Божьего вмешательства в жизнь природы и в людские дела. Например, нет никаких сомнений, что в Израиле были священники и до исхода из Египта, однако особый удел Израиля среди народов — быть царством священников (см. Исх. 19:4-6) — явился непосредственным историческим итогом чудесного Божьего вмешательства в природу (египетские казни и чудо у Красного моря) и спасительного Божьего заступничества во время Пасхи. Также и служившие при священниках левиты обязаны существованием своего института Божьему вмешательству во время египетской Пасхи (ср., Исх. 13:11-16. и Числ. 3:1-13). Более того, приведенные выше убедительные исторические примеры Божьего вмешательства в за-

щиту Израиля считались не только делом прошлого: Израиль видел в них обязательство и прообраз Божьего вмешательства в будущем, целью которого будет восстановление всего сущего. Каждый год церемония празднования Пасхи, в которой принимал участие и Захария, была воспоминанием о прошлом и одновременно предвестием искупительного божественного вмешательства в будущем.

Поэтому когда священнику Захарии явился ангел, объявив ему, что Бог услышал его молитву и вскоре исполнит Свои обетования о том, что грядет пришествие Мессии, Который восстановит все сущее, и что Захария избран стать отцом Предтечи Мессии, для него как для священника в этом не должно было быть ничего удивительного. В то же время, его отказ верить ангелу из-за того, что чудесное божественное вмешательство казалось ему невероятным, делал бессмысленной ту самую веру, которую он по долгу службы должен был олицетворять и поддерживать.

Впрочем, у нас нет оснований думать, что отказ Захарии верить ангелу отражал его тщательно продуманную позицию и что Захария прослеживал вытекавшие из его неверия выводы до логического конца. Скорее всего, это был спонтанный и до конца неосознанный миг неверия Богу и Его Слову, присущего человечеству со времен грехопадения. Это неверие, сколь бы сильно оно ни подавлялось следованием религиозным обрядам и послушанием, может вновь и вновь заявлять о себе, когда мы забываем, насколько оно опасно. Рассказ о неверии Захарии — напоминание о том, что наше неверие сегодня в значительной мере проистекает из того же источника. Мы льстим себе, когда думаем, что оно обусловлено научным мировоззрением. К счастью для Захарии, его неверие было временным. Как бы там ни было,

оно не воспрепятствовало исполнению Божьего замысла. Вскоре после того, как закончился черед его священнического служения и он вернулся домой, Елизавета зачала.

Рассказы 2 и 3. Благовещение и Magnificat (1:26-56). А теперь мы должны на некоторое время расстаться с Захарией и с кругом вопросов, связанных с неверием в возможность божественного вмешательства, которое он сначала выказал. Мы еще вернемся к этой теме, а пока Лука просит нас обратить внимание на Марию и на связанный с ней рассказ, а, точнее, на два рассказа: «Благовещение» и «Magnificat». В одном из них объясняется, почему Мария забеременела до брака, в другом описывается ее отношение к своей беременности. По крайней мере, если повествование Луки исторично, то события развивались именно так.

Но исторично ли оно? Традиционно ответ на этот вопрос был утвердительным. Он остается утвердительным и по сей день. Однако за последние десятилетия все более частыми и громкими становятся голоса, заявляющие об обратном. Многие считают, что рассказы Луки и Матфея о Боговоплощении имеют весьма сомнительную историческую ценность. Впрочем, нередко добавляют скептики, это и не важно, так как их рассказы в принципе не историчны. Это образные изложения богословских постулатов об Иисусе, религиозные мифы. А значит, можно отрицать Боговоплощение как исторический факт и в то же время верить в истину, которая отразилась в Боговоплощении как мифе¹.

---

¹ См., например: Бульман Р. *Новый Завет и мифология: (Проблема демифологизации повозаветного провозвестия)* // *Социально-политическое измерение христианства. Избранные теологические тексты XX века.* — М., 1994. — Раздел Б. 1. «Без вычеркиваний и сокращений». — С. 308.

В данный момент было бы неуместно (да и невозможно) анализировать и даже излагать, в чем именно состоит истина, «отразившаяся в Боговоплощении как мифе»; среди ученых, разделяющих так называемую теорию мифа, существуют разные мнения на этот счет, и они сами не уверены, что могут дать правильный ответ. Однако некоторые из аргументов против Боговоплощения как исторического факта имеют самое непосредственное отношение к нашему исследованию. Их главный тезис таков: божественное вмешательство невозможно — следовательно, не могло состояться и Боговоплощение. Если это так, то под большим сомнением оказывается все написанное о Боговоплощении Лукой и Матфеем. Возникающие при этом вопросы ярко и точно сформулировал Клиффорд Лонгли:

«Если... в зачатии Иисуса не было ничего чудесного, из этого следует целый ряд выводов, значение которых нельзя недооценивать... Это значит, что у Иисуса был земной отец, Иосиф, или кто-то еще. Если это был Иосиф, то упоминания в Новом Завете о том, что он считал, что его обрученная беременна от другого, — не просто «религиозный миф», а сознательная ложь, выдуманная либо самим Иосифом, либо кем-то еще. Если же это и в самом деле был не Иосиф, а какой-то другой человек, тогда ложью становится рассказ Марии. Получается, что Иосифа либо обманули, либо он сам потворствовал этой лжи, а авторов Евангелий просто «обвели вокруг пальца».

Возникает... следующий вопрос... как они (*то есть те, кто отрицают историчность чудесного зачатия — Д.Г.*) могут избежать клеветы на Марию и Иосифа и не ставить под сомнение их честность и чистоту?»¹

---

¹ См. *A Conservative case for Christ*. The Times (London, June 4, 1984, p.18).

Как бы ответили на этот вопрос либеральные теологи и сторонники сходных взглядов? Они бы сказали, что новозаветные упоминания об Иосифе не дают никаких оснований делать выводы об истинных словах или поступках Иосифа или Марии; что если говорить об исторических фактах, то Иисус, видимо, был сыном Иосифа и Марии, вполне естественно родившимся в браке, а рассказ Матфея о том, как Иосиф обнаружил, что до вступления в брак Мария забеременела не от него, — это одна из составляющих мифа; Матфей же и Лука (или кто-то еще), выдумавшие этот миф, сами бы первыми признали, что было бы нелепо видеть в нем реально происходившие исторические события. Их нельзя обвинять во лжи, так как они и не пытались выдать свои Евангелия за описания реальных событий.

Далее. Лука и Матфей надеялись, что любой человек (кроме совсем уж законченных глупцов) увидит, что в их повествовании описывается миф, созданный для того, чтобы донести до людей религиозную истину (и, надо полагать, без затруднений поймет, в чем эта истина заключается). И если бы в то время, когда Лука и Матфей писали свои Евангелия, Мария или Иосиф были еще живы, они бы ничуть не удивились и не сочли бы себя обиженными, видя, что факты их жизни искажаются с целью создания религиозного мифа. Никто из их современников, включая даже иудаистов, не захотел бы опровергать религиозную истину Евангелий просто на том основании, что описываемые в них события не соответствуют действительности. Из этих представлений следует, что первые христиане были образованными и искушенными и сразу увидели, что речь идет о мифе, а последующие поколения христиан стали людьми наивными, приняли этот миф за описание реальных

исторических событий, да так и оставались во власти своего заблуждения на протяжении многих веков.

Очевидно, что так называемая теория мифа абсурдна. От нее не останется и камня на камне, если мы внимательно проанализируем, как Лука работал над своим повествованием. Нет никакого сомнения, что он считал Боговоплощение реальным историческим фактом и хотел, чтобы его читатели считали так же. Прежде всего, во введении Лука заверяет читателя, что тщательно изучил устные и письменные источники и что его повествование достоверно. Затем, как мы уже видели (см. раздел, посвященный Рассказу 1), рассказывая о Боговоплощении, он располагает материал таким образом, чтобы соблюсти хронологическую последовательность главных событий. В рассказах о двух чудесных зачатиях временные рамки становятся еще более четкими. Лука сообщает, что после зачатия Елизавета не покидала дома в течение пяти месяцев (см. 1:24), что, когда ангел посетил Марию, Елизавета находилась на шестом месяце беременности (см. 1:26), что ангел рассказал Марии об этом (см. 1:36) и что после Благовещения Мария посетила Елизавету, пробыла у нее около трех месяцев и вернулась домой до того, как у Елизаветы родился ребенок (см. 1:56). Наконец, время рождения ребенка Марии обозначено ссылкой на определенные события в истории Римской империи (см. 2:1-2). Итак, Лука не просто знакомит нас с рассказом о Боговоплощении, оставляя за нами право решать по нашему усмотрению, миф это, или исторический факт. Он явно стремится к тому, чтобы мы считали его историческим фактом. Следовательно, неправомерно историческое, с авторской точки зрения, повествование, трактовать как неисторическое и при этом приписывать самому автору желание, чтобы читатели видели в

нем миф. Безусловно, в своем повествовании Лука стремился донести до нас религиозную истину, истину о том, что Иисус — это Сын Божий. Однако эта истина твердо основана на исторических фактах: «...Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; *поэтому* и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (1:35) (*выд. мной — Д.Г.*).

У сторонников теории мифа остается единственный аргумент. Он состоит в следующем. Изучая источники, Лука столкнулся с уже созданным к тому времени мифом (это значит, что такой миф должен был появиться достаточно рано, что крайне маловероятно). У Луки не возникло никаких сомнений, и он, не колеблясь, счел этот миф описанием реальных событий. Лука был врачом, а также спутником Павла в его путешествиях. Тем не менее, рассказ о чудесном непорочном зачатии не показался ему необычным и он не стал говорить об этом со своими образованными и опытными друзьям и христианами, которые могли бы сразу сказать ему, что это миф. Оставаясь в полном неведении, Лука, тем не менее, стремился уверить читателей, что описывает реальные исторические события. Подобное объяснение настолько маловероятно, что, говоря словами К. Лонгли, «легче поверить в чудеса... или в атеизм».¹

Итак, согласно Луке, Боговоплощение было реальным историческим событием, а значит, рассказ о Благовещении первоначально исходил от Марии, а рассказ о Magnificat — от Марии, Захарии и Елизаветы, либо только от Захарии и Елизаветы. Знакомя нас с этими рассказами, Лука обращает наше внимание на два момента: во-первых, как мы только что видели, на точные хро-

---

¹ Там же.

нологические рамки чудесной беременности сначала Елизаветы, а затем Марии и связанных с этим событий; и, во-вторых, на то, как Мария отнеслась к объявленной ей великой вести.

Мы не знаем, отдавал себе в этом отчет Лука, или нет, но хронологическая последовательность событий (см. об этом выше) позволяет читателям установить, когда и как Мария впервые рассказывала о Благовещении. Мы читаем, что после Благовещения Мария отправилась к Елизавете «во дни сии», «с поспешностью» (1:39). Следовательно, чтобы объяснять людям ситуацию, она не стала дожидаться, пока ее беременность станет заметной. Кто бы ей тогда поверил? Мария пошла к Елизавете сразу же после Благовещения, когда еще не появились явные признаки беременности, возможно, она сама еще не ощущала, что беременна, пошла, чтобы рассказать о вести, объявленной ангелом: она забеременеет вне брака.

Давайте поразмышляем, зачем ей было в этот момент выдумывать свой рассказ и делиться этим выдуманным рассказом с окружающими? Кто-то может сказать, что, как и любая другая еврейская девушка, Мария всегда мечтала стать матерью Мессии. Очень сомнительное объяснение. Но даже если бы так оно и было, Мария отнюдь не мечтала, чтобы это произошло именно таким образом, о чем свидетельствует ее немедленный ответ ангелу: «...Как будет это, когда Я мужа не знаю?» (1:34). Но даже если допустить невероятное, то какая девушка стала бы объяснять свою еще не обнаружившую себя беременность — результат какого-то романа — тем, что к ней явился ангел и объявил, что она забеременеет в результате непорочного зачатия и что ее ребенок окажется Мессией? Неужели она надеялась бы, что кто-нибудь поверит ее рассказам?

Мария была не юной гречанкой, голова которой была забита разнообразными мифами, рассказывающими о том, как боги входят к земным женщинам. Конечно же, не были греками и ее близкие. В Ветхом Завете есть только один рассказ о том, как неземные существа входили к земным женщинам, и речь в нем идет о противоестественном сожитии с демонами (см. Быт. 6:4). Еврейская девушка, жившая в среде смиренных, консервативных верующих евреев, Мария сразу бы почувствовала, что у подобной истории нет ни малейших шансов на то, что в нее поверят. Мы знаем, о чем подумал Иосиф, когда впервые услышал рассказ Марии (см. Мф. 1:19), и что он сначала хотел предпринять. И Иосиф, и то общество, к которому он принадлежал, сочли бы Марию виновной в преступном нарушении закона обручения, за которое, согласно Писанию, полагалась (хотя в то время, как правило, уже не приводилась в исполнение) смертная казнь (см. Втор. 22:23-24). Нам также известно, что спустя многие годы, несмотря на рассказ Марии, некоторые из людей, знавших, что Иисус был зачат до того, как Мария вступила в брак, не преминули язвительно указать Ему на это (см. Ин. 8:41). Как только ангел возвестил Марии о непорочном зачатии, ее женская интуиция должна была сразу же подсказать ей, как к ее беременности отнесутся окружающие. Тем сильнее это подчеркивает веру и послушание, проявленные Марией, когда она отдавала себя во власть Господа и Его Слова (см. 1:38), и тем явственней мы видим, насколько невероятно предположение, что Мария выдумала свой рассказ.

Другой, подробно описанный Лукой момент, — это то, как Мария отнеслась к объявленной ей великой вести. Сначала говорится о ее вере, затем — о ее радости.

В заключительной части Благовещения ангел, можно сказать, прямо предлагает Марии пойти и посетить Елизавету, чтобы утвердиться в своей вере. Нетрудно догадаться, почему вере Марии требовалась поддержка. Мария была избрана для беспрецедентной, уникальной цели. Как она, будучи смертной плотью, могла вынести психическую и духовную нагрузку, связанную с долгими девятью месяцами ожидания? Мы уже говорили о том, насколько трудно было поверить в происшедшее ее современникам. Но Луку интересуют здесь не современники, а то, как сама Мария, будучи обыкновенной девушкой из плоти и крови, поверила в Благовещение и продолжала в него верить, приняв и безмерную славу, и неизмеримое бремя, не утрачивая ни своей веры, ни выдержки, ни должного смирения, ни самого рассудка.

Когда ангел покинул Марию, сначала ей могло показаться, что все это ей пригрезилось. Однако когда Мария пришла к Елизавете, она не только убедилась в правоте слов ангела о чудесной беременности Елизаветы, но и увидела, что Елизавета узнала об участии Марии стать матерью Господа не со слов самой Марии, а из небесного пророчества. Так Елизавета утвердила Марию в ее вере.

Итак, теперь Мария знает наверняка, что ей суждено стать матерью Сына Божьего. Как она к этому отнесется? Мы должны проанализировать ее чувства самым тщательным образом, потому что, согласно замыслу Луки, они помогут нам разобраться, правдив ее рассказ или нет. Если будет незаметно, что она ощущает, сколь неизмеримо высока честь, которая, как она утверждает, ей оказана, мы засомневаемся: а понимает ли она вообще смысл своих утверждений? Если же, с другой стороны, мы увидим в ней хоть малейший признак гор-

дыни или чрезмерной поглощенности собой, нас опять одолеет сомнение: разве может женщина, утверждающая, что вскоре станет матерью Сына Божьего, проявлять высокомерие и надменность, разве это не ставит под сомнение ее утверждения? Итак, в то время, как Мария начинает свой гимн Господу, будем готовы как можно внимательнее прислушаться к ее словам.

Мы видим, что используемые Марией выражения торжественны, архаичны и исполнены поэзии. В значительной мере они взяты из Ветхого Завета. Это не чуждое вкрапление, как думают некоторые, и не свидетельство того, что Лука просто выдумывает нелепую историю. Любой, кто посещал молитвенные собрания, знает, что даже люди, не имеющие специальной литературной подготовки или высшего образования, зачастую используют в своих спонтанных молитвах архаические и памятные им с детства выражения, взятые из старых переводов Библии, слова духовных гимнов, написанных в прошлом веке или раньше. Как раз так и поступает Мария. Для нее это духовно возвышенный и напряженный момент. По-видимому, единственный известный ей возвышенный стиль — библейский. Нет ничего удивительного в том, что она прибегает именно к этому стилю. Удивительным может скорее показаться не стиль, а содержание ее обращения к Богу.

Мария начинает Magnificat с вознесения хвалы Господу (см. 1:46) — обычное вступление к любой молитве. Затем она сразу же (см. 1:47) говорит о своей великой радости (в своем переводе с арамейского, Лука употребляет слово, обозначающее торжествующую, безграничную радость, религиозное ликование). Итак, Мария ощущает грандиозность происходящего с ней чуда. При этом она видит, насколько несоизмеримо ее нынешнее неприметное и смиренное положение со все-

общей известностью и славой, которые будут сопутствовать ее имени на протяжении всех грядущих поколений (см. 1:48).

Какое влияние все это окажет на нее лично, на ее представления о себе и о своем статусе, какими теперь станут ее отношения с другими людьми, с Богом?

Обращает на себя внимание поразительная вещь: на протяжении всего Magnificat Мария ни разу не подчеркивает того, что она станет матерью Сына Божьего. Понятно, что именно это грядущее событие является глубинным источником ее радости и основанием для возносимой Богу хвалы. Однако то, каким образом о нем говорится, помогает лучше понять, в чем именно Мария видит значение этого события лично для себя.

Причина ее радости, объясняет Мария, состоит в том, что Бог действует в отношении нее как Спаситель (см. 1:47). С большим интересом мы отмечаем, что Мария по-прежнему считает, что ей, как и всему остальному человечеству, необходимо спасение.

Все поколения людей будут называть меня благословенной, — говорит Мария. Но не потому, что «я стану матерью Сына Божьего», а потому, «что сотворил Мне величие Сильный» (1:49) Другими словами, Мария преисполнена мыслями не о себе, а о том, что совершил для нее Бог.

Однако в свете того, что совершил для нее Бог, какими, с ее точки зрения, станут теперь ее отношения с Богом? В Ветхом Завете всегда подчеркивалось, что между именем Бога и любым другим именем лежит непреодолимая бездна: свято только Божье имя. Разве грандиозное и, вместе с тем, глубоко сокровенное событие не должно вознести ее на недостижимые высоты, где будет практически устранено различие между ней и Троициным Богом? Сама Мария так не считает. Несмот-

ря на духовную напряженность и возвышенность ситуации она не попадает под власть иллюзий и мыслей, ведущих к богохульству. Все грядущие поколения людей назовут ее благословенной; но, сказав это, Мария сразу же добавляет, ставя себя в один ряд с другими людьми: для нее по-прежнему «свято имя Его» (1:49).

Итак, Мария произнесла первые четыре стиха Magnificat. В каждом из них она что-то говорила о себе, но в ее словах мы не чувствуем ни гордыни, ни чрезмерной сосредоточенности на себе. На протяжении последующих шести стихов Magnificat о себе лично она не скажет более ни слова.

Мы можем удивляться этому поразительному примеру смирения, но, вообще-то, оно естественным образом вытекает из того, как Мария относится к происшедшему событию. С одной стороны, это событие совершенно уникально, но, с другой стороны, Мария не видит в нем ничего необычного. Это акт Божьей милости. А раз так, то «милость Его (Бога — Д.Г.) в роды родов к боящимся Его» (1:50). Миллионы людей, принадлежащие к этим бесчисленным родам и поколениям, могли бы, как и Мария, немало рассказать нам о милости Божьей. Мария не считает, что отношение к ней Бога является каким-то исключением, потому что ее внимание обращено прежде всего не на себя, а на постоянство и неизменность Бога. В бесконечной чередке дел, говорящих о Божьей милости, то дело, которое Бог совершил для нее, оказывается, пусть и большим, но одним из многих.

Конечно, смирение бывает порой следствием невежества, и в этом случае оно мало чего стоит. Не демонстрирует ли Мария своего невежества, сначала заявляя, что станет матерью Мессии и Сына Божьего, а потом показывая, что относится к этому событию как

к всего-навсего одному из многих проявлений Божьей милости, примеров которой не счесть в жизни любого поколения? Разве она может судить о том, что лежит за пределами ее кругозора, ограниченного ее жизнью среди скромного класса ремесленников? Может быть, она не имеет никакого представления о жизни, скажем, израильского первосвященника или стоящего во главе Римской империи императора Августа и тем более Мессии, происходящего из царского рода Давида, Сына Божьего? Вот ей и кажется, что Бог мог обойти богатых, благородных, образованных и влиятельных людей и вместо этого избрать матерью Царя царей и Господина господ простую незаметную девушку из ничем не прославившейся семьи. А вот если бы Мария не была такой невежественной, она бы сразу поняла, что Бог не может действовать столь несообразно Своему величию...

Подобные рассуждения довольно нелепы. Однако очень важно понять, почему они являются таковыми. Марии известно, как велики способности и власть философов, аристократов и богачей в сравнении с положением и возможностями людей необразованных, бедных и немощных. Она сама говорит, что Бог умышленно обошел этих «сильных», избрав смиренных. Говоря так, Мария использует целый ряд глаголов в форме аориста¹ (см 1:51-53), и многие библейские комментаторы остаются в недоумении, идет ли здесь речь о прошлом, о том, что Бог совершает постоянно или это предвидение того, что Он совершит в будущем, но Мария говорит об этом как о свершившемся событии. Нам нет необходимости искать верный ответ на этот вопрос. Все три ответа будут верными.

---

¹ Аорист — форма прошедшего времени (прим. ред.).

Избрание Марии является для нее одним из примеров того, что Бог всегда совершал, совершает и будет совершать. Мария говорит так потому, что знает, как она сказала в самом начале, что Бог действует по отношению к ней как Спаситель. Спасая, Бог всегда рассеивает надменных, свергает с престолов сильных и отправляет ни с чем богатых, но возносит смиренных и одаривает голодных. Поэтому-то Мария и использует поэтический язык, уходящий своими корнями в глубокую древность: она испытывает то, что всегда испытывали люди, так или иначе соприкоснувшиеся с Божьим спасением. Такие же чувства испытывала и Анна (см. 1 Цар. 2), хотя и при совершенно иных обстоятельствах. Павел говорил, что именно так действует Божье спасение (1 Кор. 1:18-31).

Наконец, Мария ставит произошедшее с ней событие в другой широкий контекст. «Воспринял Израиля, отрока Своего, вспомянув милость, как говорил отцам нашим, к Аврааму и семени его до века» (1:54-55). Сотни раз с детства дома, в синагоге, на религиозных праздниках Мария слышала о том, как Бог призвал Авраама и произвел от него народ Израиля, о великих обетованиях, данных ему и его потомству, о том, как Бог исполнял Свои обетования в прошлом и будет исполнять их в будущем. Поэтому, когда в ее жизни произошло это великое событие, она сразу же смогла увидеть его в нужном свете. Избрание Марии объяснялось не тем, что она сама была каким-то особым человеком. Мария принадлежала к народу Израиля, и ее избрание свидетельствовало о верности Бога Аврааму и его потомкам. Если видеть происшедшее в таком свете, то это отнюдь не умаляет уникальности сотворенного Богом в Марии и посредством Марии, в то же время помогая ей увидеть в себе частичку Бо-

жьего замысла в отношении своего народа, его избрания, истории и судьбы. Именно осознав происшедшее в таком широком контексте, Мария смогла укрепить свою веру и, вместе с тем, находясь в своем возвышенном положении, не преувеличить собственной значимости. Говоря об этом широком контексте, Мария подкрепляет и нашу с вами веру. Если рассматривать уникальное событие Боговоплощения — рождения в результате непорочного зачатия — в контексте уникальной истории уникального народа, то оно покажется, в сущности, естественным.

Рассказы 5 и 6. Рождение и наречение Иоанна. Пророчество Захарии (1:57-80). Следующих два рассказа возвращают читателя к Захарии. В первом из них (см. 1:57-66) говорится о рождении, обрезании и наречении его сына Иоанна; во втором (см. 1:67-79) приведено пророчество, произнесенное Захарией.

В первом рассказе сообщается, что Захария вновь обрел дар речи. Поэтому давайте сначала вспомним, как и почему он его утратил. Обращаясь к Захарии, ангел сказал: «И вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время» (1:20). Захария недолго оставался в неверии. Возможно, он избавился от него сразу же после того, как его поразила немота, ибо, когда закончилось время его служения и он вернулся домой, «...после сих дней, — пишет Лука, — зачала Елисавета, жена его» (1:23-24). Слова ангела начали исполняться прямо у него на глазах, и Захария не мог более в них не верить. Однако он оставался нем. Рассказ 4 начинается с описания рождения его сына (см. 1:57), которое должно было развеять последние со-

мнения, если таковые у Захарии и оставались. Однако он по-прежнему оставался нем. Очевидно, что на этом рассказ закончиться не может: необходимо, чтобы мы узнали, что еще должно было случиться, чтобы к Захарии вернулся дар речи. Лука мог бы кратко сообщить, что, когда Захария исполнил сказанное ангелом и дал своему сыну имя Иоанн, он вновь обрел дар речи. В этом случае мы бы имели все основания сделать вывод, что ангел желал увидеть в Захарии не только веру, но и послушание и что тот момент, когда Захария проявил свое послушание, и является кульминацией всего рассказа.

Но Лука сосредоточивает свое внимание на другом, и его рассказ развивается иначе. Нельзя сказать, что вера и послушание Захарии оказываются на втором плане — это вопросы первостепенной важности. Так, кульминация рассказов 4 и 5, взятых как единое целое, связана с торжеством его веры. Эта кульминация приходится на 1:67-79, когда Захария, к которому возвращается дар речи, вновь выступает на передний план и, сбросив с себя власть неверия, произносит пророчество, исполненное торжествующей веры. Здесь же, в рассказе 4 (1:57-66), в центре внимания оказываются не Захария и не Елизавета, а их соседи и родственники. Сообщив о рождении ребенка Елизаветы, Лука отводит отдельный стих описанию их реакции на это событие (см. 1:58). Когда наступает день наречения, именно соседи и родственники предлагают назвать ребенка Захарией, а когда Елизавета возражает, пренебрегают ее мнением и обращаются к самому Захарии. Когда же Захария берет дощечку и пишет: «Иоанн имя ему», Лука делает паузу, чтобы описать их изумление (см. 1:63), и лишь затем добавляет, что в этот момент к Захарии вернулся дар речи. Очевидно, что в центре

внимания Луки оказываются соседи и родственники Захарии и Елизаветы. Даже после того, как Захария произносит первые слова, Лука не завершает на этом своего рассказа, а добавляет два новых стиха, в которых описывает, какую реакцию вызвало происшедшее у соседей, родственников и у людей по всей Иудее (см. 1:65-66). Именно здесь наступает кульминация рассказа 4, и мы должны обратить пристальное внимание на то, какой была эта реакция: «Все слышавшие положили это на сердце своем и говорили: что́ будет младенец сей?» Теперь зададимся вопросом: что именно из описанного Лукой произвело на них такое сильное впечатление, что они стали задаваться вопросом о том, кто этот ребенок и каково его будущее?

Заметьте, что это было не само рождение ребенка. Конечно, люди понимали, что рождение ребенка у таких престарелых родителей — событие незаурядное, и готовы были видеть в нем чудесное проявление Божьей милости: «...услышали соседи и родственники ее, что возвеличил Господь милость Свою над нею, и радовались с нею». Но, увидев то, что случилось во время обряда наречения, они не столько возрадовались, сколько изумились и исполнились благоговейного страха. О том, что перед Захарией в храме являлся ангел, им могло быть известно еще до того, как к Захарии вернулся дар речи. Захария мог написать им об этом на дощечке, либо они могли узнать об этом со слов Елизаветы. В противном случае Захария, конечно же, рассказал им об этом сам. Рассказ о явлении ангела Захарии должен был состоять из двух частей. Во-первых, ангел предсказал чудесное рождение его сына. Что бы люди ни думали о рассказе Захарии, родившийся ребенок стал наглядным подтверждением правдивости его слов. Однако, согласно Захарии, ангел объявил

ему и о том, что его ребенку суждено быть Предтечей Мессии. Это известие уже совершенно иного порядка, и из него следуют потрясающие по своей грандиозности выводы. Если это правда, значит, современники Захарии стоят на пороге новой мессианской эры. Но правда ли это? В конце концов, большинство родителей, а пожилые родители — в особенности, так сильно любят своего первенца, что считают его особенным ребенком и убеждены, что его ждет чудесное будущее. Может быть, Захарию настолько переполняет родительская гордость, что он допускает преувеличения и даже выдумки? Это было бы вполне естественно.

Время, конечно, все расставит на свои места. Но какое бы будущее ребенка ни ожидало, ему нужно было дать имя. Неудивительно, что родственники проявляли к этому особый интерес. В израильском обществе считалось настоящим несчастьем, если человек умирал, не оставив после себя сына, который, который мог бы унаследовать его род и имя¹. Таким образом, понятно, почему родственники Захарии были так рады видеть, что у него есть сын, который унаследует его имя, не давая угаснуть этой ветви их рода. Они уже готовы были назвать его по отцу Захарией, как вдруг Елизавета сказала: «Нет, он будет зваться Иоанном». Родственники были поражены и стали убеждать ее, что такое имя полностью нарушит семейную традицию (см. 1:61). Однако Елизавета оставалась непреклонной. Тогда они пренебрегли ее мнением и обратились к Захарии. Каково же было их удивление и огорчение, когда Захария подтвердил слова своей жены! Все это вступало в явное противоречие с их обычными представлениями, интересами

---

¹ Именно это представление лежит в основе сюжета ветхозаветной книги Руфь.

рода и традициями, которым они привыкли следовать. Зачем, говорили они, разрушать связь ребенка с семейными традициями, в особенности, если ему суждено прославиться в качестве Предтечи Мессии?

И тогда заговорил немой Захария. Он объяснил (возможно, не в первый раз), что не сам решил действовать вопреки семейным традициям, — о том, что мальчишка следует назвать Иоанном, ему сообщил ангел. Услышавшие это соседи и родственники исполнились благоговейного страха. Те же чувства испытывали и люди по всей Иудее, до которых доходили вести об этих событиях. Им не нужно было объяснять, что происшедшее настолько противоречило общепринятым нормам, что никак не могло быть плодом фантазии Захарии, и они задумывались над его значением: «Что́ будет младенец сей?»

Впоследствии Иоанн вырос и сам провозгласил, что является Предтечей Мессии, и что Мессия этот — Иисус. Иоанн был убит, Иисус — распят. Современные люди по-прежнему задаются вопросом: был ли Иоанн настоящим Предтечей? А значит, помимо всего прочего, нас интересует и то, чем руководствовался Захария, когда нарекал своего сына Иоанном.

На этом можно закончить рассмотрение рассказа 4. Но рассказом 4 не заканчивается описание событий, происходивших во время обряда наречения. Мы узнаем далее (см. 1:67), что Захария, перед которым стояла колыбель его маленького сына, исполнился Святого Духа и начал пророчествовать. Его пророчество приведено в 1:68-79 (рассказ 5). Давайте внимательно прислушаемся к его словам: действительно ли они несут на себе печать богодухновенного, или в них нет ничего, кроме проявлений отеческой гордости и похвалы собственному сыну, прикрытых религиозной фразеологией?

Прежде всего, обратим внимание на проявленное Захарией чувство меры. Из двенадцати стихов пророчества в первых восьми о его сыне не упоминается вообще (см. 1:68-75). Затем в двух стихах (см. 1:76-77) Захария говорит об Иоанне и о его служении, после чего опять обращается к другим вопросам. Такой подход совершенно правомерен. Он не преуменьшает роли Иоанна, и не говорит о притворном смирении Захарии. Напротив, этот подход основан на убежденности Захарии в том, что Иоанну и в самом деле суждено быть Предтечей Мессии. Захария осознает, что раз Иоанн является Предтечей Мессии, это значит, что свершается нечто бесконечно более значительное, чем рождение одного из пророков, каким бы прославленным он ни стал. Мы имеем здесь дело с божественным вмешательством в человеческую историю, которое должно подтвердить каждое истинное пророческое обетование, данное во имя Божье со времени начала всех начал (см. 1:68-70). Далее. Раз Иоанн является Предтечей Мессии, Захария понимает, что в скором времени должен появиться Тот, Кто будет несравненно значительнее Иоанна. Для Захарии Иоанна уже затмила восходящая светлая заря с небес (см. 1:78 — *перев. В.Н.Кузнецовой*). Бог вошел в человеческую историю. Долгая ночь над Израилем и над всем миром закончилась. Вот-вот наступит рассвет (1:78). Он принесет с собой избавление (см. 1:68), спасение (см. 1:69) и свободу от порабощения для служения Богу (см. 1:74-75): прощение грехов и, следовательно, освобождение от страха смерти и мир (см. 1:77-79). Бог вошел в человеческую историю. Он «воздвиг рог¹ спасения», то есть великого Спасителя в

---

¹ Рог являлся у евреев символом особой силы и могущества (прим. ред.).

доме Давида (см. 1:69). И это, конечно же, не Иоанн, а Иисус.

А теперь обратите внимание на одну замечательную деталь. Произнося свое пророчество, Захария использует прошедшее время: «Бог... посетил народ Свой... и воздвиг рог спасения». В каком-то смысле это справедливо, так как Спаситель уже пришел на землю. Но в момент произнесения пророчества Он еще не родился, еще не жил. Для мира солнце еще не взошло. Он был по-прежнему объят тьмой. Но своей верой Захария уже ощущал грядущее торжество и победу. Уже много времени прошло с тех пор, как пророки впервые возвестили Божье обетование (см. 1:70) и Сам Бог поклялся, давая обетование Аврааму (см. 1:73). Не раз после этого верующие подвергались искушению думать, что эти древние пророчества были всего лишь мифами, выражением человеческой веры в надежду как таковую (ведь жизнь без надежды невыносима), что никто из пророков не вкладывал в них буквального смысла, что никакого рассвета на самом деле не будет, что веру можно сохранить только в том случае, если видеть в рассвете лишь образное выражение мысли о том, что и в бесконечной ночи может быть что-то приятное, если научиться правильно к ней относиться. Верующим приходилось бороться с этим искушением и возвращаться к мысли, что Бог не может лгать, что сказанное Им соответствовало Его намерениям, что пророки не были какими-то глупцами, занимавшимися самообманом и не способными отличить собственных мыслей от голоса Бога, что со всеми этими пророками, каждый из которых был по своему уникален и неповторим, говорил именно Бог, что однажды Он исполнит Свою клятву и воздаст должное вере многих поколений.

И вот свершилось — вера победила. Но ее победа вовсе не означала и не должна была означать утрату рассудительности. Захария смотрит на своего ребенка: да, мой сын, тебе предстоит совершить необходимые приготовления. Мессия спасет нас от всех наших врагов (см. 1:74), в том числе и от могущественных языческих империй. Но сначала Израиль должен покаяться. Никакое другое спасение невозможно, пока Израиль не познает спасение как прощение грехов и примирение с Богом. Это единственный путь, который ведет из тьмы и тени смерти к миру. Сын мой, говорит Захария, Мессии предстоит принести Своему народу не только прощение его грехов, но и знание того, что он прощен. Ты же должен пойти перед Ним, чтобы подготовить Ему путь (см. 1:76-79).

Захария знал свой народ. Ведь он был священником. Израильтян гораздо больше интересовала возможность избавления от римлян, нежели покаяние, прощение грехов и примирение с Богом. Нелегко будет Иоанну прокладывать путь к их сердцам, по которому затем предстоит пойти Мессии. Но ничто уже не отменит того, что произошло, и ничто не омрачит торжества его веры. Мессия уже пришел.

Мы подошли к середине повествования о первом этапе духовной эволюции Захарии. Лука закончил описание последних часов перед рассветом. Сначала вера Захарии была совсем слабой и нетвердой. Как радостно видеть, что перед тем, как воплощенный Мессия, родившись, пришел в наш мир и явился перед людьми, вера Захарии вернулась к нему и восторжествовала. Пусть же, перед тем, как Мессия вернется снова, это произойдет и с нашей верой.

Действие 2. Восход солнца (2:1-52)

Рассказы 6 и 7. Рождение Иисуса в Вифлееме и приход пастухов (2:1-20). В рассказах 4 и 5 описывается рождение, обрезание и наречение Предтечи; в рассказах 6 и 7 — рождение, обрезание и наречение Мессии. Сразу бросается в глаза яркий контраст между этими двумя парами рассказов: при наречении Иоанна подчеркнут разрыв с семейной преемственностью, в то время как при рождении Иисуса особый упор сделан на поддержание этой преемственности. В таком противопоставлении заключен глубокий смысл. Как Предтеча Мессии, Иоанн должен был быть «гласом вопиющего в пустыне» (3:4), всего лишь только «гласом». Для его служения было неважно, кем он был и из какой семьи происходил. С другой стороны, являясь Предтечей Иисуса, Иоанн находился во главе движения, которое сперва было независимым от Иисуса, и в каком-то смысле оставалось таковым даже после начала Его общественного служения. Сам Иоанн так и не стал одним из апостолов, сопровождавших Иисуса; те, кого он крестил, считались учениками Иоанна (см. 5:33), и, хотя ученики Иоанна нередко покидали его и присоединялись к Иисусу (см. Ин. 1:35-37; 3:25-26), Иоанн продолжал учить и собирать вокруг себя новых учеников (см. Ин. 4:1). Более того, Иоанн приобретал такое большое влияние на народ, что многие начинали думать, что, может быть, он и есть Мессия. Иоанн ясно и недвусмысленно это отрицал, публично заявляя, что Мессией является Иисус (см. 3:15-17; Ин. 1:19-34). Однако дабы на этот счет ни тогда, ни потом не оставалось никаких сомнений, ангел позаботился о том, чтобы при его наречении было объявлено, что семейная преемственность и происхождение, исключительно важные для Мессии, не имеют для служения Иоанна никакого значения. Было неважно, кто у Иоанна отец и из какого рода Иоанн происходит.

Для Иисуса же, напротив, происхождение имело, как мы уже заметили, чрезвычайно большое значение. Заявить о себе как о Мессии значило заявить о себе как о Сыне Давида и наследнике завета и обетований, данных Давиду Богом. Поэтому во время Благовещения Гавриил так описывает будущее ребенка Марии: «...И даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца» (1:32-33). И Захария говорит в своем пророчестве об Иисусе как о роге спасения, воздвигнутом Богом в доме Давида (см. 1:69). Это не было данью какой-то местной традиции, связанной с палестинскими еврейскими корнями Иисуса и становившейся несущественной по мере того, как христианское благовестие распространялось по языческому миру. Происхождение Иисуса остается неотъемлемой частью Благой вести. Апостол язычников Павел описывает благовестие как «благовестие Божие» «... о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти» (Рим. 1:1-3). Несколько лет спустя в своем послании, написанном в римской тюрьме, Павел просит Тимофея: «Помни Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему» (2 Тим. 2:8). Упор на принадлежность Христа к роду Давида определяется самой сущностью Благой вести. Благая весть — не собрание универсальных и непреходящих истин, изложенных в мифологической форме. Благая весть состоит в том, что много веков назад Бог положил начало грандиозному историческому процессу (movement), связанному с Авраамом и его родом, а затем с Давидом; все совершенное Богом было такой же реальной частью истории, как, например, образование Римской империи, а кульминацией этого исторического процесса стало пришествие Иисуса, Мессии и Спасителя, который

явился, чтобы исполнить все обетования, данные Богом Давиду и через Давида.

Следовательно, было совершенно необходимо, чтобы семейная преемственность и традиции этого царского дома были сохранены и исполнены с рождением Иисуса, в частности в том, что касалось места Его рождения. Пророк Михей предсказал, что Мессия родится в Вифлееме (см. Мих. 5:2), следовательно, Иисус должен был родиться в Вифлееме. Сразу же заметим, что в обоих рассматриваемых нами рассказах недвусмысленно подчеркивается: местом рождения Иисуса был город Давида Вифлеем, хлев в этом городе (см. 2:4, 7, 11-12, 15-16); обратим теперь внимание на то, что главная цель, поставленная в рассказе 6 (2:1-7), — объяснить, почему Он родился именно в Вифлееме.

Не Иосиф, и не Мария специально устроили так, чтобы Иисус мог впоследствии заявить, что является Сыном Давида. Небесному провидению было угодно, чтобы Иисус родился в Вифлееме в результате действий властей великой Римской империи. Император Август распорядился провести перепись. В основе организации переписи лежало правило, согласно которому каждый человек должен был вернуться в тот город, откуда была родом его семья, чтобы там его имя внесли в переписные листы. Иосиф принадлежал к дому и линии Давида, и, следовательно, должен был идти в город Давида. Он не мог поступить вопреки тому, что ему было предначертано: к этому его принуждала перепись¹. Разумеется, Август не подозревал о том, что его перепись сыг-

---

¹ *Историки не могут сказать наверняка, почему правила переписи обязывали принадлежащего к дому и роду Давида Иосифа идти в Вифлеем. Возможно несколько объяснений, но ни одно из них не может считаться окончательным. Чиновничий аппарат в провинциях Римской империи, а также на территориях, ей подвластных, по своей запутанности был во многом похож на нашу современную бюрократию. Обсуждение подоплеку этого вопроса см. в I.H. Marshall, op.cit., pp.100-102.*

рает подобную роль. Чего бы не хотелось императору и его вассалу Ироду, так это подтверждать правдоподобие чьих бы то ни было заявлений о мессианских правах на царство в Израиле. Для Августа организация переписей была одним из способов осуществления контроля над различными частями своей империи. Однако — и в этом состоит ирония происшедшего, — думая, что он укрепляет собственную власть над огромной империей, Август все устроил таким образом, чтобы Иисус, Сын Марии, Сын Давида, Сын Божий, которому суждено было стать Царем Израиля и всего мира, родился в городе Давида, Своего царского предка. Сам того не подозревая, Август исполнил пророчество Михея и тем самым подтвердил слова Иисуса о том, что Он является Мессией¹.

Перед нами крайне любопытный пример провиденциального Божьего правления нашим миром. При зачатии Иоанна Крестителя Бог повернул вспять естественные природные процессы. При зачатии нашего Господа в природе появилось то, чего природа никогда доселе не знала и чего сама никогда не смогла бы породить. Однако очевидно, что при вступлении в наш мир Сына Божьего, предназначенного в Цари царей земли, никакого Божьего вмешательства и воздействия на волю и свободу действий людей не было. Август действовал согласно своим собственным, вполне понятным мотивам. Он поступил точь-в-точь так, как хотел. И при этом он сделал то, чего, зная об этом заранее, делать бы не пожелал: подтвердил царские права Сына Давида. Таким образом, Август исполнил то, что было предопределено намерениями и предвидением Бога.

---

¹ В написанных Лукой Деяниях святых Апостолов встречается изложение другого случая, когда в один из критических моментов истории христианства император своим указом способствовал распространению Благой вести (см. Деян. 18).

Закончим на этом рассмотрение рассказа 6 и перейдем к рассказу 7 (см. 2:8-20). Из всех историй, связанных с рождением Иисуса, наиболее известной, пожалуй, является история о явлении ангелов и посещения яслей пастухами. Поразительная по своему богатству образность этого рассказа затрагивает самые глубокие чувства: пастухи, пекущиеся о своем стаде, мать, склонившаяся над своим ребенком, и симфония ангельских голосов, пронзающих мрак окутавшей землю ночи, чтобы объявить о долгожданном восходе и подтвердить смиренным и немощным, что, какими бы ни были действия сильных мира сего, Бог не оставляет своих людей. Движимый любовью Пастыря, Он определил Своему Сыну родиться не во дворце, но в яслях. Утверждая историчность этого события, нет никакой необходимости отрицать его символизм. История — это верность фактам, но если в ней нет поэзии, она может оказаться неинтересной и утратить смысл; поэзия прекрасна, но если ее не подкрепляет история, поэзия может оказаться безосновной. В Благой вести о Христе гармонично соединены история и поэзия. Только скучнейший из скучнейших умов будет настаивать на том, что реальные исторические события не могут при этом нести в себе какого-то символического смысла и наоборот.

Однако больше всего в рассказе 7 нас интересует не этот вопрос, а вопрос о его месте в общем контексте повествования Луки. Давайте попытаемся его определить, тем более, что мы располагаем некоторыми подсказками. Мы уже заметили, что и в рассказе 6, и в рассказе 7 подчеркивается, что местом рождения Иисуса был город Давида Вифлеем, а, точнее, — ясли для скота. (см. 2:4, 7, 11-12, 15-16). Однако между этими двумя рассказами есть различие:

в рассказе 6 объясняется, почему Он родился именно в Вифлееме, а в рассказе 7 — почему по прошествии всего нескольких часов место Его рождения стало точно известным неким пастухам: по словам пастухов, им сообщил об этом ангел. Затем Лука сам рассказывает о том, какое впечатление произвели на людей описываемые события. Насколько нам известно, никто, кроме пастухов не видел и не слышал появившихся ангелов. Побывав в яслях и рассказав о том, что с ними произошло, пастухи вернулись назад, прославляя и восхваляя Бога. Больше мы ничего о них не знаем. Люди, стоявшие рядом с Марией и слышавшие рассказ пастухов, а также те, кто узнал о нем впоследствии, «дивились тому, что рассказывали им пастухи» (2:18), однако и о них нам больше ничего неизвестно. Теперь, как и в следующих двух парных рассказах (см. 2:33-35), и, особенно, в заключительном рассказе (см. 2:43-51 и раздел настоящей книги, посвященный Рассказу 10), наше внимание обращается на то, как отнеслась к происшедшему сама Мария: «...Мария сохраняла все слова сии... в сердце Своем» (2:19).

Такое отношение Марии неудивительно. Эти слова должны были принести ей чувство глубокого облегчения и успокоения. Даже ожидая рождения обычного ребенка, в особенности первенца, практически каждая мать чувствует особую ответственность. Ангел же сообщил Марии, что ее непорочно зачатый ребенок — Сын Божий. Однако после Благовещения ангел не являлся ей опять и опять, чтобы давать наставления, как следует готовиться к рождению Сына Божьего. Представим себе тревогу Марии! Откуда ей было знать, правильно ли она поступала, все ли делала как следует?

Дома, в Назарете, она смогла бы подготовиться к рождению сына наилучшим образом. Но указ о проведении переписи нарушил все ее планы. Пришлось отправиться в путь, ночевать в какой-то чужой гостинице. Можно представить себе ее огорчение, когда по прибытии выяснилось, что в гостинице нет свободных комнат. Их дом в Назарете, конечно, не был дворцом, но можно не сомневаться, что умелый Иосиф построил вполне уютное жилище. Однако ей пришлось рожать в каком-то хлеву, почти на улице. А куда ей было класть новорожденного? Ее Первенца! Сына Бога! Как можно было положить Его в ясли для скота?

Затем пришли пастухи и стали спрашивать ее о ребенке. На вопрос, откуда им стало известно о его местонахождении, пастухи отвечали, что ангел Божий сообщил им о рождении Спасителя, Господа, Христа этой ночью в городе Давида Вифлееме.

Если к тому времени Мария еще не все понимала, то рассказ пастухов ей многое прояснил. Гавриил открыл ей, что ее ребенок унаследует престол Своего отца, Давида, и вот ангел направляет этих пастухов в город Давида. Ни она, ни Иосиф не собирались посещать Вифлеем. Они оказались в городе Давида по воле императора Августа (по крайней мере, так им могло показаться). Теперь Марии стал ясен замысел Бога, использовавшего римские власти, чтобы, подобно пастырю, направить ее и Иосифа в Вифлеем. Рассказ пастухов давал ответ и на другой вопрос. Вполне возможно, что в эту ночь в Вифлееме, куда, повинувшись указу о переписи, стекалось множество народа, родилось несколько младенцев. Откуда пастухам знать, что ангел имел в виду ребенка Марии? Ответ прост. Говоря о рождении Мессии, ангел подсказал, где именно они смогут найти ребенка — в яслях для скота.

Можно не сомневаться, что у женщин Вифлеема не было принято класть своих первенцев в ясли, по крайней мере, — без особой на то необходимости. Когда это пришлось сделать Марии, она не могла не испытывать при этом душевных мук. Но вот приходят пастухи и говорят, что ангелы знали, где находится Сын Божий, и радовались тому, что Он лежит в яслях: этот знак помог им рассказать смиренным пастухам, как найти Спасителя. С тех пор бесчисленное множество людей ощутило благодарность за этот знак. Ведь то, что Иисус родился в яслях, куда больше помогло им понять и принять Его как Сына Божьего и Спасителя, чем если бы Он родился во дворце. Мария, конечно же, не могла всего этого предвидеть, но она прекрасно понимала следующее: раз ангелы радовались, что могли направить пастухов к яслям Спасителя, использовав их как знак, значит, и она, и Иосиф, и ее ребенок оказались в данном месте по воле Самого Верховного Пастыря. Следовательно, все было в порядке, и все будет в порядке, ведь и забота о ребенке — Сыне Божьем — лежит не на ней, а на Верховном Пастыре.

Рассказы 8 и 9. Пророчества Симеона и Анны (2:22-40). Напомним, что в рассказах 2 и 3 мы слышали, как Мария говорит о своей необычайной радости: «...Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем» (1:46-47). В рассказах 8 и 9 (см. 2:22-39) мы узнаем о ее страданиях: «...И Тебе Самой оружие пройдет душу» (2:35). Нет нужды говорить, что это противопоставление — не искусственный литературный прием Луки и тем более не плод его художественной фантазии. И радость, и страдание — две неотъемлемые черты искупительного Божьего замысла: радость Боговоплощения и неизбежные муки крес-

та. Главная цель этой пары рассказов состоит в том, чтобы описать, как, когда и при каких обстоятельствах Мария получила предупреждение о грядущих страданиях. Выше (см. об этом в разделе, посвященном рассказам 2 и 3) мы уже задумывались о том, как Мария, простая смертная, человек из плоти и крови, смогла вынести все безмерные тяготы, связанные с тем, что ей предстояло стать матерью Сына Божьего. Теперь понятно и другое. После того, как Мария увидела неприятие Иисуса Ею собственным народом и затем пережила Его распятие, ее веру могла захлестнуть волна страшного замешательства и отчаяния, не будь Мария должным образом подготовлена к этим событиям. В рассказах 8 и 9 как раз и описана такая подготовка. К событию Боговоплощения Марию сначала подготовил Гавриил, затем ее вера утвердилась благодаря Елизавете; к свидетельству крестных мук Христа Марию сначала подготовил Симеон, утешение и поддержку она обрела в Анне. Давайте начнем с того, что познакомимся с этими людьми.

И Симеон, и Анна были людьми, твердо и страстно исповедовавшими веру в изложенный богодухновенными пророками замысел восстановления Израиля. О Симеоне говорится как о человеке, «чаявшем утешения Израилева» (2:25). Эти прекрасные слова — «утешение Израилево» — позволяют предположить, что его ожидания основывались на таких отрывках из Священного Писания, как Ис. 40. Симеон ждал того дня, когда время войн и кар, постигших Израиль, закончится, и Бог «утешит Свой народ». Однако Симеон не ограничивал себя заботой только о будущем Израиля. Основываясь опять же на предсказаниях Исайи, он предвидел время, когда свет Божьего спасения будет простираться во все края земли (см. 2:31-32).

Что до Анны, то мы читаем, что она рассказывала об Иисусе «всем, ожидавшим избавления для Иерусалима» (2:38 — *перев. мой Д.Г.*). Эти ожидания также основывались не на пустых мечтаниях, и не на слепом шовинизме, а на твердых обетованиях, о которых неоднократно говорили пророки, например, Иеремия (см. Иер. 33). Даниил (Дан. 9) приводил сроки частичного восстановления Иерусалима, его последующих неоднократных разорений и последнего, полного, восстановления. После вавилонского плена Захария неоднократно (см. 1:12-2:13; 8:1-23; 9:9; 12:1-13:1; 14:1-21) провозглашал, что однажды в Иерусалим придет полное и вечное избавление, причем язык его пророчеств позволял убедиться, что он думал о восстановлении, гораздо более величественном, нежели осуществленное Неемией строительство новых городских стен. После Неемии Иерусалим был осквернен Антиохом Епифаном, а теперь находился под пятой римлян. Но Анна и другие верующие не утратили своего мужества: Даниил говорил, что после пленения и последующего частичного восстановления и вплоть до своего окончательного восстановления Иерусалим пребудет в разорении и запустении. Все происходившее имело в глазах Анны свое объяснение и соответствовало Божьему замыслу. Долгим было «вдовство» Иерусалима (см. Плач Иер. 1:1). Но и Анна уже долгое время была вдовой в буквальном смысле этого слова. Судьба города отразилась и на ее собственной жизни. В своих непрерывных молитвах и мольбах Анна твердо отстаивала веру в то, что однажды горе и запустение, постигшие Иерусалим, уйдут в прошлое и в город придет избавление (см. 2:37-38). Утешить и укрепить Марию перед лицом ожидавших Мессию испытаний и смерти не мог никто лучше Анны.

Вернемся к Симеону. Он не только обладал твердой верой в донесенный пророками Божий замысел, но и знал — благодаря данному ему лично откровению, — когда именно произойдут некоторые составляющие этот замысел события: «Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (2:26). Получив такое откровение, другой на месте Симеона мог бы сделать скоропалительный вывод о том, что он не умрет, пока не увидит установления мессианского царства и окончательного «утешения Израилева». Однако Симеон, хоть он и ждал этих событий, воздержался от такого вывода. Он заявил, что увидел Божье спасение в Иисусе (см. 2:26). Говоря так, Симеон, конечно же, имел в виду не «свершившееся спасение», а «средство, путь спасения», ведь Спаситель был еще ребенком¹. Очевидно, что прежде чем совершить спасение, Ему нужно было вырасти, стать взрослым. Тем не менее, увидев, что посланное Богом средство спасения появилось в нашем мире, Симеон не стал молиться о том, чтобы Бог позволил ему дожить до свершения спасения, напротив, увиденное стало для него знаком, что теперь ему можно спокойно умереть. Симеон был рад умереть, потому что знал наверняка, что раз Спаситель уже пришел — значит, рано или поздно, спасение свершится. Симеон был рад уйти в мир иной и еще по одной причине, о которой он начал говорить Марии: даже после того, как Спаситель вырастет и станет взрослым, народ не сразу встретит Его с распростертыми объятиями и Он не сразу изгонит врагов, освободит Иерусалим, «утешит Из-

---

¹ Греческое слово *sōtērion*, а также родственное ему *sōtēria* могут употребляться в значении «свершившееся спасение». Однако основное значение этих слов — «средство спасения». По-видимому, здесь оно употреблено именно в этом значении.

раиль» и утвердит в мире правду и справедливость. Напротив Спаситель встретится с яростным сопротивлением, будет отвергнут, и для Марии видеть все это будет так же невыносимо, как невыносим большой воинский меч, вонзающийся в сердце.

Данное Симеону откровение не было единственным основанием для его предвидений. «...Се, лежит Сей, — говорил Симеон об Иисусе, — на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий... да откроются помышления многих сердец» (2:34-35). И стиль, и мысли Симеона восходят к Ветхому Завету. Еще Исая пророчествовал, что Господь будет «камнем преткновения и скалою соблазна для обоих домов Израиля... и многие... преткнутся, и упадут, и разобьются...» (8:14-15). Выражение «предмет пререканий» тоже перекликалось с Ветхим Заветом. Лука употребляет здесь причастие «вызывающий пререкания» (*antilegomenon*), именная форма которого (*antilogia*) использована в греческом переводе Ветхого Завета при описании мятежа израильтян против Бога в пустыне (см. Числ. 20:13)¹. Поэтому, когда Симеон объясняет, что Христос будет «предметом пререканий», чтобы «открылись помышления многих сердец», его слова напоминают нам о том, как Бог объяснил Израилю, почему Он допустил тяжелые испытания, постигшие Израиль в пустыне: «...чтобы смирить тебя... и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Втор. 8:2).

Израильтяне никогда не выделялись среди других народов особым послушанием. Когда они покидали Египет, слагая песни о своем избавлении, никто бы и не подумал, что в глубине души многие из них скрывали еще не созревший замысел открытого мятежа против Бога,

---

¹ Ср. использование этого слова в Евр. 12:3: «Помышлите о Претерпевшем такое над Собой поругание (*antilogia*) от грешников...».

их Избавителя. В пустыне, в полном соответствии с намерениями Бога, тайное стало явным. И Исайе, и Симеону было при этом известно, что человеческая природа неизменна. С каким бы нетерпением Симеон ни ожидал утешения Израиля, он знал, что за внешней религиозностью во многих сердцах таился все тот же мятежный дух и первым результатом пришествия Христа станет то, что их скрытая мятежность выльется в открытое противостояние. В каком-то смысле Христу необходимо было вызвать это противостояние, потому что никакое утешение Израиля невозможно, пока Бог не сделает его тайный мятеж явным, неприкрытым и очевидным, не добьется от Израиля покаяния и не дарует ему прощение.

Симеону был чужд пессимизм: он верил, что Христос не только явится причиной падения многих в Израиле, но и послужит средством к тому, чтобы эти люди вновь восстали (*здесь: духовно возродились — прим. ред.¹*) (см. 2:34). Разоблачение греха, его исповедание и покаяние приведут к прощению и примирению с Богом. Это примирение распространится даже на языческие народы. Однако Симеон оставался реалистом. И Бог возложил на него непростую обязанность — осторожно предупредить Марию о том, что до того, как наступит время окончательного утешения Израиля, Израилю, ее Сыну и ей самой предстоит перенести тяжелые страдания.

Вполне возможно, что в тот момент Мария не поняла всего, что сказал ей Симеон. Но затем, когда противодействие Иисусу усилилось, стало более упорным и распространилось на власти, когда у Марии возникло искушение думать, что Божий замысел спасения и его

---

¹ В этом и других случаях имеется в виду редактор русского перевода книги.

сроки грубо нарушены, она вспоминала сказанное ей в храме Симеоном и Анной и их слова были ей утешением. Возможно, Мария размышляла над тем, как точно совпали по времени ее приход в храм с ребенком и появление в храме Симеона: день-в-день, час-в-час. Она могла задумываться и над тем, что привело их в храм именно в тот день, когда она смогла услышать сказанное Симеоном о Божьем замысле спасения. Даже если Мария об этом и не задумывалась, Лука приложил все усилия к тому, чтобы об этом задумались, по крайней мере, мы. Пять раз (см. 2:22, 23, 24, 27, 39) Лука повторяет, что и причина, и время прихода Марии в храм определялись законом Божьим. Согласно этому Закону, Мария была обязана, во-первых, принести жертву, связанную с очищением женщины после родов, и, во-вторых, представить своего первенца «пред Господа». Ребенок Марии был мужского пола, и поэтому после его рождения должно было пройти сорок дней, прежде чем она могла прийти в храм и принести жертву (см. Лев. 12:1-8). Итак, когда «исполнились дни очищения», Мария принесла Иисуса в храм, чтобы представить Его перед Господом. Время ее прихода в храм не было делом случая: оно определялось законом Божьим.

Точно так же и представление ее первенца перед Господом не было пустой формальностью или суеверием. Требовавший этого закон (см. 2:23) восходил ко времени избавления Израиля из египетского рабства, когда по Божьему суду у египтян были умерщвлены все первенцы, в то время как первенцы Израиля спаслись кровью пасхального жертвоприношения (см. Исх. 12; 13:11-16). С тех пор израильских первенцев мужского пола в знак того, что они обязаны своей жизнью спасительному милосердию Бога, следовало посвящать Богу. Такое посвящение означало, что на протяжении всей своей жиз-

ни человек должен вести религиозное служение, как вел его, например, Самуил (см. 1 Цар. гл. 1-2) или целое колено Левиино, поэтому родителям обычно дозволялось освобождать своего первенца от такого служения посредством выкупа — уплаты пяти сиклей (Числ. 18:15-16)¹. Тем не менее, каждый первенец мужского пола должен был пройти обряд представления перед Богом. Этот неизменно повторявшийся обряд должен был напоминать и напоминал Израилю о том, что свобода Божьего народа стала возможной благодаря Божьему спасению. В то же время в сознании народа неизгладимо отпечатывался основополагающий принцип и замысел спасения: ценой спасения является заместительная жертва искупления.

В тот же самый день, когда Мария пришла в храм, чтобы представить своего первенца перед Господом и принести собственную жертву очищения, к ней обратился Симеон и осторожно предупредил, что ради спасения Израиля ее первенцу придется переносить страдания. В тот момент слова Симеона прозвучали для нее несколько загадочно — тем самым к ней было проявлено милосердие. Но впоследствии, когда их смысл открылся ей целиком, она поняла, что и время, и место, где они были произнесены, определялось волей Бога. Марии стало ясно, что ни страдания, ни смерть ее Сына не были безвременной трагической случайностью: они составляли неотъемлемую часть изначального Божьего замысла.

Думая о том, что произошло в храме в этот памятный день, Мария не могла не обратить внимания на дру-

---

¹ Лука прямо не упоминает об уплате пяти сиклей в качестве выкупа за Иисуса. Некоторые комментаторы Евангелия считают, что Мария и Иосиф решили не выкупать своего ребенка, полностью отдав его в служение Богу. Другие оспаривают эту точку зрения (видимо, в отличие от Самуила, Иисус впоследствии трудился в миру, работая плотником: Мк. 6:3). Нам нет необходимости пытаться сейчас дать ответ на этот вопрос.

гую важную деталь. Анна рассказывала об Иисусе всем, ожидавшим избавления Иерусалима. Если бы сначала к Марии обратилась Анна, а Симеон бы затем дополнил сказанное Анной, Марии могло бы показаться, что предупреждение Симеона перечеркивает радостные слова Анны, что, раз Израиль отвергнет Сына Божьего и свет спасения просияет язычникам, значит, восстановление Иерусалима может не состояться. Но Анна начала говорить после Симеона, и, несмотря на все сказанное Симеоном, тем не менее стала убеждать людей, что придет день, и Иерусалим будет спасен. Мария помнила об этом и потому была готова к любым испытаниям.

Наступит час, когда она услышит, как ее Сын плачет над Иерусалимом: «Иерусалим, Иерусалим... сколько раз хотел Я собрать чад твоих... и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (13:34-35). Наступит час, когда с замирающим сердцем она услышит Его предупреждение о том, что Иерусалим окружают войска, жителей города будут безжалостно убивать и брать в плен, а сам город будут попирачь язычники, доколе не истечет их время (см. 21:20-24). Но Мария не упадет духом и не утратит веры, ведь тут же она услышит и другие слова Иисуса: «...Увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше» (21:27-28). Когда Иисус произносил эти слова, Мария должна была вспомнить сказанное сначала Симеоном и затем Анной.

Рассказ 10. Мальчик Иисус в храме (2:41-52). Выше мы уже касались завершающего первый этап повествования рассказа 10, и сейчас нет необходимости повторять уже сделанные нами замечания. Здесь, вероятно,

будет достаточно обратить внимание читателя на то, насколько живо и реалистично повествование Луки и как точно он улавливает кульминационные моменты происходящего.

Каждый год Мария и Иосиф ходили в Иерусалим на праздник пасхи. Путешествие занимало несколько дней, и в одном караване вместе с ними шли их родственники и знакомые (см. 2:44). Поэтому не было ничего удивительного в том, что по дороге домой, в течение первого дня пути, Мария и Иосиф не знали, где именно находился мальчик Иисус. Это отнюдь не свидетельствовало об их родительской небрежности. Иисус мог идти вместе с одним из членов их большого рода или со своими друзьями; в конце концов, Ему было уже двенадцать лет, и Он вполне мог Сам о Себе позаботиться в течение дня.

Не было ничего удивительного и в другом зафиксированном Лукой обстоятельстве: как это происходит и с другими родителями, потерявшими и затем нашедшими своих детей, сдерживавшееся волнение, а затем неожиданное облегчение Марии вылилось в открытое, хоть и спокойное, замечание ребенку, которое было сделано несмотря на то, что в этот момент их окружали известные и уважаемые люди.

Но обратите внимание на то, как Лука расставляет акценты, чтобы показать, в чем состояла кульминация происходящего. В 2:46-47 он говорит, что родители нашли Иисуса, но вместо того, чтобы сразу же сказать о сделанном Марией замечании, он обращает внимание читателей на Иисуса, сидящего среди учителей закона и поражающего слушателей своим умом и ответами. Когда в большом здании, среди скопления народа, находят оставшегося без присмотра ребенка, у него обычно спрашивают: «Эй, мальчик! Ты

что здесь один делаешь? Где твой отец? Кто твой отец?» Удивительные способности Иисуса должны были вызвать у богословов именно эти вопросы. Поэтому, когда в храм пришли Мария и Иосиф, и из замечания Марии («Что Ты сделал с нами? вот отец Твой и Я...») стало ясно, что именно они являются родителями Иисуса, это должно было привлечь их внимание: «Так вот, кто его отец, хотел бы я знать, кто же, в таком случае, он сам».

И в этот волнующий момент ребенок говорит: «Зачем вы Меня искали?... Разве вы не знали, что Я должен быть в доме Моего Отца?» (2:49 — *перев. В.Н. Кузнецовой*).

«Дом Отца Моего»? Мудрые учителя закона знали Ветхий Завет вдоль и поперек. Ни разу на протяжении всего Писания ни выстроивший скинию Моисей, ни горячо желавший построить храм Давид, ни построивший этот храм Соломон, ни один пророк, ни один царь или простолюдин, ни один из самых прославленных людей никогда не говорил о скинии или храме «Дом Моего Отца». Произнесший эти слова ребенок знал, что между Ним и Богом существуют отношения, которых никто и никогда не мог себе ранее представить и тем более описать, отношения, характеризовавшиеся глубокой привязанностью и преданностью: «Я должен быть в доме Моего Отца».

«Разве вы не знали...?» — спросил Иисус Марию и Иосифа. Как все вопросы, которые задают дети, этот вопрос был подкупающе прост. По крайней мере, Мария должна была знать, где должен был находиться Иисус; для этого ей следовало глубже задуматься над значением сказанного Гавриилом. В защиту Марии заметим, что не она одна, поверив, что Иисус является Сыном Божиим, затем проявила досадную непосле-

довательность, придерживаясь таких мыслей и взглядов, из которых следовало, что Иисус мог в чем-то заблуждаться. К тому же у нее было совсем мало времени, чтобы тщательно разобраться в словах Гавриила. Даже нам с вами, хотя мы знаем последующую историю жизни и служения Иисуса, знаем о Его смерти, воскресении и вознесении, твердо и непоколебимо верим в Боговоплощение, не удается до конца продумать и осмыслить все значение того, что Иисус является Сыном Божьим.

В тот момент, когда Мария и Иосиф увидели Иисуса в храме, они были крайне взволнованы и не поняли Его слов (см. 2:50). Что означало Его исчезновение? Неужели теперь Он будет постоянно отстаивать и подчеркивать Свою независимость от родителей? В таком случае Он окажется очень трудным ребенком (ведь Иисус оставался ребенком, который должен был физически развиваться и возрастать в мудрости (см. 2:52)). Нет, Иисус пока еще не заявлял о Своей независимости от родителей. На Марии с Иосифом по-прежнему лежала непростая обязанность воспитывать своего сына, а Иисус продолжал их во всем слушаться (см. 2:51), оставаясь пока ребенком.

Однако то, что произошло в храме, было предвестием будущего, и Мария сохранила произнесенные Им тогда слова в своем сердце (2:51). Наступит час, когда ей придется проститься со своим Сыном. Закончится ее единственный в своем роде труд. Простившись с Иисусом как со своим Сыном, она сможет принять Его как своего Спасителя, Господа и Бога. Мария не раз вспоминала о происшедшем в тот день в храме. Это помогало ей подготовиться к тому моменту, когда ее труд и прежние отношения с Сыном подойдут к концу, помогало понять, что на смену особому и неповто-

римому чувству материнского долга и радости шло бесконечно более чудесное желание служить и покоряться Господу.

На протяжении всех последующих глав своего Евангелия Лука упоминает Марию лишь однажды (см. 8:19-21), и то не по имени. К тому времени родственные отношения Мессии со Своей матерью и братьями уже начнут уступать место более высоким духовным отношениям Христа с теми, кто слушает слово Божье и исполняет его.

Заключительные замечания

Начав анализ первого большого раздела Евангелия от Луки, мы показали, каким образом автор отбирал материал для своего повествования, показали присущее ему чувство пропорции в расположении этого материала, отметили повторение некоторых тезисов и сюжетов, проследили ход мыслей автора и проанализировали композицию повествования. Мы увидели, что Лука посвятил пять рассказов описанию событий, произошедших до рождения Христа, и ровно столько же — описанию Его рождения и событий, произошедших вслед за ним. Уже одно это дает основания считать, что в расположении материала Лука стремился соблюсти определенные пропорции. Далее мы увидели (см. Предварительный обзор Этапа 1), что сходства и различия между рассказами 10 и 1 красноречиво указывают на то, что Лука вставил в повествование рассказ 10 потому, что его сюжет гармонично дополняет сюжет рассказа 1. После этого мы заметили, что главная тема рассказов 6 и 7 ярко контрастирует с главной темой рассказов 4 и 5, точно так же, как рассказы 8 и 9 подчеркнута противопоставлены рассказам 2 и 3.

На основании изложенных выше наблюдений можно говорить не только о том, что Лука расположил отобранный им материал в соответствии со строго определенными пропорциями, но и о том, что этот материал расположен симметрично. Нагляднее всего это видно из следующей таблицы:

i	Рассказ 1	Старик в храме. Что это — чудесное отцовство? — Захария в это не верит.
ii	Рассказы 2 и 3	Боговоплощение и радость Марии: слова Гавриила и Елизаветы: своевременность посещения Марией Елизаветы.
iii	Рассказы 4 и 5	Сознательное нарушение семейных традиций и преемственности при рождении, наречении и обрезании Иоанна.
iv	Рассказы 6 и 7	Строгое соблюдение семейных традиций и преемственности при рождении, наречении и обрезании Иисуса.
v	Рассказы 8 и 9	Страдания Марии, которые ей предстояло пережить: слова Симеона и Анны: своевременность посещения Марией храма.
vi	Рассказ 10	Мальчик в храме. Что это — сверхъестественное родство? Мария и Иосиф не могут этого понять.

Приведенная таблица нуждается в комментарии уже хотя бы потому, что многие люди неприязненно относятся к такого рода структурной симметрии. Встречаясь с симметрией в художественном произведении, они сразу же видят в ней дешевый прием, отдающий банальностью и дурным вкусом. Им трудно себе представить, что священный писатель мог опуститься до использования подобных приемов. В серьезных исторических трудах, по их мнению, вообще не может быть симметричных структур. Они говорят, что история по сути своей асимметрична, и, следовательно, никакое ее изложение не может приобретать симметричных форм без сопутствующих тому серьезных фактографических искажений. Наконец, отмечают критики, в течение последних лет многие исследователи утверждали, что им удалось обнаружить в работах Луки композиционную симметрию, однако наблюдения этих исследователей зачастую противоречили друг другу. Эти противоречия дали основания критикам утверждать, что в действительности симметрия в сочинении Луки отсутствует, оставаясь плодом воображения комментаторов.

Коротко рассмотрим эти критические замечания. Критическое замечание о связи между симметрией и отсутствием художественного вкуса не является достаточно серьезным и обоснованным. Хотя у симметрии мало поклонников в наше время, существуют многочисленные свидетельства того, что она вполне удовлетворяла вкусам наиболее талантливых и выдающихся авторов древности. Профессор Талберт упоминает в этой связи таких авторов, как Гомер, Эсхил, Еврипид, Геродот, Фукидид, Пиндар, Катулл, Гораций, Вергилий, Проперций и Плутарх¹.

---

¹ См. *Literary Patterns, Theological Themes and the Genre of Luke – Acts*, (Scholars Press, 1974), p. 67. Автор настоящей книги не всегда соглашается с тем структурным членением, которое предлагает проф. Талберт.

Художественный вкус Луки гораздо больше согласуется со вкусами Древнего мира, чем наш.

Более серьезного внимания заслуживает утверждение о том, что использование симметричных структур несовместимо с требованиями исторической достоверности. Мы уже отметили выше, что такая позиция ошибочна (см. вводный раздел к настоящей книге), и рассмотрим этот вопрос подробнее в Приложении 2.

В основе третьего критического замечания лежит верное наблюдение, из которого, однако, делается совершенно ошибочный вывод. Действительно, если симметричные структуры, обнаруженные исследователями литературоведческой направленности, в написанных Лукой Деяниях святых Апостолов, настолько различны между собой, то это значит, что кто-то из этих исследователей обязательно ошибается, а может быть, ошибаются все. То же самое нередко можно сказать об ученых-экзегетах и историках, однако это не служит основанием для того, чтобы заведомо отказываться от каких-либо попыток экзегезы или исторического анализа. Мы неустанно стремимся к тому, чтобы выработать критерии, которые позволили бы верно оценить противоречивые точки зрения. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже, в Приложении 3.

Остановимся на некоторых соображениях сугубо методического плана. Далее, на протяжении всего Евангелия, Лука будет неоднократно использовать тот метод, о котором мы говорили, анализируя первую часть его повествования. Он будет группировать сюжеты в соответствии с общей темой и нередко, поместив рассказ, посвященный одному аспекту данной темы, сопровождать его рассказом, раскрывающим совершенно другой аспект той же темы. Лука использовал этот метод для того, чтобы в распоряжении читателя оказалось яс-

ное и многостороннее описание жизни, труда и учения нашего Господа. В результате применения этого метода — осознанного или, может быть, неосознанного — было создано повествование, которое во многих своих частях производит впечатление симметричного построения. Иногда это бросается в глаза, иногда — остается еле заметным. Если Лука действительно стремился к симметричности повествования, то он, скорее, должен был использовать этот прием в композиции событий и притч, а не в подробном изложении учения. Однако — и в этом состоит первое методическое замечание — наша основная цель будет заключаться не в том, чтобы установить, какие симметричные структуры хотел создать Лука и насколько последователен в этом своем стремлении он был, а в том, чтобы проследить ход и организацию его мыслей. Симметрия повествования, если она в нем есть, создается не ради самой себя — она призвана отразить организацию мыслей автора. Для того, чтобы следовать его мыслям вовсе не обязательно устанавливать, стремился ли он к абсолютной симметрии повествования, или нет.

Второе методическое замечание состоит в том, что мы не хотим чрезмерно перегружать наше изложение и потому не будем подробно рассматривать принципы, которым следует Лука в отборе материала, пропорции в его расположении, повторяемость некоторых тезисов, ход мыслей автора, а также композиционную структуру повествования, *в тех случаях, когда они очевидны.*

Наконец, последнее методическое замечание. На первых страницах каждого из разделов книги помещены таблицы, в которых дано краткое содержание соответствующего этапа повествования и предлагается его разбивка на взаимосвязанные друг с другом темы и сюжеты. Некоторые из них оказываются во всех подроб-

ностях совершенно симметричными по отношению друг к другу, и симметрия эта бросается в глаза. В других случаях она почти незаметна или незаметна вообще. Пусть читатель сам решает вопрос о степени симметрии¹. Но даже тем, для кого идея симметрии кажется совершенно неприемлемой, предлагаемые таблицы помогут сэкономить время, потому что ими можно пользоваться как географическими картами. Знакомясь с нашим изложением, читатель будет двигаться вперед небольшими шагами, подобно пешеходу, в то время как таблицы помогут ему быстрым взором окинуть все повествование в целом, как бы с высоты птичьего полета.

---

¹ См. замечания проф. Талберта об отрицательном отношении к полной симметрии в сочинениях древних авторов классического и ближневосточного миров в указ. соч., pp.78-79. При всей резкости замечаний проф. Талберта, литературовед должен бороться с искушением находить симметрию даже там, где ее существование весьма сомнительно.

ЭТАП 2

**ВСТУПЛЕНИЕ СЫНА
БОЖЬЕГО В МИР****Предварительный обзор**

В связи с дальнейшим развитием повествования возникает вопрос о замысле Луки: стремится ли он к тому, чтобы мы прочитали о событиях данного этапа как бы на одном дыхании, или, напротив, разбивает свое повествование на отдельные части, как он это сделал раньше, чтобы мы почувствовали значение каждой из них в отдельности. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обозначить основные события и действия, составляющие динамику второго этапа повествования.

Глава 3 начинается с датировки начала служения Иоанна, затем говорится о роли Иоанна и приводятся выдержки из его проповедей. Наконец, из 3:20 мы узнаем, что Ирод положил конец служению Иоанна, заключив его в тюрьму. Новое упоминание об Иоанне встретится нам только в седьмой главе (7:18-35). Поэтому отрывок 3:1-20 мы будем считать Действием 1.

Далее Лука переходит не к описанию начала общественного служения Христа — о нем речь пойдет только в 4:14, — а к изложению трех других связанных между собой фактов. Их тематическое единство сразу бросается в глаза. Сначала рассказывается о крещении (3:21-22), во время которого голос с неба провозглашает: «Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» Затем Лука приводит родословную Иисуса (3:23-38), из которой явствует, что Иисус был Сыном Адама и Сыном Божьим. Наконец, мы узнаем об искушении Иисуса (4:1-13), при

котором дьявол дважды говорит Ему: «Если Ты Сын Божий...». После описания искушений Лука подводит итог повествованию заключительной фразой: «И окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени»(4:13). Обозначим отрывок 3:21-4:13 как Действие 2.

Следующий отрывок начинается с замечаний, свидетельствующих о том, что Лука хочет обратить наше внимание на место происходящих событий. Все описанное в Действиях 1 и 2 происходило на юге страны: в 3:2-3 говорится, что Иоанн вышел из пустыни к Иордану, в 4:1 сообщается, что после крещения Иисус возвратился с Иордана и направился в пустыню, а затем — в Иерусалим (см. 4: 9).

Но вот Иисус идет на север, в Галилею, чтобы начать там Свое общественное служение, и Лука предваряет рассказ об этом служении пространным обобщением: «И возвратился Иисус в силе духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране. Он учил в синагогах их, и от всех был прославляем» (4:14-15). После этого общего замечания Лука останавливается на описании отдельного эпизода — проповеди Иисуса в синагоге Назарета (см. 4:16-30), которая завершается событием, имеющим совершенно однозначный смысл: слушавшие Иисуса люди пришли в ярость и попытались Его уничтожить, но «Он, прошед среди них, удалился» (4:30). Будем считать эти события Действием 3.

Действие 3 отделено от последующего повествования новой географической ссылкой: «И пришел в Капернаум, город Галилейский...» (4:31). Здесь Иисусу был оказан совершенно иной прием. Местные жители отнюдь не хотели от Него избавиться. Наоборот, они стремились убедить Его остаться у них. Однако Иисус

настаивает на том, что Ему нужно идти дальше, чтобы продолжать нести людям Благоую весть (см. 4:42-43). Назовем происходившее в Капернауме (4:31-43) Действием 4.

Обратите внимание, как поступает Лука в данный момент повествования. Вместо того, чтобы переходить к описанию следующего события, он прерывает повествование и подводит итог сказанному следующей обобщающей фразой: «И в синагогах Иудейских» (4:44, *перев. мой — Д.Г.*)¹.

Это обобщение есть не что иное, как повторение сказанного в 4:15. Таким образом, две обобщающие фразы, одна из которых предваряет Действие 3, а другая заключает Действие 4, позволяют рассматривать эти Действия как неразрывно связанные друг с другом. Ведь оба они посвящены описанию конкретных примеров того, как Христос «учил» (4:15) и «проповедывал» (4: 44) в синагогах. Такой подход тем более правомерен, что следующее после 4: 44 упоминание о посещении Христом синагоги будет содержаться только в шестой главе (6:6).

Поэтому давайте пойдем по подсказанному нам пути, остановимся на 4:44 и рассмотрим те четыре Действия, которые мы уже обозначили. Многие из использованных здесь Лукой сюжетов встречаются и у других евангелистов. Лука включает их в повествование, потому что, как и в остальных Евангелиях, они соответствуют определенному авторскому замыслу. Однако некоторые сюжеты и темы встречаются только в

---

¹ В некоторых переводах (в том числе и в Синодальном переводе — прим. пер.) говорится о синагогах Галилейских, а в некоторых — о синагогах Иудейских. Но перевод «в синагогах Иудейских» представляется более точным, поскольку это сочетание (ср. 1: 5) имеет более широкий смысл и подразумевает, видимо, всю Палестину. См. об этом: Marshall, p. 199.

Евангелии от Луки. Именно такой материал поможет нам быстрее разобраться, в каком направлении развивается мысль автора.

За исключением отдельных фраз и тезисов, к этому материалу можно отнести и события в Назарете (Действие 3). Главное значение происшедшего просто и понятно: Христос говорит о Себе и о Своем служении, зачитывая отрывок из Ис. 61 и объявляя о том, что в Нем и есть исполнение пророчества, содержащегося в данном отрывке. Это событие сразу напоминает нам о Действии 1 (3:2-6), в котором в связи с приходом к людям и началом служения Иоанна Крестителя приводится другой большой отрывок из Исая (Ис. 40:3-5). Такая аналогия не может быть случайной и, несомненно, содержит в себе глубокий смысл.

В Действии 1 присутствуют и такие детали, которых мы не найдем в других Евангелиях. Как и Матфей, Лука говорит, что Иоанн Креститель призывал слушателей делами подтвердить истинность своего покаяния и не пытаться оправдываться ссылкой на предков: «...Не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам»» (3:7-8; Мф. 3:7-10). Однако, в отличие от Матфея, Лука решил особо подчеркнуть необходимость «сотворить достойные плоды покаяния»: только он рассказывает о разных людях, приходивших к Иоанну и спрашивавших, что именно нужно сделать, чтобы подтвердить свое покаяние (см. 3:10-14). Давайте вновь вернемся к тому, что произошло в Назарете. В 4:23 все происходит, так сказать, наоборот. Здесь уже люди требуют, чтобы Христос совершил новые дела в подтверждение Своих слов: «...Конечно, вы скажете мне присловие: врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме». Разумеется, Христос видит,

что за этим требованием скрывается не что иное, как бесплодная попытка слушателей найти оправдание своему нежеланию уверовать, и до конца Своего пребывания в синагоге стремится им это доказать. Однако в настоящий момент вызывает интерес уже то, что сюжетная линия Действия 3 является своеобразным противовесом содержанию Действия 1, перекликается с ним и дополняет его. Уже сейчас можно сказать, что автор сознательно отобрал и расположил свой материал, чтобы он отвечал этим содержательным задачам, однако вопрос о том, какие цели он при этом преследовал, мы рассмотрим позднее.

Еще одна деталь, присущая только Евангелию от Луки, содержится в 3:23-38, где Лука приводит родословие Христа. Родословие Христа есть, конечно, и у Матфея, но Матфей помещает его в самом начале своего рассказа о рождении Иисуса (1:1-17), а не между описанием Его крещения и искушения, как Лука; кроме того, Матфей начинает излагать родословие Христа от Авраама, а Лука принимает противоположный порядок, начиная родословие с Христа и возводя его к Адаму и Богу (см. 3:38). Впоследствии мы подробно рассмотрим мотивы, которыми руководствовался Лука, записывая родословие Христа отличным от Матфея образом. Выше мы уже заметили, что выражение «Сын Божий» встречается и в рассказе о крещении, и в рассказе об искушении, но в 3:38 оно приобретает особый смысл. А теперь сопоставим наши наблюдения еще с одной деталью (4:41, Действие 4), которая присутствует только в Евангелии от Луки. Описывая события в Капернауме, Матфей сообщает только то, что наступил вечер «...и Он изгнал духов словом...» (Мф. 8:16). Марк говорит об этом подробнее: «И Он... изгнал многих бесов и не позволял бе-

ПРИХОД ХРИСТА. ЭТАП 2 (3:1-4:44)	
<p style="text-align: center;">Подготовка к обществу к служению (3:1-4:13)</p> <p>1 Иоанн в пустыне и на Иордане (3:1-20).</p> <p>i. <i>Личность Иоанна и его роль (3:4-6):</i> исполнение пророчества Исаяи (Ис. 40:3-5).</p> <p>ii. <i>Требование к людям подтвердить истинность своего покаяния:</i> «Сотворите же достойные плоды покаяния, и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам...»» (3:8).</p> <p>iii. <i>Реакция людей:</i> «...Народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он...» (3:15).</p>	<p style="text-align: center;">Начало служения (4:14-44)</p> <p>3 Христос в Назарете (4:16-30).</p> <p>i. <i>Личность Христа и Его миссия (4:17-19):</i> Он — Тот, в Ком исполнилось пророчество Исаяи (Ис. 61:1-2).</p> <p>ii. <i>Требование к Христу подтвердить истинность своих слов:</i> «...Конечно, вы скажете Мне... врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что, мы слышали, было в Капернауме» (4:23).</p> <p>iii. <i>Реакция людей:</i> «И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходящим из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын?» (4:22).</p>

<p><i>iv.</i> Ирод заключает Иоанна в тюрьму (3:20-21).</p>	<p><i>iv.</i> Люди пытаются уничтожить Иисуса (4:28-30).</p>
<p>2 Христос на Иордане и в пустыне 3:21-4:13.</p> <p><i>i.</i> <i>Личность Христа:</i> «Сын Мой возлюбленный» (3:22); «[Сын] Адамов, [Сын] Божий» (3:38); «...Если Ты Сын Божий...» (4:3, 9).</p> <p><i>ii.</i> <i>Требование к Христу подтвердить, что Он является Сыном Божьим:</i> «...Если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом... бросься отсюда вниз...» (4:3, 9).</p> <p><i>iii.</i> <i>О власти:</i> «И сказал Ему диавол: Тебе дам власть... если Ты поклонись мне, то все будет Твое» (4:6-7).</p>	<p>4 Христос в Капернауме 4:31-43.</p> <p><i>i.</i> <i>Личность Христа:</i> Святый Божий (4:34); Сын Божий (4:41); Христос (4:41).</p> <p><i>ii.</i> <i>Иисус запрещает нечистым духам подтверждать, что Он является Христом:</i> «Иисус запретил ему, сказав: замолчи... Он запрещал им говорить, что они знают, что Он Христос» (4:35, 41).</p> <p><i>iii.</i> <i>О власти:</i> «...И рассуждали между собою: что это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духам, и они выходят?» (4:36).</p>

сам говорить, что они знают, что Он Христос» (Мк. 1:34). Лука приводит еще больше подробностей: «Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос» (4:41). После этого выражение «Сын Божий» встретится нам только в 8:28 и на протяжении всей остальной части Евангелия будет использовано всего несколько раз. В дальнейшем нам нужно будет ответить на вопрос, почему Лука придает такое большое значение этим словам в Действиях 2 и 4. Пока же ограничимся замечанием о том, что выделенные нами сходства между Действиями 1 и 3, а также между Действиями 2 и 4 дают весомые основания предположить, что, согласно замыслу Луки, все эти четыре тесно связанных между собой Действия должны были рассматриваться в качестве единой группы. Назовем ее вторым этапом повествования и попробуем определить, какие цели преследовал Лука, отбирая и располагая свой материал подобным образом. В этом нам поможет таблица, которая дает общее представление о содержании действий, составляющих второй этап повествования (с. 108-109).

Действие 1. Иоанн в пустыне и на Иордане (3:1-20)

Первый этап повествования связан с воплощением Сына Божьего — Его рождением, младенчеством и детством. Рождение Его было подготовлено и возведено небесным посланцем, сопровождалось небесным ликованием, а на земле прошло почти незамеченным. Согласно Божьему замыслу, это событие и должно было остаться скрытым от взора большинства людей. Помимо Марии, Иосифа, Елизаветы и Захарии немногие знали, *Кем* был этот ребенок и что именно было в Нем нео-

бычного. Что-то было известно пастухам из окрестностей Вифлеема. Больше знали Симеон и Анна. Ученые мужи в храме испытывали по этому поводу определенное любопытство, но полученные ими ответы вызывали только новые вопросы... В целом же рождение и детство Иисуса оставалось глубоко семейным делом, как и подобает в случае рождения любого ребенка.

На втором этапе повествования все меняется. Мир детства исчезает раз и навсегда. Приходит время, когда Сын Божий должен открыть Себя миру и явиться перед людьми. В связи с этим возникают два принципиально важных вопроса: кто же такой Иисус Христос и ради чего Он все-таки пришел на землю? Современникам Иисуса требовался совершенно ясный и исчерпывающий ответ на эти вопросы, тем более что их представления о том, кем будет явившийся Мессия и что Он должен будет совершить были смутными и зачастую противоречивыми. Мало что изменилось и сегодня: хорошо известно, что в христианском мире нет единства и определенности в этих вопросах. Поэтому Лука не собирался ставить своих читателей в положение людей, старающихся самих устанавливать, исходя из самых разных событий и высказываний, кем был Иисус и что Ему предстояло совершить. Автор Евангелия засвидетельствовал, что говорилось, когда Иисус пришел к людям, — что говорилось Его поставленным свыше Предтечей, Богом-Отцом, Самим Христом и даже нечистыми духами. Более того, сама форма организации и изложения сказанного в это время об Иисусе говорит нам немало интересного. Лука не относится к числу бездумных собирателей сюжетов и историй, которому безразлично, если из-за непродуманной композиции одни эпизоды и детали повествования окажутся непомерно

раздутыми и заслонят собой другие. Лука стремился к тому, чтобы читатель получил объективное и все-стороннее представление о происходивших событиях, чтобы все ключевые элементы повествования, оставаясь частью единой, хорошо организованной системы, гармонично дополняли друг друга.

В Действии 1 (3:1-20) описывается служение Предтечи. Обратите внимание, какой внушительный перечень имен открывает это действие: император Тиберий, военный правитель Иудеи Понтий Пилат, тетрархи Ирод, Филипп и Лисаний, а также первосвященники Анна и Каиафа. Этот список приведен для того, чтобы зафиксировать, когда началось служение Иоанна; кроме того, с его помощью нам легче уяснить себе статус Иоанна. В руках правителей была сосредоточена огромная власть, они вершили судьбы стран и народов, тогда как Иоанн был послан высшей властью. Правители принадлежали к элите высокоорганизованного общества — Иоанн пришел из пустыни. Но в этой пустыне Иоанну (обратите внимание, что здесь указано, что он был сыном Захарии) явилось слово Божье, сделав его пророком и поставив в один ряд вместе с такими людьми, как Исая, Иеремия и Иезекииль, которые по прямому Божьему вдохновению утешали, а иногда обвиняли и осуждали правителей огромных империй, царей и священников, равно как и целые народы.

Лука сообщает нам, что Иоанн пришел к людям с проповедью покаяния, которое, в свою очередь, вело к прощению грехов (3:3). В определенном смысле, призыв к покаянию присутствовал в речах любого пророка или проповедника, однако призыв Иоанна был особенным, и Лука объясняет, почему это было так, приводя цитату из пророка Исаяи (40:3-5). Сущ-

ность пророчества Исайи отражалась в метафоре, связанной с древним обычаем, согласно которому городские власти, узнав о том, что их город собирается посетить царь или какой-нибудь знатный вельможа, могли обязать горожан проложить особую подъездную дорогу, дабы почетный гость мог въехать в город со всеми подобающими почестями и церемониями. Используя этот образ, Исайя предрек, что придет день, когда Израиль будет призван приготовить такую дорогу для почетного Гостя. Что это будет за Гость? По этому поводу Исайя не оставил у своих слушателей никаких сомнений: «...Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему... скажи городам Иудиным: вот — Бог ваш! Вот, Господь Бог грядет с силою... награда Его с Ним и воздаяние Его пред лицом Его» (40:3, 9-10).

Так говорил Исайя. И теперь Лука обращается к его словам, чтобы охарактеризовать служение Иоанна и указать на Того, о Чьем приходе Иоанн возвещал. Таким образом, для нас становится чрезвычайно важным то, что Лука не просто заимствует у Исайи какие-то удачные выражения, чтобы, описывая служение Иоанна, обратить внимание читателей на частичное сходство его служения с тем, что говорит Исайя. Лука утверждает, что служение Иоанна явилось исполнением пророчества Исайи. Именно Иоанну принадлежал тот голос, которому, согласно Исайе, предстояло призвать людей приготовить дорогу Гостю; оказывается также, что Иоанн возвещал о прибытии того же самого Гостя, что и Исайя, и Гостем этим был Сам Господь Бог.

Разумеется, Лука цитирует пророчество Исайи по греческому переводу. Когда Исайя говорит: «Приготовьте путь Яхве», Лука пишет: «Приготовьте путь Господу (греч. κυρίου)» (в *Синодальном переводе Ветхого*

и Нового Завета в обоих случаях используется одно и то же слово «Господу» — прим. ред.), имея при этом в виду то же самое, что и Исайя, так как в греческом переводе Ветхого Завета слово *kyrios* является эквивалентом «Яхве». Когда Исайя говорит: «...Прямыми сделайте... стези *Богу нашему*», Лука пишет: «Прямыми сделайте стези *Ему*» (выд. мной — Д.Г.), но это не означает, что автор Евангелия принижает смысл пророчества Исайи, как если бы речь в нем шла о простом смертном: грамматический анализ свидетельствует о том, что местоимение «Ему» относится к словам «Богу нашему» (т.е. «Яхве») из предыдущей строки Евангелия, об этом же говорит и наличие здесь поэтического параллелизма. Итак, Лука считает, что Иоанн возвещал о прибытии того самого Гостя, о котором пророчествовал Исайя: Сам Яхве, Господь Бог шел к Своему народу, воплотившись в личности Иисуса Христа. Трудно переоценить значение служения Иоанна в подготовке пути для такого Гостя.

Однако этим не ограничивается цитирование призыва Исайи. В ветхозаветном оригинале говорилось: «И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие...» (Ис. 40:5). Лука привел лишь вторую часть этого высказывания. Нет никакого сомнения, что, согласно Луке, принесенное Иисусом спасение стало самым ярким проявлением Божьей славы. Проследим ход его мыслей: «И он [Иоанн] проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, как написано... «И узрит всякая плоть спасение Божие»» (3:3,6). Через все Евангелие от Луки красной нитью проходит тема прощения и спасения: наш Господь обладал исключительным божественным правом даровать полное прощение грехов и использовал это пра-

во, дабы люди смогли обрести спасение (см. 5:20-24; 7:48-50). Но Исайя сказал, что для того чтобы люди увидели славу Божью, чтобы Господь смог прийти к ним, они должны были приготовить Господу путь; Иоанн и описавший его служение Лука повторяют это условие: для того, чтобы люди увидели Божье спасение, даруемое им через прощение их грехов, они должны приготовить грядущему Господу путь, имя которому покаяние. Физическое появление и присутствие воплощенного Господа среди людей вовсе не означало, что все сразу же увидят Божью славу, примут Божье спасение и прощение. Увидеть и принять эти божественные дары смогут только те, кто покаянием откроет Господу путь в свое сердце.

Поэтому далее Лука уделяет целых восемь стихов (см. 3:7-14) описанию усилий Иоанна убедить людей в необходимости приготовить путь Господу и встретившихся ему при этом препятствий. Иоанн обращал внимание слушателей на то, что в Ветхом Завете говорится не только о грядущем пришествии Мессии, но и о грядущем гневе (3:7; см., напр. Мал. 4:1). Прощение было насущной необходимостью. Но, как бывает и в наши дни, слушавшие его люди останавливались на своем пути к полному покаянию. Иоанн уподоблял их порождениям ехидны, бегущим от огня гнева, но не имеющим ни малейшего желания отказываться от своего порочного нрава. Они вели себя так, как если бы для избавления от грядущего гнева было вполне достаточно ограничиться совершением внешнего обряда крещения, ничем не подтверждая истинности своего покаяния в жизни. Кто-то, вероятно, мог им внушать, что Божьего гнева можно избежать, говорил им Иоанн, но сам он никогда не допускал возможности такого «избавления» (3:7). Вместо того, чтобы покаяться, эти люди предпочитали оп-

равдывать себя тем, что они являются физическими потомками Авраама. Иоанну пришлось им напомнить, что их происхождение не могло служить заменой покаяния или защитой от грядущего гнева (см. 3:8). Близится день, когда о них будут судить, как судят о дереве: не по принадлежности к тому или иному семейству, а по тому, какой оно приносит плод. Если окажется, что плоды жизни человека дурны, и если он не покается и не подтвердит своими делами, что покаяние его было искренним, то, чьим бы сыном такой человек ни был, «дерево» его жизни будет срублено и брошено в огонь (см. 3:9).

Услышав проповедь Иоанна, люди начали в беспокойстве спрашивать, что должно значить покаяние для каждого из них (см. 3:10-14). Простым людям Иоанн говорил, что для них труд покаяния будет измеряться стремлением поделиться с нуждающимися одеждой и едой; сборщикам податей — что свидетельством их покаяния станет отказ от взимания лишнего, солдатам — что их покаяние должно будет проявиться в отказе от вымогательства — силой или клеветой — денег и другого имущества, в том, чтобы довольствоваться своим армейским жалованием.

Итак, сначала Лука объяснил нам, для какого гостя необходимо было готовить путь, затем показал, в чем именно должны были заключаться наши приготовления. В следующих трех стихах (см. 3:15-17) он возвращается к теме безмерного величия грядущего Гостя. Неудивительно, что пророческая власть и единственное в своем роде служение Иоанна пробудили в народе чувство нетерпеливого ожидания, настолько сильного, что некоторые стали задаваться вопросом: а не является ли Христом сам Иоанн? Иоанн, конечно же, опроверг это предположение, однако использовал его для подготовки людей к мысли, что грядущий Христос будет несравненно более велик, и подтвер-

ждением тому станет Его безмерно высшее служение. Христос будет могущественнее Иоанна, причем Его сила в корне отличается от Иоанновой. Иоанн крестил водой; Христос будет крестить Святым Духом и огнем (см. 3:16). Таким образом, Христос совершит два дела, которые не мог и не имел права совершить ни Иоанн, ни любой другой смертный, как бы он ни возвысился: Он даст духовную жизнь покаявшимся и уверовавшим и обрушит Божий гнев на неверующих и нераскаявшихся. Нам неизвестно, насколько хорошо Иоанн понимал все то, что впоследствии оказалось связанным с крещением Святым Духом, однако он, безусловно, знал, что Святой Дух был не безличной силой, но самой жизнью Божьей. Иоанн мог погружать пришедших к покаянию людей в воду, что в каком-то смысле мог сделать любой. Но только Бог мог «погрузить» человека в Дух Святой и позволить Святому Духу снизойти на человека.

Иоанн мог и обличать — и нередко обличал — нераскаявшихся грешников, предупреждая их о грядущем гневе (см. 3:7). Но ему было не дано — и он это знал — вершить последний Суд над людьми, разделяя их на праведников и грешников, или, как говорил сам Иоанн, собирая пшеницу в небесную житницу, а солому предавая небесному огню (см. 3:17). Иоанн был бы безумцем и богохульником, если бы взял на себя или переложил на любого другого человека те дела, которые, как он заявлял, предстояло совершить грядущему Гостю.

Согласно Луке, конец служения Иоанна имел большое, возможно, символическое значение. Иоанн предсказал приход Гостя и призвал людей подготовиться к Его встрече. Ирод не просто отказался от покаяния: он решил заставить Иоанна замолчать и бросил его в тюрьму. Такой поступок был равносильен запираению дверей еще до прибытия Гостя. Как далее расскажет нам Лука (см. 23:8-9),

пришел день, когда у Ирода, как ему показалось, появилась возможность удовлетворить свое любопытство и задать Гостю немало вопросов. Но Гость безмолвствовал.

Действие 2. Христос на Иордане и в пустыне (3:21-4:13)

И вот Гость появляется. Иоанн провозгласил, что это никто иной как Яхве, дарующий прощение, крестящий Духом Святым, высший Судия людей, источник грядущего гнева. Это, конечно, было так, но этим все не исчерпывалось. Чтобы получить полное представление о том, Кем был появившийся Гость, необходимо проследить за событиями и фактами, изложенными в Действии 2. Из рассказа о крещении Гостя мы узнаем о Его совершенно особенной черте — о том, что Он — Сын Божий. Из Его родословия становится ясно, что в некотором смысле Он такой же человек, как и все мы, — Сын Адама, Сын Божий. Но из рассказа об искушении становится ясно, что Он воистину Сын Божий, до конца преданный Своему Отцу, поступающий так, как должен поступать сын.

Описанию крещения Лука уделяет только два стиха (см. 3:21-22), сознательно опуская или сводя к минимуму все подробности, за исключением тех, на которые он хочет обратить наше особое внимание. Не упоминается, кто крестил Иисуса. Лука считает нужным сначала закончить рассказ о служении Иоанна и лишь затем перейти к рассказу о крещении Христа. Автор повествования вовсе не собирался отрицать или скрывать того факта, что Иисуса крестил Иоанн: просто человек, совершавший крещение, и даже сам обряд крещения не были здесь самым главным для евангелиста. Последовательность событий изложена кратко: крестился весь народ, затем крестился Иисус, и затем Иисус стал мо-

литься. Вплоть до этого момента ничто не выделяло Его из тысяч других людей. Затем произошло три необыкновенных события, которые сразу же показали особенность Иисуса: «...Отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» Итак, нам рассказано о трех событиях, и на какое-то время перед нашим взором предстают в Своем божественном величии все три лица Троицы.

Лука описывает два феномена, исходящих с небес: на Христа снисходит Святой Дух и раздаётся голос. Святой Дух сошел на Него в телесном образе голубя. Почему голубя? Здесь могут быть разные интерпретации. Возможно, он должен был напомнить о голубе Ноя, который «не нашел места покоя для ног своих», летая над поверхностью воды, тогда как Сын Божий, выйдя из вод Иордана, в которых был крещен Иоанном, стал должным «местом покоя» для Духа Божьего. А может быть, голубь и не был напоминанием каких-то событий в прошлом и выполнял чисто символическую роль, как например, в момент сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы (см. Деян. 2) огненные языки были символом того божественного дара речи, которым, как пишет Лука, Святой Дух наделил в тот момент учеников Христа. Так и здесь: сошествие Святого Духа в виде голубя могло быть символом того, что в Иисусе нашли свое выражение радость и благоволение Бога-Отца, которые и были провозглашены с небес.

Независимо от интерпретации, понятно, что намерение Луки состоит в том, чтобы подчеркнуть, что Святой Дух сошел в телесной, то есть видимой форме. Это было не просто внутреннее переживание Христа, сокрытое от взоров окружающих в глубине Его сердца, и о котором могло стать известно только из последующих рас-

сказов Христа Своим ученикам. Ключевой момент рассказа Луки состоит в том, что в данном случае сошествие Святого Духа от Отца к Сыну было намеренно явным (в Ин. 1:32-34 приведены слова Иоанна Крестителя, свидетельствующего о том, что он видел, как это происходило). Наряду с присутствием Святого Духа явным было сделано и присутствие Отца. В момент сошествия Святого Духа раздался Его голос, возвестивший: «Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!». Эти слова были обращены к Сыну. Согласно Матфею (3:17), окружающие слышали эти слова и правильно поняли, что тем самым им было дано узнать: «*Сей есть Сын Мой возлюбленный...*» (выд. мной — Д.Г.). Но что касается Луки, то он удовольствовался тем, что сосредоточил все наше внимание на трех лицах Троицы, чтобы мы смогли увидеть Иисуса как Сына Божьего, в Его единственной в своем роде связи с Отцом и Святым Духом. Перед нами не догмат Троицы, изложенный в сложных философско-теологических терминах, которые, конечно, понадобятся в свое время. Перед нами исходящее с небес откровение, которое с божественной простотой показывает гармонию во взаимоотношениях всех трех лиц Троицы и уникальность Иисуса как Сына Божьего.

Разумеется, Иисус был Сыном Божьим и в другом смысле. Поэтому Лука, с его чувством соразмерности в отражении истины, приводит далее родословие Христа, показывая, что Иисус был Сын «Адамов, [Сын] Божий», то есть, что Иисус был Сыном Божьим в том же смысле, что и Адам. Иисус был истинным человеком¹.

---

¹ О проблемах, возникающих в связи с отдельными элементами этого родословия см. Marshall, pp. 157-65. Независимо от того, каково истинное решение этих проблем, хорошо видно, что, указывая на Иосифа, который, по мнению многих и был отцом Иисуса, Лука не забывает при этом о своем рассказе, посвященном непорочному зачатию, и не противоречит самому себе.

Бог и человек. Не «либо Бог — либо человек», а «и Бог, и человек». Воистину человек, но не только человек.

После этого Лука переходит к рассказу об искушениях Иисуса. Описываемые события — Сына Адама, Сына Божьего искушает дьявол, причем одно из искушений связано с пищей, — заставляют нас вспомнить о том непослушании, которое проявил Адам, вкушив запретный плод, и это, в свою очередь, делает возможным дать более полный ответ на два главных вопроса: кто такой Иисус и ради чего Он пришел на землю? Человек Иисус пришел для того, чтобы одержать победу там, где первый человек, Адам, потерпел поражение. Так же, как Адам был началом и венцом человеческого рода в его прежнем состоянии, воскресшему Иисусу предстояло стать началом и венцом возрожденного человечества. Тем не менее, уже при первом искушении обнаружилось принципиальное различие между первым человеком и Иисусом. «И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом» (4:3). Нет нужды говорить, что такое предложение никак нельзя было бы назвать искушением ни для Адама, ни для любого из нас с вами. Адам не обладал властью превращать камни в хлеб, и ни один простой смертный после Адама также не обладал подобной властью. Для Христа же, напротив, вся сила искушения состояла в том, что Он, будучи Сыном Божьим, обладал этой властью и мог ей пользоваться по Своему усмотрению. Потому Христос не мог сказать дьяволу: «Ты что — глупец?! Я не имею власти превращать камни в хлеб». Вместо этого Он ответил: «Не хлебом одним будет жить человек». Греческое слово *anthrōpos* (человек), которое использовал здесь Лука, употребляется в значении «человек как представитель рода человеческого». Таким

образом, ответ Христа свидетельствует о том, что, будучи воистину Сыном Божиим, Христос остается человеком и намеревается жить так, как должен жить человек, сына Адама.

Итак, первая победа была одержана. Однако это была победа не просто во имя аскетизма. Для человека, если он живет настоящей, полноценной жизнью, а не являет собой живой труп, необходимо нечто большее, чем хлеб насущный: Слово Божье, общение с Богом, восприятие Божьего Слова с любовью и послушанием. В Едемском саду Адам, которому была в это время доступна самая разнообразная пища, подвергся искушению не повиноваться Божьему Слову, ослушался Его, но потом понял, что такое неповиновение приводит к смерти. Народу Израиля было послано испытание, когда он должен был голодать в пустыне (Втор. 8:3), затем голод его был утолен манной, и это должно было научить Израиль, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих. И вот, после сорокадневного поста в пустыне, Христос с готовностью повинуется тому, что гласит Божье Слово, тому, что «написано». Он отказывается от приема пищи до тех пор, пока в глубине сердца не услышит Бога, обращающегося к Нему в Своем слове.

Сила второго искушения была связана не столько с тем, кем был Иисус, сколько с той властью, об обладании которой заявил дьявол: «...Она [власть] предана мне, и я, кому хочу, даю ее...». Нет смысла обсуждать, насколько слова дьявола соответствовали истине. В какой-то мере, безусловно, соответствовали. Сопоставим этот отрывок с Откр. 13:2, где говорится о звере, которому «дал... дракон силу свою и престол свой и великую власть». Следует признать, что уже в словах «она пре-

дана мне» проступает неискоренимое осознание дьяволом того, что он — часть творения и, следовательно, источником власти дьявола, в конечном итоге, является Творец. Но именно с этим фактом и связана сила второго искушения: почему Бог позволяет дьяволу в течение такого долгого времени успешно пользоваться этой властью? Если первое искушение испытывало веру в Бога, как Того, Кто дарует все необходимое для жизни, то второе искушение будет испытывать веру в Бога, как в нравственного Властелина вселенной, и веру в Его обетования, согласно которым вся власть будет отдана Сыну Человеческому и «народу святых» (см. Дан. 7).

Надо полагать, что то поклонение, которого дьявол потребовал от Иисуса, не должно было сопровождаться чувством благоговения и вознесением хвалы, которые, как правило, сопутствуют поклонению Богу. Требование дьявола заключалось в том, чтобы Иисус признал его, дьявола, верховной сущностью и источником высшей власти, которую нельзя превозмочь, а можно лишь признать, соглашаясь идти на уступки перед ней. На этих условиях дьявол был готов позволить Христу добиться мирового успеха. Немало политических и религиозных движений и до, и после Иисуса добивались власти и успеха такой ценой, обосновывая свою позицию ссылками на целесообразность, трезвый подход или соображения насущной необходимости. В результате, несмотря на явный и существенный прогресс, человечество остается в плену у дьявольских сил зла, господствующих как в частной жизни людей, так и в учрежденных людьми общественных и политических институтах. Христос, еще раз сославшись на Писание как на выражение верховной Божественной власти (см. 4:8), отказался преклоняться перед кем-либо, кроме Бога. Этим отказом не-

постижимый человеком Божий замысел и вселенская власть Бога обрекали Иисуса на крест, но благодаря этому же отказу для человечества открывалась возможность обрести свободу, о которой мы вскоре услышим из уст Иисуса, приступающего к Своему общественному служению (4:18).

Как и в случае с первым искушением, сила третьего искушения Иисуса обуславливалась тем, что Иисус был Сыном Божиим, а также тем, что Он проявил готовность верить Святому Писанию и покоряться Богу. Именно поэтому дьявол решил привести отрывок из Писания, в котором Мессии давалось обещание, что Его будут хранить ангелы, и предложил Иисусу не просто брать Писание на веру, но и подтвердить Свою веру поступком. Это было чрезвычайно коварное искушение. Вспоминается, как Иоанн Креститель справедливо требовал от своих слушателей, чтобы они делами подтвердили, что действительно являются детьми Авраама, поскольку не подкрепленные поступками слова ничего не стоят. Более того, для глубоко приверженного Богу человека, предложение довериться Божьему Слову и сделать «шаг веры» кажется весьма привлекательным, а отказ от такого шага, или даже колебания, могут расцениваться как недостаток веры. Однако Иисус видел, в чем состояло коварство дьявольского предложения: в действительности, дьявол предлагал Иисусу не довериться Богу — но испытать Его; он предлагал Ему не воспользоваться Своим правом, чтобы подтвердить, что Он, Иисус, является Сыном Божиим — но злоупотребить этим правом. Ни единым словом Бог не побуждал Иисуса броситься вниз с храма; этого не требовалось ни ради Божьих дел, ни ради каких-либо людских нужд. В основе такого

поступка могло лежать только тщеславие или желание испытать Бога, чтобы проверить, исполнит Он Свое обетование, или нет, а Писание запрещает человеку испытывать Бога подобным образом. Отношения с Богом не подлежат подобным испытаниям. Его верность не вызывает сомнений. Прыгнуть с храма означало бы взять инициативу в свои руки и насильно поставить Бога в такое положение, что у Него не оставалось бы другого выбора, кроме как предотвратить несчастье: ведь не сделай Он этого, Он мог быть обвинен в неверности. Такой поступок, как прыжок с храма, поменял бы местами Человека и Бога, Сына и Отца. Предложение дьявола Иисусу совершить этот поступок, чтобы подтвердить, что Тот действительно является Сыном Божьим, было лживым, и Христос ответил отказом. Единственное, чего добился дьявол, так это того, что в результате его искушений стало ясно: Иисус воистину является Сыном Божьим.

Действие 3. Христос в Назарете (4:16-30)

Сразу бросается в глаза то, что первым примером служения Христа, о котором решил рассказать Лука, стал Его поступок в Назарете, вызвавший крайне враждебную реакцию людей, решительно отвергнувших Его утверждения. Правда, следуя принципу соразмерности повествования, Лука не преминул подчеркнуть, что перед тем, как Христос столкнулся с открытой неприязнью в Назарете, Его очень хорошо принимали по всей Галилее (см. 4:14-15), кроме того, за рассказом о враждебном отношении в Назарете сразу же следует описание благожелательного отношения к Нему в Капернауме (см. 4:31-43). Но все же почему событиям в Назарете было уделено столько внимания?

Одно из возможных объяснений состоит в том, что проповедь Христа в Назарете была своего рода программной, в ней провозглашался Божий замысел и цель, и потому было вполне уместно начать рассказ об общественном служении Иисуса именно с нее. Объявляя о Себе и о цели Своего прихода на землю, Христос цитирует Ис. 61:1-2 и 58:6. Сразу вспоминается, как в 3:4-6, рассказывая об Иоанне и о том, что ему было суждено исполнить, Лука цитировал сходный отрывок из Исаяи. Одним из важнейших моментов Благой вести было то, что ни Иоанн, ни Иисус не собирались основывать какую-то новую религию или движение. И Иоанн, и Иисус утверждали, что их появление и дела были исполнением божественного замысла, провозглашенного ветхозаветными пророками. Разумеется, не было ничего удивительного в том, что ни один серьезный человек не согласился бы с утверждениями Христа, не убедившись сначала в их обоснованности. Жители Назарета решили, что как утверждение Христа, так и приводимые им доказательства были ложными. Рассказывая об этом, Лука, разумеется, считает такой вывод несправедливым, но раз уж он уделяет столько места описанию отношения жителей Назарета к Иисусу, то, надо полагать, что он приложит все усилия, чтобы показать, почему они были неправы.

Однако, прежде чем мы будем говорить о том, почему жители Назарета отвергли утверждения Иисуса, нам необходимо как следует разобраться в том, что это были за утверждения. Прежде всего Христос заявил, что является помазанным Слугой Господа: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня...» (4:18). Затем Он объяснил, что послан «благовествовать нищим». Нищим в каком смысле? Нет оснований утверждать, что речь не могла идти о материальной нищете, одна-

ко очевидно, что помимо материальной нищеты здесь подразумевалась и нищета в других ее проявлениях. В Своей проповеди Христос приведет два примера того, как в прошлом на людей нисходила Божья благодать: в одном случае речь шла о нищей вдове (см. 4:26), однако во втором случае это был вельможа, сирийский военачальник, владевший огромным состоянием, чья нищета выражалась не в недостатке средств, а в полной беспомощности перед проказой (см. 4:27). Кроме того, уже в следующей главе повествования (см. 5:27-30) говорится, что в числе тех, кто первыми принял Благою весть, были сборщики податей, люди вполне зажиточные, однако нищие в нравственном и духовном отношении. Эту мысль можно проследить на протяжении всего Евангелия от Луки: слово «нищий» может подразумевать нищету в любом из ее проявлений, но прежде всего оно относится к нищете духовной, от которой страдают все без исключения.

Что же, в таком случае, включало в себя благовестие нищим? Надо полагать, что об этом мы узнаем из отрывка, который продолжает цитировать Иисус. Особый упор сделан на мотив освобождения. Иисус говорит о том, чтобы проповедовать «пленным освобождение... отпустить измученных на свободу (букв.: «*послать измученным освобождение*» — Д.Г.)». В обоих случаях употребляется одно и то же греческое слово: *aphesis*. Родственный ему глагол имеет целый ряд значений: «освободить», «отсылать», «отпускать», «допускать». В определенных контекстах этот глагол имеет также значение «прощать», так как прощение означает освобождение человека от бремени долгов, вины, обязательств, заслуженного наказания. Соответственно, и существительное *aphesis* может означать как «освобождение», так и, в определенном контек-

сте, — «прощение». Значение слова *aphesis* в данном отрывке будет зависеть от того, какой смысл здесь вкладывается в слова «пленные» и «измученные». Заметим, что греческое слово «пленный» (*aichmalōtos*) в буквальном смысле значит «военнопленный». Это слово не стали бы употреблять, говоря, о человеке, попавшем в заключение из-за уголовного или политического преступления (применительно к таким людям в Новом Завете используется слово *desmios*). Во время Своей проповеди в синагоге Назарета наш Господь не мог использовать слово «пленный» в буквальном смысле. Иисус заявил, что пророчество Исайи исполнялось в тот самый час, когда Он обращался к находившимся в синагоге слушателям: пленным предлагалась свобода. Следовательно, речь не могла идти о военнопленных. В Евангелии содержится немало примеров того, как Христос дарует освобождение людям, которые, говоря образным языком, были пленниками чувства вины (см. 7:41-50), любви к деньгам (см., напр. 19:1-10), находились под мучительным и давящим гнетом сатаны (см. 8:26-39) и т. д. Итак, мы приходим к заключению, что в синагоге Назарета Иисус говорил именно о таких пленных.

Другим мотивом благовестия нищим было прозрение слепых. Под этим прежде всего подразумевалось дарование зрения тем, кто был слеп физически, так как в Евангелии неоднократно описываются примеры исцеления слепых (см. 7:21-43). Но, как и в случае со словом «нищие», трудно себе представить, чтобы речь здесь шла только о тех, кто был слеп физически. Что это был бы за Божий замысел, если бы он ограничивался освобождением военнопленных и излечением слепых? Однако, вкладывая в высказывание об ос-

в освобождении пленных и прозрении слепых значение духовного освобождения, мы убеждаемся в том, что в нем действительно заключена формулировка сущности Благой вести. Об этом свидетельствует тот факт, что в других, более поздних, формулировках Благой вести повторяются, хоть и иначе изложенные, но по сути своей те же два ключевых мотива. Обратимся, например, к тому, как Павел, согласно Луке, объясняет цель своего служения царю Агриппе: «...Открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету (*т.е. прозрели — Д.Г.*) и от власти сатаны к Богу, и ... получили прощение (*aphesis — Д.Г.*) грехов (*т.е. освободились из плена — Д.Г.*) и жребий с освященными» (Деян. 26:18). Необходимо также заметить, что духовный смысл того, что предлагал Иисус, сильно задевал Его слушателей в синагоге, и потому их реакция была бурной и болезненной.

Наконец, последним, о чем сказал в Своей проповеди Иисус, были сроки осуществления Божьего замысла. В пророчестве Исайи было предсказано, что помазанный Слуга Господа будет «проповедывать лето Господне благоприятное и день мщениа Бога нашего» (Ис. 61:2). Очевидно, что Лука стремится к тому, чтобы мы правильно поняли, какая именно часть Божьего замысла исполнялась, согласно словам Христа, в день Его проповеди в Назарете. Лука живописует сцену проповеди во всех подробностях. Христос встает, чтобы прочитать отрывок из Писания, Ему подают свиток, Он находит нужное место из книги пророка Исайи и зачитывает его. Дойдя до Ис. 61:2 и прочитав лишь первую часть стиха, «...проповедывать лето Господне благоприятное», Христос останавливается и в то время, как к нему обращены взоры всех присутствующих в синагоге, сворачивает

ет свиток, отдает его служителю, садится и произносит: «...Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (4:21).

Трудно преувеличить важность и значение слов, которые так торжественно и драматично произнес Христос: из них следовало, что Он-то и был Мессией, в результате Его пришествия наступил благоприятный год Господа, день же мщения еще не наступил: на данном этапе человеческой истории у Христа не было намерения обрушивать Божий гнев на нечестивцев и нечестивое общество с его институтами.

Среди многих людей, в особенности среди тех, кто верил в Него, эти слова вызвали потрясение и разочарование, особенно после того, как стало ясно, что из них следовало. Как мы помним, Иоанн Креститель объявил, что Христос совершит два дела: не только ниспошлет Святого Духа на верующих, «соберет пшеницу в житницу Свою», но и «солому сожжет огнем неугасимым» (см. 3:16-17). Ожидания слушателей Христа были вполне оправданны: придет день, и Христос действительно обрушит на неверующих и не покоряющихся благовестию Божий гнев (см. 2 Фес. 1:7-10). Однако Иоанну пришлось испытать разочарование, и в основе этого разочарования, по-видимому, лежало ошибочное представление, согласно которому Христос должен был низвергнуть зло и уничтожить нераскаявшихся грешников сразу же по Своему пришествию. Во имя пришествия Христа Иоанн обличал грехи Ирода, а нераскаявшийся Ирод бросил его в тюрьму. Иоанн, видимо, полагал, что, как только Иисус придет на землю, Он сразу же освободит его и обрушит на Ирода кару, поэтому, когда Христос не стал предпринимать в этой связи каких-либо действий, Иоанна постигло разочарование (см. 7:18-23) и ему по-

требовалось подтверждение того, что пророческий замысел не потерпел краха или не был нарушен. Дело было не в том, что зло укоренилось слишком глубоко, а Христос и те, кто за ним последовал, оставались слабым меньшинством, и потому пытаться в этот момент идти против Ирода, чтобы сломить его власть, значило бы проявить горячность и неосмотрительность. Христос отнюдь не намеревался свергнуть Ирода с престола, чтобы выпустить Иоанна из тюрьмы, и не хотел вершить свой суд над Иродом или над любым другим нечестивцем. Он пришел для того, чтобы принести с Собой «лето Господне благоприятное», чтобы провозгласить Благоую весть и дать людям возможность избежать грядущего гнева. И лишь тогда, когда этот год закончится, — а Бог в Своем милостивом долготерпении делает его весьма и весьма длительным — настанет грозный и сравнительно короткий день мщения.

Вот в чем состояли утверждения Христа, вот в чем заключался Божий замысел. Собравшиеся в синагоге люди должны были признать, что из уст Иисуса исходили слова, исполненные дивной благодати; с другой стороны, для этих людей, среди которых были Его родственники, знакомые и соседи, Он оставался всего лишь сыном Иосифа (см. 4:22). Кроме того, разве было что-либо такое, что могло бы подтвердить истинность этих грандиозных по своему значению утверждений?

Христос знал их мысли: «Конечно, вы скажете Мне присловие: Врач! исцели Самого Себя...». Совершенно ясно, что Его слушатели имели в виду, думая об этом присловии, — они искали в нем оправдание своего неверия. Собравшиеся в синагоге не верили Иисусу и не скрывали этого. Однако винили они при этом не себя, а Христа, считая, что Он не предоставил в подтверждение Своих слов достаточных доказательств. Ведь это Он

говорил, что может исцелять. Зачем, в таком случае, обвинять их в неверии; они были готовы поверить, если Он подкрепит Свои слова соответствующими доказательствами. Доказательства должны были исходить от Него. Они слышали, что Он совершил немало чудес в Капернауме. Однако этого было недостаточно; если Он хочет, чтобы Ему здесь поверили, Он должен подтвердить истинность Своих слов, совершив еще больше подобных чудес в Своем родном городе.

В этом изложении позиция жителей Назарета (а заметьте, что именно Христос излагает ее таким образом (см. 4:23)) представляется в высшей степени разумной. Разве Иоанн Креститель не придерживался сходных взглядов, когда заявлял своим слушателям, что недостаточно называть себя истинными детьми Авраама и говорить о своем покаянии: необходимо подтвердить истинность этих слов, сотворив в своей жизни «плоды покаяния»? В таком случае, очень странно, как, видимо, считают некоторые теологи¹, что Христос не только отказался подтвердить свои слова соответствующими доказательствами, хотя просьба слушателей была вполне правомерной, но, напротив, начал говорить о том, что не совсем относилось к делу и вызвало у слушателей лишь приступ сильной ярости. На самом деле, слова Христа напрямую относились к делу и в них не было ничего оскорбительного. Христос стремился дать им понять, что, во-первых, те доказательства, которых они просили, никак не смогли бы свидетельствовать в пользу истинности Его слов, во-вторых, доказательства, которые позволили бы им полностью удостовериться в истинности Его утверждений, были

---

¹ См., например: A.R.C. Leaney, *A Commentary on The Gospel According to St. Luke*, London, A & C Black, 1958, pp. 52-53.

им доступны, и, наконец, в-третьих, именно от них, а не от Него, зависит, воспользуются они этими доказательствами, или нет. Если воспользоваться правилом «Врач, исцели себя сам» для описания положения людей из Назарета, то можно представить его следующим образом: Христос как врач мог бы их исцелить, и тогда их здоровье стало бы неоспоримым доказательством истинности его утверждений, однако не от Врача, а от них самих зависело, признают ли они себя больными и нуждающимися в исцелении, позволят ли они Ему начать исцеление и предоставить им необходимые доказательства, или нет.

Итак, прежде всего Христос напомнил Своим слушателям, что до них уже дошли известия о чудесах, совершенных Им в Капернауме. Эти известия были первыми фактическими доказательствами, из которых явствовало, что Его утверждения не были голословными. Вновь представлять объективные доказательства, но уже в Назарете, не имело особого смысла.

Далее, Христос обратил внимание Своих слушателей на то, что, помимо недостатка объективных доказательств, есть и нечто другое, что мешает им согласиться с Его утверждениями. Это психологический барьер, настолько хорошо известный и повсеместно признанный, что о нем говорится в поговорке: нет пророка в своем отечестве (см. 4:24). Этот барьер не имел ничего общего с фактическими доказательствами или с логическими доводами. Он основывался на иррациональной или, по меньшей мере, нерациональной, предубежденности, имеющей эмоциональную, интуитивную природу. Признаться себе в существовании этого препятствия и преодолеть его должен был не Христос, а они сами. Только при этом условии они бы оказались в состоянии непредвзято отнестись к предлагавшимся

им доказательствам. В противном случае, их неудовлетворенность доказательствами могла быть не чем иным, как попыткой оправдать собственную предвзятость.

Наконец, Христос привел в качестве примеров два ветхозаветных рассказа — и здесь необходимо проявить особую внимательность, так как многие толкователи испытывали затруднения, пытаясь определить, какое отношение имеют эти рассказы к желанию слушателей увидеть подтверждение слов Христа, о котором Христос как раз и говорил¹. Некоторые толкователи утверждали, что эти рассказы никак не связаны с тем, о чем говорилось сначала: просто в данном случае Лука поступил с имевшимися в его распоряжении источниками как слабый компилятор и вплел в канву повествования два ветхозаветных сюжета, которые, на самом деле, не имели никакого отношения к произошедшим в Назарете событиям. Другие же, заметив, что в обоих случаях Христос делает упор на то, что Божий пророк нес благословение язычникам, а не израильтянам, увидели в этом осуждение ограниченности собравшихся в синагоге иудеев. Такое объяснение, конечно, лучше первого — в его основе лежат вполне логичные рассуждения: столкнувшись с отказом иудеев поверить Его утверждениям, Иисус апеллирует к двум ветхозаветным рассказам и использует их в качестве своеобразного пророчества, предрекая, что, несмотря на то, что Его отвергают соплеменники, придет такое время, когда в Него уверуют миллионы язычников. Однако подобное объяснение остается по-

---

¹ Так, Роберт Линн говорит, что связь здесь очень слабая (Op. cit., p. 53). См. также: I. Howard Marshall, *The Gospel of Luke, The New International Greek Testament Commentary*, Exeter, Paternoster Press, 1978, pp. 188-189.

верхностным. Собравшихся в синагоге не удовлетворяли представленные Христом доказательства. В ответ на это вряд ли можно было ограничиться словами: «Ну, ничего, миллионы язычников поверят этим доказательствам, точно так же, как в прошлом язычники верили пророкам, в то время как Израиль оставался в неверии». Подобной аргументации было бы явно недостаточно, так как здесь вставал очень серьезный вопрос: на основании чего уверовали язычники в прошлом и на основании чего уверуют миллионы язычников в будущем? Если иудеи Назарета считали представленные Им доказательства недостаточными для своей веры, то разве могут эти доказательства оказаться достаточными для веры язычников? Неужели можно считать язычников доверчивыми простаками? В свете этих соображений становится очевидным, что мы должны самым серьезным образом отнестись к упомянутым Христом ветхозаветным рассказам и рассмотреть их более подробно.

Насколько нам известно, вдова из Сарепты, к которой был послан пророк Илия, никогда его до этого не видела (см. 3 Цар. 17:8-16), и, в определенном смысле, то, что он от нее потребовал, было просто возмутительным. У нее оставалась какая-то горстка муки, а Илия настаивал на том, чтобы прежде всего она испекла для него опреснок. Правда, Илия добавил, что, если она это сделает, то ее запасы пищи будут чудесным образом пополняться. Тем не менее, прежде всего она должна была потратить все, что у нее осталось, чтобы приготовить ему опреснок. Почему же, в таком случае, вдова доверилась Илию? Илия утверждал, что является пророком, однако что могло подтвердить вдове истинность этих утверждений? Если бы вдова уподобилась жителям Назарета, то она потребовала бы от Илию совершить какое-ни-

будь чудо — вполне подошло бы, например, чудесное наполнение ее кадки мукой — и вот тогда она бы поверила ему и приготовила требуемый опреснок. Но Илия настаивал на том, что все должно происходить в обратной последовательности. Не имея в своем распоряжении никаких аргументов, кроме обещания последующего чуда, данного Илией во имя Бога, вдова должна была решить, тратить ей свои последние крохи на опреснок для Илии, или нет.

К счастью, вдова доверилась Илии, испекла опреснок и чудо свершилось: пока не окончилась засуха, у них с сыном не истощались запасы пищи. Прошедшее со вдовой подтвердило истинность слов Илии, и теперь она располагала неоспоримыми доказательствами. И, все-таки, почему она доверилась Илии с самого начала? Ответ прост: вдова понимала свое крайне нищенское положение и понимала, что ее скудным запасам скоро придет конец. Если бы вдова отказалась поверить Илии и сберегла бы последнюю горстку муки для себя и своего сына, то через несколько дней они все равно бы умерли от истощения. Ничего бы существенно не изменилось, если бы она отдала эту муку Илии, а тот оказался бы обманщиком. Она бы просто умерла на несколько часов раньше. Она также понимала, что если Илия говорит правду и она доверится ему, то они с сыном спасутся от голодной смерти. В каком-то смысле именно крайняя нужда заставила вдову посмотреть на вещи трезво. Если бы ко времени встречи с Илией у нее оставалось бы, по крайней мере, полкадки муки, то она могла бы не решиться довериться Илии и рискнуть последними запасами, тщетно надеясь, что ей удастся каким-то образом протянуть до окончания засухи.

Нетрудно заметить, что эта история имела самое прямое отношение к людям, собравшимся в синагоге Назарета. Они хотели получить свидетельства истинности утверждений Христа. Христос объяснил им, что такие свидетельства есть и к ним можно обратиться в любой момент. Ведь в чем они состояли? В том, что Он пришел к людям как Слуга Божий, неся спасение и прощение, освобождая от гнета вины и рабства духовных пленников и нищих. Пусть бы нищие и обездоленные воззвали к Нему, и Он бы явил им через их собственные переживания истинность Своих утверждений. Пусть бы они обратились к Нему. Если бы выяснилось, что это обман, то они ничего бы не потеряли.

Но в этом-то и была загвоздка. Слушатели Иисуса не были нищими, по крайней мере, не считали себя таковыми. Они были уважаемыми законопослушными гражданами, добрыми родителями, честными торговцами, а также глубоко религиозными людьми, регулярно посещавшими синагогу. Заявление Иисуса о том, что Он является Мессией, пришедшим в мир для того, чтобы его исправить, в устах молодого человека, которого они знали с детских лет, звучало не слишком правдоподобно; и все же они были готовы над ним поразмыслить, если бы Он подкрепил Свои слова объективными свидетельствами — новыми чудесами, подобными тем, которые, по их сведениям, Он совершал в Капернауме. Однако эти люди ни в чем особенно не нуждались. Любую попытку провести параллель или найти что-либо общее между ними и вдовой-язычницей они расценили бы как оскорбление. Неужели этот Иисус действительно думает, что они, Его братья и сестры, многочисленные родственники, друзья и знакомые,

согласятся с Ним в том, что они и в самом деле люди недостойные и обездоленные, нищие нравственно и духовно? Да это неслыханное унижение и оскорбление!

Вот почему очень к месту оказался рассказ о Неемане. Ведь сначала, когда Нееман услышал от Елисея, что нужно было сделать, чтобы избавиться от проказы, он почувствовал себя настолько оскорбленным, что разгневался и пошел прочь (см. 4 Цар. 5:9-14). Что же заставило Неемана изменить свое мнение и покориться? Тот простой, но суровый факт, что он был прокаженным. Слуги Неемана заставили его задуматься о том, что если даже просьба совершить такой незначительный поступок, как окунуться в Иордане, казалась ему оскорбительной, то куда более оскорбительными будут унижения, связанные с поздними стадиями болезни и потому лучше последовать этой просьбе и исцелиться, нежели позволить болезни развиваться дальше.

Однако, выслушав эту историю, собравшиеся пришли в ярость. Уже речи о том, что они являются духовными слепцами, людьми нищими и обездоленными, было трудно вынести; теперь же оказалось, что они неразумнее пораженного проказой язычника Неемана. Это переполнило чашу их терпения, и они предприняли попытку уничтожить Христа.

Итак, в свете сказанного, возможно, становится понятнее, почему Лука так подробно рассказал о событиях в Назарете. Прежде всего эти рассказы помогают понять смысл заявлений Иисуса. Однако Лука знал, что недостаточно сделать определенные заявления: необходимы свидетельства, подтверждающие их истинность. Нет сомнений, что Лука не испытывал большой радости, когда ему приходи-

лось рассказывать, как утверждения Христа были отвергнуты Его родственниками и земляками, однако ему было очень важно показать Феофилу и нам с вами, почему это произошло. Возможно, жители Назарета продолжали утверждать, что их неприятие Иисуса объясняется недостаточной обоснованностью Его слов, однако теперь мы видим, что дело здесь было не в недостаточной обоснованности, а исключительно — в нежелании этих людей признаться в своем плачевном духовном состоянии или, говоря иными словами, в их отказе покаяться. Они не смогли увидеть Мессию в сыне Иосифа. Однако и Исая, и, вслед за ним, Иоанн Креститель говорили, что для того чтобы люди могли увидеть славу явившегося Господа и славу Его спасения, они должны готовить Ему путь.

Действие 4. Христос в Капернауме (4:31-43)

Этап «Вступление Сына Божьего в мир» завершается Действием, в котором Лука использовал практически тот же материал, что и Марк в Первой Главе своего Евангелия (Мк. 1:21-39). Это вовсе не означает, что мы должны отказывать Луке в намерении сделать Действие 4 такой же неотъемлемой частью своего замысла, как и другие не имеющие параллелей фрагменты, например, Действие 3. Когда Лука решает использовать материал, взятый им из того или иного источника, уже сам этот выбор значим с точки зрения авторского замысла. Если Лука говорит то же самое, что и Марк, это значит, что он хочет сказать то же самое, что и Марк. Когда ему хочется сделать больший упор на определенные аспекты какого-то материала, чем это делает Марк, он, безусловно, оставляет за собой такое право, в чем мы уже имели возмож-

ность убедиться (см. об этом в Предварительных замечаниях к данному этапу повествования). Сейчас нам предстоит, в меру наших возможностей, определить, почему Лука решил завершить вступительную часть, где сообщается о том, Кем был Иисус и ради чего Он пришел на землю, материалом, о котором сейчас пойдет речь .

Итак, в Действии 4 говорится, что, придя в Капернаум, Иисус начал учить людей в тамошней синагоге (см. 4:31), подобно тому, как Он это делал в синагоге Назарета. Однако на сей раз нам ничего не сообщается о содержании проповеди Иисуса. Лука сосредоточен на той власти, коей была исполнена Его проповедь и на оказанном ей воздействии. Рассказывая о результатах служения Иисуса, Лука опять уделяет основное внимание лишь одному: власти Иисуса над злыми духами. В синагоге Иисус изгнал нечистого духа из одержимого человека, и это событие вызывает у Луки особый интерес (см. 4:33-36). Из синагоги Иисус направился в дом Петра, где Он исцелил его тещу (см. 4:38-39), а позднее в тот же вечер Иисус исцелил и множество других людей, страдавших от самых разнообразных болезней (в данном случае не уточняется, каких именно) (см. 4:40). Однако, рассказав об этих событиях, Лука вновь возвращается к описанию власти Иисуса над бесами и посвящает этому еще один стих (см. 4:41). Очевидно, что для Луки сопротивление бесов и победа, одержанная над ними Христом, не являются случайными эпизодами: они вытекают из самой сути служения Христа. К этому выводу можно прийти уже на основании того, как строится Действие 4. Но если мы вспомним, что нам совсем недавно (в Действии 2) рассказал Лука об искушениях, которым подвергал Христа дьявол, у нас

не останется и доли сомнения в правильности такого вывода. Более того, рассматривая вопрос о власти Христа над бесами, мы обнаружим, что в нем сведены воедино ведущие темы всего второго этапа повествования: смысл и цель пришествия Христа, сила и власть Божьего Слова, значение того, Кем именно был Иисус, и роль свидетельств, подтверждающих Его заявления.

Каким образом это происходит? Давайте начнем с рассмотрения смысла и цели пришествия Иисуса. В Действии 2 было показано, что, искушая Сына Божьего, дьявол потерпел поражение; теперь, в Действии 4, Сын Божий переходит в наступление.

Лука сообщает, что находившийся в капернаумской синагоге одержимый закричал громким голосом: «Оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий» (4:34-35). Это был риторический вопрос, однако если бы нам потребовалось дать на него ответ, вполне можно было бы воспользоваться словами апостола Иоанна: «Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола» (1 Ин. 3:8). В конечном счете, именно на этом уровне должна была вестись борьба за спасение человека.

Разумеется, было бы неверно, глупо и опасно утверждать, что любой человек одержим бесом. Согласно Новому Завету, одержимость является крайней формой духовного рабства. С другой стороны, люди, писавшие Новый Завет, твердо заявляли, что любой не возрожденный человек остается под прямой властью Сатаны (см., например: Деян. 26:18; 2 Кор. 4:3-4; Еф. 2:2; Кол. 1:13; 1 Петр. 2:9), и необходимо, чтобы у него открылись на это глаза и чтобы он позволил Христу вывести себя из состояния ду-

ховной тьмы и рабства к свободе, которую несет с собой Божественный Свет. И, конечно же, именно это имел в виду Христос, когда объявил в синагоге Назарета, что пришел для того, чтобы освободить пленных и дать слепым зрение. Собравшиеся не только не смогли понять, что Иисус был Мессией, но, более того, пришли в ярость и, неистовствуя, пытались Его уничтожить. Совершенно очевидно, что эти люди находились в плену Сатаны, были слепцами и не видели, в каком бедственном положении они находятся и как им обрести спасение. Такие люди могли получить надежду на освобождение только в том случае, если бы Христос сокрушил власть, которую имел над ними Сатана.

В этой великой духовной битве решающее значение имеет, во-первых, сила и власть Божьего Слова, как написанного, так и возвещенного, и, во-вторых, то, Кем именно был Иисус. В первых трех Действиях неустанно подчёркивалась власть Божьего Слова, говорилось, насколько необходимо и жизненно важно покоряться Слову и возвещать его (3:2, 3-4; 4:4, 8, 12, 15, 16-21). Теперь, из Действия 4, мы узнаем о конкретном событии, из которого явствует, что Христос вступает в сражение с духами. Каким образом будет происходить это сражение? Какое оружие, какие приемы будет использовать Христос? Лука подробно рассказывает, что, когда Иисус «...учил... в дни субботние... дивились учению Его, ибо слово Его было со властью...» (4:31-32); человек, одержимый злым духом, закричал громким голосом, признавая верховную власть Христа. Далее, Лука не довольствуется простым упоминанием того, что Христос изгнал беса из этого человека — он должен сообщить нам о том, какое воздействие оказал поступок Христа на собрав-

шихся: «И напал на всех ужас¹, и рассуждали между собою: что́ это значит, что Он со властью и силою повелевает нечистым духам, и они выходят?» (4:36). Невозможно не заметить, на что здесь делается упор. Во время искушения Христос отверг ложную власть, которую предложил Ему дьявол, и полностью положился на власть написанного Слова Божьего. И вот теперь Он добивается победы, проявляя власть Самого Бога, которую Он возвещает Своим Словом. И это победа не только над бесами, потому что, когда Лука переходит к описанию исцеления тещи Петра, он просто повторяет выражение, использованное им при описании изгнания бесов: Иисус «запретил горячке» (4:39; см. также 4:35 и 41).

Смысл Действия 4 очевиден. Мы, конечно же, знаем, что наступит день, когда на Голгофе Христу придется вступить в иного рода битву ради освобождения и спасения человечества. Но это никак не может умалить значения того, о чем говорится в Действии 4: в борьбе за освобождение человека из-под власти Сатаны первым и главным средством является возвещение исполненного абсолютной и высшей властью Слова Божьего. И, следовательно, пренебрегать проповедованием этого Слова или пытаться зародить сомнение в умах людей относительно Его авторитетности или достоверности — значит прямо играть на руку Сатане и помогать ему держать людей под своей властью. Как пишет Лука, именно понимание бесконечной важности проповедования Слова как можно большему числу людей заставило Христа, несмотря на хороший прием в Капернауме, покинуть его и пойти с проповедью Царства Божьего в другие места (см. 4:42-44).

---

¹ Более точный перевод этой фразы дается, например, у В.Н.Кузнецовой (см. *Канонические евангелия...*): «Все были потрясены...».

Решающее значение в битве с духовным злом играло и то, Кем именно был Иисус. Нам дважды (см. 4:34 и 41) говорится, что, оставляя свои жертвы, бесы кричали громким голосом, признавая, что Иисус является Христом, Сыном Божьим. И в том, и в другом случае Христос заставлял их молчать. На первый взгляд, это может показаться удивительным. На протяжении всего второго этапа повествования очень часто на переднем плане оказывался вопрос о важности свидетельств того, что Иисус является Христом, Сыном Божьим. Значит, можно было бы ожидать, что Иисус обратит внимание людей на свидетельство поверженных демонических сил. Но Он, конечно же, этого не сделал. В великой духовной битве Сатана и его бесы могут говорить правду из тактических соображений. Так, искушая Христа в третий раз, Сатана даже цитировал Писание. Злые силы могут говорить правду вынужденно, против своей воли, но никогда — из приверженности истине или из желания привести людей к вере в истину. Истина в конечном счете личностна, и в великом духовном сражении, которое длится уже многие века, бесконечно важно то, Кем является Личность, олицетворяющая Собой истину. В конечном счете, доверять можно лишь тем, чьи слова проистекают из приверженности этой Личности. Те же, кто отрицают, что Иисус является Христом, Сыном Божьим, тем самым прямо провозглашают, что находятся по ту сторону баррикад.

ЭТАП 3

ОТНОШЕНИЕ ХРИСТА К ГРЕХУ И ГРЕШНИКАМ

Предварительный обзор

В тех главах, о которых пойдет речь ниже, рассматривается несколько вопросов, однако наибольшее внимание уделено проповедованию Христом учения о нравственности. Так, текст 6:20-49 параллелен Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея. Нет нужды искать ответ на вопрос, описывал ли Лука то же самое событие, что и Матфей, или же Христос, подобно многим другим проповедникам, неоднократно выступал со сходными по содержанию проповедями, которые, однако, не повторялись слово-в-слово. В данный момент нет и необходимости задумываться о причинах различий фрагментов по объему: в Евангелии от Матфея Нагорная проповедь занимает целых три главы (Матф. 5-7), в то время как ее параллель в Евангелии от Луки уместилась в тридцати стихах (6:20-49). В целом между фрагментами немало общего, и этого уже достаточно, чтобы подготовить читателя к тому, что значительная часть последующих двух глав Евангелия от Луки будет посвящена тому, как Христос проповедовал учение о нравственности.

Читателю анализируемого текста сразу же бросается в глаза многократное упоминание в этих двух главах слов «грех», «грешники», «грешный». Пятая глава открывается рассказом, который не встречается ни в одном из других Евангелий. Можно предположить, что, по мнению Луки, этот рассказ был наиболее уместен как раз в самом начале нового раздела его Евангелия. Вот как описывает кульминационный момент первого

рассказа сам Лука: «Увидев это, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (5:8).

В третьем рассказе (см. 5:17-26) человек, которого принесли к Иисусу, чтобы Он избавил его от паралича, прежде всего обретает и нечто другое. «...Прощаются тебе грехи твои», — сказал ему Иисус (5:20). Такой исход было совершенно неожиданным для больного. А когда книжники возмутились, заявив: «Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (5:21), Христос ответил: «Что легче сказать: «прощаются тебе грехи твои», или сказать: «встань и ходи»? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи...» (5:23-24).

В 5:30-32 мы вновь читаем подобное. «...Фарисеи роптали и говорили ... зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Иисус же сказал... Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию».

И далее, в 6:32-34, мы видим, как Христос напоминает Своим ученикам: «...если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам...».

Слова «грех» и «грешники» занимают в рассматриваемых главах важное место. Эти главы также изобилуют понятиями, которые близки данным по смыслу. Так, в 6:2 фарисеи обвиняют учеников Христа: «...Зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботы?» В ответ на эти обвинения Иисус обращает их внимание на то, что однажды Давид и бывшие с ним люди приняли в пищу жертвенные хлеба, «которых

не должно было есть никому, кроме одних священников» (6:4) (*выд. ред.*).

Кульминационным моментом рассказа о человеке с высохшей рукой (6:6-11) опять-таки является вопрос: «что должно делать в субботу? добро, или зло?» (6:9) (*выд. ред.*).

Помимо этого, в рассматриваемых главах встречается немало других отрывков, в которых фарисеи не употребляют таких слов, как «дурно», «не должно», «грешно», однако из их вопросов становится ясно, что, по их мнению, Иисус совершает дурные поступки. В 5:30 из вопроса фарисеев «зачем вы едите и пьете с мытарями?» следует, что есть с ними нехорошо. В 5:33, заявляя Иисусу, что «ученики Иоанновы постятся часто... а Твои едят и пьют...», фарисеи подразумевают, что Христос поступает плохо, настаивая на том, чтобы Его ученики постились.

Итак, очевидно, что в этих двух главах речь пойдет о том, что, согласно Христу, хорошо и что плохо, что должно и что не должно, что значит делать добро и что значит делать зло, что есть грех и кто суть грешники и как к ним относиться, что такое справедливость и что такое прощение, что понимать под нечистым, а что — под очищением, — иными словами, — о нравственности.

Прежде всего, мы должны, насколько возможно, понять, какое место Лука намеревается уделить рассмотрению этого вопроса, куда в ходе повествования ему на смену не последуют новые. Это не составляет большого труда: после большой проповеди, посвященной нравственным нормам, Лука, по своему обыкновению, вставляет заключительное замечание, которое и служит концовкой третьего этапа повествования, отделяя его от четвертого: «Когда Он окончил

все слова Свои к слушавшему народу, то вошел в Капернаум» (7:1).

Затем нам нужно проанализировать, как Лука отбирает и располагает свой материал. В значительной мере третий этап повествования написан на основании того материала, который, наряду с Лукой, использовали также Матфей и (или) Марк, однако некоторые существенные детали встречаются только у Луки. Как мы уже заметили выше, абсолютно оригинальным является рассказ, расположенный в самом начале третьего этапа повествования (см. 5:1-11). Далее, в Евангелии от Марка нет текста, параллельного Нагорной проповеди, содержащейся в Евангелии от Матфея. В Евангелии от Луки такая параллель есть, однако в композиционном отношении она занимает совершенно иное место: Матфей помещает Нагорную проповедь *перед* рассказами о прокаженном (8:1-4), об исцелении парализованного (9:2-8), призвании Левия (Матфея) и упреках, высказанных учениками Иоанна (9:14-17), об избрании апостолов (10:1-4), об эпизоде в поле (12:1-8) и о человеке с высохшей рукой (12:9-14), а Лука ставит свой фрагмент *после* всех этих рассказов и, более того, некоторые из них он располагает иначе, чем это делает Матфей. То, как Лука отбирает и располагает материал, скорее роднит его с Марком, однако включенные Лукой рассказ о чудесном улове (5:1-11) и параллель Нагорной проповеди, несомненно, свидетельствуют о том, что Лука подходит к повествованию иначе, нежели Марк. Следовательно, необходимо выяснить, в какой мере композиция третьей части повествования помогает нам понять особенности подхода Луки.

В начале пятой главы Лука помещает три рассказа, и все они начинаются с одних и тех же вводных

слов: «И случилось так, что...». (В Синодальном переводе в первом и третьем рассказе (5:1-11 и 5:17-24) они переведены как «однажды», «в один день», а во втором рассказе (5:12-16) — просто опущены. — Прим. перев.) В каждом из рассказов описывается какое-то чудо. В первом Иисус приводит Петра к осознанию и исповеданию своих грехов и делает его «ловцом человеков». Во втором Он очищает прокаженного от проказы и посылает его свидетельствовать перед священником. В третьем Иисус прощает разбитому параличом человеку его грехи, исцеляет его и использует этот случай для того, чтобы преподать урок книжникам. Даже при поверхностном чтении остается впечатление, что у этих трех рассказов есть что-то общее. Давайте объединим их в Действие 1.

«После сего, — пишет Лука, — Иисус вышел» (5:27), и далее следует изложение спора с книжниками и фарисеями, который был вызван обращением Левия и посвящен тем нормам духовного поведения, которые Христос предписывал «обращенным грешникам», а также Самому Себе в общении с ними (см. 5:27-35). В заключение этого спора Христос рассказывает притчу, построенную на трех сравнениях: старой и новой одежды, старых и новых мехов, старого и нового вина (см. 5:36-39). Давайте назовем эту линию повествования Действием 2.

Шестая глава также начинается с трех рассказов, каждый из которых предварен стандартным зачином: «И случилось так, что...» (в Синодальном переводе используются иные зачины. — См. прим. перев.). В первом из этих рассказов (см. 6:1-5) фарисеи осуждают Иисуса и Его учеников за то, что в субботний день те срывали колосья, растирали их руками и ели зерна. Христос показывает необоснованность обвинений и отвергает их. Во втором

(см. 6:6-11) Христос идет наперекор книжникам и фарисеям и в субботний день, в синагоге, исцеляет человека с высохшей рукой. Фарисеи приходят в ярость и начинают замышлять, как отомстить Иисусу. В третьем рассказе (см. 6:12-19) Христос тщательно выбирает двенадцать учеников, объявляет их Своими апостолами и появляется вместе с ними перед великим множеством собравшегося со всех концов страны народа, продолжая Свой труд исцеления. Во всех этих трех рассказах можно проследить нить единого замысла. Обозначим эти рассказы как Действие 3.

«И Он, возвед очи Свои на учеников Своих, говорил...» (6:20). После чего следует подробное изложение проповедовавшихся Христом нравственных принципов (см. 6:20-38). В заключение Христос приводит притчу, которая содержит три образа: зрение (см. 6:39-42), плодоносящее дерево и плоды (см. 6:43-45)¹, постройка дома (см. 6:46-49). Назовем эту проповедь нравственного учения Действием 4.

Даже если судить исключительно с точки зрения композиции, можно сделать вывод о том, что материал третьего этапа повествования тщательно упорядочен. В процессе анализа содержания мы всегда будем помнить о композиции, ведь, возможно, Лука надеялся, что с ее помощью мы сможем лучше понять значение описываемых им событий. Ниже следует таблица, которая позволит составить общее представление о содержании третьего этапа повествования (см. с. 152 — 153).

---

¹ Упоминание о сокровище в 6:45 не является началом новой притчи о накоплении сокровищ; это просто образное сравнение, которое Иисус делает попутно, чтобы ярче проиллюстрировать притчу о плодоносящем дереве: доброе дерево приносит добрые плоды, добрый человек выносит добрый плод из хранилища добра в своем сердце.

Пролог

Когда впервые познакомишься с учением Христа о нравственности, не может не поразить принцип, лежащий в основе этого учения: согласно Христу, Он Сам является критерием и эталоном для представлений о том, что хорошо и что плохо.

В начале третьего этапа повествования (см. 5:5) именно слову Христа, а не каким-то другим соображениям, должен следовать рыбак Петр, чтобы преуспеть в своем деле. В конце третьего этапа (см. 6:46-49) Иисус говорит, что если человек лицемерно называет Его Господом, но затем отказывается повиноваться *Его* Слову, то его постигает несчастье. В 5:21-25 именно потому, что Иисус является Сыном Человеческим, у Него есть власть, какой обладает один лишь Бог (см. 5:21), — полностью и окончательно прощать грехи. В 6:5 именно потому, что Иисус является Сыном Человеческим, Его ученики могут трудиться для Него в субботу, не нарушая при этом закона. И, наконец, именно потому, что Иисус — Сын Человеческий, гонения из-за Него являются высшим благом.

Принцип, лежащий в основе учения Христа о нравственности, поразит нас еще больше, если мы вспомним, что Христос обращался к людям, которые вовсе не были пустыми в нравственном и религиозном отношении. Он жил и проповедовал среди народа, чьи нравственные и религиозные чувства были развиты гораздо в большей степени, чем у какого-либо другого народа. Священная книга этого народа, Ветхий Завет, не имела себе равных в древнем мире не только благодаря провозглашенному в ней монотеизму и высокой нравственности, но и потому, что в ней последовательно утверждалась неразрыв-

ПРИХОД ХРИСТА.

Новый путь (5:1-39)

1 Христос и авторитеты (5:1-26)

1 В лодке рыбаков (5:1-11): Христос — господин повседневного труда. Иисус заставляет опытного рыбака Петра осознать свою греховность, однако делает его ловцом человек.

2 Неприкасаемый прокаженный (5:12-16): Христос «протер руку, прикоснулся к нему...». Очистившегося от проказы человека Христос посылает свидетельствовать перед священником.

3 Исцеление парализованного (5:17-26): Вместе с Христом в синагоге находились фарисеи и законоучители со всей Галилеи, Иудеи и из Иерусалима. «...И сила Господня являлась в исцелении больных...» (5:17). Исцеление разбитого параличом человека становится свидетельством для богословов.

2 Христовы принципы духовного поведения (5:27-39)

1 Отношение к презираемым в обществе сборщикам налогов — грешникам, скопившим свои состояния нечестным путем (5:27-28): Христос приводит к вере сборщика налогов Левия, который отказывается от зарабатывания денег нечестным путем и следует за Христом.

2 Отношение к жизни среди грешников и общению с ними (5:29-32): Фарисеи осуждают Христа за то, что Он пошел на праздничный пир, на котором присутствовали богатые сборщики налогов и грешники. Христос объясняет: больным нужен врач.

3 Отношение к посту и религиозным обрядам (5:33-35): Поступки «сынов чертога брачного» (друзей жениха на свадьбе — прим. ред.) определяются тем, есть среди них жених, или нет.

4 Тройная притча (5:36-39): (1) старые и новые одежды; (2) старые и новые меха; (3) старое и новое вино.

ЭТАП 3 (5:1-7:1)**Единственный путь (6:1-49)****3 Христос и авторитеты (6:1-19)**

1 В поле (6:1-5): Христос — Господин субботы. Фарисеи обвиняют учеников в совершении греха, однако Христос защищает и оправдывает их.

2 Исцеление человека с высохшей рукой¹ (6:6-11): Христос говорит: «Протяни руку твою». Исцеление становится уроком для книжников и фарисеев.

3 Исцеление множества народа (6:12-19): Рядом с Христом стояли недавно избранные Им апостолы. Собирается множество народа из Иудеи, Иерусалима, Тира и Сидона. «...От Него исходила сила и исцеляла всех» (6:19).

4 Христовы принципы нравственности (6:20-49)

1 Отношение к бедности, голоду, горестям и людскому презрению (6:20-23): «...блаженны бедные (перевод мой — Д.Г.) ...блаженны вы, когда... люди... отлучат вас... за Сына Человеческого».

2 Отношение к богатству, веселью и общественному признанию (6:24-26): «...горе вам, богатые... пресыщенные ныне... когда все люди будут говорить о вас хорошо...», ибо «вы уже получили свое утешение».

3 Отношение к врагам и возможным должникам (6:27-38): В своих поступках «сыны Всевышнего» должны уподобляться Отцу.

4 Тройная притча (6:39-49): (1) хорошее и плохое зрение; (2) деревья, приносящие хорошие и плохие плоды; (3) хорошо и плохо выстроенный дом.

¹ Принятое название этого рассказа — «исцеление сухорукого». Но переводчик данной книги по соображениям стилистического порядка предпочел другое название.

ная связь религии и нравственности: согласно Ветхому Завету, религия и нравственность всегда должны быть двумя сторонами одной медали. Уже до пришествия нашего Господа иудейские мудрецы и вдумчивые священнослужители давно размышляли о том, как, исходя из Ветхого Завета, определять, что хорошо и что плохо для каждой конкретной ситуации. Иудаизм не испытывал недостатка в сведущих людях. Большинство из них принимало Ветхий Завет как Слово Божье и, следовательно, как наиболее авторитетный источник истины по любым нравственным и религиозным вопросам. Многие считали, что люди обязаны соблюдать традиции предков столь же неукоснительно, как и Слово Божье. Другие с ними не соглашались и, вполне естественно, что между сторонниками различных направлений в иудаизме нередко происходили жаркие споры. Однако, понаблюдав за поступками Христа и послушав Его проповеди, большинство знатоков пришло к выводу, что Христос богохульствует (см. 5:21), попускает дурным поступкам и проявляет беспечность (см. 5:30, 33), или творит прямое беззаконие (см. 6:2); после чего они стали искать возможность найти обвинение против Иисуса (см. 6:7), думали, как Его остановить (см. 6:11) и предали остракизму Его учеников как людей бесчестных и злонамеренных (см. 6:22). Христос, разумеется, защищал и Себя, и Своих учеников, а иногда Сам переходил в наступление и обвинял своих оппонентов в том, что они извращают как религию, так и нравственность. Неудивительно, что на этом этапе повествования перед нами пройдет целая череда споров и столкновений (см. 5:21-24, 30-32, 33-35; 6:2-5, 7-11, 22-23). Лука вовсе не собирается их замалчивать. Лучше твердо и ясно

отдавать себе отчет, в чем состоят нравственные нормы и принципы, даже если это будет приводить к острым спорам и столкновениям, нежели пребывать в состоянии глубокого покоя, скрывающем безразличие к нравственным вопросам.

В своем повествовании Лука противопоставит Христа иудаизму и его авторитетам на двух различных уровнях. Первый уровень обозначен в главе 5. Оценивая ее содержание в целом, можно сказать, что здесь Лука представляет иудаизм как приемлемую для своего времени, более того, Богоданную, религиозную систему; встречающиеся в главе 5 критические замечания по поводу иудаизма связаны лишь с тем, что теперь иудаизм устарел и потому становится ненужным. В этом контексте Лука будет рассказывать о Христе, Который предлагает новое учение, учение более совершенное и возвышенное. Второй уровень анализа дан в главе 6. Ее содержание в целом направлено на то, чтобы показать, что религиозная система иудаизма искажена, потому что ее превратно истолковывают религиозные и богословские авторитеты. Христос называет эти превратные истолкования своими именами и предлагает вместо них Самого Себя, Свою жизнь и Свое Слово в качестве единственного и высшего авторитетного источника истины.

Итак, мы переходим к подробному рассмотрению третьего этапа повествования.

Действие 1. Христос и авторитеты (5:1-26)

О первых трех рассказах пятой главы можно говорить как об одной группе в силу разных соображений. В каждом из этих рассказов Христос встречается с людьми, авторитетными в том или ином деле. В рассказе 1

(см. 5:1-11) — это ловля рыбы, и таким человеком является Петр, опытный рыбак. В рассказе 2 (см. 5:12-16) — это ветхозаветные обряды очищения, где авторитетами являются священники. И, наконец, в третьем рассказе (см. 5:17-26) — это толкование Библии, а в качестве авторитетов выступают законоучители (см. 5:17).

Ко всеобщему изумлению (см. 5:9-10, 15, 26), в каждой из этих областей Христос добывается большего, чем люди опытные и знающие, и совершает то, что, по их мнению, вообще находится за пределами возможного. После того как опытный рыбак заявил, что рыбы в окрестности нет (см. 5:5), и, все же закинул сети по слову Христа, его ждал огромный улов (см. 5:6). Священники хорошо знали, как распознавать проказу (см. Лев. 13 и 14) и имели право объявлять больного чистым, если он выздоравливал, однако были не в состоянии исцелить больного проказой. Христос мог это делать и делал. Законоучители были людьми, сведущими в богословии. Они могли подробно и с большой пользой для дела обсуждать ветхозаветное учение о божественном прощении. Однако они, конечно же, были не в состоянии сами даровать божественное прощение и освобождать грешника от бремени его грехов. Тогда как Христос утверждал, что имеет власть делать именно это, и в подтверждение Своих слов совершил чудо (см. 5:20-26).

Фактически, в каждом из трех вышеупомянутых рассказов сообщается о каком-либо чуде, и, как мы уже заметили, люди, для которых Христос совершает чудо, начинают свидетельствовать перед другими людьми. Петр наделяется миссией служения всем людям: «...Отныне будешь ловить человеков» (5:10). Прокаженного Христос прямо отправляет к священнику «во свидетельство» (5:14). Прощение и исцеление

человека, разбитого параличом, оказываются свидетельством не только для богословов (см. 5:17), но и для простого народа (см. 5:26). Однако все эти чудеса не были направлены против иудаистских авторитетов. Сейчас на это особенно важно обратить внимание, потому что в главе 6 Христос подвергнет некоторых из них суровой критике. Чудесный улов не означал, что если бы еврейские рыбаки лучше работали, у них всегда был бы огромный улов; чудесное очищение прокаженного не означало, что если бы иудаистские священники были более ревностны в своем служении, они тоже смогли бы исцелять прокаженных; и чудесное исцеление парализованного не означало, что если бы иудейские законоучители были более знающими людьми или точнее истолковывали библейские тексты, они тоже смогли бы пользоваться божественным правом прощения грехов. Конечно же, нет. Совершенные Иисусом чудеса достаточно красноречивы. Они открывают нам, что Иисус единствен в своем роде: Он — Сын Человеческий; и свидетельствуют, что с приходом Сына Человеческого занялась заря нового века и открылся новый путь, новая, дотоле не существовавшая возможность разрешения многовековой проблемы человеческой греховности. Свидетельство это охватывает три сферы: повседневный труд и лежащие в его основе намерения и мотивы, нормы религиозного поведения и их связь с чистотой человека, толкование Библии и его связь с практическими делами.

А теперь обратимся к каждому из трех рассказов в отдельности.

i. В лодке рыбаков (5:1-11). Очень знаменательно, что первым рассказом в ряду рассказов и проповедей,

посвященных теме греха, является тот, из которого мы узнаем о способности Христа пробудить в человеке сознание собственной греховности. Не осознав греховности своих воззрений, желаний и устремлений, невозможно их и исправить. Не случайно и то, что в первом рассказе речь идет о греховности в наиболее обширной из всех сфер жизни — сфере повседневного труда.

Мы узнаем, что однажды Христос использовал лодку Петра в качестве кафедры и, сидя в лодке, обратился к людям с проповедью (см. 5:3). Все время, пока Христос проповедовал, Петр сидел с Ним рядом, однако, насколько нам известно, проповедь Христа не заставила Петра осознать свою греховность. Закончив проповедь, Христос сказал Петру, чтобы тот отплыл на глубину и закинул там сети. Что же, может быть, Петр не очень-то разбирался в проповедях, но вот ловля рыбы была как раз по его части. В этом деле он действительно разбирался и по своему недавнему опыту знал, что забрасывать сети бесполезно: рыбы в окрестностях нет. Всю ночь рыбаки работали не покладая рук, но так ничего и не поймали, о чем Петр и сказал Христу (см. 5:4-5). Однако затем Петр принял решение, которое коренным образом изменило все его отношение к своему труду: «но по слову Твоему закину сеть» (5:5). Прежде, когда Петр забрасывал сети, он руководствовался вполне понятными и естественными побуждениями — поймать рыбу и с выгодой ее продать. В этом не было ничего необычного. Однако в тот знаменательный день на улов и на выгодную его продажу надеяться не приходилось, и Петр забросил свои сети совсем по другой причине, руководствуясь совершенно иными побуждениями: он сделал это просто потому, что так сказал Христос, он сделал это, повинувшись Хрис-

ту, в угоду Христу. В результате улов получился таким огромным, что стали рваться сети.

Нет ничего удивительного в том, какое воздействие это оказало на Петра. Из сотворенного чуда не следовало, что, если бы Петр использовал какой-то другой способ рыбной ловли, он смог бы поймать гораздо больше рыбы и извлечь из этого большую пользу для себя. Благодаря чуду внимание Петра было обращено к личности Иисуса. Каким бы смутным ни было на данный момент представление Петра об Иисусе, Петр убедился, что перед ним Святой Посланец Божий, Господин над рыбаками и их уловом, над природой, над людьми и над их повседневным трудом. И этот Господин не просто вещает с кафедры. Он — рядом со Своей паствой, Он — в лодке рядом с Петром, занятым своим обычным делом, желая быть не только его наставником в этом труде, но и Тем, на радость Кому и следует Петру этот труд совершать. А ведь всего лишь несколько минут назад Петр, полагаясь на свой опыт и знания, посчитал нужным заявить Иисусу, что Его повеление забросить сети ошибочно. Вспомнив обо всем об этом, Петр глубоко осознал собственную греховность и почувствовал, что не может находиться в одной лодке с Христом, трудиться вместе с Ним: «...выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (5:8).

Христос, разумеется, не покинул Петра и даже не стал его осуждать. Петр был не виноват в том, что вплоть до сего момента трудился лишь ради того, чтобы заработать себе на жизнь и получить при этом какое-то удовольствие от самого труда. Ведь раньше он не понимал, Кем был Иисус, а Иисус не выказывал Своего желания стать его наставником в этом труде. Петр с готовностью откликнулся на просьбу

Иисуса дать Ему свою лодку ради благой цели — проповеди слова Божьего, однако, несмотря на это, Петр не понимал, что теперь любой его труд может стать трудом ради Христа. Как только Петр это понял, он, по крайней мере, проявил к тому готовность и стремление.

Мы с вами, как христиане, уже давно знаем, Кто такой Иисус и чего Он требует от нас в нашем повседневном труде. Однако при этом у нас могут быть основания чувствовать себя еще большими грешниками, чем Петр. Наша греховность дает себя знать не столько в каких-то отдельных страшных проступках, сколько в глубоко укоренившейся ложной мотивации к труду. вспомните, когда в последний раз вы приступали к своим делам, думая прежде всего не о том, как добиться материальной пользы или насладиться чувством завершенности, но о том, как доставить Господу радость и проявить свое послушание? И если для христианина грех руководствоваться в своем повседневном труде какими-либо иными побуждениями, кроме желания угодить Господу (см. Мф. 6:31-32; Кол. 3:23), то сколько же дней мы с вами проводим, предаваясь этому греху!

Признав свою греховность, Петр не услышал в ответ: «Не бойся, все твои многочисленные грехи тебе прощены». Петр хотел сказать не о каких-то конкретных совершенных им грехах, а о том, что он вообще грешный и пустой человек: «...я человек грешный». Ответ Христа, в сущности, сводился к следующему: «Не нужно тревожиться: хоть это и так, но Я все равно могу найти тебе применение: отныне ты будешь ловить человеков». Слова «ловить человеков» говорят о многом. Обычная работа Петра, работа, требовавшая определенных навыков и сноровки, состояла в

ловле рыбы. Не надо было отказываться от этих навыков, а следовало использовать их в более возвышенном деле. Повседневный труд Петра предстояло перевести на более высокий, духовный, уровень, для которого низший, материальный уровень служил бы всего лишь необходимым утилитарным основанием. Питание необходимо для жизни, и рыба является одним из многочисленных нужных нам продуктов. Но жизнь не сводится к питанию, так что даже ловля рыбы может в конечном итоге служить целям, куда более важным, чем поддержание жизни. И потому Господин повседневного человеческого труда, научив Петра правильно относиться к труду («но по слову Твоему закину сеть»), призывает его к служению непосредственно ради высшей цели человеческого труда и жизни. «Отныне, — говорит Господь, — будешь ловить человеков» — для Бога и Божьего Царства. После этого Петр оставляет светский труд, чтобы посвятить себя труду духовному (см. 5:11). Однако мы должны помнить, что на духовный труд Петра подвигло то, что открыл ему Христос, когда Петр занимался светским трудом. Для верующего светский и духовный труд — разные полюса одного и того же целого; в конечном счете, у светского труда может и должна быть такая же цель, как и у труда духовного. Раз к нам пришел Мессия, мы не можем в нашем повседневном труде довольствоваться меньшей целью, чем служение Ему и Его делу.

ii. Неприкасаемый прокаженный (5:12-16). После того как Христос обнаружил греховность Петра, к Нему подошел человек, «весь в проказе» (5:12). Его нечистоту не требовалось специально обнаруживать: священник уже давно распознал его болезнь, и больной дол-

жен был повсюду восклицать: «Нечист! Нечист!» (Лев. 13:45-46). Впрочем, его проказа и так была всем очевидна: он был ею покрыт.

Нам не известно доподлинно, какая именно болезнь, или группа болезней, подразумевалась в библейские времена под словом «проказа». Какая бы это болезнь ни была, к ней, как и к любой другой болезни, иногда относились как к ниспосланному свыше наказанию за грехи, постигающему некоторых людей (см., напр., происшедшее с царем Осией, 2 Пар. 26:16-21); однако это не относилось ко всем случаям¹. Тем не менее, во времена Ветхого Завета считалось, что проказа, наряду со многими другими физиологическими процессами и заболеваниями (см. Лев. 15), делала человека не только нечистым физически, но и нечистым с точки зрения религиозных обрядов, причем как физически, так и в обрядовом отношении нечистота считалась заразной. Больного должен был осмотреть священник, и если священник устанавливал, что это действительно проказа, то требовалось официально объявить прокаженного нечистым и лишить его доступа в присутствие Божье, а также изолировать от общества. В том случае, если больной очищался от покрывшей его проказы, то есть выздоравливал физически, он должен был снова пойти к священнику, чтобы тот подтвердил его выздоровление, и совершить определенные жертвоприношения и омовения. Лишь после этого можно было официально объявить, что он чист (см. Лев. 14). Эти нормы, суровые по отношению к больному, были, тем

---

¹ Новый Завет тоже учит, что, хотя болезнь и может иногда постигать верующего как ниспосланное свыше наказание за его грех (1 Кор. 11:29-32), ее отнюдь не всегда можно рассматривать как наказание за совершенные человеком грехи (Ин. 9:1-3).

не менее, необходимы для поддержания здоровья остальных людей.

Неудивительно, что система обрядов, связанных с проказой и очищением от нее, на протяжении долгих веков способствовала формированию у христиан таких представлений, согласно которым проказа является своеобразным символом греховной нечистоты, а исцеление прокаженного Христом — символом того, что Христос может очистить человеческую жизнь. Правда, в последнее время некоторые особо чуткие люди стали подвергать эти представления критике, так как, по их мнению, получается, что на больных проказой несправедливо накладывается позорное клеймо. Такую позицию можно понять. Однако, при всем уважении к ее сторонникам, мы должны признать ее нелогичной. И паралич (см. Евр. 12:12), и слепота (см. Ин. 9:1-3, 40-41), и опухоль (см. 2 Тим. 2:17) использованы в Новом Завете в качестве образной характеристики духовного нездоровья. Наряду с другими заболеваниями, проказа служит символом нравственного и духовного заболевания, а ведь в глазах Бога мы все нравственно и духовно нечисты. Чем более свят человек, тем с большей готовностью он с этим согласится (см. Ис. 6:5). Уже одного нашего повседневного опыта достаточно, чтобы убедиться, что нравственная и духовная нечистота — не плод нашего воображения, как, впрочем, и опасность заражения этой нечистотой. Эти опасности по-прежнему подстерегают современный мир и потому мы должны проявлять особый интерес к тому, каково было отношение Христа к нечистому человеку и к иудейским законам о нечистоте.

Очищение Христом прокаженного одновременно свидетельствовало, во-первых, о Божьем состра-

дании Христа и, во-вторых, о Его чудесной власти. Для того, чтобы исцелить прокаженного, Христу было бы достаточно просто произнести: «Очистись». Но Христос этим не ограничился. Исполненный сострадания, Он простер Свою руку и прикоснулся к несчастному (см. 5:13). Нетрудно себе представить, что значило это прикосновение для человека, который был изолирован от общества как неприкасаемый. Обдумывая проявленное Христом сострадание, важно понять, что оно не содержало в себе осуждения иудаистских священников. Христос вовсе не хотел сказать, что если бы эти священники относились к прокаженному с большим состраданием, то они не стали бы изолировать его от общества. В прикосновении Христа проявилась чудесная власть исцелять проказу. У священников такой власти не было. Их прикосновение к прокаженному стало бы проявлением ложного сострадания, так как способствовало бы распространению болезни. Установленная свыше обязанность священников состояла в том, чтобы поддерживать нормы чистоты, распознавать проказу, объявлять прокаженных нечистыми и, сколь бы болезненными и суровыми ни были подобные меры, изолировать их от общества. Прикасаясь к прокаженному, Христос ни в чем не подвергал сомнению отношение священников к нечистоте, напротив, Он поддержал их авторитет в этом вопросе, так как, очистив человека от проказы, Он послал его к священнику, чтобы тот осмотрел его и велел принести жертвы, требуемые законом Моисея (см. 5:14).

То же самое относится и к нравственной и духовной нечистоте. Сострадание Христа к физически и морально нечистым людям не следует понимать как оправдание супружеской неверности, разврата и го-

мосексуализма. Это ошибка, и ошибка опасная. Закон Божий осуждает нечистоту и предостерегает людей, говоря, что упорствование в нечистоте приведет к вечному разделению с Богом (см. Откр. 21:27). Конечно, Христос может сделать то, что бессилён сделать закон: очистить человека (Ин. 13:10; Еф. 5:26). Однако это не означает, что Христос вступает в противоречие с законом. Очищение человека вовсе не равносильно утверждению о том, что из сострадания к людям грязь отныне будет считаться не очень грязной. Очищение подразумевает, что грязь грязна, отвратительна, опасна и неприемлема. Более того, в Евангелии описывается (см. 16:14-18), как Христос прямо и открыто объявил, что пришел не для того, чтобы защищать пренебрежительное отношение к нравственным требованиям закона. Вслед за Ним апостолы серьезно предостерегали верующих, говоря о заразности разнообразных форм нравственной нечистоты (см. 1 Кор. 5:6; Евр. 12:14-15).

С другой стороны, не преминув послать очищенного от проказы человека к священнику «во свидетельство», Христос обращал внимание людей на нечто, не менее важное, чем сострадание. Он давал им понять, что в мир пришел Тот, Кто обладает несравненно большей властью, чем власть священников и их обрядов. Священники не могли исцелить прокаженного, а Христос мог.

И опять торжество власти Христа проявилось на более высоком — духовном и нравственном уровне. Дело здесь было не столько в том, что иудаистские представления о чистоте, нечистоте и связанных с ними обрядах, жертвоприношениях и омовениях должны были отмереть, поскольку они оставались лишь простыми и внешними символическими элементами,

неуместными в зрелом обществе. Просто вверенный Израилю закон, пусть и божественный по своему происхождению, не мог, даже в самых полных и наиболее духовных своих проявлениях, зародить в сердце и жизни человека ту чистоту, которой он обоснованно требовал. Однако то, что не было и не могло быть под силу закону, — под силу Христу. Эта тема стержнем проходит через весь Новый Завет (см., например: Деян. 15:8-9; Рим. 7:7-8:11; Тит. 3:3-7; Евр. 9:9-14).

iii. Исцеление парализованного (5:17-26). И Матфей (см. 9:1-8), и Марк (см. 2:1-12) описывают исцеление, о котором говорит Лука в 5:17-26; однако только Лука начинает свой рассказ с замечания о том, что «...сидели тут... законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима...» (5:17).

Поскольку помимо этого отрывка термин «законоучители» (*nomodidaskalos*) употребляется в Новом Завете лишь дважды, создается впечатление, что Лука стремится подчеркнуть, что на этот раз среди присутствовавших находилось несколько официальных иудейских учителей Ветхого Завета. Он имел в виду не таких священников, о которых речь шла выше: священники были знатоками иудаистских обрядов, законоучители же — знатоками иудаистского богословия.

Урок, который Христос преподавал законоучителям, состоял не в том, что великий Бог прощения с радостью прощает кающегося грешника. Об этом еврейским богословам (и есть основания полагать, что даже мало искушенным в богословии еврейским детям) уже было известно из Ветхого Завета. Христос дал им возможность увидеть нечто поразительное и доселе неизвестное: Он Сам освободил человека от гнета его грехов (см. 5:20). Богословы сразу же поня-

ли, что вытекало из заявления Христа. Согласно Ветхому Завету, никто из земных авторитетов: ни священник, ни пророк, ни богослов, — не могли обладать подобной властью прощать грехи. Они могли объявлять именем Божиим, что Бог простил, или простит тот или иной грех, но ни у кого из них не было права прощать грехи своим собственным именем. А ведь Христос именно так и поступил. Его обвинили в богохульственном присвоении миссии Бога (см. 5:21). В ответ Христос не стал объяснять, что Его неправильно поняли. Отнюдь. Христос совершил чудо, посредством которого показал, что именно у Него как у Сына Божьего здесь, на земле, есть власть, не ожидая какого-либо другого суда, объявлять полное и окончательное прощение грехов (см. 5:22-25).

Сколько бы удивительным ни было происшедшее для богословов, но то поразительное новшество, которое Христос внес в представления о прощении и в самое получаемое прощение, раскрылось еще более исчерпывающе в Его смерти, воскресении и вознесении. Нет никакого сомнения в том, что на протяжении всего времени существования иудаизма иудеи знали и получали Божье прощение. Однако это было такое прощение, которое даже самых наисвятейших из них не могло «сделать совершенными» (Евр. 10:1-23), и они никоим образом не могли ощущать, что с их грехом покончено раз и навсегда, а значит, раз и навсегда покончено с необходимостью приносить все новые и новые жертвы, чтобы снять с себя бремя новых грехов. Таким образом, на любой момент времени получаемое этими людьми прощение оставалось неполным. Они были лишены права входить в Святое святых Божьего присутствия, и вопрос о том, примет их в конечном счете Бог или нет, оставался без

ответа. Однако прощение, даруемое Христом, делает совесть человека «совершенной», т.е. прощенный приобретает уверенность в том, что Бог никогда более «не вспомнит» его грехи, никогда более не поднимет в высшем Божьем суде вопрос о грехах такого человека и о наказании, определенном за эти грехи законом. Следовательно, прощение Христа освобождает человека от необходимости приносить какие-то новые жертвы за грехи и дарует ему полное право и приглашение, не колеблясь, входить в Божье присутствие сегодня и всегда.

Однако мы должны сразу же заметить, что в протестах богословов, посчитавших заявление Иисуса богохульством, не было (по крайней мере, на данном этапе) ничего неверного. Если бы Иисус не был Сыном Божьим, то Его заявление действительно было бы богохульством, а ведь присутствовавшие не располагали достаточными свидетельствами истинности слов Христа (многие из них приехали из дальних мест, см. 5:17). Поэтому, чтобы позволить им разобраться в своих мыслях, Христос совершил чудо, причем такое чудо, с помощью которого можно было бы показать, что объявленное Им прощение — не обман и не противоречит закону, что оно является настоящим и во истину божественным. Простив парализованного, Христос не остановился на этом, но освободил от сковывавшей его болезни и дал сил ходить во славу Божью. Лука сообщает, что человек пошел домой, прославляя Бога, и все, кто были тому свидетелями, исполнились изумления и тоже прославили Бога, увидев, как ходит человек, некогда разбитый параличом (см. 5:25-26).

Интересно, что на иврите «хождение» является традиционной метафорой, описывающей образ жизни

и поступки человека (см., напр. Еф. 4:17). Таким образом, сотворенное Христом чудо является иллюстрацией слов апостолов, говоривших, что Христос дает возможность тем, кого Он прощает, «ходить в обновленной жизни» (Рим. 6:4).

Действие 2. Христовы принципы духовного поведения (5:27-39)

Описав три примера, относящихся к разным, но весьма характерным сферам жизни и свидетельствующих о том, что Христос открыл новый и лучший путь решения проблемы человеческой греховности, Лука далее переходит к изложению определенных норм духовного поведения. Ожидая от Своих последователей, что они будут соблюдать эти нормы, Христос считал их обязательными и в Своих взаимоотношениях с учениками. Для того чтобы проиллюстрировать смысл этих норм, Лука описывает несколько критических ситуаций.

і. Отношение Христа к презираемым в обществе сборщикам налогов — грешникам, скопившим свое состояние нечестным путем (5:27-28). Все люди грешны. Однако, с точки зрения иудеев, сборщики налогов были порочны втройне. Во-первых, они служили ненавистным завоевателям-римлянам, и это делало их в глазах многих предателями. Во-вторых, в большинстве своем сборщики налогов были вымогателями и мошенниками — недаром иудейские учителя причисляли этих людей к разряду воров. В-третьих, из-за того, что работа заставляла сборщиков налогов находиться в постоянном контакте с язычниками, некоторые наиболее строгие в религиозном отношении иудеи считали, что эти люди всегда нечисты в обрядовом отношении. Таким

образом, сборщики налогов оказывались среди «грешников», людей, стоящих на самой низкой ступеньке общественной лестницы, то есть блудниц и изгоев.

Левий был сборщиком налогов. Что, согласно требованию Христа, должно было означать для него обращение?

Вспомним, как Иоанн Креститель учил, что в самом по себе сборе налогов, установленных завоевателями, не было ничего безнравственного; безнравственно было вымогать и мошеннически присваивать деньги, чем сборщики налогов обычно и занимались. Следовательно, согласно Иоанну, истинное покаяние вовсе не значило, что человек должен был отказываться от своей работы сборщика налогов, но оно, безусловно, подразумевало, что он должен был отказаться от любого мошенничества и вымогательства (см. 3:12-13). Видимо, такого же общего принципа придерживается и Христос. Например, обращенный им Закхей, отказавшись от мошенничества и вымогательства, пообещал, что с лихвой воздаст всем, кого обидел, однако не стал заявлять, что перестанет собирать налоги, впрочем, Христос, очевидно, того и не требовал (см. 19:1-10).

Однако в том, что касается Левия, дело далеко не ограничивалось соблюдением определенного минимума нравственных норм. Христос призвал Левия следовать за Собой и Левий, «...оставив все, встал и последовал за Ним». Христос совершил не что иное, как сломил любовь Левия к деньгам и сделал его Своим бескорыстным последователем. Христос изменил его так, как не смогли изменить долгие годы отлучения от синагоги и гонений общества.

ii. Отношение Христа к жизни среди грешников и общению с ними (5:29-32). Обращившись к Христу, Ле-

вий сразу же исполнился чувством любви и заботы в отношении к своим бывшим собратьям по ремеслу, большим грешникам. Никогда ранее он не испытывал подобных чувств ни к ним, ни к кому-либо еще: ведь теперь ему, конечно же, хотелось, чтобы и эти люди поскорее обратились ко Христу. И это понятно: разве может человек обратиться ко Христу, ощутив при этом всю безмерность Его благодати, а затем не испытывать ни малейшего желания, чтобы ко Христу обратились и другие? Горячее желание Левия воплотилось в реальные действия: он устроил большой пир, на котором такие же грешники, каким прежде был он сам, смогли познакомиться с Иисусом и услышать Его проповедь.

Однако фарисеи и книжники осудили Христа и Его учеников за то, что они пришли на пир. Согласно представлениям фарисеев и книжников, общаться с людьми, социально опасными, безнадёжными грешниками, значило потворствовать их грехам. Они считали, что подобное общение дискредитировало благовествование Христа. Возможно, если бы на такой пир пришли фарисеи, это и в самом деле могло бы способствовать греху. У фарисеев не было Благой вести, не было власти обращать грешников, какой обладал Христос. Великим Целителем был Христос, а не фарисеи. Общение с грешниками грозило фарисеям реальной опасностью заразиться их безнравственностью. Христос и не говорил им, что они обязаны ходить на подобные пиры. В самом деле, не всякого пошлют ухаживать за больным оспой. Но если к нему вообще не подойдет ни один врач и ни одна медсестра, у него не будет ни малейших шансов на выздоровление. Следовательно, кто-то все-таки должен быть с больным. «...Не здоровые имеют

нужду во врача, — сказал Христос, — но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию» (5:31-32).

Интересно, что это был бы за врач, если бы он считал, что его долг — донести до здоровых людей, насколько опасно данное заболевание, а лечить пациентов — не его дело? И, наконец, не являются ли понятия «праведники» и «грешники» в нашем контексте относительными? Были ли фарисеи настолько праведными, что им вовсе не требовался Врач?

iii. Отношение Христа к посту и религиозным обрядам (5:33-35). Между тем критики Христа выдвинули против Него новое обвинение. Теперь оно касалось не тех поступков, на которые готов был идти Христос, чтобы обращать все новых людей, а Его отношения к уже обратившимся. Вот, что говорили Его критики: «...почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские [*ученики — Д.Г.*], а Твои едят и пьют?» (5:33). Такое беспечное поведение было, по мнению критиков, весьма тревожным симптомом и свидетельствовало о несерьезном отношении к истинной религии.

В ответ Христос привел им аналогию: «...можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?» (5:34). Конечно же, нет. Устанавливать пост на таком празднике было бы нелепо и неуместно.

«Но придут дни, — добавил Христос, — когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» (5:35). Аналогия начала постепенно превращаться в метафору. Женихом был Христос. Для учеников Христа Его присутствие, дарованное Им прощение и свобода от духовного рабства, а также открывшиеся благодаря этому новые жизненные горизонты зародили в их

сердцах такую радость, которая сродни чувствам участников брачного пира. Попытка наложить пост на людей, переживающих подобный духовный опыт, была бы крайне неуместной. Нет смысла поститься ради самого поста. Чтобы пост приносил пользу, его следует соотносить с определенной духовной ситуацией.

Из приведенного Христом примера вовсе не следовало, что Его ученики никогда не будут поститься. Время поста должно было прийти тогда, когда «отнимется у них жених» (5:35). И оно пришло при распятии. Правда, печаль в скором времени сменила радость, связанная с воскресением Иисуса, Его вознесением и сошествием Святого Духа (см. Ин. 16:19-22). Когда же, в принципе, уместен пост? Он уместен тогда, когда человек оказался в духовном кризисе, связанном с утратой не омрачаемой радости, которая сопряжена с ощущением Божьего присутствия, или тогда, когда верующий попадает в гущу тяжелого духовного сражения.

В ответе Христа на обвинение критиков сразу бросается в глаза, во-первых, то, что в его основе лежит простой здравый смысл, а отнюдь не апелляция к каким-либо религиозным традициям. Во-вторых, — и это гораздо важнее, — как уже не раз на протяжении данного этапа повествования, Христос дает понять, что Он Сам является главным источником и проводником истинной духовности. Жизнь Его учеников строится не столько в соответствии с религиозными правилами и нормами, сколько в гармонии с практикой живого общения с живым Господом. Источником их прощения, спасения, нравственности и норм религиозного поведения является личное общение с Христом.

Для иудаизма это было чем-то новым, и потому Христос рассказывает далее о том, как соотносятся друг с другом старое и новое.

iv. Тройная притча (5:36-39). По мере того, как мы знакомимся с первой частью третьего этапа повествования, становилось все более и более очевидным, что, когда речь шла о человеческой греховности, Христос не призывал людей вернуться к более строгому и последовательному соблюдению норм уже известного им иудаизма. С Его приходом людям открывалось нечто новое и лучшее. В Христе, как напишет впоследствии другой богодухновенный автор, «...Бог предусмотрел о нас нечто лучшее» (Евр. 11:40).

Чтобы объяснить, как новое соотносится со старым, Христос рассказывает своим слушателям притчу (5:36-39). В этой притче три части, однако, по существу, это одна и та же притча, в которой под «старым» подразумевается иудаизм, а под «новым» — Христос и христианство.

Старые и новые одежды. Обряды и нормы иудаизма, «праведность-от закона» (Рим. 10:5), как бы хороши они ни были изначально, теперь являются «изношенными одеждами». Невозможно пытаться сохранить их в пригодности, накладывая на них заплаты, заимствованные из Благой вести Христа. От старых одежд следует отказаться; их должны заменить новые.

Для некоторых евреев-христиан извлечь данный урок оказалось нелегко. Если одни, как Павел и Варнава, сделали это сразу (см. Деян 15; Гал. 5:3-4; Флп. 3:2-14), то другие, подобно Петру, выразили свое согласие, однако впоследствии испытывали искушение пойти на компромисс (см. Гал. 2:11-21). Христианский мир не всегда избегал искушения выразить христианскую Благою весть в обрядах, церемониях, жертвоприношениях и священстве, заимствованных из иудаизма. Но предостережение Христа звучит твердо: если пытаться ставить заплаты на старую одежду, отрезая для этого от

новой, то и новая будет испорчена, и старая останется непригодной.

Старые и новые меха. Благодаря Христу сердца Его учеников охватила новая радость. Старые, традиционные формы иудаистской религиозной жизни огрубели и закоснели. Новое вино даруемой Христом новой жизни никак не могло бы вписаться в пространство, жестко ограниченное требованиями иудаизма. Это вовсе не означало, что христианской радости и христианскому рвению вообще противны какие-либо правила и ограничения; однако необходимо было создать новые формы религиозной жизни — более гибкие и вместе с тем более прочные.

Старое и новое вино. Вино иудаизма отстоялось и состарилось благодаря накопленному многовековому опыту и традициям. Благая весть, которую принес Христос, и предлагаемое Им спасение были вином новым и молодым. Тому, в ком живет устойчивая привязанность к иудаизму и его величественной системе, нелегко почувствовать преимущества христианства; новизна последнего может даже оттолкнуть. Так было, и так происходит по сей день.

Однако необходимо отметить, что, хотя последовательное сопоставление в притче иудаизма и Благой вести Христа целиком свидетельствует о преимуществах Благой вести, об иудаизме не говорится ничего неуважительного. Да, старые одежды обветшали; однако никто не отрицает, что было время, когда эти, дарованные Богом, одежды были вполне добротными. Да, старые меха со временем загрибели и не удержат нового вина; однако в них прекрасно сохранялось вино старое. Более того, Христос признает, что в некотором отношении и для некоторых людей иудаизм сначала будет казаться более приятным, чем христианство. Иными словами, христианская Благая весть сопоставляется

здесь с приемлемым и полезным иудаизмом, который был установлен Самим Богом, чтобы удовлетворять реальные нужды людей до того времени, пока не придет Христос.

Действие 3. Христос и авторитеты (6:1-19)

Мы подошли к середине третьего этапа повествования, когда ситуация становится более серьезной. Благая весть Христа уже больше не сравнивается с теми составляющими иудаизма, которые в свое время были важны и необходимы, а ныне устарели и стали ненужными. Ей приходится противостоять сначала ошибочным истолкованиям, а затем — и явным извращениям иудаистов. В первом рассказе Действия 3 фарисеи обвиняют Христа и Его учеников в нарушении Божьего закона, и Христу приходится указывать, что их обвинение основывается на неправильном истолковании Священного Писания. Во втором рассказе Христу приходится оспаривать отстаиваемое фарисеями истолкование закона о субботе, которое, согласно Христу, не только ошибочно, но и совершенно безнравственно. В третьем рассказе Иисус, как израильский Мессия, действует помимо всех традиционных религиозных иудаистских авторитетов и избирает двенадцать апостолов, которые становятся Его полномочными представителями среди израильского народа. Таким образом, уже здесь Христос делает шаг на пути к полному отделению христианства от иудаизма. Давайте рассмотрим все эти три рассказа подробнее.

i. В поле (6:1-5). Согласно ветхозаветному закону о субботе (см. Исх. 20:8-11), труд в субботний день был запрещен. И это было совершенно определено. Поэто-

му, когда ученики нашего Господа стали срывать колосья, растирать их руками и есть зерна, некоторые фарисеи заявили, что тем самым ученики Иисуса нарушают закон о субботе (см. 6:1-2). Если бы обвинение фарисеев действительно было обоснованным, это означало бы, что как ученики, так и, по логике вещей, Сам Христос виновны в совершении греха.

Этот эпизод описывается не только Лукой, но и Матфеем (см. 12:1-8), и Марком (см. 2:23-28). Из описаний Матфея и Марка мы узнаем, что в ответ на обвинение фарисеев наш Господь оправдывал поступок Своих учеников и приводил ему несколько объяснений. Лука решил остановиться лишь на одном из этих объяснений. Поэтому нас здесь будет интересовать именно оно. Наш Господь не стал (хотя мог бы) говорить фарисеям о том, что их представления о работе в субботний день совершенно произвольны и никоим образом не подкрепляются авторитетом Писания. Вместо этого Он обратил внимание фарисеев на то, что в данном конкретном случае закон о субботе понят ими ошибочно: выдвигая свое обвинение, они не учитывали тот факт, что отступления от религиозных норм допускаются при определенных условиях даже в самом Писании. Об этом свидетельствовал прецедент, установленный царем Давидом, употребившим в пищу хлеба предложения (см. 6:3-4; 1 Цар. 21).

Закон о хлебной жертве был не нравственным законом, а только религиозным правилом. То, что хлебная жертва предназначалась для одного лишь Господа и Его священников, учило Израиль, что Господь свят, служение Ему священо, а те люди, которых Он избрал Себе для служения в числе особой категории священства, освящены. Таким образом, символы такого служения были доступны только священникам.

Однако случай, описанный в 1 Цар. 21, не относился к числу обычных. Во-первых, Давид не был простым израильтянином. Это был помазанник Божий (см. 1 Цар. 16), верховный наместник Бога в Израиле. Более того, в тот момент, когда произошел описанный случай, Давид спасался бегством от злоумышленника Саула, покушавшегося на его жизнь, был изнеможен и испытывал сильный голод. Для Господа было чрезвычайно важно, чтобы Его помазанник получил возможность утолить голод. Поэтому, когда посвященная Господу хлебная жертва, символически свидетельствующая Израилю о величии служения Господу, послужила Его помазаннику, в этом не было ничего неправильного.

Теперь рассмотрим аналогию между законом о хлебной жертве и законом о субботе, а также между помазанником Господа Давидом и Сыном Человеческим Иисусом. Субботный день был установлен в силу нескольких причин, главной из которых была необходимость научить людей выкраивать один день в неделю из служения самим себе и посвящать его служению Богу. Однако Иисус не был обыкновенным человеком — Он был Христом, сыном Давида (см. 1:32), Помазанником Господа (см. 4:18), сыном Человеческим в наиболее полном смысле этого слова. В конце концов Он заявил Своим обвинителям, что Он больше, чем Сын Человеческий, которого прозрел в своем видении пророк Даниил (Дан. 7:13-14), а Его обвинители сделали совершенно правильный вывод, что если Он был Сыном Человеческим в этом смысле, то Он также должен быть и Сыном Божиим (Мф. 26:63-64; Лк. 22:69-70). И, будучи Сыном Человеческим в этом, особом, смысле, Он объявил Себя господином над субботой. У Него было право требовать от

Своих учеников непрестанного служения. Если сбор колосьев являлся частью этого служения, то вполне допустимо было проводить его даже и в субботу.

Когда турист, осматривающий старинный помещичий дом или замок, видит, что на двери здания написано: «Посторонним вход воспрещен», он не будет ломиться в эту дверь, чтобы не проявить неуважения к хозяину дома. Но если к туристу выйдет сын хозяина дома и пригласит его на ужин, а турист примет приглашение и, следуя за сыном, войдет в дом хозяина, то нельзя сказать, что турист нарушает установленный хозяином запрет и поступает ему наперекор. Допустим, что фарисеи не понимали, что Иисус, в отличие от любого другого человека, был Сыном Человеческим, в особом, высшем смысле этого слова. Тем не менее, факт остается фактом: обвиняя учеников Иисуса в совершенном грехе за их труд для Божьего Сына в день Божьей субботы, фарисеи, пусть и по неведению, неверно истолковывали закон о субботе.

Из этого эпизода следует, что требования Бога по отношению к Израилю увеличиваются. Израильтян с детства учили, что они должны заниматься своим трудом шесть дней в неделю, а в конце недели посвящать один день Господу. Христианину, живущему в светском окружении, легко впасть в опасное заблуждение и решить, что, будучи свободным во Христе, он волен упразднить это правило, не оставив в своей жизни ни одного дня, посвященного Господу. Тогда как наш Господь учит, что каждый день жизни христианина должен быть посвящен служению Ему. Напомним, что в 5:1-11 Христос открыл Петру, что является Господином повседневного труда верующего; в данном же тексте Он говорит своим ученикам, что является Господином и субботы.

ii. Исцеление человека с высохшей рукой (6:6-11).

После описанных выше событий между Христом и фарисеями, толкователями Священного Писания, произошло новое столкновение. Это случилось в один из последующих субботних дней, в синагоге. В синагоге находился человек с высохшей рукой, и фарисеи следили, будет ли Иисус исцелять этого человека или нет. Они были готовы обвинить Его в грехе, если бы Он стал исцелять сухорукого, потому что, согласно их представлениям, исцеление человека было трудом и, следовательно, в субботний день запрещалось.

И Христос, ранее (см. 5:14) столь недвусмысленно поддержавший священников, в данном случае выступает против их претензий на авторитетное суждение. Угадав их тайные замыслы, Он просит человека с больной рукой выйти и встать посреди собрания. После этого внимание присутствующих, разумеется, обратилось к недугу несчастного человека, который был не в состоянии даже пошевелить рукой. Кому могла прийти в голову мысль, что суббота была установлена для того, чтобы способствовать продлению мук этого человека? В Своем глубоком сострадании к людям Бог установил субботний день для того, чтобы человек мог дать своим рукам отдых, восстановить силы для последующей работы, а не для того, чтобы продлить состояние беспомощности, пребывая в котором, человек вообще не должен ничего делать руками. Когда-то Христос, сострадав больному, простер Свою руку и прикоснулся к прокаженному (см. 5:13), теперь Он призывает самого больного протянуть руку и исцеляет его.

Однако Христом двигало не одно лишь сострадание. Исцеляя этого человека, Христос апеллировал не к

Своему собственному исключительному положению и праву Сына Человеческого и Господина субботы или к авторитету какого-то отрывка из Писания. Христос в данном случае апеллировал к принципам морали, утверждая, что если закон о субботе истолковывается вопреки последним, то подобное истолкование ошибочно, ибо порочит самую сущность установившего субботу Бога. Запретить исцеление руки несчастного значило бы причинить ему зло. «Спрошу Я вас, — сказал Иисус, — что должно делать в субботу? добро, или зло? спасти душу, или погубить?» (см. 6:9).

Поскольку Иисус поступил вопреки убеждениям книжников и фарисеев, «они... пришли в бешенство и говорили между собою, что бы им сделать с Иисусом» (6:11). Любопытный феномен — религиозность. Религиозный человек может испытывать весьма ограниченный интерес к общепринятым нравственным ценностям и еще меньший — к тому, как избавить людей от невзгод и страданий. Предмет его интереса — соблюдение правил и норм, в особенности тех, что основаны на его собственных субъективных и дорогих его сердцу истолкованиях Писания или традициях; именно такие истолкования он возводит в статус высшего божественного авторитета. И если Сам воплощенный Бог будет действовать вопреки этим истолкованиям и вмешается в ход событий, чтобы посредством чуда, исполненного божественной благодати, избавить несчастного от страданий, то вместо того, чтобы пересмотреть собственные представления и истолкования, такой человек постарается не допустить повторения подобных чудес. Лука удивительно точно квалифицирует подобную реакцию как бешенство (6:11). Нет никаких сомнений в том, что она не имеет ничего общего с истинным иудаизмом. Никто не будет оспаривать и того факта, что сходные

превратные истолкования не обошли стороной и христианство.

iii. Исцеление множества народа (6:12-19).

Ярость книжников и фарисеев, вызванная тем, что Христос публично бросил вызов их авторитету и поступил им наперекор, вскрыв перед всеми несостоятельность столь дорогих для них истолкований Писания, была гораздо глубже и сильнее, чем это могло показаться на первый взгляд. В конечном итоге именно эти чувства повлекут за собой Его смерть. Итак, «в те дни», — говорит Лука (6:12), — наш Господь провел ночь в молитве на склоне горы, после чего Он совершил два очень важных дела.

Во-первых, Христос тщательно выбрал двенадцать из следовавших за Ним учеников и назначил их Своими апостолами. О том, кем должны были впоследствии стать эти люди и что они должны были исполнить, мы узнаем позднее, как из написанного Лукой, так и из других книг Нового Завета. Сейчас же, в качестве полномочных посланцев Мессии, им предстояло отправиться к израильскому народу, причем число апостолов — двенадцать — соответствовало числу колен Израиля. Именно этим двенадцати апостолам Иисус даст силу и власть (см. 9:1). После Пятидесятницы они будут Его полномочными свидетелями (см. Деян. 1:8,22) и встанут во главе нового сообщества — христианской церкви. Некоторые из них будут избраны, чтобы стать богодухновенными авторами книг Нового Завета, призванными возвестить Церкви откровение, посланное ей воскресшим Господом через Святого Духа (см. Ин. 14:26; 15:27; 16:13-15).

Во-вторых, после избрания апостолов Христос спустился с ними с горы, на которой молился, и оста-

новился на равнине, где собралось множество Его учеников, а также толпы людей, пришедших отовсюду — с севера и с юга (6:17). Впервые избранные Христом двенадцать человек стояли рядом с ним в качестве Его апостолов перед таким множеством собравшегося со всех концов страны народа. Они никогда не забудут ни этого дня, ни того, как Христос показал им смысл и цель своего учения. Лука сообщает нам, что люди «...пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих... потому что от Него исходила сила и исцеляла всех» (6:17-19).

Когда читаешь об этом эпизоде, приходит на память другой эпизод, описанный Лукой выше. Евангелист рассказывает, как со всех концов страны, из всех селений Галилеи, Иудеи и из Иерусалима, собрались другие люди — законоучители (см. 5:17). Тогда Христос показал им отличительную особенность Своего учения — его целительную силу. Это была целительная сила Господа, и проявилась она в тот момент, когда Христос сначала простил грехи парализованного, а потом освободил его от сковавшей его болезни и дал сил ходить во славу Божью. И теперь, когда рядом с Христом на равнине стояли недавно избранные Им апостолы, от Него исходила сила и Он исцелял множество народа. Именно тогда, когда происходило это исцеление, Христос, «возвед очи на Своих учеников», обратился к ним со словами, которые позднее, в апостольском послании, будут названы «здравыми словами Господа нашего Иисуса Христа» (1 Тим. 6:3).

Действие 4. Христовы принципы нравственности (6:20-49)

Теперь мы подошли к тому фрагменту повествования Луки, который по своему содержанию соответ-

ствует Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея. Нам незачем искать ответ на вопрос, является ли этот фрагмент (иногда его называют «проповедью на равнине»¹ — *прим. ред.*) той же самой проповедью, что и Нагорная проповедь в Мф. 5:3-7:27, или нет. Многие проповедники по несколько раз выступают со сходными по содержанию проповедями, не повторяя их слово-в-слово; вполне возможно, что так же делал и Христос. Однако для нас будет особенно полезно обратить внимание на различия между «проповедью на равнине» у Луки и Нагорной проповедью у Матфея. Я не беру на себя задачи осветить все нравственное учение нашего Господа, нашедшее обобщение в данном тексте Евангелия от Луки. Для этого потребовался бы подробный экзегетический анализ всего текста, а также всестороннее обсуждение практической стороны учения нашего Господа. Все это увело бы нас далеко за рамки данного комментария, задача которого — проследить общий ход мыслей Луки, и именно поэтому для нас важно то, что отличает «проповедь на равнине» от Нагорной проповеди.

i. Отношение к бедности, голоду, горестям и людскому презрению (6:20-23). Прежде всего обращает на себя внимание различие в обетованиях блаженства: если в Нагорной проповеди содержится девять заповедей блаженства, то в «проповеди на равнине» их только четыре (6:20-23). Мы не встречаем здесь заповедей блаженства людям кротким, милостивым, чистым сердцем или миротворцам, то есть тем, кто благополучен. Заповеди обращены лишь к тем, кого

---

¹ См., напр.: Лезов С.В. *Каполические Евангелия: (Введение)* // *Каполические Евангелия...* С. 39.

постигли несчастья, — бедным, голодным, плачущим. Тех людей, которые испытывают подобные несчастья, Христос называет блаженными, призывает их возрадоваться, потому что они уже получили свою награду, а другие великие награды их еще ожидают впереди. Затем Он провозглашает четвертую заповедь блаженства, которая по своей значимости превосходит все предыдущие вместе взятые. Христос объявляет блаженными тех, кого ненавидят, изгоняют, оскорбляют и чье имя чернят из-за Сына Человеческого; иначе говоря, тех, кто подвергается преследованиям со стороны общества, но не просто преследованиям, а преследованиям из-за приверженности Христу.

ii. Отношение к богатству, веселью и общественному признанию (6:24-26) Та часть проповеди, в которой Христос провозглашает «горе вам...», не имеет параллели в Евангелии от Матфея: этот материал встречается только у Луки. В словах Христа смешиваются негодование и печаль, причем печали больше, нежели негодования. В общем и целом в них повторяются и таким образом усиливаются те мотивы, которые уже прозвучали в заповедях блаженства, но теперь эти мотивы звучат в противоположном контексте. Как мы только что заметили, наибольший упор в заповедях блаженства делается на обращении к тем, кого ненавидят, презирают и поносят из-за Сына Человеческого: Христос объясняет, что такие люди страдают подобно тому, как страдали пророки (6:23). Встречаясь с этим же мотивом, но уже в противоположном контексте (6:26), мы узнаем, что к тем, о которых все говорят хорошо, относятся так же, как относились к лжепророкам. Лука не оставляет нам ни-

каких сомнений в том, что именно имел здесь в виду Христос. Он имел в виду суровую критику Своего учения, образцы которой нам неоднократно встречались на протяжении данного этапа повествования, и еще в большей степени — ту враждебность, которая начала разгораться после того, как Христос показал людям ложность учения фарисеев. Однажды, в 6:11, мы уже столкнулись с этой враждебностью, и знаем, что впоследствии она станет причиной смерти Христа и яростных гонений на церковь, описанных Лукой в Деяниях святых Апостолов.

Далее следует обратить внимание на маленькую, но весьма характерную для повествования Луки особенность. В Евангелии от Матфея Христос говорит так: «Блаженны нищие духом, ибо *их* есть Царство Небесное» (Матф. 5:3) (*выд. мной — Д.Г.*). А у Луки (согласно лучшим из дошедших до нас рукописей) мы читаем: «И Он, возвед очи Свои на учеников Своих, говорил: блаженны бедные (*перев. мой — Д.Г.*), ибо *ваше* есть Царствие Божие» (6:20) (*выд. мной — Д.Г.*). На протяжении всего отрывка 6:20-26 Христос использует форму не третьего, а второго лица множественного числа.

Таким образом, Христос делит великое множество Своих слушателей на две группы: одни — бедные, голодные и плачущие, другие — богатые, сытые и смеющиеся; первых ожидает великая награда, вторых же будут оплакивать. Наиболее существенно последнее противопоставление — не между теми людьми, кого оскорбляют, и теми, о ком говорят хорошо, а между теми, кого оскорбляют *из-за Сына Человеческого*, и теми, о ком все говорят хорошо. Тот же принцип прослеживается и в других противопоставлениях. Иными словами, Христос делит слушателей на две группы не просто потому, что

один богат, а другой беден, один печален, а другой радостен, а потому, что один является истинным учеником Христа, а другой — нет.

В поддержку нашего вывода свидетельствуют события, происшедшие со сборщиком податей Левием (см. 5:27-32). До своего обращения Левий ничем не отличался от своих собратьев по ремеслу: народ его ненавидел, презирал и оскорблял. Это, разумеется, не означало, что Левий испытывал ту радость, о которой говорит Христос в Своих заповедях блаженства. Дурное отношение к Левию никоим образом не было связано с Христом. Левий как раз принадлежал к числу богатых, сытых и смеющихся. Такими же были и люди, посещавшие те пиршества, которые он устраивал до своего обращения. Однако благодаря Христу в Левии произошла перемена: он совершенно отказался от вымогательств и оставил свое прибыльное ремесло ради того, чтобы, деля общий и скудный стол с Христом и Его спутниками, идти вместе с ними по стране и нести людям Благовую весть. Любопытно, однако, что несмотря на все перемены, связанные с обращением Левия, одно оставалось практически неизменным — его по-прежнему продолжали оскорблять. Как бы отрицательно ни относились фарисеи к сбору податей, им не пришлось по нраву ни обращение ко Христу самого Левия, ни его попытки способствовать обращению других сборщиков податей (см. 5:29-30). Что же касается людей бедных, то они, конечно же, были рады, что в полку сборщиков податей убыло, однако, когда им стало ясно, что Иисус не подходит для того, чтобы возглавить восстание против римлян, они в конце концов поддержали фарисеев и саддукеев, отвергли Христа и Его апостолов, включая и Левия, и отдали предпочтение мятежнику (см. 23:18-25).

Теперь Левий вполне соответствовал тому, о чем говорил Христос в Своих заповедях блаженства: переносил бедность, страдания, осуждение и презрение из-за своей приверженности Христу и Его Благой вести.

Следует упомянуть и еще об одной детали, характерной для рассматриваемого здесь фрагмента нравственного учения Христа. Речь идет о глубоком сострадании, которое Он проявляет к тем, кто приобрел себе богатство нечестным путем. Из 5:27-31 мы узнали, что несмотря на решительное осуждение со стороны фарисеев, чувства, которые испытывает к ним Иисус, остаются сродни отношению любого настоящего врача к тяжело больному человеку. А в настоящем фрагменте объясняет, почему Он говорит им «Горе вам...» (см. 6:25-26): те радости, которые они получают в этой жизни, будут их единственными радостями. Когда мы будем рассматривать рассказ о богаче и Лазаре (см. 16:19-31), мы сможем лучше разобраться, что именно имел в виду Христос (см. 16:25), и нам станет понятнее глубина Его сострадания. Интересно также будет узнать, какой к тому времени (см. 16:13-15) станет реакция фарисеев на слова Христа о невозможности одновременного служения Богу и мамоне.

iii. Отношение к врагам и возможным должникам (6:27-38). Далее следует целый ряд увещаний и наставлений, подробно раскрывающих различные стороны нравственного учения Христа. Эти увещания имеют не только большое самостоятельное значение, но и теснейшим образом связаны с тем, о чем мы только что говорили. Когда о человеке говорят плохо, когда его осуждают и изгоняют, а он радуется и считает, что, наоборот, было бы печально, если бы о нем все

говорили хорошо, то существует опасность, что такой человек может превратиться в довольно неприятного субъекта, живущего по принципу один против всех и все против одного, как ветхозаветный Измаил (см. Быт. 16: 12). Памятуя об этой опасности, Христос наставляет Своих учеников в том, как они должны относиться к своим врагам — к людям, которые о них злословят и их гонят. «...Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас... взаимны давайте... будьте милосерды... не судите... не осуждайте... прощайте... давайте». В основе наставлений Христа лежат два принципа. Во-первых, Христос призывает Своих последователей поступать лучше, чем поступают грешники (см. 6:32-34). Очень часто наше доброе отношение к людям и благие дела, которыми мы так гордимся, не выходят за рамки нашего привычного окружения, то есть адресованы нашим соотечественникам или тем, кто разделяет наши убеждения, в том числе и религиозные. Можно любить своих братьев-социалистов, или братьев-капиталистов, но в подобном поведении нет ничего особенно похвального. Так поступают даже грешники. Христос призывает учеников, чтобы они любили даже своих врагов и обидчиков, любили тех, кто покушается на их собственность и неприкосновенность. Он призывает делать им добро (см. 6:27-29).

Второй принцип состоит в том, что последователи Христа должны быть такими, каков их Отец (см. 6:35-36). Их Отец справедлив. Более того, Он милосерден. Такими же должны быть и Его сыновья. И дело здесь не столько в том, чтобы следовать определенным правилам или даже громогласно требовать справедливости, сколько в новой природе, которую такие люди

наследуют от Отца, когда рождаются свыше, и которую обнаруживают в поступках, достойных зрелых сыновей. Можно сказать, что сыновство — это ключ к нравственному учению Христа. Вспомним, как в 5:34-35 Христос объяснял, что поступки «сыновей чертога брачного» (гостей жениха) определяются тем, есть среди них жених, или нет. Эта аналогия переросла в метафору: Христос — Жених, а Его ученики — «сыновья чертога». В обсуждаемом тексте Его ученики названы сыновьями Отца. И вновь мы приходим к выводу, что жизнь в соответствии с нравственными нормами связана не столько со следованием каким-то определенным правилам, сколько с развитием в себе черт характера, подобных Божьим и формирующимся тогда, когда человек, живет в общении с Христом.

iv. Тройная притча (6:39-49). Вторая половина третьего этапа повествования, так же, как и первая, завершается притчей, состоящей из трех частей. Однако в содержании этих притч есть существенное отличие. Цель первой трехчастной притчи (см. 5:36-37) заключалась в том, чтобы сопоставить новое и лучшее с тем, что в свое время было нужным и важным, но устарело и стало бесполезным. Во второй притче истинное, хорошее и правильное противопоставляется изначально и совершенно ложному и дурному.

В основе первой части второй притчи (см. 6:39-42) лежит аналогия, связанная со зрением, и касается она тех, кто хочет учить других. В ней обличаются два вида человеческой ущербности. Сначала говорится об ущербности человека, который сам ничего не видит, однако претендует на то, чтобы вести других (см. 6:39-40), в результате чего и он, и его ученики, которые, не завершив обучения, не могут превзойти своего учителя

ля, неизбежно падают в яму. Грустно слушать, как человек, чью жизнь никогда не освещало спасение Христа, пытается наставлять себе подобных в христианском благовестии.

Далее речь идет о человеке, который хорошо видит, однако его способность давать оценку окружающим остается глубоко ущербной: используя очень выразительную гиперболу, наш Господь говорит, что у такого человека в глазу бревно, которое мешает ему видеть вещи такими, какими они являются на самом деле. Что-то в представлениях такого человека или образе его действий вопиюще порочно, и у окружающих нет в этом никаких сомнений; однако, как это ни странно, именно он постоянно указывает другим людям на их мелкие проступки и недостатки и говорит, что хочет исправить им зрение, вынув из их глаз соринку (в Синодальном переводе — «сучёк» — *прим. ред.*). Если бы такой человек захотел, то он вполне мог бы заметить бревно у себя глазу; но выискивание недостатков у других помогает ему прятать свои собственные. Наш Господь называет такого человека лицемером (см. 6:41-42).

В основе второй части притчи (6:43-45) лежит аналогия, связанная с плодоносящим деревом. По плоду дерева можно безошибочно определить его природу. Точно так же по поступкам, словам и взглядам человека можно безошибочно определить, что лежит у него на сердце. Однако, применяя этот принцип к самим себе, мы всегда испытываем искушение воздержаться от неприятных для себя выводов, полагая, что те немногие добрые поступки, которые мы совершаем, являются для нас типичными, а вот множество наших дурных поступков — просто исключение из правила. Думая так, мы впадаем в самообман. Конеч-

но, христианин может найти оправдание подобного поведения в словах Павла: «Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:20). Но это неверный ход, ибо Павел здесь объясняет, почему верующие грешат, но отнюдь не оправдывает их и не считает, что они могут особенно по этому поводу не беспокоиться. У того человека, чья речь (6:45) источает зло, — как по значительным поводам, так и по пустякам, — и сердце злое, «...ибо от избытка сердца говорят уста». Даже самый святой человек может ужаснуться, увидев, сколько еще грязи остается в глубине его сердца, когда порой эта грязь, минуя фильтр его нравственного чутья, неожиданно выплескивается наружу. Но если зло всегда доминирует в речи человека, то это значит, что зол и сам человек. Природа дерева совершенно однозначно определяет характер плода.

И наконец, в основе третьей части притчи лежит аналогия, связанная со строительством дома (см. 6:46-49). Есть только один способ построить дом, который устоит перед стихийным бедствием, — закладывать фундамент глубоко и на камне. Однако сделать это непросто.

Смысл аналогии в том, что гораздо проще довольствоваться поверхностными представлениями о христианстве и поверхностным, формальным исповеданием веры без послушания Христу (6:46). Но фундамент либо есть, либо его нет, и потому лишь те, кто, вступив в личное общение с Христом, ведут строительство на твердом фундаменте Его Слова, веруя в это Слово, используя Его и следуя Ему в Своей жизни, выйдут невредимыми из нынешних и грядущих бурь.

ЭТАП 4

ХРИСТОВ ПУТЬ СПАСЕНИЯ**Предварительный обзор**

Главы 7 и 8 Евангелия от Луки, в основном, состоят из отдельных рассказов об исцелениях и чудесах, которые совершал сам Христос. Затем, начиная с 9:1, Лука переключает свое внимание со служения Христа на миссионерское служение двенадцати апостолов. Таким образом, главы 7 и 8, по-видимому, рассматривались автором в качестве отдельного этапа повествования, по счету — четвертого.

Одна тема красной нитью проходит через эти две главы — тема спасения. Об этом свидетельствует уже то, что на протяжении всего этапа повествования нам неоднократно будет встречаться греческий глагол *sōzō* — «спасать». Этот глагол, равно как и его производная *diasōzō* («прийти на выручку», «защитить от опасности», «спасти»), имеет целый ряд значений. В Новом Завете глагол *sōzō* используется в том случае, когда речь идет о спасении человека от какой-то физической опасности или несчастья, например, о спасении утопающего (см. Мф. 8:25). Он может также означать «исцеление», как в Мф. 9:22. Достаточно часто этот глагол используется в значении «прощение» и «спасение от греховной жизни» (см. Лк. 7:50; Тит. 3:5). Родственные ему существительные *sōtēria* (спасение) и *sōtēr* (Спаситель) встречаются в описании завершающей стадии спасения при втором пришествии Христа (см. Рим. 13:11; Флп. 3:20-21). Таким образом, можно сказать, что в определенном смысле тема спасения пронизывает практически весь Новый Завет. Но все же в главах 7 и 8 Евангелия от Луки

слово «спасать» встречается чаще обычного. Глагол *diasōzō* используется Лукой только один раз — в 7:3. Вплоть до седьмой главы лишь единожды встречается и глагол *sōzō* (см. 6:9); в то время как в главах 7 и 8 он употреблен пять раз (см. 7:50; 8:12, 36, 48, 50). Рассмотрим каждый из этих случаев.

Рассказ о женщине в доме Симона (см. 7:36-50) встречается только у Луки. Это не что иное, как волнующий и трогательный рассказ о спасении: «вера твоя спасла тебя; иди с миром», — говорит Христос падшей, а ныне прощенной женщине (7:50).

Остальные рассказы встречаются и у других евангелистов, однако у Луки слово «спасать» фигурирует чаще.

Описывая исцеление слуги сотника, Матфей употребляет два глагола: *therapeuō* (8:7) — «лечить» или «исцелять» и *iaomai* (8:8, 13) — «исцелять» (в русском Синодальном переводе используется слово с другим корнем — *выздоровливать* — прим. ред.). Лука употребляет три: *iaomai* (7:7) и *hugiaiō* (7:10), означающий «быть здоровым, выздороветь», а также, в прамбуле к рассказу (7:3), *diasōzō* — в значении «спасти», в данном случае спасти слугу от смерти.

В 8:4-15 Лука излагает притчу о сеятеле, которую мы также встречаем у Матфея (см. 13:3-23) и у Марка (см. 4:3-20). Разумеется, все три евангелиста объясняют, каких людей имеет в виду Христос, когда говорит о семени, упавшем при дороге. Это те, кто слышит слово. Но потом приходит дьявол и уносит посеянное из их сердец. Однако именно Лука добавляет, почему дьявол это делает: «чтобы они не уверовали и не спаслись» (8:12).

И у Матфея (8:28-34), и у Марка (5:1-20), и у Луки (8:26-39) есть рассказ об одержимом бесами. Все три евангелиста упоминают, что очевидцы изгнания бесов

рассказывали о случившемся людям, пришедшим из близлежащего города. Однако у одного только Луки их объяснения звучат так: «Видевшие же рассказали им, как был спасен одержимый бесами человек» (8:36) (*выд. и перев. мои — Д.Г.*).

Во всех трех синоптических Евангелиях содержатся связанные друг с другом рассказы о женщине, у которой было кровотечение, и о дочери Иаира. О том, что была спасена страдавшая кровотечением женщина (т.е. была исцелена — см. Мф. 9:22; Мк. 5:34; Лк. 8:48), говорится у всех трех евангелистов. Однако когда речь заходит о дочери Иаира, то Матфей вообще не употребляет слово «спасена», Марк использует его, передавая горячую просьбу о помощи, с которой Иаир обратился к Иисусу, когда девочка была еще жива (см. Мк. 5:23), у Луки же оно встречается совершенно в другой части рассказа. Лука доводит повествование до того момента, когда девочка уже умерла и все вокруг потеряли всякую надежду вновь увидеть ее живой и здоровой. И вот тогда-то он и приводит обращенные к Иаиру слова Христа: «только веруй, и спасена будет» (8:50). Этот контекст, разумеется, придает слову «спасена» особое звучание.

Итак, в рассматриваемых нами главах Лука сводит вместе ряд рассказов, в которых описываются примеры спасения. Очевидно, что эти примеры касаются разных аспектов спасения. Более того, наряду с вышеупомянутыми рассказами Лука описывает и ряд других случаев, уже не употребляя при этом собственно слова «спасать», однако ясно давая понять, что приводит новые примеры спасения. В целом разнообразные примеры спасения составляют весьма внушительный список. Слуга сотника спасен от смерти (см. 7:2-3); умерший сын вдовы из Наина,

которого уже собирались хоронить, воскрешен из мертвых (см. 7:12-15). Женщина в доме Симона спасена и освобождена от гнета своей прошлой греховной жизни, получив дар прощения (см. 7:47-50). Во время плавания по озеру ученики Иисуса спасены от угрозы смерти в бурю (см. 8:23-24). Одержимый бесами спасен от их власти (см. 8:27-36). Женщина, у которой было кровотечение, спасена от своего подрывающего силы недуга (см. 8:43-48), а дочь Иаира спасена от рук смерти (см. 8:50-55).

По-видимому, Лука считал, что описанные им случаи являются типичными проявлениями способности Христа спасать. Однако помимо них в главах 7 и 8 есть два больших отрывка, содержащих комментарий и проповедь: первый связан с Иоанном Крестителем (см. 18:35), а второй состоит из нескольких притч, наиболее значительной из которых является притча о сеятеле (8:4-21). Естественно, возникает вопрос, связаны ли каким-либо образом рассматриваемые в этих двух отрывках вопросы с темой спасения и если связаны, то как именно. Мы уже видели, что Лука непосредственно связывает с темой спасения притчу о сеятеле (см. 8:12), однако нет прямых признаков того, что с темой спасения связан отрывок, посвященный Иоанну Крестителю. В Евангелии от Марка нет соответствующей этому отрывку параллели; у Матфея такая параллель есть (см. 11:2-19), однако она находится в совершенно ином контексте — после начала миссионерского служения апостолов, а не перед ним, как у Луки. Чтобы установить, почему Лука расположил свой отрывок именно так, а также существует ли какая-либо связь между этим отрывком и его контекстом, и если существует, то какая, необходимо рассмотреть структуру четвертого этапа повествования

в целом. Еще в самом начале нашего комментария (см. вводный раздел к настоящей книге) мы говорили о том, что встречающийся только у Луки рассказ о событиях в доме Симона и имеющий параллели у других евангелистов рассказ о женщине, страдавшей кровотечением, объединены важными общими мотивами. Помещая в тот же самый контекст отрывок об Иоанне Крестителе, Лука, по-видимому, считал, что и этот отрывок перекликается с основными мотивами контекста. Чтобы установить, насколько верно наше предположение, перейдем к рассмотрению структуры четвертого этапа повествования.

В первом рассказе (см. 7:2-10) описывается спасение слуги сотника из рук смерти. Словами «после сего» Лука связывает этот рассказ с рассказом о сыне вдовы из Наина (см. 7:11-17), которого Христос воскресил из мертвых. Исходя из того, что Лука, по-видимому, считал эти события связанными друг с другом, и учитывая, что в обоих случаях речь идет о спасении от смерти, назовем отрывок 7:2-17 Действием 1.

Далее (см. 7:18-23) Лука рассказывает о том, как Иоанн Креститель послал двух своих учеников к Христу с вопросом и как Христос ответил на этот вопрос. После ухода учеников Иоанна Христос обращается к собравшимся и упрекает их за превратное отношение к Иоанну и к Самому Себе (см. 7:24-35). Оба эти отрывка связаны с Иоанном, и поэтому мы обозначим их как Действие 2.

После этого начинается рассказ о женщине, которая, подойдя к бывшему в гостях у Симона Иисусу, оросила Его ноги слезами, осыпала их поцелуями и умастила благовониями. Словами «после сего» Лука связывает этот сюжет с упоминанием о нескольких женщинах, которые следовали за Христом и Его уче-

никами и «служили Ему именем своим» (см. 8:1-3). Назовем эти два рассказа о преданных Христу женщинах Действием 3.

Начиная с 8:4, Христос излагает Свое учение в форме притчей. Мы знакомимся с притчей о сеятеле (8:4-15), с притчей о свече (8:16-18) и, наконец, когда к Нему приходят мать и братья и не могут Его найти из-за скопления народа, Он объявляет, используя метафорический язык: «мать Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (8:19-21). Будем считать этот повествовательный ряд (8:4-21) Действием 4.

Дальнейшее повествование посвящено путешествию, которое проделали Христос и Его ученики по озеру. В рассказе об этом путешествии легко прослеживаются четыре основных эпизода. Первый посвящен буре, разыгравшейся в то время, когда Христос и Его ученики пересекали озеро (см. 8:22-25). Назовем его Действием 5. В следующем эпизоде описывается спасение человека, одержимого бесами, происшедшее после того, как Христос с учениками высадились на противоположном берегу озера (см. 8:26-39). Мы будем считать этот текст Действием 6. В последующих двух эпизодах речь идет о событиях, произошедших по возвращению Христа и Его учеников обратно, — о спасении женщины, страдавшей от кровотечения (см. 8:40-48), и спасении дочери Иаира (см. 8:49-56). Обозначим эти события как Действия 7 и 8 соответственно.

Если представить основное содержание восьми Действий в виде таблицы (см. сс. 200 — 203), то выяснится, что не только рассказы о событиях в доме Симона и о женщине, страдавшей от кровотечения, но и некоторые другие рассказы связаны друг с другом сходствами и проти-

вопоставлениями. Одна из наших главных целей будет состоять в том, чтобы проанализировать эти сходства и противопоставления и определить, что лежит в их основе.

Действие 1. Спасение от смерти: вознагражденная вера (7:2-17)

Нет никаких сомнений в том, о каком именно виде спасения идет речь в рассказах о слуге сотника и о сыне вдовы из Наина — это спасение от смерти. Оба рассказа исполнены драматизма: в первом человек стоит на пороге смерти, во втором собираются хоронить умершего. В обоих случаях люди были спасены и возвращены к жизни.

Таковы лежащие в основе рассказов факты, но читателю нет нужды гадать, как эти факты истолковывать, поскольку очевидно, что цель автора состоит в том, чтобы объяснить читателю, на каких условиях людям были дарованы спасение от смерти и новая жизнь.

Обратимся к истории с римским сотником. Сотник был язычником. Он смиренно (см. 7:7), через еврейских старейшин попросил Христа прийти и спасти его слугу. Но еврейские старейшины допустили распространенную ошибку: они начали убеждать Христа откликнуться на просьбу сотника о спасении, ссылаясь на его заслуги и добрые дела. Действительно, список добрых дел сотника был достаточно внушителен. Сотник любил еврейский народ и построил для живущих в округе евреев синагогу (см. 7:5). Принимая во внимание немалое количество денег, которое должно было уйти на постройку такого здания, а также то, что, как правило, римляне презрительно относились к евреям (подобное отношение выражено, например, в написанных в более позднее время сатирах Ювенала¹),

---

¹ См., напр.: Ювенал. Сатиры. СПб, Изд-во «Алетейя», 1994. Сатира XIV, 108-118.

ПРИХОД ХРИСТА. ЭТАП 4 (7:2-8:56)

1 Спасение от смерти: вознагражденная вера: слуга сотника и сын вдовы из Наина (7:2-17).

1 Сотник, обращаясь ко Христу, попросил Его: «скажи слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит... Услышав сие, Иисус удивился... и... сказал... и в Израиле не нашел Я такой веры».

2 Сына вдовы из Наина уже собирались хоронить, когда Христос сказал: «юноша!... встань (греч. *egerthēti* — Д.Г.). Мертваый поднявшись сел и стал говорить... И всех объѣл страх....».

5 Спасение от природной стихии: ученики, попавшие в бурю на озере (8:22-25).

1 «Он [Иисус]... запретил ветру и волнению воды; и перестали... Тогда Он сказал им: где вера ваша? Они же в... удивлении говорили... кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?»

2 Христос заснул, и лодка начала наполняться водой. Перед учениками встала опасность утонуть. «И... разбудили Его (греч. *diegenian* — Д.Г.)... Он встав (греч. *diegertheis* — Д.Г.) запретил ветру... Они же в страхе говорили....».

2 Ложные представления о спасении и отвержение Спасителя: Иоанн и «люди рода сего» (7:18-35).

1 Иоанн хочет знать, Кто такой Иисус: Тот, Который должен прийти, или нужно ждать другого? Иисус совершает в присутствии посланцев Иоанна много разных чудес и затем посылает их назад: «пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали...».

2 «Что же смотреть ходили вы? ... человека ли, одетого в мягкие одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка ли? Да... и больше пророка.

3 И весь народ воздал «славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о

6 Спасение от злых духов и отвержение Спасителя: одержимый бесами и его седи (8:26-39).

1 Спасенный от власти бесов человек хочет идти вместе с Христом, но Христос отсылает его со словами: «Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог...». И тот пошел и рассказывал всему городу, что сделал для него Иисус.

2 «И вышли видеть происшедшее... наши человека (который давно уже не носил одежды — Д.Г.)... сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме...».

3 «Видевшие же рассказали им, как был спасен одержимый бесами человек (т.е. о том, как бесы вошли в стадо свиной и стадо уто-

нуло. — (курсив и перевод мой - ДП.). И просил Его весь народ... удалиться от них».

себе, не крестившись от него». Они ска- зали, что Иоанн был одержим бесом!

3 Спасение и служение прощенных:
Женщина в доме Симона и женщины, служившие Иисусу «имением своим» (7:36-8:3).

7 Спасение от потери жизненных сил:
эпизод с женщиной, страдавшей кровоте- чением (8:40-48)

1 «...Женщина... ставши позади у ног Его... начала обливаеть ноги Его слеза- ми...».

1 «...Женщина... подойдя сзади, косну- лась края одежды Его...».

2 «... Фарисей... сказал... если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщи- на прикасается к нему...».

2 «И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все отрицались... Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто; ибо Я чувствовал силу, испедающую из Меня».

3 «Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром».

3 «Он сказал ей: ...дщерь! вера твоя спас- ла тебя; иди с миром».

4 «...Некоторые женщины, которых Он исцелил... служили Ему имением своим».

4 «...Женщина... издержавши на врачей все имение, ни одним не могла быть вылечена...».

4 Тайны Царства Божьего, связанные со спасением: притчи о сеятеле и свече и метафора семьи (8:4-21).

1 «...Вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют».

2 «...Дьявол... уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись».

3 Истинный семейный круг Христа. Его мать и братья — это те, кто слушает слово Божье и исполняет его.

8 Спасение и «тайное» воскрешение из мертвых: пробуждение дочери Иаира от смертного сна (8:49-56).

1 «...Не позволил войти никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца девицы, и матери... сказал: не плачьте она не умерла, но спит. И смеялись (*собрались — Д.Г.*) над Ним, зная, что она умерла... Он... повелел им (*родителям — Д.Г.*) не сказывать никому о происшедшем».

2 «...Некто... говорит ему (*т.е. Иаиру — Д.Г.*): дочь твоя умерла; не утруждай Учителя. Но Иисус... сказал ему... только веруй, и спасена будет».

3 Восстановленный семейный круг: Христос, Его апостолы, отец и мать с воскресшим из мертвых ребенком.

их вере и молитвенным домам, наверное, можно понять, почему евреи стали просить за сотника и говорить, что он достоин, чтобы Христос сделал это для него. Христос откликнулся на их просьбу и вместе с ними направился к дому сотника. Очевидно, что в делах сотника Христос увидел свидетельство того, что сотник искренне стремился угодить Богу.

Сам сотник как раз прекрасно понимал, насколько бессмысленно увязывать спасение своего слуги со своими собственными заслугами. Узнав, что Господь приближается к его дому, сотник послал своих друзей, чтобы они передали Христу: «Не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе» (7:6-7). Даже если бы это был только император Тиберий, от которого сотник хотел бы получить какую-либо милость, то каким бы сильным ни было желание сотника, он не посчитал бы себя настолько достойным и важным, чтобы просить императора прийти к нему в дом и одарить своей милостью. Итак, сотник имел достаточно хорошее воспитание, не говоря уже о духовном чутье, чтобы понимать, сколь неуместно и несообразно распространяться о своих заслугах в присутствии Христа или думать, что, внимательно ознакомившись с его добрыми делами, Христос должен тотчас озаботиться тем, чтобы прийти к нему домой и даровать заслуженное спасение. Первое, что сделал сотник, — он отрекся от своих заслуг.

Затем сотник признал, что власть Христа была такова, что Ему вовсе не требовалось во что бы то ни стало приходиться к сотнику домой. Христу было достаточно лишь повелеть — и больной слуга мгновенно бы выздоровел (см. 7:7-8). Как римскому офицеру, сотнику было достаточно приказать — и его солдаты

бросались исполнять приказ, потому что за сотником и его приказами стояла власть и авторитет верховного командующего римской армией, великого императора. Сотник не до конца понимал, какая власть стояла за повелениями Христа, однако уже из его просьбы можно сделать вывод, что он признавал за Христом власть над жизнью и смертью. Осознавая, что всякая заслуга, власть и авторитет принадлежат Христу и Его слову, он смиренно обратился к нему со своей просьбой: «скажи слово, и выздоровеет слуга мой». Удивленный Христос ответил так (обратите внимание, что это слова Христа, а не авторский комментарий): «Сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры» (7:9).

Таким образом, уже из первого Действия повествования становятся очевидными основополагающие и, видимо, универсальные принципы спасения: спасение даруется не на основании добрых дел, заслуг или достоинств, а только на основании веры. Вера же, согласно этому рассказу, — это не убежденность в том, что мы сделали все, что было в наших силах, и Бог высоко оценит наши заслуги. Уверовать — значит отказаться от опоры на собственные дела и заслуги, от всякой надежды самому заслужить спасение и полностью, абсолютно положиться на Личность Христа и авторитет Его слова.

Этот урок настолько важен и его столь непросто усвоить — вспомним еще раз, как Христос удивился, что его усвоил язычник, тогда как многие евреи не могли, — что, желая сделать его еще более наглядным, Лука дополняет повествование рассказом о вдове из Наина (см. 7:11-17), не имеющим параллелей у других евангелистов. Как непохожа эта слабая и одинокая женщина на сотника — сильного человека, умев-

шего отдавать приказы, располагавшего значительными возможностями и совершившего немало благородных дел. И вот, когда эта женщина провожала в последний путь своего единственного сына, исполненный сострадания Иисус остановил похоронную процессию, воскресил молодого человека и отдал его матери (см. 7:15). Обратите внимание на глагол: *отдал* его матери. В этот удивительный миг не выдвигалось никаких условий, не требовалось никаких обещаний. Величественный дар новой, нежданной жизни, несомненно, был даром безвозмездным, проникнутым безграничной Божьей благодатью.

Оба рассказа, сопряженные вместе, позволяют составить достаточно полное представление об условиях спасения. Неважно, совершили ли вы множество добрых дел и располагаете ли значительными возможностями, как римский сотник, или нет у вас ни заслуг, ни больших возможностей, как не было их у вдовы из Наина: ибо спасение не от дел, многих или немногих, добрых или злых, это — дар Божий, который дается благодатью через веру.

Последние слова, как легко убедиться, заимствованы у Павла (см. Еф. 2:1-10). Нельзя сказать, чтобы это заимствование было совершенно произвольным: Павел в своем Послании говорит о спасении от духовной смерти благодаря дару новой жизни во Христе, однако, несомненно, что о каком бы спасении ни шла речь — от физической смерти, как в случае со слугой сотника и с сыном вдовы, или от духовной смерти — основополагающие принципы спасения остаются неизменными.

А теперь вернемся на мгновение к сотнику. Христос сказал, что даже в Израиле не встречал такой веры, какая была у сотника (см. 7:9). Зададимся вопросом: почему? Если спасение от смерти — это дар, то

почему люди не просили об этом даре громогласно и повсеместно?

На этот вопрос можно ответить так: спасение даруется не просто через веру, а через веру в Христа, и, следовательно, как мы увидим из многих других рассказов данного этапа повествования, подразумевает понимание того, Кто такой Иисус. Это понял и сотник, и толпа у ворот Наина (см. 7:16). Однако сейчас нам предстоит убедиться в том, что именно в этой связи многие люди испытывали разного рода сомнения и сталкивались с определенными трудностями.

Действие 2. Ложные представления о спасении и отвержение Спасителя (7:18-35)

Если спасение зависит от веры в Иисуса как Христа, Сына Божьего, то сразу становится очевидным, почему многие из Его современников даже не обращались к Нему с просьбой о спасении: они не верили, что Иисус был Христом. Люди говорили, что имеющиеся свидетельства не просто недостаточны для того, чтобы подтвердить истинность утверждений Иисуса, они скорее противоречат Его утверждениям. Лука и не думает скрывать происходившее от Феофила и от нас с вами. Записывая слова и дела современников Христа, он приводит и те доводы, которыми они обосновывали отвержение как Иоанна Крестителя, так и Иисуса. Рассказывает Лука и о том, что говорил и делал Христос, сталкиваясь с подобным отвержением. А затем он дает возможность читателю самому принять решение по этому вопросу.

Из содержания рассматриваемого отрывка больше всего смущает, пожалуй, то, что сам Иоанн Креститель в какой-то момент испытывал тягостные сомнения и недоумения, размышляя о личности Иисуса. Ведь

именно он возвещал, что Иисус — Тот, Чье пришествие уже давно было заповедано пророками. Иоанн объявил, что Своим служением Грядущий исполнит два дела: будет крестить Святым Духом всех, кто покается и уверовал, но кроме этого, срубит и бросит в огонь «всякое дерево, не приносящее доброго плода», «солому сожжет огнем неугасимым» (3:9, 16-17). Судя по выражению «уже и секира при корне дерев лежит» (3:9), Иоанн считал, что суд близок и в скором времени на землю обрушится Божий гнев.

Однако ко времени, о котором идет речь в рассматриваемом отрывке, Иоанн уже был в тюрьме (см. 3:20; сопоставьте также 7:18-19 с Мф. 11:2-3). Именно в тюрьме Иоанн узнал от своих учеников об удивительных и чудесных делах Иисуса (см. 7:18). Они соответствовали ожиданиям Иоанна, но далеко не полностью. Было очевидно, что Иисус не пытается исполнить все, что, по мнению Иоанна, должен был исполнить Грядущий. Так, Иисус не предпринял никаких действий, чтобы вызволить Иоанна из тюрьмы или свершить Божий суд над бросившим его туда порочным Иродом. Почему же? Разве мог Иисус быть Мессией и не предпринять подобных шагов? Иоанн не имел ничего против того, что Иисус между делом исцелил какого-то слугу, воскресил из мертвых сына какой-то вдовы, однако пора было, наконец, заняться и более серьезными делами — начать победоносную борьбу против правления угнетателей; лишить власти правителей, подобных Ироду; свергнуть римскую тиранию и вернуть Израилю политическую независимость, установив в стране справедливое правление. Разве мог Иисус утверждать, что решит стоящие перед миром проблемы, и рассчитывать, что Ему поверят, не совершая при этом ни-

чего из упомянутых серьезных дел, и ограничиваясь спасением отдельных людей? Размышляя об этом, Иоанн пришел в глубокое недоумение и послал двух своих учеников к Христу с вопросом: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?»

Не один Иоанн испытывал подобные сомнения. И по сей день многие люди чувствуют, что не могут уверовать в Иисуса, раз все Его усилия обращены лишь на спасение отдельных людей, а не на исправление главных пороков политического, экономического и социального устройства мира.

Какова была реакция Господа на эти сомнения? Своими действиями и словами Господь давал понять (см. 7:21-23), что придет день и Он действительно будет вершить Божий суд над порочными людьми и властями. В ответ на сомнения Иоанна и других людей он совершил чудеса, которые, согласно пророчеству Исаяи, должен был сотворить Мессия (см. Ис. 35:3-5; 61:1-3). Затем Иисус отправил посланцев обратно к Иоанну, чтобы тот мог окончательно убедиться в том, что Иисус уже исполняет часть возвещенного пророками замысла, а, коли так, то, значит, в свое время исполнит и другую.

Очевидно, что в замысле, который предстояло исполнить Мессии, была исходно заложена определенная последовательность действий. Исполняя ветхозаветное пророчество, Христос утверждал, что проповедь Благой вести людям (см. 7:22) должна состояться до Божьего суда над всяким злом и, в частности, над неправедными властями. Иная последовательность не сулит нам ничего хорошего. Несмотря на все жалобы и недовольство, что День Господень еще не наступил, он обязательно наступит (см. 2 Петр. 3:3-10); и для многих людей наступит слишком скоро. А не наступил

он пока еще потому, что Господь «долготерпит... не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». Как и Иоанн, мы можем думать, что несправедливость, от которой мы страдаем, вопиющая и требует отмщения. Так же, как и Иоанну, нам может казаться, что, откладывая час избавления мира от пороков, Иисус рискует поставить под угрозу Свою собственную роль Мессии. Но Мессия, которому мы служим, исполнен такого сострадания к людям, что спасение человека для Него важнее того, как Он выглядит в глазах людей.

Впрочем, когда перед большинством современников Христа вставал вопрос о признании Его Мессией, то, в отличие от Иоанна, они сталкивались с трудностями иного рода. Это послужило причиной того, что после ухода посланцев Иоанна наш Господь начал говорить народу об Иоанне, желая испытать чистоту помыслов своих слушателей. Дело в том, что, когда Иоанн только начал проповедовать в пустыне, эти люди стекались к нему толпами (см. 3:7). Однако с тех пор многие из них постарались предать происходившее забвению. Наш Господь не мог этого допустить. В словах, исполненных силой и проникающей в самые глубины человеческого сердца иронией, Он напомнил им не только о том, что они приходили к Иоанну Крестителю, но и о том, для чего они это делали (см. 7:24-28). Слушатели Христа ходили в пустыню, конечно же, не для того, чтобы посмотреть на колыхаемый ветром тростник или на человека в пышных одеждах. Они шли к Иоанну Крестителю потому, что верили, что он был Предтечей Мессии, человеком, о котором пророчествовал Исайя (см. Ис. 40). Но если Иоанн был Предтечей Мессии, то ведь Иисус-то был самим Мессией, а, значит, каждый из них дол-

жен был довериться Ему и принять Его как своего Спасителя и полновластного Господа. Одни, конечно, так и сделали, другие же — нет и теперь вообще пытались забыть, что когда-то видели в Иоанне Крестителе что-либо особенное. Они начали говорить, что Иоанн одержим бесом, то есть сошел с ума, а Иисус потакает дурным поступкам, ведет Себя безответственно и распущенно (см. 7:33-34).

Вполне обычное явление: сначала люди с энтузиазмом окунаются в те или иные формы религиозного опыта, но затем «остывают» и начинают стыдиться своего прежнего поведения. Нас, находящихся на расстоянии многих веков от событий, описанных Лукой, должно прежде всего интересовать, что именно заставило людей изменить свое отношение к Иоанну Крестителю. Согласно тому, что сообщает нам Лука, дело было в проповеди Иоанна Крестителя и, в частности, в том значении, которое Иоанн придавал крещению (см. 7:29-30). Он проповедовал, что грехи людей глубоко противны Богу и Бог не может с ними мириться. Грехи навлекают Божий гнев. «...Порождения ехиднины! — гремел голос Иоанна. — Кто внушил вам бежать от будущего гнева?» Многие из слушателей Иоанна, и, надо полагать, прежде всего сборщики податей, признавали, что Иоанн прав (см. 7:29). Эти люди знали, что являются грешниками. То, что Иоанн Креститель осудил их грехи и предупредил о грядущем Божьем гневе, они расценили как справедливый Божий приговор, вынесенный их жизни, и крестились, смиренно исповедуя свои грехи и признавая свою потребность в спасении. Иначе реагировали на проповеди Иоанна фарисеи и законники. Для этих людей соблюдение закона Божьего было предметом личной гордости. Приобретенные ими заслуги казались им

вполне достаточными, чтобы обрести спасение. Нет, они не считали, что соблюдают закон безукоризненно, однако были уверены, что когда дело дойдет до решающего рубежа, то Всемогущий Бог поведет Себя как мягкий и снисходительный учитель, который, закрывая глаза на пробелы в знаниях студентов, переводит их на следующий курс. Когда Иоанн настойчиво повторял, что Бог в Своей святости не может мириться с моральными изъятиями, они думали, что Иоанн впадает в крайность. Когда он добавлял, что, в сущности, они являются такими же нарушителями закона, как сборщики податей и невежественный народ (может быть, не в такой степени — хотя в этом тоже можно усомниться), и точно так же беззащитны перед грядущим Божьим гневом, точно так же нуждаются в спасении, то они думали, что Иоанн — это просто карикатура на проповедника, что он одержим бесом и психически нездоров. «Только посмотрите, насколько нелеп его аскетизм в еде!» — говорили они, как если бы о нравственной истинности проповеди можно было судить на основании характера проповедника и его привычек. Христос ясно дал понять, что Иоанн излагал Божий закон, и, отвергая проповедь Иоанна о Божьей святости и Божьем гневе, эти люди отвергали волю Самого Бога (см. 7:30).

Потом Христос обратил их внимание на то, что, если быть последовательным, то, отвергая по этим соображениям Иоанна Крестителя, они должны были без колебаний принять Иисуса. Потому что, хотя Иисус тоже иногда проповедовал гнев Божий, и, пожалуй, с большей силой и твердостью, чем кто-либо другой (см. Мф. 5:21-22; 10:15; Мк. 9:45-48; Лк. 16:22-31), однако именно Он принес в мир весть о прощении, спасении и прекрасной и бесконечной любви

Божьей. По словам Христа, именно Он располагал властью уже здесь, на земле, даровать людям прощение, в полном и окончательном смысле этого слова (см. 5:24). Уж это-то, конечно, должно было понравиться фарисеям. Можно было понять, что им пришлось не по вкусу проповедь Иоанна Крестителя о гневе Божьем. Другое дело — проповедь любви Божьей, прощения, столь великодушного и безусловного, что уже здесь, на земле, человек мог с уверенностью сказать, что он принят Богом и ему нет нужды с тревогой дожидаться последнего суда. Такая проповедь должна была вызвать у них самое благоприятное отношение. У кающихся сборщиков податей и грешников она и вызвала такое отношение. Но не у фарисеев! Фарисеи обвинили Иисуса в том, что Он недостаточно строг в еде, якшается со сборщиками податей и с грешниками (чтобы добиться их обращения), и осудили Его как ослушника, чье учение прямо подталкивает людей пренебрегать законом и вести грешную жизнь.

В ответ на обвинения фарисеев Христос сказал, что они подобны детям, играющим на площади и не желающим ни плясать, ни плакать (см. 7:31-32). Фарисеям не по душе ни святость и гнев Бога, ни Его любовь и прощение. Единственное, чего они хотели, так это такого Боженьку (*God small enough*), который согласился бы пойти на уступки и сделать вид, что в непоследовательном соблюдении закона нет ничего страшного. Они хотели любого маломальского спасения (*salvation small enough*), которое можно было бы заработать делами, и такого учения о спасении, которое исключало бы категоричность приговора на последнем суде.

Итак, если, отвергая Иоанна Крестителя и Христа, многие из их современников действительно руко-

водствовались подобными соображениями, то нам не составляет большого труда разобраться, в чем тут дело: ведь мы очень часто сталкиваемся с подобными доводами и сегодня.

Однако обвинение в том, что проповедованное Христом учение о спасении противоречит традиционной морали (is a form of antinomianism), достаточно серьезно уже хотя бы потому, что при поверхностном и одностороннем изложении этого учения действительно может создаться впечатление, что оно идет с ней вразрез. И вот, сразу же вслед за рассмотренными нами отрывками, Лука помещает не имеющие параллелей в других Евангелиях рассказы, из которых становится ясно, что обвинение в этом противоречии совершенно беспочвенно. Надо полагать, что такой композиционный ход далеко не случаен.

Действие 3. Спасение и служение прощенных (7:36-8:3)

В двух рассказах Действия 1 было показано, что спасение даруется не по делам, но благодатью, через веру. Теперь, из двух рассказов Действия 3, мы увидим, что хотя спасение и даруется не по делам, но когда человек обретает его, то оно становится побудительным мотивом добрых дел. Таким образом, в Действии 3 будет дан ответ на те обвинения, выдвинутые в адрес Христа, о которых мы только что говорили.

Один фарисей по имени Симон пригласил Христа к себе на обед (см. 7:36). Возможно, что этот фарисей испытывал двойственное чувство в отношении Иисуса: находясь под сильным впечатлением от Его нравственного учения и допуская, что Иисус мог быть пророком, фарисей тем не менее огорчался, что Иисус якшается со страшными грешниками и называет не-

которых из них своими последователями. Как бы там ни было, когда к ним неожиданно вошла уличная женщина и стала оказывать Христу знаки внимания, а тот не предпринял попыток ее остановить, то, по мнению фарисея, этот случай ясно показал, что никакой Иисус не пророк: «если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» (см. 7:37-39). Пророки лучше кого бы то ни было должны распознавать истинный нравственный облик человека.

Да, эта женщина действительно когда-то была безнравственной. Христу это было известно столь же хорошо, сколь и Симону. Однако в ее жизни уже произошла (крайне важная) перемена: она была спасена верой во Христа (см. 7:50), и ее многочисленные грехи были прощены. Теперь она уже не была нечистой, как прежде, и то, что Христос разрешил ей дотронуться до Себя, не означало, что он мирился с грехом. Симон, конечно, этого не знал, и нужны были сильные аргументы, чтобы убедить его в этом. С чего же начал Христос? Он начал с того, что рассказал Симону притчу о двух должниках, которым заимодавец простил долги. Притча была простая, короткая, но достаточно емкая, чтобы показать Симону, что и когда произошло с пришедшей в его дом женщиной.

В притче было ясно сказано, что хотя долг одного человека и был больше, чем долг другого, обоим было нечем заплатить свои долги (7:42). У обоих должников не было выхода из создавшегося положения — они не могли ни уменьшить своего долга, ни сделать так, чтобы заимодавец его простил. Из рассказа нельзя было сделать вывода о том, что должники проявили такую сильную любовь к своему заимодавцу, что он простил им долги, будучи потрясенным

их чувствами. Напротив, греческий глагол, который использован в притче для описания акта прощения долгов, — «charizomai» — подчеркивает, что прощение явилось сугубо актом милости и было исключительно незаслуженным даром. Вполне понятно, что в притче ничего не говорится о любви должников к своему займодавцу до того, как он простил им долги, но указывается на их любовь после, в результате того, как он их простил. Эта ситуация столь очевидна и правдоподобна, что Христос не считал нужным подчеркивать, что должники возлюбили своего займодавца после того, как были прощены. Он просто задал вопрос: «...Который из них более возлюбит его?». И опять, ответ на этот вопрос был настолько очевиден и естествен, что Христос не считал нужным отвечать на него Сам, а предоставил это сделать Симону. В ответе Симона содержится две позиции: 1. любовь к займодавцу — результат прощения и (свидетельство) того, что прощение было получено; 2. сила любви зависит от размера прощенного долга (7:43).

После этого Христос обратился и к женщине, и к Симону, чтобы показать, что притча относится к ним обоим. Более того, он специально стал говорить не об обеде, вероятно, роскошном, или даже нарочито роскошном, а о поведении Симона и о том, как Симон Его встретил. «Я пришел в дом твой, — сказал Он, — и ты воды Мне на ноги не дал... Ты целования Мне не дал... Ты головы мне маслом не помазал» (7:44-46). Пренебрежение этими принятыми на востоке знаками гостеприимства говорило, что Симон не испытывал особой любви к Христу. Затем Господь противопоставил Симону исполненные любви действия женщины. Но если любовь должников к займодавцу явилась результатом прощения и свидетельством, что

прощение было дано, то любовь женщины к Христу была красноречивейшим свидетельством того, что в отличие от Симона она уже была прощена, а сила ее любви была результатом того, что ей было прощено чрезвычайно много грехов.

Следующий вопрос, в котором нам нужно разобраться, — это вопрос о том, когда она была прощена. Согласно прямому утверждению Христа, она начала выражать свою любовь к Нему тогда, когда явилась в дом Симона (7:45). Из логики притчи следует, что прощение, вызвавшее ее любовь, должно было быть даровано раньше, чем Христос появился в доме Симона и до того, как она коснулась Господа. Поэтому невысказанное вслух замечание Симона в адрес Христа (7:39) было необоснованным. Христос, конечно же, знал, что за женщина Его касалась. Конечно, она была безнравственна и нечиста. Но к тому времени, когда она приблизилась к Христу, она уже изменилась. Ее многочисленные грехи были (уже) прощены. Отсюда и проистекала ее любовь к Нему.

Именно на это указывал Христос, когда объяснял Симону глубинный смысл Своей притчи в 7:47. Однако мы должны тщательно проанализировать морфологию и синтаксис этого стиха в греческом языке, так как в противном случае мы рискуем задать настолько неверную его интерпретацию, что она совершенно исказит логику рассуждения, которой мы до сих пор следовали.

Во-первых, следует отметить, что в стихе 47 не говорится «Я теперь прощаю грехи ее многие»¹. Гречес-

---

¹ *Синодальный перевод этого стиха может быть полнит именно так. Более точные переводы этого стиха даются в современных переводах, например, в переводе под ред. епископа Кассиана («прощены грехи ее многие»), в переводе отца Леониды Лутковского («многие грехи прощены ей») и др.*

кий глагол, который используется в этом стихе стоит не в форме настоящего времени (arientai), а в форме перфекта (arheontai). По-русски наиболее точно смысл этой фразы можно передать с помощью предложения «Многие ее грехи уже были прощены». (То же самое относится к глаголу в 7:50, который тоже стоит в форме перфекта. Таким образом, этот стих буквально означает «Вера твоя уже спасла тебя»).

Во-вторых, следует серьезно отнестись к переводу предложения из стиха 7:47: «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много...»¹. При поверхностном прочтении мы можем легко сделать заключение о том, что Христос говорит, что грехи женщины были прощены за то, что она много любила. Но это бессмыслица. Подобная интерпретация противоречит самому духу притчи, так как должники не были прощены потому, что полюбили своего заимодавца. Произошло обратное: они полюбили его потому, что он их простил. Фраза «за то, что она возлюбила много» показывает не причину, по которому ее грехи были прощены, а свидетельство, на основании которого Христос может утверждать, что многочисленные грехи женщины были уже прощены: «А потому сказываю тебе: многие ее грехи прощены...» (*перев. мой — Д.Г.*). На каком основании мог Христос это сказать? Любой верующий человек согласился бы с Его утверждением только потому, что именно Он сделал его. Но не Симон, который верующим не был. Ему нужно было знать, на основании чего Христос говорил о прощении грехов. И Христос показал ему эти основания: «И потому сказываю тебе...» — в свете притчи о том, что любовь проистекает

---

¹ Проф. Гудинг трактует союз, соответствующий русскому союзу «за то, что» как причинно-следственный союз «потому что» (прим. ред.).

из прощения и в свете заключения самого Симона о том, что чем больше долг, тем больше любовь, возникающая по его прощению, — «А потому сказываю тебе, [не просто грехи, но] многие ее грехи прощены» и свидетельство тому: «она возлюбила много».

Но на этом Христос не завершил изложение Своих мыслей о различии между отношением к Себе, которое проявила женщина и которое проявил Симон. Он также продолжил развитие рассуждения самого Симона: прощение вызывает любовь и чем больше человеку прощено, тем больше его любовь. Великая любовь женщины к Христу, которую она обнаружила, когда Он появился в доме Симона, была свидетельством того, что ей было прощено много грехов. Мог ли Симон это отрицать? Но теперь Господь прибегнул к собственному заключению Симона, обратил его вывод в общий принцип (отсюда — глагол настоящего времени) и использовал для обсуждения ситуации самого Симона: «...а кому мало прощается, тот мало любит». И действительно, Симон выказал очень мало любви к Христу, когда Он появился у него в доме. Что это говорило о Симоне? И вновь вывод был оставлен за Симонем.

В этот момент по комнате пронесся шепот — это другие гости вдруг поняли, что следует из слов Христа. В притче о должниках любовь должников была свидетельством того, что они были прощены. А теперь Христос утверждал, что любовь женщины была свидетельством того, что она была прощена, а то, что Симон не проявил любви к Христу, свидетельствовало о том, что он был либо «мало прощен», либо не прощен вовсе. Неужели Христос и был Великим Заимодавцем, против Которого согрешило человечество, великим Заимодавцем, который имел право прощать того, кого считал нужным? «...Кто это, что и грехи прощает?» — шептали они (7:49).

Однако вернемся к женщине, чьи грехи были прощены. Вряд ли Лука смог бы найти лучшее место для второго рассказа Действия 3, чем сразу же после описания событий в доме Симона. Из всего того, что сопутствует спасению, к прощению относятся наиболее настороженно: а не сводится ли прощение просто к потворству греху? А если говорить о грешниках, взывающих к покаянию, то разве раскаяние женщин, подобных той, что пришла в дом Симона, не является весьма и весьма сомнительным? Многие ничуть не удивились бы, услышав, что эта женщина вернулась к своему прежнему образу жизни и вполне могли бы посчитать ее обращение фикцией. Разве то, что она покрывала ноги Иисуса поцелуями, умащала их благовониями и вытирала своими волосами, не могло быть простым мимолетным всплеском эмоций или чем-то похуже?

Однако предоставим слово Луке. «После сего», — пишет он, — когда Христос проходил по городам и селениям страны, проповедуя Божье царство, Его сопровождали некоторые женщины, тратившие свое время, деньги и силы на заботу о нуждах Христа и Его апостолов (8:1-3). В социальном отношении это была достаточно пестрая группа, и, по крайней мере, одна женщина происходила из привилегированных слоев. Однако всех их объединяло чувство благодарности к Христу за то, что Он спас их от злых духов и болезней. Им не хотелось, чтобы их благодарность находила свое проявление в одних эмоциях, и они добровольно взяли на себя тяжелое и прозаическое дело помощи Христу, которое к тому же требовало от них затрат своих средств.

В целом оба рассказа Действия 3 свидетельствуют об одном: хотя спасение даруется и должно даро-

ваться не по делам, но благодатью, через веру, тем не менее, если человек действительно обрел спасение, он будет испытывать любовь и благодарность к своему Спасителю, и вслед за этими чувствами придут религиозное рвение и добрые дела. Разумеется, не все люди, открыто заявляющие о том, что они обрели спасение, на самом деле обрели спасение. Об этом мы узнаем из следующего Действия.

Действие 4. Тайны Царства Божьего, связанные со спасением (8:4-21)

В Действии 3 нам были представлены свидетельства того, что проповедуемое Христом спасение истинно и действенно. Однако для многих людей все, что связано со спасением, — как человек его обретает, как оно проявляется в его жизни, — остается чем-то непостижимо таинственным. Они понимают, сколь важно твердо придерживаться нравственных принципов и одобрительно относятся к призывам строить жизнь в соответствии с этими принципами. Вполне допустима, на их взгляд, и надежда на то, что, если мы будем делать все от нас зависящее, то, несмотря на все наши слабости и искушения, Бог, вынося Свой окончательный приговор, будет милостив. Но мысль о том, что и живя земной жизнью, человек может услышать Слово Божье, уверовать и обрести спасение (см. 8:4-12), остается для них непонятной. Наибольшее недоумение вызывает у них загадочное утверждение о том, что дьявол стремится сделать все возможное, чтобы это Слово не укоренилось в их сердцах (см. 8:12). Наконец, они сталкиваются с целым рядом случаев, когда те, кто заявляют о своем спасении, либо заставляют сильно усомниться в своей искренности, либо говорят явную ложь. Вот поэтому многие склон-

ны считать спасение если не иллюзией, то, по крайней мере, чем-то совершенно недоступным человеческому пониманию.

Как говорит в рассматриваемом нами отрывке Христос, нет ничего удивительного в том, что многие люди не понимают сущности спасения. Открытый Богом путь спасения, установление Его Царства действительно сопряжены с тайной. Однако в устах Христа значение слова «тайна» несколько отлично от того значения, которое мы обычно имеем в виду в нашей повседневной речи. Христос дает понять, что в Божьем спасении воплощается Божий замысел, о котором никому ничего не было бы известно, если бы Бог Сам не открыл его людям. А открывает Бог этот замысел через Свое слово, открывает исчерпывающе и окончательно через Христа и Его апостолов (см. Еф. 3:1-13). Таким образом, эта тайна открыта всем. Но, несмотря на свою открытость, эта тайна становится понятной людям лишь тогда, когда Христос являет ее им, обращаясь с живым словом Господа к их сердцам.

Это не значит, что кто-то заранее обречен на то, чтобы никогда не понять сущности спасения, — обратите внимание, какова была реакция учеников на рассказанную Христом притчу о сеятеле. В притче описывалось, что происходит в сердцах людей, слушающих Божье слово, чья живая сила в состоянии произвести плод веры, а с ним и понимание спасения и само спасение. Когда ученики Христа услышали притчу о сеятеле, сначала они поняли в ней не больше, чем все остальные слушатели. Однако они были достаточно разумными людьми, чтобы затем прийти к Христу и попросить, чтобы Он просветил их и объяснил смысл этой притчи (см. 8:9). Христос, разумеется, ответил согласием. Так же следует поступать во всех вопросах, связанных со спасением.

Если человек слушает проповедь о предлагаемом ему даре спасения и она кажется ему туманной и непонятной, ему нужно обратиться к Христу с молитвой, и Христос просветит его.

Рассмотрим те притчи, которые рассказывал по этому поводу Христос (притчи о сеятеле и о свече), а также Его рассуждение о семье.

Притча о сеятеле (см. 8:4-15) показывает, что люди по-разному реагируют на дар спасения, предлагаемый им в проповеди Божьего Слова. Первый тип реакции обуславливается прямым и незамедлительным вмешательством дьявола (см. 8:12). Второй состоит в том, что человек воспринимает слово, но воспринимает поверхностно, и оно так и не укореняется в его сердце. Когда приходит искушение, то становится ясно, что слово упало на каменистую почву и не пустило корней. Третий возможный тип реакции заключается в том, что человек слушает слово и относится к нему достаточно серьезно, однако не успевает он принять решение сделать слово частью своей жизни и повиноваться ему, как заботы, или богатство, или житейские наслаждения, подобно сорнякам, подавляют слово, и оно не приносит никакого плода.

Ни одна из описанных реакций не приводит к положительному результату. Такого результата может добиться только тот, кто, услышав слово, с добрым и чистым сердцем сохраняет его и приносит «плод в терпении» (см. 8:15). Слово Божье живет подобно семени. В соответствующих условиях оно проявит свою живительную силу и принесет плод. Если оно не приносит постоянного плода, то может возникнуть вопрос, действительно ли человек, его услышавший, сделал Божье слово частью своей жизни: вспомним Симона, который никак не проявил любви и благодар-

ности Христу, тем самым показав, что он не обрел ни прощения, ни спасения. Короткий всплеск эмоций и энтузиазма тоже не является достаточным основанием для вывода о том, что в сердце человека живет слово Божье. Необходимо быть терпеливым и прилагать непрестанные усилия к тому, чтобы плод слова развился в полную силу (см. 8:13-15).

С притчей о сеятеле перекликается притча о свече (см. 8:16-18), цель которой — предостеречь нас, чтобы мы «наблюдали, как мы слушаем» (см. 8:18), то есть хорошо отдавали себе отчет в том, каково наше отношение к услышанному. Есть такие люди, которые никогда и ни с кем, даже со своими друзьями или детьми, не говорят о Благой вести, однако если начнешь у них допытываться, то они скажут, что приняли Благою весть. Такие люди занимают весьма странную позицию. Ведь по природе своей Благая весть — это свет. Никто не зажигает свечу, чтобы затем накрыть ее сосудом или поставить под кровать; свечу нужно поставить так, чтобы ее свет был виден и освещал все вокруг. Как бы там ни было, но человек не может постоянно утаивать свою истинную позицию по отношению к Благой вести. Если он принял Благою весть и скрывает это, то это рано или поздно обнаружится. Опасность же состоит в том, что, как говорится в 8:18, человек, который считает, что принял Благою весть, но скрывает это и никогда об этом не говорит, однажды, желая убедиться в реальности происшедшего, может обнаружить, что на самом деле в его сердце Благой вести нет и никогда не было.

Наконец, те же мотивы встречаются и в метафоре семьи (8:19-21): если мы утверждаем, что вступили в живые отношения с Иисусом Христом, то свидетельствовать об этом будут не только наши слова, но

и то, что мы слушаем слово Божье, подчиняемся ему и исполняем его. Если же подобных свидетельств нет, то в существовании этих отношений придется серьезно усомниться.

Действие 5. Спасение от природной стихии (8:22-25)

Исходя из таблицы, в которой кратко изложено содержание рассматриваемого нами раздела (см. выше), следует (и это входит в замысел Луки), что, размышляя над событиями, описанными в Действиях 5-8, мы должны помнить о событиях и уроках из Действий 1-4.

Из 7:11-17 мы узнали о сыне вдовы из Наина, которого уже собирались хоронить, когда вмешался Христос и повелел ему встать, воскресив к жизни. Так молодой человек был спасен от смерти, как может показаться, в самую последнюю минуту. Из 8:22-25 складывается впечатление, что опасность угрожает уже Самому Христу. В то время, когда Христос и ученики пересекали на лодке озеро и Христос спал, неожиданно налетела сильная буря. Лодка стала наполняться водой, возникла реальная опасность того, что она пойдет ко дну и все находящиеся в ней люди утонут. Однако Христос по-прежнему спал, судя по всему, ни о чем не подозревая. Встревоженные ученики разбудили Его со словами: «Наставник! Наставник! погибаем». Тогда Христос встал и «запретил ветру и волнению воды». Наступила тишина. После этого Он обратился к ученикам с упреком: «Где вера ваша?»

На первый взгляд, упрек Христа можно считать чересчур суровым. Ведь страх людей был вполне обоснованным: лодка вот-вот могла пойти ко дну, а Хрис-

тос об этом даже не подозревал. Вот если бы Христос бодрствовал и, отдавая отчет в происходящем, тем не менее не предпринимал бы никаких действий, то вполне возможно, что реакция учеников была бы иной.

Но, несмотря на то, что страх учеников кажется вполне естественным, чем больше мы будем над этим размышлять, тем меньше у нас останется аргументов в оправдание их неверия. Даже сотник, который был язычником (см. 7:2-17), осознал, что Иисус обладал властью над силами жизни и смерти. Ученики видели, как Иисус буквально у самой могилы спас от смерти сына вдовы; для жителей Наина этого было достаточно, чтобы признать, что это было чудо божественного вмешательства (см. 7:16) и что Иисус является, по крайней мере, великим пророком, поставленным Богом. Разве ученики не слышали разговора Иисуса с посланцами Иоанна и не видели, что Он многократно обращал внимание этих посланцев на силу, проявившуюся в совершенных Им чудесах и свидетельствующую о том, что Он действительно был Тем, «Который должен прийти», Мессией, о Котором пророчествовали и к приходу Которого готовились на протяжении многих веков и Который наконец пришел на землю ради освобождения и искупления Израиля и язычников?

Допустим, что страх учеников был естественной реакцией на внезапно возникшую угрозу, но где был при этом их здравый смысл? Если Иисус действительно был Тем, Кем они Его считали уже тогда, когда их духовный опыт был невелик, то здравый смысл должен был подсказать им, что буря, внезапно налетевшая и заставшая Иисуса врасплох, не могла привести к гибели давно обетованного Мессии и привести к краху божественный замысел искупления челове-

ства. Однако логика может спасовать под сильным натиском страха, к тому же ученикам Христа предстояло еще немало поучиться: они поверили Иоанну, поверили Иисусу и чудесным свидетельствам того, что Он является Мессией, но были удивлены, когда обнаружили, что Иисус является Господом и над природной стихией (см. 8:25).

Еще труднее найти оправдание тому, что мы допускаем отступления от веры и здравого смысла, когда исповедуем Иисуса как воплощенного Господа, а потом презрительно отвергаем рассказ о том, как Он смирил бурю на озере, говоря, что все объясняется «капризами матери-природы», или впадаем в другую крайность и, исповедовав Иисуса как Господа вселенной, начинаем после этого опасаться, не забыл ли Он о нас, наших бедах и радостях.

Мы живем во вселенной, которая является смертельным врагом человечества. Лишь благодаря чуду творения и божественной поддержке наша планета продолжает существовать и сохраняет те дивные условия, которые делают возможным развитие на ней человеческой жизни. Но и на самой Земле ветры, молнии, бури, наводнения, засухи, снежные лавины, землетрясения, пожары, жар, холод, микробы, вирусы, эпидемии, — все это время от времени угрожает человеческой жизни и уничтожает ее. Рано или поздно жертвами сил природы можем стать и мы с вами. Разумеется, рассказ об усмирении бури был написан не для того, чтобы сообщить нам, что Христос никогда не позволит кому-либо из неверующих утонуть или погибнуть в результате какого-то другого несчастья, вызванного природными стихиями. Подобная смерть уже постигла многих верующих. Однако из этого рассказа явствует, что Христос — Господь над силами природы во вселенной и поэтому нич-

то не происходит в ней по воле случая, что во всем творении нет такой силы, которая могла бы уничтожить Его замысел спасения или «отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (см. Рим. 8:38-39).

Действие 6. Спасение от злых духов и отвержение Спасителя (8:26-39)

В Действии 5 описывалось спасение от стихийных сил природы. Однако природные силы — не единственные враждебные человеку силы во вселенной. Существуют и иные силы, цель которых — уничтожение человека. Это, как называет их Писание, духи-обольстители (см. 1 Тим. 4:1-2) и сам сатана (см. Деян. 26:18). Одержимость бесами — крайний пример того, что могут сделать с человеческой личностью дьявольские силы, когда человек полностью попадает под их власть. В отличие от Святого Духа, Который всегда несет человеку освобождение, делает возможным развитие человеческой личности, в том числе таких ее черт, как самообладание и достоинство, дьявольские силы стремятся подавить человеческую личность, чтобы в конце концов сломить способность человека владеть собой и лишить его чувства собственного достоинства, что и произошло с одержимым бесами. Духи-обольстители наделили одержимого необычной силой: он неоднократно разрывал цепи и узы, которыми для его же пользы его сковывали друзья (см. 8:29). К сожалению, некоторые люди относятся к силе духов с восхищением. Любые ощущения, которые, как они считают, связаны с тем, что лежит за пределами человеческих возможностей, кажутся им подлинными и благотворными. И вот тут-то как раз и кроется обман. Духи действительно могут наделять людей поразительной силой и властью; однако рано или поздно такая сила и власть оказываются губитель-

ными для личности человека и его способности владеть собой. Именно так и случилось с одержимым бесами. Родители одержимого как-то назвали его при рождении, может быть, Иоанном, а может быть, Фомой. Но когда у него спросили, как его зовут, он не смог ответить (см. 8:30). Этот человек уже давно проиграл борьбу за то, чтобы оставаться самим собой и распоряжаться собственной жизнью. Теперь он находился во власти целого легиона злых духов. Внутря отворачиваясь и не зная стыда, бродил он среди гробниц (см. 8:27). Конечно, жизнь этого человека была крайним случаем, но он должен был служить предостережением другим людям, так как показывал, что неминуемая гибель ждет каждого, кто не обретет во Христе освобождения от власти греха и сатаны (см. Еф. 2:2; Кол. 1:13).

Итак, Действие 6 — это рассказ о том, как Христос освободил личность человека от гнета злых духов и вернул ему свободу и способность распоряжаться собой. Но это еще не все. Если бы этим все ограничилось, то рассказ Луки завершился бы на 8:33. Однако Лука уделяет еще четыре стиха (8:34-39) описанию того, как отреагировали на освобождение одержимого местные жители. А это не менее важная и поучительная история. Когда Христос впервые приблизился к одержимому, тот взмолился, чтобы его оставили в покое. Христос не внял его мольбе. Этого человека подчинили себе силы, над которыми он был не властен, и в его словах выражалась не его собственная воля, но воля его повелителей-бесов. Христос оставил просьбу одержимого без внимания, потому что желал вернуть ему свободу и хотел привести его в такое состояние, когда любая высказанная им просьба отражала бы его собственную волю. Когда же местные жители обратились к Христу с просьбой удалить-

ся, Христос сразу же откликнулся на их просьбу и ушел (см. 8:37). Просьба жителей отразила решение, которое они приняли, обладая свободой выбора и имея в своем распоряжении все необходимые свидетельства; и Христос отнесся к сделанному ими выбору с уважением. Христос никогда не будет лишать человека свободы воли, даже ради его спасения.

Но и это еще не все. В двух следующих стихах (см. 8:38-39) Лука сообщает, что, когда Христос покидал эту местность, человек, которого Он освободил от власти злых духов, попросил Христа взять его с Собой. В этой просьбе ему было отказано, и ниже мы увидим почему.

Читая о реакции местных жителей на изгнание бесов, давайте вспомним, что в 7:18-35 описывался другой пример того, как люди отвергли Христа. «Люди рода сего» (7:31) пошли в пустыню, чтобы посмотреть на необыкновенного человека — Иоанна Крестителя, ибо в то время они считали, что Иоанн является Предтечей Мессии. Впоследствии они отвергли как его самого, так и его проповедь, заявив, что аскетические привычки Иоанна свидетельствовали о его одержимости бесом. Их действиям можно найти объяснение: никому не хочется, чтобы где-то поблизости находился одержимый бесом человек. Хотя если задуматься, то обвинение против Иоанна выглядело весьма сомнительно.

Сопоставьте рассказ об Иоанне Крестителе с рассказом об одержимом бесами. Не было никаких сомнений в одержимости последнего. Кое-кто из местных жителей временами пытался сковывать его цепями, чтобы он не причинил вреда себе и другим. Но когда Христос не просто устранил подобную угрозу, но и реально спас несчастного, изгнав овладевших им бесов, местным жителям это не понравилось. Те же самые

люди, что помогали одержимому, теперь просили его Спасителя удалиться.

Почему? Лука сообщает, что они были напуганы, причем повторяет это дважды (см. 8:35, 37). Странно... Лука не говорит, что они испытывали страх перед одержимым, зная, что он нагой бродит где-то среди гробниц. Может быть, они боялись его, а может, и нет. В любом случае разве не странно, что их охватил страх, когда они увидели, что тот, кто был одержим бесами, ныне сидит одетый и в здравом уме? Чего здесь было бояться? Напрашивается единственный вывод: они боялись Христа, боялись Его сверхъестественной и представлявшей им таинственной власти изгонять бесов. Они не могли понять, как с одержимым человеком могла произойти подобная перемена. И власть, сделавшая эту перемену возможной, внушала им страх. Однако, как грустно видеть, что падшему и не возрожденному человеку спокойней находиться среди бесов, нежели с Христом, имеющим власть изгонять бесов. Тем не менее это именно так и случается. Есть люди, которые могут взяться перевоспитывать преступника или пьяницу. Если же оказывается, что те не поддаются их благому влиянию, то их «воспитатели» сочтут, что место тем соответственно — в тюрьме или в клинике. В то же время «воспитателей» может обеспокоить или испугать, если преступник или алкоголик будет спасен Христом и станет здоровым, нравственным, возрожденным учеником. Они не понимают, как произошло это изменение. Они могут радоваться за изменившегося к лучшему человека, но они не хотят иметь дело с Тем, Кто произвел эти улучшения: они сами не намереваются становиться Его учениками.

Было, конечно, и еще одно основание для страха. Лука подчеркивает тот факт, что пастухи, видевшие, как стадо свиней бросилось в озеро, рассказали местным жителям, «как был спасен одержимый бесами человек» (*выд. мной, перев мой — Д.Г.*) (8:31-36). Рассказ о том, что произошло со стадом свиней, звучит весьма необычно. Изгоняемые из человека бесы попросили Христа позволить им войти в свиней, но когда после этого свиньи ринулись в озеро и утонули, надо полагать, что бесы вновь лишились своего временного телесного обличья. Разумеется, Христос знал, что все произойдет именно так, и позволил этому случиться. Гибель свиней наглядно показала, что, если бы Христос не спас одержимого человека от бесов, того ожидала бы еще большая катастрофа. В некотором смысле этому человеку была уготована участь, постигшая свиней. Если бы его постигла эта участь, то он, конечно же, избавился бы от бесов, но погиб. Итак, свиньи нашли свою гибель в волнах озера, а человек освободился из-под власти бесов и остался жив. Однако теперь перед местными жителями стоял серьезный и пугающий их выбор: Лука говорит, что они были объаты великим страхом (см. 8:37). Некоторые из них, как мы уже видели, были готовы помочь одержимому на том этапе его жизни, когда все, что они могли сделать, — это сковать его цепями. Однако, когда стало ясно, что для освобождения человека из-под власти бесов приходится жертвовать целым стадом свиней, они призадумались. Ведь стадо свиней могло быть значительным источником продовольствия и за него можно было выручить большие деньги! Местные жители решили, что, пока Христос не начал спасать других одержимых, нужно попросить Его удалиться.

Христос выполнил их просьбу; однако, когда спасенный от бесов человек попросил Христа взять его с Собой, Христос ему отказал. Для этого человека свобода состояла не в том, чтобы жить в свое удовольствие, хотя именно жизнь с Христом была бы для него удовольствием, так как с Ним он, несомненно, чувствовал себя наиболее спокойно. Свобода для него была в добровольном следовании повелениям Того, у ног Которого он обрел мир и душевное равновесие. Поэтому, когда Христос отправил его обратно домой свидетельствовать о том, что сделал для него Бог, тот с радостью повиновался и рассказывал о происшедшем по всему городу (см. 8:39). Если и в самом деле «оправдана премудрость всеми чадами ее» (см. 7:35), то это как нельзя лучше относится к человеку, чей рассудок был восстановлен благодаря мудрости воплощенного Христа. Возможно, что потом, наблюдая за освобожденным из-под власти бесов человеком и слушая его рассказ, местные жители перестали бояться Христа, точно так же, как перестал мучиться сомнениями Иоанн Креститель после того, как ученики рассказали ему о сотворенных Христом чудесах (см. 7:21-23).

Действие 7. Спасение от потери жизненных сил (8:40-48)

«Когда же возвратился Иисус, народ принял Его, потому что все ожидали Его», — пишет Лука (8:40), используя тот же самый глагол «ожидать» (*prosdokaō*), который он уже употреблял ранее, передавая вопрос Иоанна Крестителя: «Ты ли Тот, Которому должно придти, или другого ожидать нам?» (7:20). Да, народ многого ожидал от Иисуса! Так, с нетерпением ожидал возвращения Господа некий Иаир. Его единственная дочь лежала дома при смерти, и Иаир, конечно же,

не мог дожидаться, когда вернется Христос, чтобы попросить Его прийти к нему домой и спасти девочку (8:41). Как только Христос вернулся, Иаир сразу же подошел к нему и обратился со своей просьбой, после чего они вместе направились к дому Иаира. Однако, по словам Луки, их обступила огромная толпа (8:42), так что не было никакой возможности продвигаться вперед. В этот момент к Иисусу подошла женщина, которая хотела исцелиться (см. 8:43), и это опять задержало Его. Для Иаира любая задержка должна была казаться настоящей пыткой.

Если мы привыкли читать евангельские рассказы как независимые друг от друга фрагменты, то у нас не должно возникать вопросов по содержанию этого рассказа. Если же, напротив, мы вспомним о том, что так старался донести до нас Лука в рассказе о сотнике, то у нас вполне могут возникнуть вопросы. Например. Разве существенно, что Господа обступила толпа, мешавшая Ему пройти к дому Иаира? Разве главная мысль рассказа о сотнике состояла не в том, что Христос может спасать людей независимо от того, где Он находится? Ведь Он же спас слугу сотника от угрозы смерти, даже не заходя к сотнику домой... Почему же в таком случае Христос не избавил Иаира от мук ожидания и не спас его дочь от угрозы смерти одним Своим словом, не дожидаясь того момента, когда Он сможет прийти к нему в дом? Неужели Лука и сам уже забыл о том, что так старался донести до нас в рассказе о сотнике, и не понимает, что теперь у любого читателя, который со всей серьезностью отнесся к рассказу о сотнике, неизбежно будут возникать подобные вопросы? В данный момент Лука, разумеется, не нарушает хода повествования и оставляет эти вопросы без ответа. Более того, когда он вновь вернется к рассказу об Иаире, чтобы поведать нам

о его развязке, некоторые из сообщаемых им подробностей сделают рассказ еще более загадочным...

А пока внимание Луки переключается на женщину, которая попыталась получить исцеление посредством одного только прикосновения к краю одежды Иисуса. Лука говорит, что происшедшее с этой женщиной явилось еще одним примером «спасения» (см. 8:48), и, принимая во внимание то, что до сих пор в приводимых им ситуациях характеризовался какой-то определенный аспект спасения (*aspect of salvation*), для начала вполне можно поставить вопрос: какой именно аспект спасения имеется в виду в этом примере? Как и в случае с одержимым бесами, женщина страдала продолжительное время (см. 8:27-29 и 43); однако очевидно, что причиной ее страданий были отнюдь не бесы. Речь шла о каком-то заболевании, наверное, маточном кровотечении, которое истощало больную и физически и, по всей видимости, материально (см. 8:43). Вся ее жизнь уходила на бесплодные попытки избавиться от мучительного недуга¹. Унаследованные нами со времен грехопадения физическая слабость и уязвимость таковы, что не только сугубо физиологические, но и психосоматические механизмы могут прийти в нарушение, губительное для состояния человека. Характерным примером является чувство страха. Данное нам природой для того, чтобы поддерживать и защищать жизнь, оно может парализовать разум и волю и привести к пустой трате жизненных сил.

Как бы там ни было, основное внимание в рассказе сосредоточено на том, как именно исцелилась боль-

---

¹ Слова «издержавши на врачей все имение» из 8:43 во многих списках отсутствуют (хотя похожее выражение встречается в Мк. 5:26) и поэтому их исключают из некоторых переводов. Согласно Marshall, p. 344, окончательно разрешить этот вопрос не представляется возможным.

ная женщина. В четырех из шести составляющих рассказ стихах говорится о том, что женщина желала получить исцеление, незаметно прикоснувшись к краю одежды Христа. Однако это оказалось невозможным, потому что Христос почувствовал, что к Нему кто-то прикоснулся и сказал, что хочет знать, кто это был. Тогда ученики возразили Ему, что глупо об этом спрашивать: ведь вокруг них толпилось столько народу. Однако Христос настаивал на своем, пока прикоснувшаяся к Нему женщина не вышла из толпы и не объявила перед всем народом, почему она это сделала. Если даже после этого мы не поймем, что Лука хочет, чтобы мы обратили самое серьезное внимание на способность Иисуса чувствовать самое легкое человеческое прикосновение, значит мы невнимательно читали его рассказ. Более того, сразу же вспоминается повествование о событиях в доме Симона (см. 7:36-50), в котором тоже говорилось о женщине, прикасавшейся к Христу. Для Симона весь вопрос состоял в том, способен ли Христос распознать ее истинную сущность, или нет. Сначала Симон решил, что Христос не способен на это, в противном случае, по мнению Симона, Он вообще не позволил бы ей до Себя дотрагиваться. Итак, нам предстоит подвергнуть оба рассказа сравнительному изучению, и предметом нашего внимания будут похожие действия двух женщин, а также способность нашего Господа проникать в самую суть вещей.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в обоих случаях речь шла о женском недуге: в одном случае о нравственном, в другом — о физическом. Согласно иудаистским представлениям, прикосновение обеих женщин оскверняло: именно об этом подумал Симон, когда к нему в дом вошла уличная женщина, и именно так говорится в Лев. 15:19-27 о

женском кровотечении. С точки зрения ветхозаветных обрядов, женщина с кровотечением была нечистой, и, следовательно, любой, кто к ней прикасался, тоже делался нечистым. Это означало, что обе женщины в полной мере извели горечь и отчуждение, которые испытывают те, к кому чистые и добропорядочные люди относятся как к изгоям. Для обеих женщин спасение означало, что их отчуждению от общества пришел конец, ибо отныне исчезло основание для отчуждения и они вновь могли начать полноценную жизнь среди людей. Почему женщина, у которой было кровотечение, попыталась получить исцеление тайком от окружающих? Помимо вполне понятного смущения, одно из возможных объяснений состоит в том, что она испытывала страх: религиозные люди из окружавшей Христа толпы могли прийти в ярость, узнав, что она находится среди них и тем самым подвергает их риску заразиться ее нечистотой. В таком случае, польза исцеления состояла не в последнюю очередь в том, что отныне эта женщина могла свободно появляться среди людей, не опасаясь, что кто-то узнает о ее недуге. Точно такую же пользу, только уже на моральном уровне, принесло прощение женщине в доме Симона: после того, как Христос публично подтвердил истинность ее спасения, она могла спокойно находиться в добропорядочном обществе, не опасаясь, что ей постоянно будут напоминать о ее прошлом. Спасение возвращает человека к полноценной жизни.

Далее мы видим, что в обоих рассказах упоминается о способности Христа проникать в самую суть вещей, однако делается это в разных контекстах. В первом рассказе вопрос состоял в том, сможет ли Христос распознать, что за человек была прикоснувшаяся к Нему

женщина; во втором рассказе — в том, почувствует ли Он само прикосновение.

Будучи взыскательным моралистом, Симон наверняка отдавал себе отчет в том, что люди склонны скрывать свое истинное лицо и стремятся казаться лучше, чем они есть на самом деле. Несмотря на то, что это наблюдение легко может повлечь за собой мрачную подозрительность, недоверие и нелюбовь к людям, само по себе оно достаточно точно и справедливо и может свидетельствовать о желании оградить порядочных людей от обмана и обманщиков. Симон считал, что умение пророка увидеть, что кроется за обманчивой внешностью в глубинах человеческого сердца — это нечто большее, нежели природная пронизательность (см. 3 Цар. 14:2-6), и сделал вывод, что Христос не может распознать истинную сущность пришедшей к Нему женщины, а значит, находится во власти обмана и не является истинным пророком. Как нам известно, происшедшее в доме Симона показало, что его вывод был ошибочным. Симон держал свои мысли при себе (см. 7:39), однако Христу не составило большого труда их прочесть (см. 7:40). Более того, как оказалось, Христос прекрасно понимал, что это была за женщина. Однако Он отнесся к ее прикосновению совершенно иначе, чем Симон, и, при этом, привел ему неоспоримые доводы в пользу справедливости такого отношения.

Когда в нашей жизни возникает необходимость выработать правильное отношение к подобным ситуациям, мы всегда испытываем затруднения. Людям, вроде женщины в доме Симона, а также разного рода преступникам сопутствует дурная слава из-за того, что они нередко лгут, говоря, что приняли спасение, и пользуются легковерием многих христиан для извле-

чения личной выгоды. Когда их обман оказывается успешным, то все зачастую заканчивается дискредитацией Благой вести и самой идеи обращения и спасения. С другой стороны, когда такие люди действительно обращаются ко Христу, а живущие рядом с ними христиане проявляют излишнюю подозрительность и недоверие, продолжают относиться к ним как к чужакам, это может крайне неблагоприятно отразиться на их духовном развитии. Нет никаких сомнений, что для того, чтобы в каждом конкретном случае выработать правильное отношение к словам и поступкам человека, заявляющего о своем обращении, простой человеческой мудрости недостаточно.

Во втором случае весь вопрос состоял в том, может ли Христос не только увидеть какие-то качества в прикоснувшейся к Нему женщине, но и осознать, какими качествами обладает Сам. По словам Христа, Он знал, что это было не просто случайное или мимолетное прикосновение, потому что почувствовал, что из Него вышла сила (см. 8:46). Это позволяет нам сделать чрезвычайно важный вывод о том, что несущая спасение сила не безличностна. Да, женщина ощутила целительную силу Христа посредством простого прикосновения и даже не к Христу, а к краю Его одежды. Однако ее исцеление было следствием не простого суеверия, но истинной веры (см. 8:48), и теперь она узнала, что предполагает такая вера: мы не можем обрести спасение через силу Христа, если не обратимся при этом к личности Христа. В противном случае, спасение будет невозможным уже потому, что невозможно верить во Христа и опираться на Его силу без Его ведома. Тем самым мы избегаем двойкой опасности: во-первых, наша вера не сможет вырождаться в суеверное отношение к Христу (или к

Его одежде) как к магическому, наделенному безличностной силой талисману и, во-вторых, веру нельзя будет рассматривать как проявление обыкновенного эгоизма, а спасение — как плод обыкновенного самоусовершенствования. Немало людей, впервые в своей жизни обращаясь ко Христу, просят его лишь о том, чтобы Он дал им силу для преодоления той или иной слабости (например, пристрастия к азартным играм или пьянства), разрушающей человеческий организм и ведущей к пустой растрате жизненных сил. Христос всегда готов откликнуться на такой призыв о помощи. Но, исполненный милосердия и любви, Он не смирится с тем, чтобы такой человек не видел в своем спасении ничего, кроме исцеления, и будет настойчиво призывать его вступить с Ним в личные отношения и, подобно женщине из нашего рассказа, перед всеми исповедать Его как своего Спасителя.

Действие 8. Спасение и «тайное» воскрешение из мертвых (8:49-56)

И вот, Лука вновь возвращается к рассказу об Иаире и его дочери, а мы с вами вспоминаем наш вопрос: почему Христос не избавил Иаира от мук ожидания и не использовал Свою всем известную власть спасать людей вне зависимости от того, где Он находится, чтобы избавить его дочь от угрозы смерти, не дожидаясь того момента, когда Он придёт к ним в дом?

Можно предположить, что одной из целей Господа было испытать и укрепить веру Иаира. Когда сотник сказал Христу: «Не трудись, Господи!» (греч. *mē skullou*), его слова выражали веру (7:6). Когда кто-то из дома Иаира сказал, чтобы тот больше не утруждал Учителя (греч. *mēketi skulle*), в этих словах отразилось ис-

кушение отказаться от веры в Христа из-за того, что уже слишком поздно что-либо изменить, что Христос уже ничего не сможет сделать. Христос выступил наперекор этому искушению и спас Иаира от безнадежного горя, призвав его не оставлять своей веры: «только веруй, и спасена будет» (8:50).

Кроме того, достаточно очевиден тот факт, что если бы Христос спас девочку сразу же, как только Его попросил об этом Иаир, то последним из целого ряда примеров спасения стало бы спасение от угрозы смерти, в то время как сейчас у нас достаточно оснований говорить, что состоявшееся спасение было спасением от самой смерти. Конечно, сын вдовы из Наина тоже был спасен от смерти, однако, как мы обнаружили, цель рассказа о его спасении состояла в том, чтобы помочь разобраться в сущности необходимых для спасения условий. У рассказа о дочери Иаира цель совершенно иная: ключевым моментом в этом рассказе является то, что, в то время, когда всем было известно, что девочка мертва, а она действительно была мертва, Христос возразил, что смерть для нее — не более, чем сон (см. 8:52). С тех пор наученные Христом верующие относятся к телесной смерти как ко сну, а через апостола Павла они научились также верить, что заключительный этап их спасения состоится тогда, когда Господь вернется и пробудит их мертвые тела от смертного сна (1 Фес. 4:14-17).

В свете вышеизложенного лишь лишенный всякого воображения человек не смог бы провести параллели между рассказом о воскрешении дочери Иаира и той ролью, которая отводится воскрешению Лазаря в Евангелии от Иоанна (см. Ин. 11). Тогда Христос тоже отказался исцелить Лазаря сразу же после того, как Ему сообщили о его болезни, или сразу же отправиться в Ви-

фанию, чтобы поспеть к больному, пока тот был еще жив. Христос оставался в Иерусалиме, пока Лазарь не «уснул» (Ин. 11:11), затем пошел в Вифанию, чтобы его разбудить (Ин. 11:11) и, наконец, сделал его воскрешение прообразом великого воскресения мертвых, которое состоится при втором пришествии (Ин. 11:24-27).

Если наше предположение о том, что воскрешение дочери Иаира должно было прообразовывать воскресение мертвых при втором пришествии Господа, имеет под собой какую-то почву, то оно может помочь найти ответ на другой вопрос, возникающий по мере того, как разворачивается Действие 8: почему Христос настаивал на том, чтобы все оставалось в тайне? Никому кроме троих учеников и родителей девочки не было позволено войти в дом (см. 8:51), а когда девочка вернулась к жизни, Христос повелел родителям никому не рассказывать о происшедшем (см. 8:56). Но разве можно было сохранить происшедшее в тайне? Все оставшиеся на улице знали, что девочка умерла. Близкие девочки уже наняли профессиональных плакальщиц для похорон, и те уже начали рыдать и оплакивать усопшую. Им обязательно пришлось бы сказать, что в их услугах больше не нуждаются, и объяснить, почему. Да, даже, если бы им ничего и не объясняли, то, все равно, как только они увидели бы, что девочка жива, весть об этом молниеносно распространилась бы по всей округе. Воскрешение девочки неизбежно должно было стать тайной, известной всем.

Но именно такова «тайна» в новозаветном смысле этого слова. Это слово используется при описании некоторых подробностей воскресения мертвых при втором пришествии Христа (см. 1 Кор. 15:51). И если в Действии 4 Христос объясняет одну из тайн Божьего

царства посредством притчи (см. 8:10-15), то, по-видимому, нет ничего удивительного в том, что в Действии 8 Он открывает сущность другой великой тайны посредством чуда.

ХРИСТОС И ГРЯДУЩЕЕ ИСКУПЛЕНИЕ

Предварительные замечания

Итак, мы приступаем к рассмотрению пятого этапа повествования, и, прежде всего, нам необходимо определить его протяженность. Сделать это нетрудно, потому что 9:51 занимает ключевое положение для замысла и композиции всего Евангелия от Луки. Несмотря на то, что позади осталось лишь чуть более трети от общего объема повествования, в этом стихе возвещается о приближении того времени, когда Христос вознесется на небо, и о принятом Им в связи с этим решением идти в Иерусалим. С этого момента начнется повествование о пути нашего Господа с земли на небо — поэтому все, что следует за 9:50, мы объединили под общим заглавием «Уход». Однако если путь Господа на небо начинается с 9:51, значит, последний этап «Прихода» состоит всего из пятидесяти стихов.

На первый взгляд, это кажется несколько странным. У нас есть все основания полагать, что, раз пятый этап «Прихода» — последний, следовательно, он будет закономерной и мощной кульминацией всего предшествовавшего повествования. Возможно, что это действительно так, поскольку значимость и сила того или иного отрывка не обязательно должна быть связана с его протяженностью. Однако состоящий из пятидесяти стихов пятый этап — самый короткий из всех этапов «Прихода». Почему?

Причины могут быть самые разные, но одно можно сказать с уверенностью: краткость пятого этапа — следствие авторского замысла. Если мы сопоставим этот от-

рывок Евангелия от Луки с соответствующими отрывками у Матфея и Марка, то обнаружим, что, с одной стороны, Лука включил в него очень небольшое из того, чего нет у Матфея и Марка, а с другой, — решил не включать многое из того, что у них есть. Так, кратко упомянув об Ироде в 9:7-9, он не рассказывает о пляске во время празднования дня рождения Ирода, которая повлекла за собой казнь Иоанна Крестителя, тогда как и Матфей (см. 14:1-12), и Марк (см. 6:14-29) об этом пишут. Все три автора описывают насыщение пяти тысяч и исповедание Иисуса как Божьего Мессии. Однако в промежутке между этими двумя сюжетами Матфей (см. 14:22-16:12) рассказывает о хождении по воде, возвращении в Геннисарет, споре об умывании рук, женщине-хананеянке, исцелениях и насыщении четырех тысяч, требовании знамени с неба и предостережении беречься фарисейской закваски. В свою очередь, Марк (см. 6:45-8:26) приводит те же рассказы и несколько рассказов, которые встречаются только у него. В повествовании Луки все эти рассказы отсутствуют: сразу же за рассказом о насыщении пяти тысяч (см. 9:10-17) следует описание исповедания Иисуса как Божьего Мессии (см. 9:18-27).

Из этого можно сделать вывод, что краткость обсуждаемого текста скорее всего не была следствием нехватки исходного материала. Можно было бы объяснить эту краткость иначе, например, тем, что Лука хотел включить во вторую половину своего Евангелия большое количество интересного материала, которого мы не найдем у Матфея и Марка (что совершенно верно), но, поскольку книжные нормы древнего мира регламентировали объем, он вынужден был им подчиниться (что весьма сомнительно, ведь при желании он вполне мог написать многотомный труд, как это сделал Фукидид) и поэтому, планируя

уделить больше места оригинальным сюжетам второй половины Евангелия, отказался от большинства рассказов девятой главы, которые уже были приведены у Матфея и Марка. Насколько удовлетворительным покажется нам такое объяснение, будет, хотя бы отчасти зависеть от того, можно ли, по нашему мнению, объяснить решение, принятое художником такого масштаба как Лука, — не говоря уже о вдохновлявшем его Святом Духе — ссылками на одни лишь технические соображения. И, наконец, возможно и еще одно объяснение — альтернативное, либо дополнительное к тем, которые были выдвинуты выше: Лука мог ограничиться пятидесятью стихами не больше и не меньше потому, что отобранный им материал исчерпывающе отражал все то, о чем ему хотелось сказать на данном этапе повествования, и Лука не стал бы расширять границы своего повествования, даже если бы в его распоряжении находился объем всех книг мира вместе взятых.

Какое бы объяснение мы ни приняли, но, изучая расположение материала пятого этапа повествования, мы отчетливо видим в нем замысел автора (см. таблицу, отражающую содержание пятого этапа повествования на с. 248-249).

Обращает на себя внимание тот факт, что отбор и расположение материала таково, что ведущие темы стихов 1-27 находят как бы свое зеркальное отражение в стихах 28-50. Надо полагать, что Лука вкладывал в такое композиционное построение определенный смысл, и мы в нашем изложении постараемся этот смысл выявить.

Между тем, очевидно одно: наиболее важный материал содержится в двух срединных отрывках: 9:18-27 и 9:28-36. В совокупности в этих достаточно непохожих друг на друга отрывках можно выделить три основных

утверждения. Первое касается того, кто есть Иисус. В 9:20 Петр от имени всех апостолов провозглашает то, что стало их исповеданием: Иисус — Божий Мессия. Затем в 9:35 голос с небес объявляет, что Иисус «есть Сын Мой Возлюбленный». Второе утверждение связано с близящимся отвержением Иисуса, Его смертью и воскресением. В 9:22 об этих событиях говорится совершенно прямо; тогда как в 9:31 ссылка на те же события делается в косвенной, глубоко ассоциативной форме: «...говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме». И, наконец, заключительное утверждение относится ко второму пришествию Христа. В 9:26 Христос прямо говорит о том времени, когда Сын Человеческий придет в сиянии Своей славы, славы Отца и святых ангелов; в то время как Преображение (см. 9:28-36), по словам одного из участников этого величественного события, стало прообразом второго пришествия. «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие (*греч. parousia* — Д.Г.) Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но бывши очевидцами Его величия... будучи с Ним на святой горе» (2 Петр. 1:16-18). Когда в Новом Завете употребляется слово *parousia*, это всегда, без исключения, относится ко второму пришествию Господа.

Учитывая вышесказанное, уже можно сделать вывод о том, что пятый этап повествования будет кульминацией всей первой половины Евангелия. Не может быть кульминации, которая превзошла бы по своей значимости второе пришествие Господа; на пятом же этапе повествования не только впервые в Евангелии открыто провозглашено, что второе пришествие Господа состоится, но и дается величественный прообраз той славы, которая будет этому пришествию сопутствовать.

ПРИХОД. ЭТАП 5 (9:1-50)

1 Установление Царства Божьего с точки зрения нашего мира (9:1-27)

А Двенадцать апостолов получают наставление. Они посланы проповедовать и исцелять (9:1-9).

а Двенадцать апостолов получают силу и власть над бесами (9:1-2).

б Наставления апостолам в том, что делать, если тебя принимают, и что делать, если не принимают (9:3-6).

в Ирод недоумевает, услышав, что Иисус — это обезглавленный им и воскресший Иоанн Креститель, и гадает, кто же такой Иисус на самом деле (9:7-9).

Б Насыщение пяти тысяч (9:10-17)

Христос повелевает ученикам накормить толпы людей. Они возражают, что не могут этого сделать; тогда Христос совершает чудо и насыщает народ.

В Исповедание Иисуса как Божьего Мессии (9:18-27)

а Иисус молится в одиночестве (9:18).

б Люди ошибочно принимают Иисуса — иные за Иоанна, иные — за Илию; Петр исповедует Его как Божьего Мессию (9:18-20).

в Христос объявляет, что близится время, когда Он будет отвергнут, умрет и воскреснет. Он призывает Своих учеников нести свой крест, ибо Он вернется во славе, и обещает, что некоторые из Его слушателей узрят Царство Божье (9:21-27).

ПРИХОД. ЭТАП 5 (9:1-50)**2 Установление Царства Божьего с точки зрения иного мира (9:28-50)*****В' Преображение Иисуса (9:28-36)***

в' Явление Христа, Моисея и Илии во славе: беседа о смерти, воскресении и вознесении Христа, которые должны произойти в Иерусалиме (9:28-32).

б' Из высказывания Петра следует, что Моисей и Илия приравнены им к Христу, однако Голос с неба объявляет, что Он «...есть Сын Мой Возлюбленный» (9:33-35).

а' Иисус остается один (9:36).

Б' У человека исцелен его единственный сын (9:37-43)

Отец просит учеников изгнать беса из своего сына, но они не могут этого сделать: Христос совершает чудо, исцеляя мальчика.

А' Дальнейшее наставление двенадцати апостолов (9:43-50)

в' Ученики недоумевают, слыша утверждение Иисуса о том, что Он будет отдан в человеческие руки (9:43-45).

б' «... Кто примет сие дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто примет Меня, тот принимает Пославшего Меня» (9:46-48).

а' Иоанн говорит, что сила Христа изгонять бесов не должна проявляться в ком-либо еще, кроме двенадцати апостолов: Христос поправляет Иоанна (9:49-50).

Действие 1. Установление Царства Божьего с точки зрения нашего мира (9:1-27)

Напомним, что на протяжении четвертого этапа повествования мы познакомились с самыми разнообразными примерами и аспектами спасения. Однако все эти поразительные примеры относятся к спасению отдельных людей, и уже в силу этого четвертый этап повествования не может быть кульминацией первой половины Евангелия от Луки. Спасение отдельного человека бесконечно важно, однако им все не исчерпывается. Как мы могли убедиться, последний эпизод четвертого этапа повествования содержит прообраз воскресения охваченных смертельным сном верующих, которое произойдет во время второго пришествия Иисуса. Однако не будем забывать о мире в целом, который пребывает сегодня в таком плачевном состоянии, что только повсеместное установление Божьего Царства может утолить голод наших надежд. Именно об этом пойдет речь на пятом этапе повествования, из которого мы узнаем, как, следуя повелению Христа, Его апостолы начали возвещать Божье Царство всему Израилю (см. 9:2), как сам Христос говорил о нем со следовавшим за Ним народом (см. 9:11), как Он дал возможность немногим избранным увидеть прообраз этого Царства (см. 9:27). Итак, из пятого этапа повествования мы узнаем о проповеди всему народу, а также о наставлениях, адресованных многочисленным толпам слушателей. Однако в большинстве своем наставления этого этапа обращены к ограниченному кругу людей — к двенадцати апостолам (а во время Преображения — лишь к трем из них). В некоторых случаях будет особо оговариваться, что слышанное апостолами предназначалось только для них (см. 9:21, 36, 43-44). Вплоть до того момента, когда Христос был распят, Божий замысел установления Его Царства был ча-

стью сокровенной премудрости (см. 9:45 и 1 Кор. 2:7-8), которая оставалась неизвестной кому-либо из правителей мира сего, так как в противном случае они не распряли бы Господа славы. Из Действия 1 мы узнаем, каким образом Господь готовил Своих апостолов к тому, чтобы впоследствии прямо сообщить им об этом замысле.

А. Двенадцать апостолов получают наставление. Они посланы проповедовать и исцелять (9:1-9). Содержание и пропорции рассказа о миссионерском служении апостолов могут показаться несколько необычными. Один стих (см. 9:1) посвящен описанию того, как апостолам была дана необходимая для их служения сила. Четыре стиха (см. 9:2-5) — описанию наставления. Таким образом, в общей сложности о подготовке к служению говорится в пяти стихах, в то время как, рассказывая о самом служении, Лука ограничивается одним стихом: «Они пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду» (9:6). Мы не встречаем ни выдержек из проповедей, ни примеров изгнания злых духов или исцеления, ни каких-либо подробностей — насколько хорошо или плохо встречали апостолов в том или ином городе или селении. Очевидно, что Лука рассказал нам лишь немного из того, что мы хотели бы узнать, но, по-видимому, он убежден, что это немного как раз и есть то, что для нас важно, и поэтому нам следует остановиться на его рассказе подробней.

Мы читаем, что первой областью миссионерского служения апостолов была проповедь, а ее предметом было Царство Божье (см. 9:2). Эта проповедь называется ниже благовествованием (9:6). Проповедь апостолов, несомненно, включала в себя призыв к покаянию, подобный тому, с которым обращался к людям Иоанн Креститель, в какой-то форме в нее могло также входить

упоминание об этических нормах, которым должны будут следовать принадлежащие к Божьему Царству и о которых говорил Христос в Своей «проповеди на равнине» (6:20-49). Но главная цель проповеди апостолов состояла в том, чтобы возвестить людям Благоую весть: долгожданное Царство Божье действительно наступает. Для любого иудея, знакомого с величественным описанием грядущего века в Ветхом Завете, уже одно только объявление о том, что Божье Царство находится, так сказать, рядом, было Благой вестью. Однако реальность и сущность этого Царства должна была еще полнее отразиться в другой области миссионерского служения апостолов: им была дана сверхъестественная сила и власть освобождать людей из-под гнета злых духов, а также излечивать их от физических болезней. То были не простые призывы найти в себе силы и преодолеть собственные слабости, но, как сказал впоследствии автор Послания к Евреям (см. Евр. 6:5), то были «силы будущего века», пробившие себе дорогу в наш мир, чтобы исцелять и спасать.

Далее (9:3-4) Иисус сказал апостолам, что народ сам должен будет позаботиться об их питании, жилье, одежде и путевых расходах. Царь народа израильского — пусть пока еще им не признанный — шел «к своим» (Ин. 1:11) и имел право призвать народ позаботиться о царских посланцах. Мы знаем, что «свои» Его не приняли. Когда это случилось и Христа официально объявили вне закона, Он прямо и недвусмысленно отменил прежнее повеление (см. 22:35-38). Однако на данном этапе апостолы должны были ожидать, что народ их примет и возьмет на себя расходы по их содержанию. Более того, они должны были понимать, насколько серьезно следовало относиться к тем случаям, когда они встретят отказ: тогда они должны были отряхнуть пыль

со своих ног, чтобы засвидетельствовать против отвергнувших их людей. Апостолы не получили власти, подобной той, которой когда-то обладал Илия (см. 9:54; 4 Цар. 1:9-14), и не могли тут же вершить над такими людьми суд. С другой стороны, они должны были дать понять всем и каждому, что Божье Царство, наступление которого они возвещали, означало не просто иной образ жизни, и не просто одну из возможных картин будущего, то было Царство Бога: отвергнувший это Царство отвергал Самого Бога, навлекая на себя опасность вечной гибели.

Итак, апостолы отправились в путь, и хотя, как мы уже заметили, подробности их служения нам неизвестны, в нашем распоряжении имеется общее описание того, как их служение повлияло на израильский народ. Правда, это описание весьма специфично (см. 9:7-9): оно дано нам через восприятие Ирода. У большинства людей сложилось впечатление, что они стали свидетелями явления кого-то принадлежавшего иному миру. Одни высказывали предположение, что это Иоанн Креститель, восставший из мертвых, другие думали, что это пророк Илия, вернувшийся с небес в ознаменование начала грядущего века (см. Мал. 4:5), или один из древних пророков, воскресший из мертвых. Все это само по себе весьма любопытно. Если раньше людям казалось, что между ними восстал великий пророк (см. 7:6), то теперь они чувствовали, что в лице Иисуса в их мир проник Некто из иного мира. Разумеется, их предположения по поводу того, кем был Иисус, оставались далекими от действительности, однако общее впечатление было совершенно верным. Так, например, Исайя, Иеремия и Иезекииль были великими пророками, однако они родились как обычные люди и не открыли пути к установлению Божьего Царства, и тем они отличны от Иисуса.

Однако, как мы уже говорили, Лука предлагает нам взглянуть на результат проповеди апостолов не непосредственно, а глазами Ирода. А это еще более любопытно, ведь апостолы возвещали приближение Царства, то есть правления Бога, а Ирод был одним из правителей мира сего, пусть не самым могущественным, но все же — правителем. Более того, когда Иоанн Креститель призвал народ готовиться к пришествию Мессии, Ирод враждебно отнесся к его нравственным требованиям и заставил Иоанна замолчать, как ему казалось, навсегда: сначала Иоанн был брошен в тюрьму, а затем казнен. Но все же то, что Ирод слышал, беспокоило его — если они говорили правду, то его ждала большая беда. Пророки, проповедующие нравственное поведение, могут причинять некоторые неудобства, особенно если их проповедь начинает пользоваться широкой популярностью; однако рано или поздно их можно заставить замолчать, чтобы их голос никогда больше не звучал в этом мире, — если, конечно, смерть действительно венчает все, что в нем происходит. Если же, напротив, смерть и могила не являются непреодолимыми препятствиями против нового появления Иоанна или Илии, это значит, что Ирод и его престол находятся под большой угрозой. Ирод, конечно же, внушал себе, что народ стал жертвой вопиющего суеверия, но все-таки испытывал беспокойство, нет, не из-за каких-то нравственных принципов — это было делом десятым — а размышляя о том, кто же такой Иисус. Кто же Он на самом деле? Еще один пророк или святой? Или Он действительно вторгся в наш мир из иного мира? Ирод хотел увидеть Иисуса (см. 9:9).

Если проповедь и служение апостолов оказали такое воздействие на людей еще до воскресения Христа, то нет сомнений в том, что такое же воздействие оно будет иметь после Пятидесятницы. Наши основные

цели остаются невыполненными, если в результате нашей проповеди у людей складывается впечатление, будто Божье Царство состоит только в утверждении определенных нравственных норм в том веке, в котором мы живем сейчас, если мы не будем подводить людей к самому важному вопросу о том, Кто такой Иисус и наступит ли такой день, когда Он вновь нарушит границы этого мира и придет к нам в сиянии Своей славы, славы Отца и святых ангелов.

Б. Насыщение пяти тысяч (9:10-17). Следующий рассказ — это рассказ о насыщении пяти тысяч, и для того, чтобы понять его суть, мы должны рассмотреть его контекст и ту смысловую нагрузку, которую он несет в рамках развития данного этапа повествования. Для многочисленных очевидцев сотворенное Христом чудо, безусловно, послужило пищей для размышления, однако еще в большей степени это относилось к апостолам. Мы делаем такой вывод, во-первых, исходя из внутреннего строения рассказа и, во-вторых, учитывая тот факт, что в рассказе о насыщении пяти тысяч показано, что апостолы не могут сравниться со Христом, Который Сам совершает чудо насыщения, и этот мотив усиливается, перекликаясь с рассказом о другом чуде (см. 9:37-42), который расположен симметрично первому в тщательно разработанной автором композиционной схеме (см. таблицу, отражающую краткое содержание пятого этапа повествования).

Согласно Луке, это произошло после того, как апостолы вернулись и рассказали Христу о том, какие дела они совершили (см. 9:10). Вместе с апостолами Христос отправился в Вифсаиду; однако, узнав об этом, толпы людей пошли за Ним следом. Ничего удивительного: после многочисленных проповедей и служения

апостолов многие были охвачены мучительными ожиданиями и надеждой на то, что древние пророчества о грядущем веке всеобщего мира и гармонии, в котором не будет места горю, действительно истинны и вот-вот свершатся. И Христос, знавший, как сильно жаждет человек освободиться от горестей, разочарований и мук, которые пока еще несет с собой жизнь, не стал упрекать людей в том, что они нарушают Его покой и уединение, напротив, Он отнесся к ним приветливо, беседовал с ними о Божьем Царстве и исцелял нуждавшихся в исцелении (см. 9:11). Это должно было дать им еще больше оснований для надежды.

Но вот к Христу подошли апостолы и обратили Его внимание на то, что уже становится поздно (как будто бы Он этого не понимал), а в той пустынной местности, где они находятся, нет ни лавок, ни постоянных дворов, и что лучше отправить людей в близлежащие селения, чтобы они смогли там поесть и найти себе пристанище. Быть может, невольная дерзость апостолов объяснялась тем, что после успешного завершения своего недавнего путешествия они почувствовали свою силу и власть. Однако произошедшие затем события свидетельствуют, сколь недалекими оставались их представления не только о своей силе и власти, но и о самой Личности и силе Христа и о сущности того Царства, приближение которого они возвещали по всей стране. Христос вовсе не собирался отправлять людей прочь. Он хотел дать им понять, что будет означать окончательное установление Царства Бога. Исаия, пользуясь свойственным ему поэтическим языком, пообещал (Ис. 25:6-9), что придет день, когда Бог устроит праздничный пир для всех народов, на котором будут обильные яства и выдержанные вина, ароматные блюда и лучшие напитки. На этом непревзойденном божественном пиру сотрет «Господь

слезы со всех лиц» (Ис. 25:8) и смерть будет полностью постравлена. Разумеется, в то время устраивать такой пир было еще рано; однако Христос хотел, чтобы собравшийся народ и апостолы представили себе заранее этот грядущий пир, и собирался явить им ту силу, которая однажды сделает его возможным. Для этого, конечно же, требовалось сотворить чудо, и чудо грандиозное: только такое чудо могло бы стать прообразом будущего пира. Но прежде Христос делает нечто интересное. Он обращается к Своим апостолам и предлагает им самим накормить собравшуюся толпу. Апостолы же никогда раньше не видели такого грандиозного чуда. Они были свидетелями исцеления отдельных людей, а во время своего недавнего служения даже сами получили сверхъестественную силу исцелять людей и изгонять из них бесов. Но накормить огромную толпу, в которой одних мужчин насчитывалось около пяти тысяч, не говоря уже о женщинах и детях, — это было предложение совсем иного рода. Отвечая Христу на это предложение, они оказались далеко не на высоте. У Христа не было обыкновения говорить о том, что практически было совершенно невыполнимым, Он не собирался также смеяться над ограниченными возможностями своих апостолов. Сказав им, чтобы они накормили толпу, Он, вероятно, рассчитывал, что это необычное предложение, по крайней мере, заставит их задуматься, так ли уж полны и исчерпывающи их представления о Божьем Царстве и силе Иисуса. Вместо этого все, до чего смогли додуматься апостолы, — это обратиться к местным торговцам и закупить у них необходимое количество продуктов, ведь, как они сами сказали, у них оставалось лишь пять хлебов и две рыбы.

Но ничтожность запасов, с одной стороны, и невозможность, с точки зрения привычных для апосто-

лов представлений о естественных жизненных процессах, разрешить эту проблему, с другой стороны, послужили тем контрастным фоном, которым воспользовался Христос для того, чтобы наглядно показать, что означает грядущее Царство. Обратив свой взор к небу (см. 9:16), Он вновь позволил небесным силам вторгнуться в наш мир и преобразить его скромные ресурсы таким образом, что их оказалось более чем достаточно для насыщения пяти тысяч людей. Однако мы еще не извлекли из происшедшего нужный урок. Мы совершенно правильно делаем упор на значении нравственных законов Божьего Царства и стремимся к тому, чтобы опираться на них уже сегодня, при решении социальных и экономических проблем современного мира. Но нельзя допускать, чтобы наши сегодняшние заботы затмевали в наших глазах образ грядущего Божьего Царства. Что произойдет, когда окончательно установится Царство Бога? Может быть, мы продолжим заниматься своими теперешними делами, только тщательнее, правильнее и эффективнее? Нет, произойдет не меньше, чем вторжение в наш мир сил иного мира. Они освободят стонущую природу от страданий и бед и превратят творение из мира, обреченного на распад, в мир, где будет царить свобода, довольство, и полное осуществление ожидаемого, где смерть будет уничтожена и не будет места печали.

В. Исповедание Иисуса как Божьего Мессии (9:18-27). Мы подошли к кульминации первого Действия. Как мы уже отмечали выше, Лука не говорит о значительном временном промежутке между насыщением пяти тысяч и исповеданием Иисуса как Божьего Мессии и о произошедших в течение этого времени событиях. Это,

разумеется, не значит, что он отрицает наличие этого промежутка. Но когда в его сочинении мы читаем, что Господь спрашивает апостолов: «за кого почитает Меня народ?» и они отвечают: «за Иоанна Крестителя, а иные за Илию; другие же *говорят*, что один из древних пророков воскрес», то мы не можем не вспомнить, что всего за каких-то десять стихов перед этим мы уже слышали о сложившемся у людей впечатлении об Иисусе. Зачем повторять то, о чем уже говорилось ранее? Почему, опустив значительный материал, Лука не опустил и первый вопрос Христа и не перешел сразу же ко второму, который, на самом деле, и является наиболее важным: «а вы за кого почитаете Меня?»

Мы поймем это только тогда, когда попытаемся представить себе, какое впечатление должно было оставаться у человека, заметившего, что ответ апостолов перекликается с уже сказанным ранее. Помимо всего прочего, ответ апостолов на первый вопрос Иисуса подчеркивает тот простой, но важный факт, что, исповедуя Иисуса как Божьего Мессию, они хорошо знали, какие предположения и догадки о Нем строили в народе. Следовательно, их исповедание объяснялось не тем, что они были поражены сверхъестественным в Его служении и просто не могли себе представить, как их еще можно объяснить. Все видели, что в Иисусе и Его служении есть что-то сверхъестественное; и прежде чем апостолы дали торжественный и окончательный ответ, в чем состояло их собственное исповедание, Иисус посчитал необходимым попросить их перечислить прочие предположения и догадки, существовавшие в народе на этот счет. Таким образом, исповедание апостолов сознательно противопоставлено всем прочим предположениям. Благодаря этому становится ясно, что ни одно из них,

сколь бы возвышенным оно ни было, не может объяснить, кем является Иисус: ведь Он не кто иной, как несравненный и единственный Божий Мессия. Знакомая с торжественным, глубоко осмысленным и искренним общим исповеданием апостолов, мы станем свидетелями не только кульминации пятого этапа повествования, но и поворотного пункта в истории всего мира.

Как только апостолы признали, что Иисус является Мессией, Он сразу же объявил им, в какой последовательности будут развиваться события, предшествующие установлению Божьего Царства. Трудно сказать наверняка, какие представления уже сложились к тому времени у апостолов, однако, судя по их последующим замечаниям и поступкам, меньше всего они ожидали, что народ отвергнет Мессию и Он будет распят. Следовательно, необходимо было дать им об этом знать. Апостолам казалось, что, по мнению Иисуса, всеобщий интерес и воодушевление должны были перерасти во всенародное признание Его как Мессии. Если бы Иисус позволил им и дальше заблуждаться на этот счет, то через несколько месяцев они все равно бы увидели, что события принимают совершенно иной оборот, и тогда они бы подумали, что Иисус ошибся в Своих ожиданиях, а, значит, его надежды и замысел установления Божьего Царства тоже могут оказаться ошибочными. Итак, как раз в тот момент, когда Иисус пользовался в народе наибольшим расположением, а вера апостолов и их осознание Его истинной сущности достигли своего апогея, Он, не колеблясь, ясно дал им понять, что Он знает об уготованной Ему в будущем судьбе.

Далее следует обратить внимание на то, кто именно, по словам Иисуса, Его отвергнет. Когда выше

мы говорили, что Его отвергнет народ, это было несколько неточно. Не народ, а религиозные вожди — вот кто, как сказал Иисус, отвергнет Его притязания и добьется того, чтобы Его распяли. В народе, как мы только что убедились, Иисус пользовался большим расположением, и, согласно Луке (см. 19-47-48; 20:1, 45; 21:37-38; 22:2-6), так было вплоть до самой последней недели перед казнью. Лишь в самый последний момент религиозным вождям удалось настроить толпу против Него и добиться того, чтобы собравшиеся потребовали Его распятия. Кто-то может подумать, что в этот момент Иисусу явно нужно было подвигнуть апостолов убедить народ, что Он является Мессией, и затем, оперевшись на всеобщую поддержку, преодолеть сопротивление религиозных вождей. Однако наш Господь поступил совершенно иначе: Он наказал никому не говорить о том, что Он является Мессией (см. 9:21)¹. Нет сомнений, что одним из оснований для такого запрета являлось, как справедливо предполагали многие, следующее: представления людей о грядущем Мессии и Его делах были настолько искажены (если не сказать извращены) и настолько переплетены со злободневными политическими проблемами, что если бы всему народу было объявлено, что Мессией является Иисус, это вполне могло бы привести к возникновению в высшей степени со-

---

¹ Этот запрет, видимо, не был ни абсолютным, ни постоянным даже в то время, которое предшествовало воскресению. Когда слепой обратился к Иисусу со словами «Сын Давидов» (18:38), Иисус не стал ему говорить, чтобы он никогда больше не произносил этих слов. Во время торжественного въезда в Иерусалим (19:38-40), когда народ приветствовал Иисуса словами: «благословен Царь, грядущий во имя Господне», Он отказался удовлетворить требование фарисеев и заставить людей замолчать. Кроме того, время от времени Иисус Сам продолжал привычно говорить о Себе в таких выражениях, которые, по крайней мере, для проникательных людей служили намеком на то, что Он является Мессией, например, Он говорил о том, что Он «больше Соломона» (11:31).

мнительного политического движения и появлению множества восторженных, но духовно не обновленных приверженцев, совершенно не готовых к тому, чтобы каждодневно нести свой крест, и куда более склонных взяться за меч, чтобы бороться за то, в чем, как им казалось, заключались права Мессии. Когда же Сам Христос объяснял причины Своего запрета, Он сказал, что *должен быть* отвергнутым и убитым. Слова «должен быть», безусловно, отражали замысел Всевышнего относительно установления Царства Божьего. Следовательно, любая попытка избежать или воспротивиться гонению и затем смерти была бы не просто бесполезной, но и противоречила бы Божьей воле. Однако, когда Христос объявил о том, что должно будет случиться, Он не стал объяснять, почему это должно быть именно так, а не иначе, и сразу же перешел к описанию следующих этапов установления Царства Бога. За смертью Христа последует Его воскресение. Воскресение, конечно же, подтвердит истинность Его утверждений, однако, как дал понять Христос (см. 9:23-26), еще не положит конец сопротивлению Ему и установлению Царства Божьего и не будет означать немедленного его установления. Отнюдь. Всякого, кто хотел следовать за Ним, Христос предупредил, что даже после Его воскресения такой человек должен будет отдать всего себя, каждодневно нести свой крест, терпеть такое же враждебное отношение со стороны мира, которое встречал Христос, обречь себя на позор, ожидающий любого приверженца распятого Христа. Не править вместе с победившим Христом над покорившимся Ему миром (1 Кор. 4:8-13), но отдать за Христа даже свою жизнь — вот к чему должен быть готов тот, кто хочет стать Его приверженцем.

Христос не оставил также надежды на то, что, если Его ученики будут готовы в течение какого-то времени переносить все эти страдания, то, в конце концов, сопротивление им будет сломлено, мир станет постепенно обращаться ко Христу и мало-помалу на земле установится Царство Бога. В том смысле, в котором о нем говорил Христос, Божье Царство будет установлено лишь посредством второго личного пришествия Христа, когда Он вернется в сиянии Своей славы, славы Отца и святых ангелов (см. 9:23-26). Тогда и только тогда придет время воздаяния тем, кто обрекал себя ради Него на страдания; а те, кто в течение этого времени от Него отрекались, потеряют свою жизнь навсегда.

Если признание Ииуса Божьим Мессией явилось для апостолов кульминацией их духовного опыта, то последующие Его слова должны были прозвучать горьким разочарованием и наполнить их сердца страхом и отчаянием. Если Божье Царство не будет установлено на земле до времени второго пришествия, следовательно, перед апостолами открывалась печальная перспектива: нести свой крест, страдать и не слишком надеяться на то, чтобы увидеть его. Вполне возможно, что они умрут задолго до этого времени. Откуда же черпать веру и надежду на грядущее Царство, если для них так мала вероятность его увидеть?

Христос понимал их чувства и необходимость укрепить веру Своих апостолов, а через них — и веру последующих поколений христиан (см. 2 Петр. 1:12-21) как в реальность Божьего Царства, так и в неизбежное его установление. «Говорю же вам... — добавил Он (9:27), — есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие». Оче-

видно, что Христос имел в виду то, чему через несколько дней стали свидетелями трое из Его учеников, — Свое Преображение¹.

Действие 2. Установление Царства Божьего с точки зрения иного мира (9:28-50)

Материал второй половины данного этапа повествования является своего рода зеркальным отражением материала первой половины, и это не случайно. Возьмем, к примеру, только что рассмотренный нами отрывок (см. 9:18-27) и сравним его со следующим далее отрывком 9:28-36. С одной стороны, можно сказать, что, как мы уже заметили ранее (см. Предварительный обзор настоящего этапа повествования), в обоих отрывках речь идет об одном и том же: о сущности Иисуса в сравнении с Моисеем и Илией, о Его смерти, воскресении и втором пришествии. Различие же между отрывками состоит в различии точек зрения: в первом отрывке события излагаются с точки зрения людей нашего мира, а во втором — с точки зрения тех, кто принадлежит иному миру. Если в 9:18-27 люди постепенно, посредством накопления духовного опыта, подходят к полному осознанию сущности Иисуса, то в 9:18-27 сущность

---

¹ Некоторым людям трудно и даже вообще невозможно себе представить, что обещание Иисуса было связано с Преображением. Им особенно странно слышать, что слова «не вкусят смерти, как уже увидят...» относятся к событию, которое должно было состояться всего лишь через несколько дней после разговора с учениками. Такое затруднение действительно может возникнуть, если мы будем связывать Божье Царство только с будущим. Однако, как показывает наше рассуждение, Божье Царство начнет существовать не только в тот момент, когда оно придет на землю: в другом мире Божье Царство уже существует. В то время когда Христос беседовал со своими учениками перед восхождением на гору, Моисей и Илья уже «видели Царствие Божие». Однако, конечно, до того момента, когда Божье Царство наступит на земле, человек, как правило, видит его либо после своей смерти, как Моисей, либо, переместившись туда, как Илья. Получить возможность увидеть Божье Царство, не умирая, еще до смерти, было чем-то крайне необычным. При этом, увидеть Божье Царство таким, какое оно на небесах, значило увидеть его таким, каким оно в конечном итоге будет установлено на земле.

Иисуса — это то, о чем было известно всегда. Если в 9:18-27 апостолы узнают, что смерть Христа станет результатом того, что в Иерусалиме Он будет отвергнут религиозными вождями, и это звучит как поражение (по крайней мере, временное), то в 9:28-36 о смерти Христа говорится как о давно существовавшем замысле, который должен вскоре победоносно исполниться. И, наконец, если в 9:18-27 исповедание Иисуса как Божьего Мессии и объявление о Его смерти, воскресении и пришествии в сиянии славы являются кульминацией всего Действия 1, то в 9:28-36 слава Божьего Царства, давно задуманный «исход» в Иерусалиме и неизбежность грядущего установления Божьего Царства на земле при втором пришествии Иисуса с самого начала определяют тональность Действия 2.

В' Преображение Иисуса (9:28-36). Влияние Преображения на апостолов состояло прежде всего в том, что теперь у них не оставалось ни малейших сомнений в существовании иного мира, вечного Царства. Наш мир не единственный, есть и иной. Они также получили возможность увидеть, что этот, иной, мир — не только будущее нашего мира, но и существует наряду с ним, одновременно предшествуя ему и простираясь за его пределы. Кроме того, они увидели, что, хотя иной мир, как правило, недоступен для взора живущих в нашем мире смертных, Христос одновременно связан с обоими мирами и, более того, по-прежнему находясь на земле, может изменить Свой облик и исполниться сияющим светом иного мира (см. 9:29). Но и это еще не все. «...Два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия... явившись во славе...» (9:30-31). Эти слова представляют особый интерес: когда Моисей и Илия жили в нашем мире, их разделяли столетия; однако в

ином мире они оказываются рядом. Кроме того, очевидно, что иной мир не подвержен изменениям, как наш. Впрочем, из этого не нужно делать поспешного вывода о том, что в ином мире вообще нет ни прошлого, ни будущего, а есть одно лишь настоящее, так как мы читаем, что Моисей и Илия беседовали с Христом о событии, которое для них всех явно относилось к будущему, то есть о смерти и воскресении Христа, буквально, об «исходе», который Ему предстояло вскоре совершить в Иерусалиме (см. 9:31). Ко времени их разговора Христос еще не умер, и это, разумеется, было известно Ему Самому, а также Его собеседникам.

Итак, беседа была посвящена Его исходу. Когда Моисей жил в нашем мире, он взял на себя ответственность за принесение пасхальной жертвы, которая спасла Израиль от Божьего гнева, явившись первым шагом на пути народа к освобождению от рабства и исходу из Египта. В ином мире, если, конечно, не раньше, Моисей уже давно должен был обнаружить, что значение совершенной им пасхальной жертвы и исхода из Египта этим не ограничивалось: они стали прообразом и пророчеством жертвы, которую принесет Мессия, клятвой, которая «совершится в Царствии Божиим» (22:16). Моисей также должен был узнать, что пасха в Египте была не просто хорошим примером, который удачно подвернулся в качестве аналогии, когда Бог решил, что Мессия должен умереть: жертва Мессии во спасение Израиля и любого, кто принимает эту жертву, от Божьего гнева и господства дьявола стала частью Божьего замысла задолго до Моисеевой пасхи.

Когда Илия жил в нашем мире, он тоже принес жертву (см. 3 Цар. 18). Целью этой жертвы было освободить Израиль от уз бессмысленного идолопо-

клонства для служения истинному и живому Богу. Путь, по которому пошел Илия, был прост: если Бог может посредством небесного огня засвидетельствовать, что принимает жертву, принесенную за Израиль, то Его обязательно признают истинным Богом. Подобно Моисею, в ином мире Илия должен был узнать, что и его жертвоприношение стало прототипом уже существовавшего Божьего замысла отвратить Израиль и все человечество от ложных богов и вернуть их к истинному Богу посредством жертвы, принесенной Мессией за весь род людской и принятой Богом, о чем засвидетельствует воскресение Христа и сошествие с небес Святого Духа.

За несколько дней до описываемых событий апостолы получили известие о грядущей смерти Христа, которое стало для них неожиданным потрясением, так как означало препятствие на пути осуществления их надежд, воздвигнутых порочными религиозными вождями их народа. Теперь, на горе во время Преображения, они начинали понимать, что смерть Христа — это жертва, о которой было известно еще до начала мира, упоминавшаяся и предсказанная законом и пророками, и ее близкое осуществление должно было стать столь же преднамеренным, сколь и ее замысел.

Кроме того, находясь на горе Преображения, апостолы не просто смогли взглянуть на прошлое и на недалекое будущее глазами тех, кто явился им во славе: они увидели доказательства неизбежности второго пришествия Христа. Для того чтобы сделать такой вывод, нет нужды идти путем косвенных логических умозаключений: как мы уже заметили ранее, Петр сам говорит (см. 2 Петр. 1:12-18), что убедился в этом благодаря Преображению. Доказательства, о которых говорит Петр, были доступны и взору, и слуху: по словам Петра,

апостолы были очевидцами величия Христа и слышали голос высшей (в *Синодальном переводе* — «велеленной» — прим. ред.) славы.

Итак, уточним, какое именно событие на святой горе заставило Петра задуматься и привело его к столь определенной уверенности в том, что наступит день, когда распятый Иисус вернется в сиянии Своей славы. Когда «мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, — говорит Петр, — мы сделали это не по хитросплетенным басням, но будучи очевидцами Его славы, «ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велеленной славы принесся к Нему такой голос: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение»». Таким образом, Петр не просто ссылается на тот факт, что, когда Христос находился на святой горе, Его облик преобразился. Он свидетельствует, что в какой-то момент Иисус принял от Бога Отца безмерную честь и славу. Памятуя о сказанном Петром, вернемся к повествованию Луки, чтобы определить, когда именно это произошло.

Как уже говорилось выше, беседа между Христом, Моисеем и Илией была посвящена исходу Христа в Иерусалиме. Христос должен был оставить славу горы Преображения, спуститься в наш низменный и грешный мир и направиться в Иерусалим, навстречу Своей смерти: Сын Человеческий должен был пройти предназначенный ему путь (см. 22:22). Итак, когда Моисей и Илия уже собирались Его покинуть (см. 9:33), Петр сказал, что было бы хорошо, если бы они не уходили, а остались вместе с Иисусом на горе. Он даже предложил для вящего удобства поставить три палатки: одну Христу, другую Моисею и третью Илии. Лука говорит, что, подобно двум другим апос-

толам, Петр только что проснулся и, очевидно, не слишком внимательно следя за происходившей беседой, говорил невпопад. Тем не менее его предложение заслуживает крайне отрицательной оценки. Во-первых, из него следовало, что Моисея и Илию нужно было поставить на один уровень с Христом. Более того, предложение Петра было препятствием, из-за которого пришлось бы отложить начало пути, задуманного еще до основания мира, тогда как час отправления в этот путь уже пробил. Именно в этот момент, после того как, закончив беседу об исходе Христа, Моисей и Илия собирались уходить, а Христос вот-вот должен был спуститься с горы и начать Свой исход, появилось облако и Сам Господь осенил Иисуса высшей честью и славой: «Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте». Отец не только замыслил грядущий исход, но и, видя желание Христа следовать Его воле, преисполнился благоволением к Своему Сыну и почтил Его славой.

Обдумав впоследствии это величественное явление, Петр пришел к двум выводам. Во-первых, смерть Христа не была несчастным случаем: о ней было известно заранее, и она была предопределена еще прежде создания мира (см. 1 Петр. 1:20). Во-вторых, крестный позор и смерть не были препятствием на пути к установлению Христом Божьего Царства. Желание Христа следовать воле Отца и готовность идти на страдания были вознаграждены Отцовским благоволением и высшей славой. Отец не только воскресил Христа из мертвых и осенил Его славой (см. 1 Петр. 1:21): придет день, когда Он повторит перед всей вселенной то, что уже совершил на горе Преображения, — прославит и утвердит Своего Сына. Христос придет вновь (см. 2 Петр. 1:16) в сиянии не только Своей славы, но и славы Отца и свя-

тых ангелов (см. 9:26). Не будет большей славы, чем та, которую ниспошлет Отец распятому Христу.

Когда голос умолк, — говорит Лука, — Иисус остался один. Законодатель Моисей и пророк Илия отошли от Него. Несмотря на свое высокое положение, они были всего лишь людьми. Их роль в истории состояла в подготовке воплощения, смерти и воскресения Христа. После пришествия Христа они отошли в тень. Лишь один Христос мог взять на себя бремя искупления мира.

Б' У человека исцелен его единственный сын (9:37-43). На другой день, говорит Лука, Иисус и ученики спустились с горы (9:37); и если исполненный величия рассказ о Преображении оказал хоть какое-то воздействие на ваше, читатель, воображение, вы не сможете не почувствовать сквозящую в этих словах горечь, в особенности когда увидите то духовное убожество и горе, среди которых они оказались, возвратившись вниз, в наш мир.

Для того чтобы понять то значение следующего эпизода, которое вкладывает в него Лука, необходимо сделать два шага. Во-первых, сравнить его рассказ с параллелями из Матфея и Марка. Как и Матфей (см. Мф. 17:14-20), Лука опускает приведенный Марком в Мк. 9:21-24 разговор Христа с отцом одержимого бесом мальчика о том, как долго его сын был одержим бесом и о необходимости и возможностях веры. В отличие от Матфея (см. Мф. 17:19-20) и от Марка (см. 9:28-29), Лука не описывает последовавшего затем разговора между Христом и апостолами о том, почему апостолы не смогли изгнать беса. С другой стороны, в рассказе Луки есть некоторые мелкие, но важные детали, которых мы не найдем у других евангелистов. Только Лука упоминает о том, что

одержимый бесом сын был у отца единственным и что, обращаясь к Христу с просьбой, отец сделал на этом обстоятельстве определенный упор (см. 9:38); только Лука рассказывает нам, что после того, как мальчик был исцелен, Христос «отдал его отцу его» (см. 9:42). Эти мелкие детали несут в себе огромную смысловую нагрузку и рассказывают об особых отношениях, которые складываются между отцом и его единственным сыном; о трагических физических и психических последствиях одержимости бесом, из-за которых сын в буквальном смысле слова оказался отнятым от отца, а радость, которую в прошлом доставляли им их отношения, улетучилась; наконец, о великольном событии, увенчавшем исцеление: мальчик возвращен отцу, и к ним опять вернулась радость.

Далее. Лука — единственный из всех евангелистов, кто сообщает, как отреагировал на исцеление мальчика толпившийся вокруг народ: «И все удивлялись величию Божию» (9:43). Обратим внимание на слово «величие» (греч. — *megaleiotēs*), которое употребляет здесь Лука. В Новом Завете оно встречается лишь в двух других местах: в Деян. 19:27 и в 2 Петр. 1:16, причем во втором случае Петр использует его при описании величия Христа, свидетелем которого он стал на горе Преображения. Таким образом, читая у Луки краткое описание того, какое воздействие оказало исцеление мальчика на народ, мы видим, что именно сделал Христос посредством этого чуда: спустившись вниз с горы Преображения, где величие Божье было явлено таким, каким оно предстает в вечном Божьем Царстве, Он принес в наш страдающий и духовно убогий мир искру Своей славы, тем самым дав людям возможность увидеть отблеск Божьего величия.

Второй шаг, который поможет нам понять значение рассказа, вкладываемого в него Лукой, — это сравнение и сопоставление данного рассказа с другим, уже рассмотренным нами рассказом в 9:10-17. В нем тоже речь шла о чуде, очевидцами которого были толпы народа; в обоих случаях (см. 9:13 и 9:40) учеников Христа просили оказать помощь и в обоих случаях ученики не смогли этого сделать. Однако наряду со сходством между этими сюжетами есть и различия: в 9:13 Сам Христос предлагает ученикам накормить собравшуюся толпу и оказывается, что ученики не способны этого сделать, тогда как в 9:40 к ученикам обращается отец мальчика, прося их исцелить своего сына, но опять оказывается, что ученики не могут этого сделать. Далее, мы обнаружили, что рассказ о действительно имевшем место чуде насыщения пяти тысяч выступает в роли притчи. Вполне вероятно, что рассказ о реально состоявшемся чуде исцеления мальчика тоже является притчей. Но если в первом случае Христос утолил голод, то во втором случае речь идет о совершенно иной, но не менее острой нужде, которую испытывают люди.

Как мы уже заметили, в своем варианте рассказа Лука не приводит последовавшего затем разговора между Христом и Его учениками о том, почему ученики не смогли изгнать беса. Все наше внимание Лука обращает на обличение Христом толпы (если это действительно было обличение): «о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами и буду терпеть вас?» (9:41). Встает вопрос: что послужило причиной этих весьма суровых слов? Стоило ли усугублять и без того тяжелое положение людей (в особенности положение отца больного мальчика), адресуя им подобную инвективу? Ведь горе отца должно было многократно усилиться после того,

как он просил самих апостолов Христа изгнать беса из своего сына, а они не смогли этого сделать. Зачем было проявлять свою раздраженность этим несчастным человеком и собравшимся народом?

Вспомним, как обстояло дело. Вот перед нами отец вместе со своим единственным сыном. Воображение поможет нам представить отцовскую любовь, привязанность и надежды, возлагавшиеся на единственного ребенка. И вот отца жестоким образом лишают радости общения со своим сыном: в мальчика вселяется бес, и тот бьется в конвульсиях, его лицо искажается судорогой, на губах появляется пена. Ребенок наверняка страдает не только физически, но и душевно. Муки отца еще более усиливаются, когда становится ясно, что даже ученики Христа бессильны что-либо сделать. Отец мальчика, конечно же, был охвачен горестными чувствами, но в не меньшей, а, может быть, и большей степени горестными чувствами был охвачен Христос, видя, что народ Божий влачит такое беспомощное и исполненное страданий существование, которое в конечном счете было результатом отказа людей от веры в Бога, отсутствия в народе этой веры. Испытывая эти чувства, Христос описал сложившееся положение в словах, которые впервые встречаются во Второзаконии (32:5 и след.). Эти слова заслуживают того, чтобы процитировать их здесь еще раз, пояснив исходный контекст. В данном фрагменте Второзакония Моисей обличает народ Израиля в том, что он оставил Бога и обратился к идолам. «...Род строптивый и развращенный. Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? Не Он ли Отец твой, *Который* усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя?» (Втор. 32:5-6). Он упрекал их в том, что они «приносили жертвы бесам, а не Богу, богам,

которых они не знали...» (Втор. 32:17). «Господь увидел, и в негодовании пренебрег сынов Своих и дочерей Своих, и сказал: сокрою лице Мое от них, и увижу, какой будет конец их: ибо они род развращенный, дети, в которых нет верности» (Втор. 32:19-20).

Этот фрагмент производит очень сильное впечатление, и сразу становятся ясны его связи с рассматриваемым нами рассказом. Судороги мальчика, его искаженное конвульсиями тело и помутившееся сознание, а также горестные чувства, которые испытывал отец, видя в каком состоянии находится его единственный сын, были чрезвычайно красноречивым образом горестных чувств Отца, видевшего, что Его сыновья и дочери покинули Его, увлеклись ложной религией и бесовскими силами, развратились и глубоко исказили характер своих духовных отношений с Богом. А причиной всего этого была утрата веры в Отца, любви к Отцу и послушания Отцу. Для *Самого Сына Божьего* необходимость оставаться среди таких детей, не имеющих веры и развращенных, породила столь горестные чувства, что была почти невыносимой. «...Доколе буду с вами и буду терпеть вас?» — сказал Он.

Что же в таком случае следовало предпринять, чтобы исправить положение и вновь обратить сыновей и дочерей Израиля к Отцу? Если все началось с неблагодарности и недоверия, к которым затем прибавились непослушание, отчуждение и, наконец, отсутствие веры, ведущее к тому, что любая древняя языческая религия, бесовская сила или суеверие кажутся более привлекательными и достойными восхищения, чем Сам Отец, то очевидно, что простых нравственных проповедей и призывов было недостаточно. Требовалось новое откровение Отца, явление Его величия и славы, которое пересилило бы грех и тягу к

идолопоклонству и вновь пробудило восхищение Божьим величием, возродило веру, поклонение и послушание.

Именно это и сделал Христос для людей, о которых повествует наш рассказ. Ученики были на это неспособны. Разумеется, это были те из них, кто остался внизу, когда Христос с тремя избранныками поднялся на гору. Оставшиеся внизу ученики не видели даже славы и облака, не слышали голоса Отца. Да, сделать это мог только Его Сын. После того, как на вершине горы произошло Его величественное Преображение и голос Высшей Славы возгласил о Нем: «Сын Мой Возлюбленный», Христос должен был спуститься вниз, в наш исполненный духовного убожества мир, чтобы повести людям, каков на самом деле Отец, и явить Его славу некоторым из Его давно потерянных детей. Лука описывает, как отреагировали на это люди: все удивлялись величию Божию¹.

Разумеется, рассказ Луки отразил реальное историческое событие. Однако не требуется большого воображения, чтобы увидеть, что это еще и притча о том, как Сын Отца пришел в наш мир не просто с горы Преображения, но и с самих небес, посредством воплощения, чтобы явить людям Бога (см. Ин. 1:18; 14:9), и затем дошел до Голгофы, чтобы мы, жалкие, обманутые, соvrотившиеся и отпадшие от Бога, смогли увидеть свет познания славы Божией в лице Иисуса Христа (см. 2 Кор. 4:6) и, получив в лучах этого света искупление, воссоединиться с Отцом.

---

¹ Ср. Флп. 2:15, где при описании нынешнего положения верующих в мире также использован язык Второзакония (32:5). Они являются «...чадами Божьими непорочными среди строптивого и развращенного рода», в котором они сияют, «как светила в мире».

А' Дальнейшее наставление двенадцати апостолов (9:43-50). Если именно ради этого Христос оставил славу, чтобы прийти в наш мир, следовательно, куда Он не вернется вновь, цель Его апостолов и слуг состоит в том, чтобы способствовать осуществлению той же цели. Поэтому последний фрагмент пятого этапа повествования посвящен дальнейшему наставлению двенадцати апостолов в том, как им следует теперь вести свое служение. Апостолы, в частности, желали знать, как относиться к силе и власти, вверенной им для совершения труда, в котором люди могли бы увидеть Господа. История свидетельствует о важности урока, данного в этой связи Иисусом: ведь порой бывало так, что попытки Церкви использовать свою силу и власть во имя Христа дискредитировали ее в глазах мира, так как явно противоречили принципам, которых придерживался Сам Христос.

Итак, в то время, как все еще изумлялись всему тому, что делал Христос (см. 9:44), Он постарался донести до Своих апостолов, что придет час, когда Тот, кто совершал все эти впечатляющие дела, «будет предан в руки человеческие». Апостолы не поняли Его слов. Начать с того, что, судя по всему, они не поняли, какое событие имел в виду Христос, говоря о «предании в руки человеческие», и боялись спросить Его об этом (может быть, из-за того, что в глубине души боялись услышать ответ?). Кроме того, возможно, по мнению апостолов, эти слова были признаком слабости и беспомощности, а им представлялось абсурдным, что того, кто мог обладать такой сверхъестественной силой, какой обладал Христос, предадут в руки людей, как если бы он не мог спасти себя от подобной участи. Нам не следует возлагать всю вину на

апостолов: по словам Луки, их непонимание объяснялось еще и тем, что значение высказывания Христа «было закрыто от них, так что они не постигли его» (9:45). После того, как Христа схватили, осудили на смерть и казнили, значение этого высказывания открылось перед ними во всей своей полноте, и они испытали сильнейший страх и потрясение. Подвергнуться распятию в мире, преклонявшемся перед силой, было величайшим позором и свидетельствовало о постыдной слабости. Распятый Мессия? Казалось, что в этих двух словах кроется абсурдное противоречие. Впоследствии они смогли увидеть и восхититься небесной мудростью крестного замысла. Они поняли, что одной силы недостаточно для того, чтобы изменить человеческое сердце, примирить человека с Богом и преобразить его мятеж в веру, любовь и послушание, а значит, недостаточно для решения главной проблемы человечества и установления Божьего Царства. Они также поняли, что крестные муки Христа, несмотря на свою позорность, смогли привести к тому, чего нельзя было бы добиться, опираясь на одну лишь силу: «... немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1:25). Поняли они и то, что крестные муки Христа не были досадным препятствием на Его пути к славе: Христос намеренно оставил славу, чтобы пострадать на кресте. Крест стал выражением мудрости Высшей Славы. И тогда апостолы осознали, что единственной вестью, нужной для всемирного благовествования, может быть весть о кресте и что только у подножия креста можно найти надежную опору в учреждении и управлении церквами (см. 1 Кор. 1:18-4:13).

Затем Христос должен был преподавать Своим апостолам еще один урок (см. 9:46-48). Посылая Своих апостолов на служение, Христос наделил их силой и влас-

тью (см. 9:1) и постарался объяснить им всю важность того, как люди будут их принимать (см. 9:3-5): отвергавший апостолов мог навлечь на себя Божий суд. Возможно, поэтому, а также потому, что кто-то из них добился большего успеха в служении, а кто-то — меньшего, или потому, что лишь троим из них было позволено находиться с Христом на горе Преображения, а, может, тут сыграло определенную роль каждое из этих обстоятельств — как бы там ни было, но апостолы уверились в собственной значимости и затеяли спор, кто из них важнее (в *Синодальном переводе* — «больше». — *Прим. ред.*). Христос избавил их от этого заблуждения, заметив, что если бы Он послал от Своего имени просто ребенка, чтобы тот выполнил какое-то Его поручение, то отношение людей к этому ребенку играло бы не менее важную роль, чем их отношение к Его полномочным апостолам. Значимость ребенка или апостолов определяется не ими самими, а тем фактом, что они представляют Христа, а Христос — Бога. В этом смысле, понятий «важный — менее важный» не существует: даже наименее важный из них, если он представляет Христа и Отца, — важен, и никто и никогда не сможет достичь большего величия, чем тот, кто представляет Высшую Славу, пусть даже в самом скромном служении.

Наконец, был еще и третий урок (см. 9:49-50). Когда Христос посылал Своих апостолов на служение (см. 9:1), Он дал им силу и власть над всеми бесами. И это было прекрасно. Однако, к удивлению апостолов, они встретили человека не из их числа, который, тем не менее, изгонял бесов именем Христа. Апостолы сразу же поняли, что это совершенно неприемлемо и, как говорит Иоанн, «запретили ему» (9:49).

Наверное, не следует сразу же осуждать Иоанна. Его объяснение («потому что он не ходит с нами»), —

пожалуй, несколько двусмысленно. Говоря «с нами», имел ли он при этом в виду и Христа, или только своих спутников апостолов? Если Иоанн подразумевал только апостолов, то, безусловно, их стоило осудить за предрассудки и самовлюбленность. Их, как оказывается, не смущало, что подобный запрет изгонять бесов именем Христа обрекал многих людей на то, чтобы и дальше оставаться в духовном рабстве. Но в том отношении, которое проявили апостолы к неизвестному им экзорцисту, есть нечто еще более худшее. Мы только что узнали, что, по крайней мере, однажды девять апостолов сами оказались не в состоянии изгнать беса (см. 9:40). Запрещать другому, когда ты сам не в состоянии это выполнить, — вряд ли лучший путь способствовать Божьему делу.

С другой стороны, возможно, что, сказав — «с нами», Иоанн включал сюда и Христа. В этом случае получается, что Иоанна тревожило, что человек, изгонявший бесов во имя Христа, пытался делать Божье дело, не желая при этом безоговорочно встать на Его сторону и по Его призыву следовать за Ним и за Его апостолами по пути ученичества. В наши дни такой человек уподобился бы тем, кто оказывает самую разнообразную помощь во имя Христа, но не готов в послушании следовать всем заповедям и нормам, установленным Христом для Своей церкви. Нельзя безразлично относиться к тому, подчиняются ли люди, называющие себя христианами, всем тем повелениям, которые Христос дал Своим апостолам (см. Мф. 28:20), или нет. Если нет, то это может быть симптомом чрезвычайно серьезной духовной болезни (см. Мф. 7:22-23; 1 Ин. 2:19).

Как бы Иоанн и другие апостолы ни мотивировали свой поступок, Христос успокоил их Своим ответом. Обратите внимание, что при этом Он сказал не

«кто не против Меня, тот за Меня», а «кто не против вас, тот за вас». При этом Христос думал о тех практических трудностях, которые встретятся на пути апостолов, когда они будут трудиться во имя Господа. Жизнь апостолов стала бы гораздо легче, если бы все, кто пытался использовать имя Христа, следовал бы Его заповедям. Однако этого не происходит. С другой стороны, трудясь в мире, где послушание очень редко бывает полным и безоговорочным, апостолы должны были утешаться мыслью о том, что тот, кто решительно не выступает против них, — за них. Кроме того, Христос уже говорил им, что, когда Сын Человеческий вернется в сиянии Своей славы, то все: верные и неверные, послушные и непослушные — будут оценены и получат воздаяние (см. 9:23-26).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УХОД ХРИСТА

ЦЕЛЬ ПУТИ

Мы подошли к поворотному моменту Евангелия. До сих пор Лука описывал Приход нашего Господа Иисуса Христа в мир. Однако с этого момента происходит чрезвычайно важная перемена: наш Господь начинает Уход из него, описанию которого и посвящена вся вторая половина Евангелия. Начало этого пути зафиксировано совершенно отчетливо: «Когда же приближались дни взятия Его *от мира*, Он восхотел идти в Иерусалим» (см. 9:51), и далее, на протяжении всего оставшегося повествования, Лука будет время от времени напоминать, что Христос находится в пути (см. 9:52, 57; 10:1, 38; 13:22, 33; 17:11; 18:35; 19:1, 11, 28-29, 37, 41, 45; 24:50-51).

Необходимо сразу же обратить пристальное внимание на то, какова, согласно Луке, цель этого пути. Иногда на основании 9:51 делается вывод о том, что целью пути нашего Господа был Иерусалим. Однако это не так. Путь нашего Господа, безусловно, проходил *через* Иерусалим, однако конечной целью пути было то, что Лука описывает как «взятие» Христа, причем значение этих слов соответствует тому значению, которое вкладывали в них авторы древнего христианского гимна, цитируемого Павлом: «Бог... принят верою в мире, вознесся во славе» (см. 1 Тим 3:16). Таким образом, говоря о «взятии Его», Лука действительно имеет в виду вознесение Христа на небо.

Это вывод имеет большое значение. Путь из Галилеи в Иерусалим вполне может быть обыкновенным путешествием в буквальном, географическом, смысле слова; однако путь из Галилеи на небо таким быть не может. Более того, если мы будем помнить о цели этого пути, то станет очевидно, что Иисус должен был пройти через Иерусалим, опять же, — не в географическом смысле. Ведь Иерусалим не ближе к небу, чем любая другая точка на земле. То, что Христос проходил через Иерусалим, объясняется, прежде всего, исторически. Иерусалим являлся главным городом Израиля — народа, которому Бог пообещал послать Мессию, столицей царей Иудиных — предков и прообразов Мессии. Именно этот город Бог удостоил быть местом единственного на земле храма Своего присутствия. Именно в этот город послал Он череду вдохновенных пророков, предсказывавших со все большими и большими подробностями Пришествие Мессии. И именно Иерусалим был городом Мессии; в котором Он мог по праву ожидать, что люди Его примут, прославят и возведут на престол. Как возвещалось в Зах. 9:9, Мессия должен был объявить о Себе как о Царе Израиля именно в Иерусалиме.

Впрочем, историческими причинами дело не исчерпывалось. То, что путь Христа на небо должен был пролегать через Иерусалим, объяснялось еще и нравственными, духовными причинами, а также необходимостью искупления грехов, в которых погрязла эта столица. К Иерусалиму Господь проявил наибольшее Свое расположение и удостоил такой чести, какой не удостоивал ни один город. И тем не менее здесь убивали пророков и побивали камнями Божьих посланцев (см. 13:34). Если цель прихода Христа была связана с чело-

веческим грехом, то Ему, конечно же, следовало идти в Иерусалим. Именно там Он должен был встретить наиболее мрачные проявления бунта человека против Бога, причиной которого был грех: это было восстание против Бога, но восстание не открытое и честное, с поднятым забралом, а мятеж людей, прикрывавшихся заявлениями о невиданной преданности Богу и духовной просвещенности. Как заметил Сам Христос, «А впрочем Мне должно ходить сегодня, завтра и в последующий *день*, потому что не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (13:33).

Кроме того, в Своей мудрости и любви Бог определил так, чтобы совершенное израильскими вождями в Иерусалиме убийство Мессии обратилось искупительными страданиями Христа, посредством которых и для Израиля, и для всего мира открылся путь к спасению; и именно по этой причине, согласно Божьему повелению, Благая весть должна была начать свое шествие по миру из Иерусалима: «И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима...» (24:46).

Далее, как мы уже заметили (см. Часть Первая, Этап 5, раздел В. «Исповедание Иисуса как Божьего Мессии»), как раз перед тем, как начать свой путь с земли на небо, Христос предложил всем, кто этого пожелает, следовать за Ним (см. 9:23). Христу суждено было стать «Вождем спасения» для всех тех многих сынов, которых Бог приведет в славу (Евр. 2:10). Таким образом, становится очевидным, что путь, по которому Христос предлагает идти Своим ученикам, путь следования Христу опять-таки следует понимать двояко. Для тех немногих учеников, что находились

в то время рядом с Иисусом, ученичество включало в себя следование за Христом по дороге, которая в буквальном смысле этого слова вела путника по Палестине в Иерусалим. Но даже это движение день за днем по вполне реальной дороге было связано с приобретением такого опыта, который был ориентиром на дороге ученичества и делал возможным продвижение по ней вперед. Для тех же, кто последовал за Христом после событий в Иерусалиме, уже нет необходимости совершать путь по какой-либо дороге в буквальном смысле слова (разумеется, за исключением тех случаев, когда этого может потребовать долг): весь их путь пролегает по дороге нравственного и духовного развития, которая ведет к славе.

Итак, путь, проделанный Христом из Галилеи через Иерусалим на небо, состоялся как в буквальном, географическом, так и в переносном, духовном смысле слова, что не могло не придать повествованию Луки ряда характерных особенностей. Для того, чтобы можно было лучше представить себе эти особенности, чтобы они не вызвали у нас сомнений и недоумения, воспользуемся простой аналогией. Разумеется, как и всякая аналогия, она не идеальна, но все же достаточно точна, чтобы послужить нам хорошим подспорьем.

Представим себе американца, родившегося в глубинке, однако, в конце концов, ставшего президентом США. И вот он пишет автобиографию, озаглавленную: «Мой путь из бревенчатой хижины в Белый Дом», а наш знакомый дарит нам эту книгу на Рождество.

О каком пути может пойти речь в этой книге? О путешествии, которое в буквальном смысле слова совершил этот человек, покинув место своего рождения и добравшись до Вашингтона, где находится Белый Дом? Или же о жизненном пути, пути из бедности в

богатство, из неизвестности к славе, из политическо-го небытия к вершинам власти? Ответ таков: возможно, мы узнаем и о том, и о другом. Если бы в автобиографии описывался один лишь географический путь, проделанный автором, то книга получилась бы скучной и неинтересной; с другой стороны, сколь бы важным и интересным ни был жизненный путь автора, он не мог бы состояться, если бы автор не совершил своего путешествия в буквальном смысле этого слова, и поэтому следует ожидать, что время от времени в автобиографии будут появляться указания на то, в каком месте он находился в тот или иной момент своего географического пути.

Далее — рискуя зародить у некоторых сомнения в нашем здравом уме — давайте зададимся вопросом: следует ли нам считать вынесенные в заглавие книги слова «бревенчатая хижина» и «Белый Дом» указаниями на реально существующие материальные жилища, чье географическое расположение можно отметить на карте, или мы должны видеть в них символы в первом случае неизвестности и нищеты, а во втором — ослепительной политической славы? (Подобный вопрос можно задать и в связи с тем, что ранее в своем повествовании Лука упомянул, что Иисус родился «в яслях» и «в городе Давидовом».) И вновь ответ, разумеется, состоит в том, что нам нет нужды ставить вопрос по принципу «или-или». Выясняется, что бревенчатая хижина, о которой говорится в заглавии, действительно существует и находится в определенном месте, которое можно отметить на карте; однако при этом слова «бревенчатая хижина» вызывают сильные эмоциональные и образные ассоциации. А за выражением «Белый Дом», которое является символом президентской власти в США, стоит вполне реальный, уютный и красивый дом.

Некоторые комментаторы, которые, как нам кажется, не отрицали, что описанный Лукой путь нашего Господа в принципе можно интерпретировать одновременно и в буквальном, и в образном смысле, в то же время решили, что на самом деле оно является не более чем искусственным литературным построением¹. Они рассуждали так. Сказав, что наш Господь принял решение идти в Иерусалим и начал свой путь, Лука показывает, что Христос покидает Галилею и идет через Самарию; однако к тому времени, когда Христос уже подходил к Иерусалиму, Он шел к городу со стороны Иерихона, что было бы невозможно, если бы Он шел к Иерусалиму напрямик, двигаясь в Иудею через Самарию. Более того, эти комментаторы указывают, что после отрывков, свидетельствующих о том, что Христос достиг Самарии, следуют другие отрывки, на основании которых можно сделать вывод, что Он вновь появился в Галилее. По их мнению, очевидно, что Лука плохо представлял себе географию Палестины, так как в противном случае, описывая путь Господа, он показал бы, как Господь идет прямо из Галилеи в Иерусалим и не стал бы вставлять замечания, из которых следует, что вместо того, чтобы, твердо следуя Своему решению идти в Иерусалим, Христос постоянно меняет направление Своего пути и оказывается в разных концах страны. Впрочем, им кажется, что географические несоответствия особой роли не играют, так как предполагаемого путешествия вообще не было, а его описание — всего-навсего искусственный литературный прием, цель которого создать в этом разделе Евангелия стержень повествования, на который Лука хотел низать большое количество материала.

---

¹ См. Hans Conzelmann, «The Theology of Saint Luke» (translated by G. Buswell), London, Faber and Faber, 1961, pp. 60 -65, а также цитируемую этим автором литературу. (Перевод с нем. оригинал был издан J. C. B. Mohr, Tübingen, 2nd edition, 1957).

Аналогия с вымышленной автобиографией президента поможет нам определить, насколько весомы доводы таких комментаторов. Допустим, что пресловутая бревенчатая хижина находится за тысячу миль к западу от Вашингтона. Если бы путь, проделанный будущим президентом, был просто путешествием в Вашингтон, то следовало бы думать, что в повествовании он будет описываться как путь на восток, в более или менее определенном географическом направлении. Но мы с самого начала отдаем себе отчет в том, что это не просто путешествие, но и путь политической карьеры. Поэтому, мы не удивимся, если при чтении автобиографий выяснится, что путь из бревенчатой хижины в Белый Дом включал в себя сотни разнообразных путешествий по всей стране, а также множество поездок, которые этот политик в бытность свою конгрессменом, а затем сенатором совершал из своего избирательного округа в столицу и обратно. Сколь бы пестрой ни была география его путешествий, в какую бы сторону он ни направлялся, нам все равно будет ясно, что, по мнению автора книги, он двигался к Белому Дому наиболее коротким путем. Что бы люди подумали о нашей оценке этой автобиографии, если бы мы сделали следующий вывод: «Очевидно, что автор книги не имеет ясного представления о географии США. Сначала он объявляет, что будет описывать свой путь из расположенной на Среднем Западе бревенчатой хижины в Белый дом, то есть на восток, а потом говорит, что однажды выступал с речью в Сан-Франциско, хотя мы прекрасно знаем, что этот город находится на западном побережье США, а, значит, путь из бревенчатой хижины в Белый Дом никак не мог пролегать через Сан-Франциско...».

Выбранная нами аналогия может помочь и тем, кто испытывает другое затруднение. Хотя во второй поло-

вине Евангелия и содержится несколько указаний на то, в какой местности Иисус находился на том или ином этапе Своего путешествия из Галилеи в Иерусалим, таких ссылок сравнительно немного, принимая во внимание объем посвященных путешествию стихов — 400. Более того, в подавляющем большинстве эпизодов этого раздела Евангелия, видимо, вообще отсутствует ярко выраженный мотив пути. Мы читаем о проповедях и чудесах, которые совершил направлявшийся в Иерусалим Христос, однако создается впечатление, что смысл и значение этих проповедей и чудес мало связаны с Его путем. Следовательно, можно предложить читателю, знакомящемуся со второй половиной Евангелия, чтобы он не слишком сосредоточивался на мотиве пути. Чтобы показать разумность этого предложения, давайте вновь обратимся к вымышленной автобиографии президента. Мы увидим, что, хотя в ней и содержится немало упоминаний о том, какие места посещал автор во время своих поездок, эти упоминания встречаются не слишком часто и регулярно. Много и подробно говорится о том, как он еще на заре своей политической карьеры впервые приехал в Нью-Йорк и о поразивших его величественных небоскребах; о дальнейших поездках упоминается лишь вскользь, пока мы не переходим к главе, посвященной его первой поездке по Китаю вместе с американским госсекретарем. После этого на протяжении многих глав дальнейшие поездки вновь оказываются на периферии нашего поля зрения. Здесь нет ничего удивительного: в конце концов, путешествия и поездки — это лишь вспомогательные темы, в то время как основная тема — жизненный путь автора.

Далее, мы, возможно, обратим внимание еще на одну характерную черту автобиографии президента. Во многих разделах не будет говориться о жизненном пути

автора как таковом. Так, одну из глав автор может посвятить подробному описанию своих успехов на дипломатическом поприще и не будет разъяснять, как эти успехи способствовали его продвижению на пути к Белому Дому; и не потому, что они не имели никакого значения для его карьеры, а потому, что это значение самоочевидно.

Таким образом, чрезвычайно важно, чтобы, рассматривая по аналогии рассказ Луки о пути нашего Господа, мы не забывали о сделанном нами выше выводе: цель пути, по которому шел наш Господь, призывая Своих учеников следовать за Ним, — не Иерусалим, но небо. Забыв об этом и ошибочно полагая, что целью пути был Иерусалим, мы неизбежно останемся в недоумении: какое отношение имеют некоторые из сюжетов, проповедей и притч второй половины Евангелия к путешествию в Иерусалим? Но если мы будем помнить, что целью пути было «вознесение в славу», исход из нашего мира в другой мир, уход из времени в вечность, мы обнаружим, что материал, приведенный в контексте географического путешествия, самым непосредственным образом связан с тем путем, который Христос прошел в образном смысле слова и по которому за Ним следовали люди, пожелавшие стать Его учениками. Так, например, во многих рассказах и притчах звучит предостережение: когда весь путь уже останется позади, некоторые люди по-прежнему будут не подготовлены к тому, чтобы вступить на небо. Одни, как говорится в 13:25, придут тогда, когда дверь уже будет закрыта. Другим, подобно крестьянину из притчи о богатом глупце (см. 12:16-21), суждено встретиться с вечностью гораздо раньше, нежели они этого ожидают, и они окажутся к этому не готовы. Для одного человека, как для Лаза-

ря, конец пути будет означать окончание жизни, исполненной мучений и начало вечного утешения, а для другого, как для богача из того же рассказа, конец пути принесет с собой окончание любых радостей и начало вечного горя (см. 16:19-31). Притча о неверном управителе (см. 16:1-9) напоминает нам о том, чтобы мы были готовы к моменту окончания нашего нынешнего пути, когда, подобно этому человеку, мы должны будем сложить с себя бремя управителей и вступить в мир вечных святынь.

Разумеется, тому, кто настаивает, что путь, описанный во второй половине Евангелия от Луки, это путь из нашего мира в иной, из времени в вечность, можно возразить, что в таком случае не только во второй половине Евангелия от Луки, но и в целом мире нет ничего такого, что не было бы связано с этим путем и с его целью. Это верно. Однако именно в этом, пожалуй, и состоит мысль, которую стремится донести до нас Лука. Жизнь это путь. Мы всегда в пути. Мы не можем ни остановиться, ни сказать, что — все, путь закончен. Но если мы не знаем точно, какова его цель, то из целенаправленного движения к ожидаемому и желаемому результату наша жизнь может обернуться исполненными колебаний и сомнений скитаниями или бессмысленным хождением по кругу. Однако Лука, разумеется, стремится донести до нас и другую мысль. Совершая свой жизненный путь, люди идут по разным дорогам, и, хотя все дороги ведут в вечность, не все ведут к Богу на небеса. На какую же дорогу, в таком случае, встать, чтобы она привела нас к Богу на небеса? Лука стремится это показать. Сначала он покажет, как по этой дороге идет Сам Христос, проходя через Иерусалим, претерпевая крестные муки и затем приходя к славе. После этого мы узна-

---

ем, каким образом и при каких условиях следующие за Христом могут обрести уверенность в том, что придут к той же славе, и как им нужно готовить себя для жизни в исполненном ею мире.

ПУТЬ К СЛАВЕ

Предварительный обзор

Итак, в начале первого этапа достаточно часто встречаются указания на то, что отныне Христос находится в пути. В первом отрывке говорится, что Он принял решение отправиться в Иерусалим (см. 9:51), выслал вперед Своих вестников, чтобы они сделали необходимые приготовления (см. 9:52), а когда люди из одного селения, узнав, что Он направляется в Иерусалим, Его не приняли (см. 9:53), Христос пошел в другое (см. 9:56). Второй отрывок начинается с повторного упоминания о том, что «они были в пути» (9:57) и содержит изложение тех наставлений, которые Христос дал троим из числа изъявивших желание стать Его учениками, объяснив им, что значит следовать за Ним по этому пути. Третий отрывок также начинается с упоминания о том, что Христос находился в пути, и мы узнаем, что Он послал еще семьдесят учеников впереди Себя в каждый город и каждое селение, где намеревался побывать (см. 10:1).

Затем следуют три отрывка, в которых вообще ничего не говорится о пути Христа. В 10:17-20 семьдесят учеников возвращаются к Нему, исполненные радости, вызванной их успехами, и Он обращается к ним со словами поддержки и одновременно предостережения. В 10:21-24 Христос говорит о Своей собственной радости, благодарит Отца за происходящее и обращает внимание учеников на проявленное к ним особое благоволение. Наконец, в 10:25-37, отвечая на вопрос законника, Христос рассказывает притчу о добром самарянине. И уже после этой группы из трех отрывков, с

явного упоминания в 10:38, мотив пути возобновляется: «Впродолжение пути их, пришел Он в одно селение».

Таким образом, у нас есть достаточно оснований, чтобы выдвинуть рабочую гипотезу, согласно которой новое появление с 10:38 мотива пути знаменует начало нового, второго, этапа повествования об этом пути, а шесть перечисленных выше отрывков следует рассматривать в качестве первого этапа. Эту гипотезу легко проверить. Объединены ли эти шесть отрывков какой-либо общей темой или темами? Или же их единство — кажущееся?

Сразу же обращает на себя внимание то, что в первом (см. 9:51-56) и последнем (см. 10:25-37) отрывках упоминаются самаряне. Разумеется, такое сходство могло бы быть чисто внешним и несущественным, однако, видимо, это не так. Во-первых, оба рассказа встречаются только у Луки, и, следовательно, их выбор и расположение далеко не случайны. Далее, очевидно, что оба они являются вариациями на одну и ту же тему. В первом рассказе некие самаряне, питавшие национальную и религиозную вражду к евреям, отказывают Христу в гостеприимстве. Увидев это, двое апостолов спросили Христа, не хочет ли Он, чтобы они обрушили на них небесный огонь, Христос же обличил их в том, что они относятся к этим людям не по-христиански. Во втором рассказе говорится о еврее, который подвергся жестокому нападению разбойников и едва живой лежал у дороги. Мимо прошли двое его соплеменников, но ни один из них не оказал ему какой-либо помощи; тогда как проходивший мимо самарянин, поборов в себе религиозную и национальную неприязнь, оказал несчастному первую помощь, отвез его в гостиницу и заплатил хозяину, чтобы тот ухаживал за больным, куда тот не поправится. Очевидно, что в обоих

рассказах идет речь о том, как нам следует относиться к людям, питающим к нам религиозную или национальную вражду. И, по-видимому, существенное значение имеет тот факт, что если в первом рассказе самаряне предстают в неблагоприятном свете, так как именно их поступок послужил поводом для высказанного евреями-апостолами предложения, то во втором рассказе самарянин предстает в прямо противоположном свете, поступив более благородно, нежели еврейский священник и левит.

Эта тема проходит и через другие рассказы. В третьем отрывке (см. 10:1-16) рассказывается о том, как Христос разослал семьдесят учеников по городам и селениям. Из всех шести отрывков он самый пространственный (считая просто по числу стихов) и тоже встречается только у Луки, хотя, конечно, полученные семьюдесятью учениками наставления сходны с наставлениями, которые Христос уже давал двенадцати апостолам, когда ранее посылал их на служение (ср. Мф. 10:8-15). О тематической общности этого рассказа с упомянутыми выше свидетельствует то, что из шестнадцати стихов отрывка три (см. 10:10-12) посвящены наставлению о том, как следует относиться к отвергающим учеников и отказывающим им в гостеприимстве, еще три (см. 10:13-15) — обличению Христом Хоразина, Вифсаиды и Капернаума, отвергнувших Его и Его весть, и еще один, заключительный (см. 10:16), — провозглашению общего принципа: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня». Отвержение, на котором сделан столь явственный упор в этих семи стихах, — это, по большей части, не отвержение евреев самарянами, а отвержение одних евреев другими евреями, в

основе которого лежат, разумеется, религиозные причины. Итак, общая тема прослеживается уже в трех отрывках, каждый из которых встречается только у Луки; один из них расположен в начале, другой — в середине, а третий — в конце группы из шести отрывков. Таким образом, предназначение этих отрывков, по меньшей мере, в том, чтобы служить связующими звеньями первого этапа повествования.

Теперь следует попытаться определить, подчиняются ли все эти шесть отрывков какому-либо единому замыслу, или же они не более чем механическое соединение похожих и непохожих друг на друга сюжетов, одни из которых как-то связаны между собой, а другие нет. Мы уже заметили, что в то время, как в первых трех отрывках открыто говорится о пути Христа, в последующих трех отрывках об этом пути не говорится ни слова. В этом композиционном построении нет ничего искусственного. В каждом из первых трех отрывков речь идет о том, что самым непосредственным образом связано с путешествием Христа: (1) Христос посылает несколько человек вперед, чтобы те нашли город или селение, в котором можно было бы приготовить все для ночлега, нужного не только Христу, но и Его апостолам, а также следовавшим за Ним ученикам, возможно, весьма многочисленным. Требовалось заранее предупредить местных жителей, что к ним в селение направляется такое большое количество людей, позаботиться, чтобы было, где их разместить; (2) Христос объясняет троем из числа пожелавших стать Его учениками, что будет означать для них следование за Ним по этому пути; (3) Христос отправляет семьдесят учеников по двое впереди Себя, в каждый город и селение, где Он намеревается побывать, — но не для того, чтобы они подготовили

все необходимое с материальной точки зрения, а для того, чтобы *духовно* подготовить самих людей к тому чрезвычайно важному выбору, перед которым они встанут, встретившись с Христом и услышав Его весть. Следующие далее два отрывка потому не содержат более упоминаний о пути Христа, что к этому времени (см. 10:17) семьдесят учеников возвращаются назад и начинают воодушевленно рассказывать о том, чего им удалось достичь, а Христос, выслушав их рассказ и сделав несколько замечаний, говорит во втором отрывке (см. 10:21-24) о Своей радости по поводу произошедшего. Таким образом, в этих двух отрывках содержится не описание дальнейшего пути Христа, а размышления по поводу значимости уже пройденной части Его пути, а также путешествий семидесяти учеников. Остается еще один отрывок — в нем описан ответ Христа на вопрос, который Ему задает законник. На первый взгляд, кажется, что и вопрос, и ответ никак не связаны с направлением повествования. На самом деле, как мы уже убедились, в ответе Христа получает свое дальнейшее развитие одна из основных тем этой части Евангелия, и одного этого уже достаточно, чтобы объяснить, почему Лука сделал выбор в пользу этой притчи и поместил ее именно здесь. Однако в этой притче есть и еще нечто весьма любопытное: ее сюжет включает в себя ярко выраженный мотив пути, и упор, который делается на этом мотиве, невозможно объяснить одним лишь желанием донести до читателя смысл и значение притчи. Человек, попавший в руки разбойников, был, разумеется, путником. Такими же путниками были священник и левит. Затем, проезжая (10:33) мимо несчастного, его замечает самарянин и спасает ему жизнь. Из этого рассказа вполне можно извлечь нужный урок,

и, казалось бы, сюжетная линия должна на этом и закончиться. Однако она продолжается: самарянин берет этого человека и, перевезя его в гостиницу, ухаживает за ним. И на этом рассказ не заканчивается. Утром, прежде чем уехать из гостиницы, самарянин дает хозяину гостиницы достаточно денег, чтобы еврей смог прожить в гостинице еще несколько дней. Разумеется, теперь у нас складывается уже исчерпывающе полный образ исключительно доброго, заботливого и щедрого самарянина, действительно возлюбившего своего ближнего как самого себя. Но и это еще не конец истории: самарянин должен продолжать путь. Уезжая, он говорит, что вернется обратно и обещает по своему возвращению возместить хозяину гостиницы возможные дополнительные расходы, связанные с уходом за евреем.

Рассуждая строго логически, экзегеты подчеркивают, что притча о добром самарянине не задумывалась как аллегория и ее не нужно рассматривать в качестве таковой. С другой стороны, если допускать, что, будучи приверженным исторической и экзегетической точности, Лука обладал еще и определенным литературным чутьем, то возникает желание добавить, что, помещенная на начальном этапе повествования об Уходе Христа (когда основное внимание неизбежно сосредоточивается на пути Христа и путешествиях апостолов) притча о добром самарянине, в которой мотив пути занимает не менее важное место, играет ту же роль, что и второстепенная сюжетная линия в художественном произведении. Возможно, что роль притчи о добром самарянине этим не исчерпывается, однако пока имеет смысл сделать другое предварительное замечание.

Перед нами две группы отрывков, по три отрывка в каждой. Первую группу открывает известная фраза:

«Когда же приближались дни взятия Его...». В ней идет речь о Господнем вознесении, и нельзя преувеличить важность и значение того, что человек Иисус Христос поднялся так высоко, что воссел одесную Бога на небесах. Однако если мы посмотрим, какими словами открывается вторая группа отрывков, мы увидим, что Христос объявляет: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (10:18). Вознесение Иисуса на небо и падение сатаны с неба — эти два события столь очевидно дополняют друг друга, что вряд ли можно было бы до конца понять значение одного из них, не поняв значение другого.

Ниже мы поговорим об этом подробнее. Сейчас же перед нами возникает вопрос: если первый отрывок второй группы столь тесно перекликается по смыслу с первым отрывком первой группы, можно ли сказать то же самое и о других составляющих эти группы отрывках? Если да, то мы, разумеется, должны будем это учесть в нашем анализе. (См. таблицу, в которой кратко даны параллели основного содержания двух описанных нами групп отрывков).

Действие 1. Уход Христа: страдания и потери (9:51-10:16)

Итак, обратимся к рассказам первого Действия по порядку. При этом мы должны помнить, что все они составляют единую группу и для того, чтобы получить правильное представление о затрагиваемых в них вопросах, их необходимо рассматривать в контексте общей для всех трех рассказов линии повествования. Например, в первом из них (см. 9: 51-56) говорится что Христос упрекает двоих апостолов за то, что они предложили обрушить небесный огонь на самарянское селение, отказавшееся принять Его. Однако в третьем отрывке, обращаясь к семидесяти ученикам, Христос говорит (см.

10:11-12), что если в том или ином городе их откажутся принять, то «Содому в день оный будет отраднее, нежели городу тому». А все мы знаем, какая участь постигла Содом: «...пролился с неба дождь огненный... и истребил всех» (см. 17:29). Очевидно, что вопрос о судьбе отвергающих Христа следует рассматривать с двух сторон. Впрочем, начнем с начала.

і. Путь Христа к вознесению на небеса (9:51-56).

Итак, мы начинаем знакомиться с рассказом о пути, по которому человеку Иисусу из Назарета было суждено дойти до высшей славы вселенной и воссесть «одесную силы Божией» (см. 22:69). Цель этого пути была неизъяснимо высока; но ведущая к ней дорога пролегла через страшные страдания — через Иерусалим. Наш Господь не питал иллюзий по поводу того, что Ему придется там претерпеть, и все же, когда приближалось время Его вознесения, Он принял решение идти в Иерусалим и начал Свой путь. На начальном этапе этот путь пролегал через Самарию, и Лука рассказывает, что, когда посланцы Христа вышли вперед, чтобы подготовить все необходимое для Его ночлега в одном самарянском селении, жители этого селения не приняли Христа. Приходит на память, что, когда Он пришел на землю, для Него и для Его родителей не оказалось места в вифлеемской гостинице (см. 2:7); и теперь, когда Он начал свой путь с земли на небеса, Ему не нашлось места в целом селении. Однако во втором случае это уже не было случайностью: самаряне могли дать Ему кров, но отказались это сделать.

Объяснение их отказа вызывает смешанное чувство огорчения и иронии. Христа отвергли, потому что Он направлялся в Иерусалим (см. 9:53). В чем же смысл

УХОД ХРИСТА. ЭТАП 1

**1 Уход Христа:
страдания и потери**
(9:51-10:16)

i. Путь Христа к вознесению на небеса (9:51-56)

Ученики приходят в ярость, когда выясняется, что самаряне не разрешают Христу остановиться в своем селении, и спрашивают Христа, не хочет ли Он, чтобы они обрушили на них небесный огонь. Христос указывает им, что это было бы неправильно. Он уже начал свой путь, ведущий к небесной славе (9:51).

ii. Испытания и потери тех, кто следует за Сыном Человеческим (9:57-62)

a Нет на земле такого места, где Сын Человеческий мог бы приклонить голову.

б Человек, пожелавший

**2 Уход Христа:
радости и победы**
(10:17-37)

i. Сатана как молния падает с небес (10:17-20)

Ученики переполнены радости, видя, что даже бесы подчиняются им, когда ученики приказывают им именем Христа. Христос предвидит низвержение сатаны с небес. Он поправляет Своих учеников: следует радоваться не только способности изгонять бесов, сколько тому, что их имена «написаны на небесах».

ii. Радость и блаженство, выпадающие на долю тех, кто связывает свою судьбу с Сыном Человеческим (10:21-24)

a Отец Сына — Господь неба и земли.

б Сын объявляет, что

следовать за Христом, узнает, что долг проповедовать Божье Царство должен быть выше признанного обществом долга похоронить отца.

в Христос предостерегает ученика, чтобы тот не «озирался назад»: тот, кто взялся за плуг, а потом стал оглядываться назад, непригоден для Божьего Царства. (В значении «озираться» употреблено греческое слово βλέρδ.)

iii. Странствия семидесяти учеников (10:1-16)

а «Я посылаю вас, как агнцев среди волков...».

б «...Исцеляйте... больных, и говорите им: «приблизилось к вам Царство Божие...»».

в «...Трудящийся достоин награды за труды свои».

Отец все вверил Ему в руки и что знать Отца и Сына может лишь тот, кому это знание пожелает открыть Сын.

в Блаженны глаза учеников, видящие то, что они видят, ибо цари и пророки желали этого видеть и не видели. (В значении «видеть» употреблено слово βλέρδ.)

iii. Путники на иерихонской дороге (10:25-37)

а «...Человек... попался разбойникам...».

б Какой-то «самарянин... нашел на него... и... перевязал ему раны...».

в «...Вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему... если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе».

этого объяснения? Дело в том, что религиозная вражда между самарянами и евреями была такой сильной, что еврей, направлявшийся в Иерусалим для участия в религиозных торжествах, был в Самарии тем, кого мы называем *persona non grata*. Где было самарянам знать, что Христос шел в Иерусалим для того, чтобы быть отвергнутым религиозными вождями (см. 9:22) и затем — распятым. И тем более где им было знать, что Он шел в Иерусалим, чтобы умереть там ради их искупления. Яростная вражда между евреями и самарянами пошла не от Христа, и она никогда не пользовалась Его одобрением. Но это не имело никакого значения: самаряне смотрели на него как на обычного еврея, направлявшегося в Иерусалим для участия в религиозных торжествах, — и, не вникая более в подробности, они закрыли Ему путь в свое селение.

Узнав, что их Учителю нанесено подобное оскорбление, Иаков и Иоанн пришли в такую ярость, что предложили немедленно обрушить на эту самарянскую деревню небесный огонь. Из 10:11-16 мы узнаем, насколько печальной будет участь тех, кто узнает и осознанно отвергнет Христа и Его посланцев. Но тогда Христос будет говорить о людях, отвергающих Его, несмотря на имеющиеся в их распоряжении исчерпывающие и очевидные свидетельства (см. 10:13). В данном же случае поступок самарян был результатом невежества и религиозных предрассудков: они не ведали, что творили. Христос упрекнул Своих апостолов уже за то, что они сочли нужным предложить, чтобы над этими людьми свершился суд. При этом Христос не пытался вступать с самарянами в спор; Он просто пошел искать ночлег в другом селении, после чего продолжил Свой путь в Иерусалим, где и отдал за них Свою жизнь. Вскоре после этого самаряне услышали

о том, почему Он пошел на смерть, и многие из них — будем надеяться, что в числе этих людей были и жители данного селения, — обратились ко Христу (см. Деян. 8:5-25).

ii. Испытания и потери тех, кто следует за Сыном Человеческим (9:57-62). Опыт Иакова и Иоанна свидетельствует, что ученик Христа должен быть готов к тому, чтобы мириться с враждебностью этого мира и не жаждать возмездия. В настоящем отрывке урок, данный первому из трех человек, пожелавших стать учениками Христа, состоит в том, что ученики Христа должны быть готовы противостоять соблазнам, таящимся в удобствах этого мира. Христос сказал этому человеку, что у Сына Человеческого нет и того, что доступно даже животным, — лисицам и птицам: у животных есть свои норы и гнезда, а у Него нет дома, нет места, где Он мог бы приклонить голову, отдохнуть. Ему постоянно приходится идти из одного места в другое, спать в чужих домах или на постоянных дворах, и нет у Него родного угла, куда бы Он мог возвращаться. Следование за Христом по дороге в Иерусалим, несомненно, означало, что ученик должен будет вести подобную же, «бездомную», жизнь. Однако у этого урока был, разумеется, и иной, более глубокий смысл. Те, кто отправляются вслед за Христом по дороге к славе, должны быть готовы перестать относиться к этому миру как к своему дому; они становятся путниками, которые неустанно идут вперед, используют предоставляемые этой жизнью временные жилища, но не имеют в этой жизни такого места, где они могли бы обосноваться как дома.

Урок, данный второму из тех, кто изъявил желание стать Его учеником, показывал, что человек,

следующий за Христом, должен забыть не только об удобствах и уюте домашней жизни, но и о том, чтобы ставить на первое место обязательства перед домашними. Христос призвал Своего ученика следовать за Ним, и тот согласился, но попросил у Христа разрешения сначала вернуться домой и похоронить отца. Вряд ли отец этого человека был уже мертв, и речь шла всего лишь о двухчасовой задержке, связанной с участием в похоронах. Более вероятно, что отец этого человека находился в преклонном возрасте, и его сын, следуя долгу, предписываемому иудаизмом, достойным образом похоронить своих родителей, просил у Христа разрешения не следовать за Ним, покуда его отец не умрет (возможно, оставив ему свое состояние). Следует помнить: Христос прямо и недвусмысленно заявлял (см. Мф. 15:3-9), что забота о пожилых родителях — это Богом установленный долг, от которого нельзя уклоняться ни под каким, даже самым благовидным религиозным предлогом. Следовательно, если человек принимает Христа как Господа, Христос наставит его в исполнении долга по отношению к родителям. Однако в данном случае обратившийся к Христу человек совершил две ошибки. Он испросил разрешения сделать то, что он поставил выше долга следовать за Христом, тогда как большего долга, чем следовать за Христом, быть, конечно же, не может. Если Иисус — Сын Бога, то наш первейший долг — это долг по отношению к Нему. Тот, кто считает, что существует более важный долг, который следует исполнить прежде, чем можно будет следовать за Христом, не понимает, Кто такой Христос. Вторая же ошибка нового ученика Христа состояла в том, что он просил позволить ему не просто заботиться о своем престарелом отце, но «похо-

ронить» его, то есть оставаться с ним до самого момента его смерти и похорон. Обратившись к Христу с просьбой позволить ему задержаться дома и не следовать за Ним до самой смерти отца, этот человек обнаружил полное непонимание того, насколько срочным и важным было дело, к которому призывал его Христос. Дело это состояло в том, чтобы благовествовать Царство Божье (см. 9:60). Люди этого мира — в том числе и его отец — испытывали чрезвычайную нужду услышать весть о Божьем Царстве: услышат ли они ее и как откликнутся на настойчивый призыв благовестника — от этого зависело их спасение и вечная судьба. Какое странное представление о сыновнем долге: не начинать проповеди Благой вести до того времени, пока не умрет и не будет похоронен отец. Более того, как заметил этому человеку Христос, духовно мертвые, неверующие люди вполне могут похоронить его отца, однако они не смогут проповедовать ни ему, ни кому-либо еще, Благой весть. «Предоставь мертвым (*духовно — Д.Г.*) погребать мертвых (*физически — Д.Г.*)», — сказал Христос (9:60 — *перев. мой — Д.Г.*). Когда верующий дает возможность духовно мертвым делать то, с чем они прекрасно справляются сами, чтобы у него осталось больше времени делать для них то, что они сами для себя сделать не способны, это не черствость и не измена долгу. Хирург не тратит своего времени на то, чтобы чистить пациенту ботинки.

Следовательно, то чувство долга, которое испытывал новый ученик Христа по отношению к своему отцу, было мнимым, даже если исходить из наиболее глубоких потребностей его отца. Это чувство обуславливалось не требованиями Божьего закона или Благой вестью, но социальными и религиозными условностями

мира. Тот, кто желал стать учеником Христа, должен был пренебречь этим мнимым чувством.

Урок, данный третьему из пожелавших стать учеником Христа, показывает, что если Христос потребует, то Его ученик должен быть готов решительно расстаться с радостями жизни и с теми, кто связан с ним родственными и дружескими узами.

Но точно так же, как и в предыдущем случае, здесь следует быть осторожным, чтобы избежать неправильного понимания требований Христа. Они, разумеется, не предполагают бесчеловечного отрицания семейных уз и любви. Эти требования не могут служить оправданием мужчине, забывшему свою семью и детей, или человеку, оставившему на произвол судьбы бедствующих престарелых родителей. Христианин не должен «оставлять жены своей» (1 Кор. 7:11). «Если же кто о своих и особенно домашних не печется, — писал Апостол Павел, — тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5:8).

С другой стороны, прежде чем мы начнем критиковать требование Христа как слишком суровое, мы должны вспомнить о том, каковы нормы поведения в человеческом обществе. Предположим, что мужчина по зову родины оставляет свою семью и уходит защищать свою страну от врага, никто не будет осуждать его за бездушное отношение к своей семье. Еще пример. Тысячи, если не миллионы молодых людей оставляют своих родителей, своих братьев и сестер, и даже свою родину, чтобы поселиться, например, в Америке или Австралии, иногда — на всю жизнь. Нет сомнений, что при этом они жертвуют радостями тесного общения со своими родными и близкими; но они считают эту жертву оправданной и необходимой просто потому, что она позволяет им изменить свою жизнь к лучшему. Можно ли в таком случае считать,

что требования Царства Христова являются не столь оправданными, чтобы жертвовать ради них некоторыми радостями семейной жизни?

Третий из пожелавших стать учеником Христа хотел сначала сходить домой и попрощаться со своей семьей, а уже потом отправиться вслед за Христом. Однако, согласно обычаям того времени, такое прощание включало в себя целый ряд прощальных пиршеств, которые сменяли бы друг друга в течение многих дней, так что день расставания постоянно откладывался бы (см., напр.: Суд. 19:3-9) и оно далось бы еще труднее. «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия», — сказал Христос (9:62). Первое правило при пахоте состоит в том, что, если вы хотите, чтобы борозда получилось ровная, нужно не спускать глаз с ориентира на противоположном конце поля. Если вы будете смотреть назад, а не на ориентир, то плуг будет делать неровную борозду. Нет сомнений, что взяться за плуг служения в Божьем Царстве — значит принести в жертву некоторые радости семейной жизни и, вполне возможно, что число таких приносимых в жертву радостей возрастет по мере того, как наш плуг будет продвигаться вперед. Если же в тот момент, когда на нашем пути встретятся трудности, мы оглянемся назад и затоскуем по оставшейся позади беззаботной жизни, то цель, к которой мы должны стремиться, исчезнет из виду, на смену уверенности придет нерешительность, наши усилия ослабнут и мы уже не добьемся того, чего могли бы добиться. Пропадет способность держать ориентир, положив тем самым конец пахоте.

iii. Странствия семидесяти учеников (10:1-16). В первом отрывке было проповедано, что следующий за

Христом должен быть готов переносить враждебность мира и не жаждать возмездия, из второго стало ясно, какие испытания ждут тех, кто становится учеником Христа и вестником Божьего Царства, в третьем же описывается, в чем, фактически, состоит труд такого вестника. Разумеется, нельзя проводить прямых параллелей между тем, как служили Христу Его семьдесят учеников до Его распятия и нашим служением после Пятидесятницы. Как мы уже указывали (см. Часть Первая, Этап 5, раздел А «Двенадцать апостолов получают наставление»), наставления, которые давал Своим ученикам Христос на первом этапе служения, Он мог затем изменить — иногда частично, а иногда в чем-то сменить их на противоположные (см. 22:35-38). Сначала мы попытаемся выявить значение наставлений по поводу того конкретного служения, на которое были посланы семьдесят учеников, и на этом основании будем делать выводы об общих принципах служения Христу.

Ситуация складывалась так, что на Своем пути в Иерусалим и к славе Христос намеревался сам посетить целый ряд городов и селений. Христос был Царем, Божьим Мессией, Сыном Отца, а это означало, что Божье Царство действительно должно было приблизиться, значительно приблизиться, к жителям этих городов и селений. Следовательно, у них должна была появиться возможность серьезного и ответственного выбора: либо принять Христа и вместе с Ним Божье Царство, либо отвергнуть Его а, значит, отвергнуть и Божье Царство. Как затем показала история, последствия того, что Израиль отверг Христа, оказались чрезвычайно серьезными уже в этом мире; последствия этого шага в грядущем мире будут неизмеримо более серьезными. Вместе с тем, время, отведенное людям для размышлений и принятия ре-

шения, время, в течение которого Христос будет проходить через их города и селения, оставалось весьма и весьма ограниченным. Таким образом, требовалось подготовить людей к этому посещению (см. 19:44), чтобы в их распоряжении оказалось достаточно свидетельств (evidence), на основании которых они могли бы сделать свой выбор. Вот почему семьдесят учеников были посланы вперед: человека нельзя подталкивать к принятию решения, если у него не было времени, чтобы все взвесить и разобраться в имеющихся свидетельствах.

Уже из первых слов Христа (см. 10:2) видно, что Он осознает, как велико поле для миссионерской деятельности и как не хватает на нем тружеников. Мы сегодня можем констатировать, что за последние девятнадцать столетий мало что изменилось.

Далее Христос объяснил, как следует действовать Его ученикам (см. 10:3-12). Он не питал иллюзий в отношении этого мира и знал о его исконно враждебном отношении к Богу, Его Царству и Его Сыну. Это был падший мир, и обитавший в нем род был испорчен, возвращен (см. 9:41; 11:29), подобен стае волков. И все-таки Христос намеревался послать к ним Своих беззащитных учеников, зная, что они будут полностью зависеть от милости окружающих. Ученикам предписывалось не брать с собой ни денег, ни смены одежды, ни провизии. Поэтому местные жители были вынуждены думать, что делать с миссионерами. Если бы у учеников Христа было достаточно денег на собственное содержание, то человек, сдавший им комнату в гостинице, мог бы действовать из простого коммерческого интереса, не руководствуясь при этом соображениями духовного порядка. Однако, когда местные жители видели, что перед ними находятся люди, лишённые средств к существованию, и эти люди утверждают, что

являются посланцами Самого Мессии, приходилось решать, принимать их такими, какие они есть, проявляя гостеприимство, или же отвергать.

Миссионеры должны были показывать, что отправились в путь не ради какой-то обыденной, житейской цели: им не следовало приветствовать кого-либо из встретившихся им на дороге, как это делали на востоке; люди должны были видеть, что у миссионеров есть срочное дело, которому они должны уделять максимум внимания и сил.

Войдя в чей-либо дом, прежде всего, следовало сказать: «мир дому сему!» (см. 10:5). Это вовсе не означало, что если в доме жили порочные люди, то миссионеры потворствовали злу и пороку, говоря, что Бог примиряется со злом, и любой человек, сколь бы порочен он ни был, будет принят Богом и не погибнет. Отнюдь. Словами мира ученики Христа провозглашали свою цель: нести весть о мире и прощении. Если были в доме люди, желающие и готовые принять спасение, то такие люди обретали возвещенный миссионерами благой мир. Если же живущие в доме слышали их весть, но упорствовали в цинизме и неверии, то предложенный им мир не находил в них отклика и оставался не востребуемым. Ни Бог, ни Его служители не могут даровать мир тем, кто отвергает Христа.

Кроме того, миссионеры должны были давать понять, что благовествование не служит им прикрытием беззаботной, полной удовольствий жизни. Если их принимали, то каким бы ни был оказанный прием, следовало оставаться и не переходить из дома в дом, в поисках большего комфорта и лучшей пищи. Они были не приехавшими ради отдыха путешественниками и не псевдо-проповедниками, готовыми паразитировать на гостеприимных людях (см. 10:7).

Более того, миссионеры посещали разные города, в которых могли существовать разные нормы и обычаи, связанные с употреблением пищи. Это не должно было служить препятствием. В какой бы город они ни приходили, им следовало есть то, что им предлагали (см. 10:8). Не стоило начинать спор о несущественных законах, связанных с употреблением пищи, ведь это отодвинуло бы на задний план то, что было главным в Благой вести, которую они несли.

Наконец, миссионеры должны были как можно более понятно объяснять, что, исцеляя больных, они делают это во свидетельство о приближении Божьего Царства. Они должны были подчеркивать, что в скором времени придет Иисус, и тогда, в момент Его посещения, откроется возможность спасения и придется делать выбор (см. 10:9).

Если же, наоборот, жители того или иного города отказывались принимать миссионеров, то, прежде чем уйти, миссионеры должны были сделать символический жест — отряхнуть пыль, приставшую к их ногам в этом городе, чтобы показать, насколько серьезным был поступок горожан и какие печальные последствия их ожидают. Цель миссионеров состояла в том, чтобы воззвать к таким людям и раскрыть им глаза на появившуюся возможность спасения: к ним приблизилось Божье Царство. Когда этих людей постигнет суд, так что участь Содома будет легче их участи, они никак не смогут сослаться на то, что у них не было возможности обрести спасение и они не ведали, что творят, отвергая Спасителя (см. 10:10-12).

Видно, Христос глубоко сокрушается, вспоминая о таких городах, как Хоразин, Вифсаида и Капернаум, ставших свидетелями Его великих дел и все же отказавшихся от покаяния и спасения. Прервав наставление

Своих учеников, Он с печалью говорит об уготованной этим городам горькой участи: «...И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (см. 10:13-15). В конечном счете, существует лишь два конечных пункта. Задумаемся о грандиозных возможностях и перспективах, которые открываются перед человеком, когда он принимает Благоую весть и начинает следовать за Христом к небесной славе; и, точно так же, как и Христос перед тем, как обратиться к Своим ученикам (см. 10:2), мы почувствуем, сколь велика жатва, которая ждет своих работников — тех, кто проповедует Благоую весть. Перед человеком открыта реальная возможность попасть в рай, но не менее реальна и возможность попасть в ад. Не надо думать, что существует два рая: один — для тех, кто принимает Христа, а другой — для тех, кто Его отвергает.

После слов, обращенных к не принявшим Его городам, Христос возобновляет поучения семидесяти учеников и указывает, насколько серьезным будет поступок тех, кто отвергнет Его посланцев и возвещаемую ими весть: отвергающий их отвергает Христа; а отвергающий Христа отвергает Бога (см. 10:16). Человек не может проповедовать Благоую весть и не понимает, в чем она заключается, если не отдает себе отчета в том, что любого, кто отвергает Спасителя, неминуемо ждет катастрофа. И, все же, по-видимому, наилучшим образом к проповеди Благой вести учеников подготовило то, что они стали свидетелями глубокой печали, охватившей Спасителя при мысли о роковой судьбе, на которую обрекли себя безрассудные Хоразин, Вифсаида и Капернаум, отказавшиеся покаяться.

Действие 2. Уход Христа: победы и радости (10:17-37)

Действие 1 написано в печальных и пасмурных тонах. В нем реалистически и со всей серьезностью говорится о том, какое бремя и какие страдания ожидают следующих за Христом, чего требует от человека ученичество и служение. Мы также чувствуем ту суровую торжественность, которая неизбежно сопутствует проповеди Благой вести тогда, когда слушатели предстают перед выбором и могут отвергнуть Благоую весть, тем самым обрекая себя на страшные потери. Однако существует и обратная, светлая, сторона медали — радость и торжество, охватывающие тех, кто вступает в чудесное общение с Сыном Отца, идет вместе с Ним по дороге, ведущей к славе и является свидетелем совершаемого Им триумфального труда искупления. В Действии 2 отобразена именно эта, светлая, сторона медали, в чем мы с вами сможем убедиться, если при рассмотрении трех составляющих его отрывков будем сравнивать и сопоставлять их с тремя отрывками Действия 1.

і. Сатана, как молния, падает с небес (10:17-20). Когда семьдесят учеников выполнили поручение Христа и вернулись обратно, их переполняли радость и ликование: они обнаружили нечто совершенно удивительное, о чем, они и сообщили Христу: «Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» (10:17). При этом они не знали, что затронули ту тему, которая разольется мощным, исполненным радости и хвалы крещендо, когда после Пятидесятницы и Вознесения первые христиане до конца поймут, что означало «взятие Христа» на небеса. По словам Петра, восшедшего на небо Христу «покорились Ангелы и власти и

силы» (1 Петр. 3:22). Павел говорит, что Бог посадил Христа «одесную Себя на небесах, превыше всякого начальства и власти, и силы и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его...» (Еф. 1:20-22). И действительно, в миссионерском служении, которое вели в Израиле Его ученики, Христос увидел первые победы в той войне, что увенчается окончательным изгнанием сатаны с небес. «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию», — сказал Он (10:18). Видение Христа было пророческим. После Пятидесятницы христиане знали, что им по-прежнему необходимо бороться против «духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Однако у них уже не осталось сомнений в исходе этой борьбы (см. Рим. 16:20). Подобно семидесяти ученикам из нашего отрывка, они воодушевлялись тем, что уже здесь, в этом мире, могли использовать победоносную власть имени Христа. «Се, — сказал Христос, — даю вам власть... на всю силу вражью, и ничто не повредит вам» (10:19). Семидесяти ученикам еще только предстояло узнать, что обладание такой властью не означало избавления от страданий и даже мученической смерти. Оно, однако, означало, что нет такой силы, которая могла бы отлучить их от Божьей любви, и тем самым причинить невозполнимый вред. Они должны все преодолеть, и не потерпеть «вреда от второй смерти» (см. Рим. 8:37; Откр. 2:11).

Вполне понятно, что все это знание переполняло учеников радостью. Стремясь не омрачить их радости, Христос мягко сместил акцент: «Однакож, — сказал Он, — тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (10:20). Замечательно, когда человеку дозволяется совершать на этой земле плодотворный

труд во имя Христа; еще лучше, что уже здесь, на этой земле, он может быть уверен, что попадет в рай. Использованное здесь автором греческое слово «написаны» ассоциировалось с занесением в списки граждан того или иного города. Для верующего оно служило напоминанием о том, что, будучи «бездомным» на земле, он уже является жителем небес (см. Флп. 3:20). И, безусловно, важное значение имеет то, что Христос не дожидался окончания пути, чтобы открыть Своим ученикам этот чудесный факт. Согласно Луке, обращенные к ученикам слова уверения — «Радуйтесь этому превыше всего другого» — прозвучали вскоре после того, как они пошли вместе с Ним по Его пути домой, к славе. В самом деле, если у христианина нет уверенности в этом, как он может радоваться чему-либо еще? Верить в реальность рая, однако совершать свой жизненный путь, будучи неуверенным, попадешь туда, или нет — не радость, но пытка. Именно уверенность, знание того, что имена верующих уже записаны на небесах, подкрепляла находившегося в тюрьме Павла и придавала сил и мужества его соратникам, трудившимся ради Христа, несмотря на суровые гонения (см. Флп. 1:29; 4:3).

Обратимся к первому отрывку Действия 1 (9:51-56). Когда жители самарянской деревни отказали апостолам в гостеприимстве, апостолы посчитали, что те нанесли им невыносимое оскорбление и обрекли их на лишения. Когда апостолы обнаружили, что являются полноправными жителями на небесах, возможно, это помогло им увидеть происходящее в истинной перспективе.

ii. Радость и блаженство, выпадающие на долю тех, кто связывает свою судьбу с Сыном Человечес-

ким (10:21-24). В 9:58 наш Господь обратил внимание одного из пожелавших стать Его учениками на то, что на этой земле у Сына Человеческого нет места, где Он мог бы приклонить голову. Это, безусловно, позволяет нам увидеть, сколь безгранична была милость Того, Кто пошел ради нас на такие жертвы. Однако даже тогда, когда Христос говорил, что у Него нет дома на этой земле, Он радовался: как мы узнаем от Него в 10:21, Его Отец является Владыкой неба и земли, каждой их пяди. Христос не жалел Себя, когда говорил, что на земле у Него нет дома. И Он не испытывал ни малейшего разочарования или стыда, когда стало ясно, что после всех Его усилий и жертв уверовавшие в Него люди не принадлежат к интеллектуальной элите мира сего, и что в лучшем случае, их можно отнести к интеллектуальным младенцам. Христос радовался при мысли о том, что Бог по Своей благой воле «утаил сие» от мудрецов. Нет нужды объяснять, что Христос не выступал за элитарность или кастовость. Он утверждал, что знание о Боге и спасении, которое Он дарует, не принадлежит к особому разряду тайн, которые человек может познать, только если у него достаточно развиты аналитические способности. К этому — особому — разряду относятся тайны атомов, молекул и всего материального мира. Конечно, явления материального мира чрезвычайно сложны. Конечно, для того, чтобы проникнуть в его тайны, необходимо обладать такими интеллектуальными способностями, которые граничат с гениальностью, однако ничего, кроме интеллектуальных способностей, здесь не потребуется. Но если мы поднимемся на более высокую, по сравнению с материальным миром, ступеньку, на которой находится человеческая личность, то уже всего совокупного интел-

лекта планеты будет недостаточно, чтобы до конца узнать того или иного человека, если он этого не захочет и не откроет себя окружающим в своих мыслях и чувствах. Еще в гораздо большей степени это относится к Богу. Величественные тайны Его личности, разума, чувств, помышлений и спасения столь возвышенны и чудесны, что их невозможно понять и постичь посредством одного только интеллектуального познания, какими бы мощными инструментами оно ни располагало. Сам Бог избрал и повелел, чтобы эти тайны оставались сокрытыми для мудрых. Но сколь бы непостижимо загадочными ни были эти тайны, Отец мог и пожелал открыть их тем людям, которые в интеллектуальном отношении оставались детьми, и в этом — еще одна причина радости Христа. Вновь подчеркнем: речь идет не о привилегии, не о знании для избранных: любой, кто чувствует в этом необходимость, может начать относиться к великим Божиим тайнам как ребенок. Тем не менее, мы чувствуем прилив радости, когда видим, как воплощается способность и желание Бога открыть Себя самым простым из людей. Нередко те, кто обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом, обнаруживают, что они не в состоянии донести смысл своих глубоких философских размышлений до людей со скромными интеллектуальными способностями. Не таков Бог. Возьмем, к примеру, двенадцать апостолов. Все они были простыми людьми. Или — семьдесят учеников Христа, о которых Он Сам сказал, что в интеллектуальном отношении они являются детьми. Тем не менее, эти люди не только усвоили глубокие истины о Боге, Его Сыне и спасении, но и посетили разные города и селения, в которых успешно делились этими истинами с окружающими.

Далее Христос предоставил Своим слушателям возможность почувствовать, какое бесценное богатство Он носит в своем сердце (см. 10:22). Как Сын Отца, Он обладал единственным в своем роде опытом сокровенных отношений, составляющих самую суть Божественного, а вместе с этим опытом — и единственной в своем роде привилегией делиться им, с кем пожелает. То было непостижимое, неисчислимое богатство. Павел пришел в состояние, близкое экстатическому, когда понял, что ему позволено разделить с Христом привилегию сделать это богатство доступным для язычников (см. Еф. 3:8). Да и кто не испытал бы тех же чувств? И все же, как мы помним, был человек, который, думая то о своем долге перед родителями, то о наследстве, которое его ожидало после смерти отца, попросил разрешения не проповедовать во имя Христа, пока отец не умрет и не будет похоронен (см. 9:60). В данном контексте приоритеты этого человека выглядят несколько странно.

Наконец (см. 10:3), Христос с радостью поведал Своим ученикам о том, какое счастье выпало на их долю. Сейчас, когда Сын Отца находился на земле и уже шел по пути, который приведет Его к высочайшему пику славы, они видели и слышали то, что раньше в течение многих веков желали увидеть цари и пророки и не могли. И вот, долгие столетия подготовки подходили к концу. Бесы уже повиновались ученикам, приказывавшим им именем Христа. В скором времени сила сатаны будет сведена на «нет». В скором времени человеку Христу Иисусу предстояло быть вознесенным в славу, превыше всех небес; придет день, когда искупленные Им ученики последуют за Ним к славному величию — их имена уже записаны на небесах. И все это начинало происходить буквально у них на глазах. Ка-

кое настоящее и какое грядущее! Если они не будут сводить глаз со своего грядущего, «возложив руку свою на плуг» (см. 9:62), то никогда не поддадутся искушению озираться назад и с сожалением вспоминать о соблазнах прошлого.

iii. Путники на Иерихонской дороге (10:25-37).

Согласно экзегетам, притчу о добром самарянине нельзя рассматривать в качестве аллегории. Разумеется, они правы, хотя для многих поколений христиан желание истолковывать ее именно так оказалось практически непреодолимым. Цель притчи состоит в том, чтобы дать вполне конкретный ответ на конкретный вопрос иудейского законника — как следовать в своей жизни определенной нравственной норме, — подчеркнуть, насколько важен долг любить ближнего как самого себя и продемонстрировать сущность этой любви на конкретном примере.

Законник обратился к Иисусу с вопросом, что делать, чтобы наследовать вечную жизнь, и наш Господь обратил его внимание на хорошо известный ему закон, который тот сразу же процитировал: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (10:27). Однако законник захотел оправдаться. Ему вовсе не хотелось казаться человеком, задающим простой вопрос, ответ на который известен и ему самому, и окружающим. Он попросил разъяснить смысл второй из этих заповедей: «а кто мой ближний?» Вне зависимости от того, искренним был этот вопрос или нет, — Лука замечает, что первый вопрос законник задал в искушение Господа (см. 10:25), — затронутая в нем проблема была вполне реальной. Действительно

ли от нас требуется, чтобы к любому человеку на земле мы относились как к своему ближнему и любили его как самих себя? И если это невозможно, то какими критериями нам следует руководствоваться? А как относиться к закоренелым грешникам, порочным тиранам и богохульствующим еретикам? Нужно ли к ним относиться так же, как и ко всем прочим, считать их своими ближними и любить, как самих себя? Или же, исходя из общепринятых норм здравого смысла, под «ближними», о которых говорится в этой заповеди, следует подразумевать членов нашей семьи или тех, кто живет неподалеку, кто посещает нашу церковь, и, наконец, тех, кто является нашими соотечественниками, и никого больше? Верно ли то, что наши политические или национальные враги не являются нашими ближними?

Проблема, отразившаяся в вопросе законника, была далеко не простой, а, напротив, имела глубокую теоретическую подоплеку; однако наш Господь не стал углубляться в теоретические рассуждения и вместо этого привел конкретный пример. При этом, как отмечали многие комментаторы, Его ответ не стал прямым ответом на сформулированный законником вопрос. Этот вывод можно сделать на основании Его собственного вопроса, заданного законнику в заключение (см. 10:36). Вместо того чтобы спросить: «Кто был тем ближним, которого должны были возлюбить эти трое?», Христос спросил: «Кто из этих троих... был ближний попавшемуся разбойникам?» С практической точки зрения в этом как раз и состояло нужное законнику, да и любому другому, объяснение: когда на нашем пути встречаются люди, остро нуждающиеся в нашей помощи, мы должны проявить сострадание и оказать им ту помощь, которую

мы желали бы получить от них, попали мы в подобное положение.

Однако необходимо заметить, что наш Господь достаточно целенаправленно и тщательно выбирал героев для Своей притчи. Попавший в руки разбойников был евреем, а поступивший по отношению к нему как ближний — самарянином. В то время, когда даже иудейский священник и левит не потрудились помочь своему еврейскому соплеменнику, помощь со стороны самарянина должна была показаться чем-то уж совсем необычным. Религиозные и племенные распри между евреями и самарянами были столь сильны, что, если бы еврей пребывал в добром здравии и не находился бы на пороге смерти, а самарянин предложил бы ему всего-навсего стакан воды, еврей отверг бы предложенный ему стакан с язвительностью и негодованием. Тем не менее сострадание самарянина позволило ему преодолеть всякую вражду и проявить по отношению к еврею необыкновенную доброту.

Содержащийся в притче урок не требует дополнительных разъяснений; однако будет полезно сравнить его с уроком, извлеченным из 10:10-12. Обращаясь к семидесяти ученикам, Христос учил их, что если люди отвергнут их и их весть, то им следует демонстративно отряхнуть приставшую к ногам пыль и самым суровым образом предупредить таких людей, что они навлекают на себя Божий суд. Ученикам не следовало думать, что если мы все будем любить друг друга, то разногласия по этому принципиальному с точки зрения веры вопросу утратят свое значение. Они должны были учить, что отвергающий Христа, Благоую весть и тех, кто ее проповедует, навлекает на себя вечные бедствия. Однако теперь благодаря притче о ми-

лосердном самаритянине мы можем увидеть и обратную сторону медали. Предположим, что христианин встречает человека, крайне враждебно настроенного по отношению к христианству, отвергшего и самого христианина, и его благовестие, более того, подвергавшего этого христианина преследованиям. Предположим, что этот враждебно настроенный человек попал в беду и ему нужна помощь. В этом случае христианину следует преодолеть вполне понятное чувство неприязни по отношению к своему врагу и поступить так, как должен поступать ближний, возлюбить этого человека, как самого себя.

В свете вышеизложенного трудно понять, почему в прошлом люди, заявлявшие о том, что они являются христианами, думали, что служат делу Христа, когда собирали армии и отправлялись в поход против «неверных», и не менее трудно понять, почему в наши дни находятся люди, убедившие себя в том, что пуля и бомба — оправданные средства защиты веры и утверждения Благой вести.

Таков был практический нравственный урок, определивший замысел притчи, и на этом нам, наверное, следует закончить ее рассмотрение, так как, в противном случае, не исключено, что нас увлечет ее аллегорическая интерпретация, от которой мы уже отказались выше.

В заключение вполне допустимо задать один простой практический вопрос: если именно этот смысл вкладывал в Свои слова Христос, призывая нас любить ближних наших, как самих себя, то какое отражение нашла Его проповедь в Его собственных поступках? Ведь и мы, и все человечество, без сомнения, оказались во власти тех, кого Христос называл «змеями» и «скорпионами» и, что еще хуже, во влас-

ти самого врага (см. 10:19). Находясь в этом тяжелом положении, мы не могли чего-либо ожидать от предвещенного Сына Отца: ни мы не были Его ближними, ни Он не был нашим ближним. Однако Он решил Сам прийти к нам посредством воплощения; и, несмотря на то, что люди развернули против Него настоящую травлю и обрекли на крест, Он освободил нас, заранее заплатив дорогую цену, которая делает полным наше искупление и совершенствует нашу природу для вступления в превосходящую человеческое разумение славу. Более того, по Своему возвращению Он с лихвой вознаградит всех тех, кто, подобно Его семидесяти ученикам и апостолам, помогал Ему в Его трудах.

*О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО
РАСПОРЯДИТЬСЯ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.
О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ НУЖДАХ
И ПРИОРИТЕТАХ*

Предварительный обзор

Итак, семьдесят учеников Христа вернулись из своих путешествий по стране и рассказали Ему, с чем им пришлось столкнуться, когда они готовили людей к Его приходу (10:17). Теперь их рассказ окончен, и Лука возобновляет свое повествование, сообщая, что «впродолжение пути их, пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой» (10:38). Следующее упоминание о том, что Христос находится в пути, встречается только в 13:22, на основании чего можно предположить, что границами второго этапа являются 10:38 и 13:21.

Нашему вниманию предлагается продолжительный этап повествования, основное содержание которого состоит из объемных фрагментов проповедей, бесед и споров. Здесь также описывается два совершенных Христом чуда. За исключением одного упомянутого в 10:38, но не названного селения, мы не встречаем сведений ни о селениях, ни о городах, лежавших на пути Христа. Когда Лука отбирал материал для данного этапа повествования, главная его цель состояла в том, чтобы дать достаточно полное представление о том, чему учил Христос, а также о разговорах и спорах, возникавших вокруг Его заявлений везде, где бы Он ни появлялся. Ясная характеристика происходившего приведена уже в начале нового этапа повествования (см. 11:20): благо-

даря присутствию Христа, Его словам и сверхъестественным делам к жителям каждого города и селения, через которые Он проходил, приближалось Божье Царство. Оно оказывалось в пределах их досягаемости, и люди должны были определить свое отношение и к Божьему Царству, и к самому Христу.

Нигде на протяжении этого этапа повествования Христос не делает пространных заявлений о том, что Он является Мессией, однако во всеобъемлющем характере и значении каждого из Его заявлений сомневаться не приходится. Так, например, в 11:31-32 Он предупреждает собравшихся, что цель Его прихода важнее той цели, ради которой к ниневитянам был послан Иона, и их реакция определит для них исход грядущего суда. А в 12:1-10 Христос указывает Своим ученикам, что в зависимости от того, исповедует Его человек на этой земле или отвергнет, будет решено, исповедует ли Сам Христос такого человека на небесах или отвергнет. Кроме того, в 12:35-48 Христос говорит Своим ученикам, что по возвращении — очевидно, что речь идет о втором пришествии — Он призовет их для отчета в служении Ему за время Его отсутствия. Верные слуги получают вознаграждение; но если выяснится, что дела человека, заявлявшего о том, что он служит Христу, показывают, что на самом деле он презрел волю Христа, лгал, когда говорил о своем служении, а фактически был неверующим, то это повлечет за собой самые печальные последствия.

Итак, Христос говорил о крайне важных вещах, но времени, которое Он проводил в том или ином городе или селении, было явно недостаточно, чтобы местные жители могли внимательно послушать Его речи и увидеть их истинность, ведь эти города и селения были всего лишь промежуточными остановками на

Его пути с земли к славе. Время общения с Христом было ограничено, а между тем люди должны были принять чрезвычайно важное решение, от которого зависел ни много, ни мало — исход ожидавшего их суда. Правда, из сказанного Христом следовало, что после Его ухода и до второго пришествия еще пройдет какое-то время, в течение которого люди смогут подумать о предоставленном им выборе, покаяться, уверовать и начать свое служение. Например, в 12:11-12 Христос говорит, что когда-то Его ученикам придется отвечать на обычных, людских, судах, которые Дух Святой поможет им использовать для свидетельства о Христе. Как нам известно, это действительно имело место, но тогда, когда Христа уже не было на земле, — после Его воскресения и вознесения. О том, что здесь имеется в виду временной промежуток *между Его вознесением и возвращением* (*курсив ред.*), указывает обещание, данное Христом Своим ученикам, что в час нужды именно Святой Дух (а не Он Сам) научит их, что говорить. И далее, в 12:35-48, как мы уже убедились, наш Господь не только дает понять, что после Его ухода и до возвращения пройдет какое-то время, в течение которого Его слуги должны поступать как управители в отсутствие Господина, но и признает, что допустит, чтобы это время было достаточно долгим, дабы некоторым слугам показалось, что Он откладывает Свое возвращение (см. 12:45). Тем не менее на протяжении данного этапа вновь и вновь подчеркивается, насколько острой и срочной является необходимость сделать выбор. В 12:20 содержится напоминание о том, что жизнь дана человеку лишь взаймы и ее могут взять у него «в сию [же] ночь». В 11:49-52 Христос объявляет, что кровь всех пророков, что была пролита от основания мира,

взыщется «от рода сего», а в 13:6-9 добавляет, говоря языком притчи, что время жизни этого рода является временем, взятым взаймы: приговор ему уже вынесен, и, хотя пока еще действует дарованная отсрочка, его необходимо будет привести в исполнение, если только в ближайшее же время в народе не обнаружатся свидетельства истинного покаяния. В 12:40, 46 Христос предупреждает Своих учеников, что второе пришествие состоится тогда, когда они будут меньше всего ожидать; а в яркой метафоре из 12:57-59 содержится предостережение, обращенное не только к современникам Христа, но и ко всем нам: мы совершаем путь, по окончании которого нам суждено предстать перед Судьей Высшего суда, если только в течение все убывающего промежутка времени между сегодняшним днем и концом этого пути мы не предпримем шагов к тому, чтобы уладить дело, не доводя его до суда. Другими словами, срочность действий, которые необходимо предпринять человеку, обуславливается, как это показано в повествовании, несколькими причинами: возможностью неожиданной «естественной» смерти (см. 12:20), злодеяний и катастроф (см. 13:1-5), вмешательством Божьего суда, который грозит порочному роду человеческому (см. 11:49-51) или же неожиданностью второго пришествия Христа (см. 12:40, 46). И над всеми этими важными аргументами витает мысль о несоизмеримости между человеческой жизнью, пусть даже самой долгой, и ее необратимыми вечными последствиями (см. 12:59).

Итак, требования Христа были чрезвычайно важными и насущными. Однако на протяжении второго этапа повествования нам также предстоит разобрататься подробнее, каковы были критерии оценки Христа и Его требований современниками. Вполне

естественно, что, как это происходит и сегодня, люди определяли свое отношение к Христу в соответствии с уже сформировавшимися у них нормами и представлениями о том, что в жизни наиболее важно, что такое справедливость, и в чем она должна выражаться, какой должна быть религия, а также в соответствии со взглядами — простых людей и профессионалов — на библейское учение. Если бы учение Христа лучше вписывалось в эти заранее сформировавшиеся представления, то нет сомнений, что число людей, согласившихся с Его требованиями, было бы большим. Однако, в действительности, как мы увидим ниже, Христу нередко приходилось подчеркивать, что распространенные нормы, ценности и представления бывают неадекватными, если не откровенно порочными и лицемерными. Поэтому, когда люди осознавали, чему именно учит и за что выступает Христос, их обычной первой реакцией было изумление (см. 11:14, 38), а порой — ярость и негодование (см. 11:45, 53-54; 13:14).

Так, например, в 10:38-42 рассказывается о женщине, испытывавшей острое чувство обиды из-за того, что ее сестра, как ей казалось, поступала по отношению к ней нечестно, и обратившейся ко Христу, чтобы Он поговорил с ее сестрой и потребовал, чтобы та изменила свое поведение. Ответ Христа оказался абсолютно противоположным ожидаемому. В 12:13-15 говорится о человеке, которому кажется, что его брат обманывает его, отказывая в причитающейся ему доле отцовского наследства. Этот человек просит Христа поговорить с братом и потребовать от него, чтобы тот поступал по справедливости. Христос отказывается делать что-либо подобное и характеризует его просьбу восстановить справедливость как одно из проявлений корысти. В

11:37 фарисей приглашает нашего Господа на обед и испытывает потрясение при виде того, с каким безразличием Христос относится к религиозным обрядам, являющимся для фарисея неотъемлемыми составляющими святости. А когда Христос начинает объяснять ему, что его религиозные представления, нравственные суждения, побудительные мотивы и принципы толкования и использования Библии глубоко неверны, несогласованы между собой и неискренни, неудивительно, что и этот фарисей, и его собратья по вероисповеданию приходят в ярость (см. 11:53-54).

Итак, на данном этапе повествования Христос призывает к решительному пересмотру общепринятых ценностей, представлений и целей. Естественно, что разные люди реагировали на Его призыв по-разному. В 11:29 говорится, что современники Христа были порочны; а в 13:17 описывается, как народ радовался Его славным делам. Марфа, сколь предана ни была она Христу, вплотную подошла к тому, чтобы поставить под сомнение, действительно ли Господа заботит справедливость (см. 10:40); но она, разумеется, согласилась с Христом, когда Он ее поправил. Не все, однако, проявляли такую готовность: были люди, которые стремились осудить исцеление Христом немого человека, назвав это исцеление делом рук самого дьявола (см. 11:15-23).

И здесь мы сталкиваемся с одной из ведущих тем второго этапа повествования: как минимум четыре эпизода второго этапа посвящены описанию разнообразных проявлений враждебности и разделения, вызванных появлением Христа и его требованиями. В 11:14-28, как мы только что видели, некоторые люди, будучи не в состоянии отрицать сверхъестественную силу Христа, отказались при-

знавать, что эта сила от Бога, и вместо этого заявили, что Христос находится в союзе с дьяволом; Христос же отнесся к этому обвинению достаточно серьезно и выступил с решительным и пространством опровержением. В 11:53-12:12 взбешенные книжники и фарисеи начинают самую настоящую травлю Христа и Ему приходится предупреждать Своих учеников о грядущих масштабах подобных гонений, в результате которых учеников будут привлекать к суду и, возможно, казнить. В 12:49-53 Христос, так сказать, переходит в наступление и объявляет, что пришел, чтобы низвергнуть на землю огонь и принести не мир, но разделение; далее Он дает понять, что зажженный Им огонь — ничто, в сравнении с тем пожаром, что разгорится вслед за Его смертью и воскресением. И, наконец, в 13:10-17 происходит открытое столкновение между Христом и начальником синагоги. Начальник синагоги осуждает Христа за то, что Тот исцелил женщину в субботу, Христос же при всем собрании бросает ему обвинение в лицемерии и показывает, что в этом конфликте начальник синагоги находится в опасной близости к дьяволу. Очевидно, что путь Христа через Палестину к славе был не увеселительной прогулкой и даже не торжественным шествием. Этот путь проходил по территории, которая была наводнена врагами и изобиловала крепостями, форпостами и засадами, в которых засели вражеские слуги, готовые до последнего сопротивляться Тому, Кто пришел, чтобы «разрушить дела дьявола» (1 Ин. 3:8), вторгнуться в его владения, отнять у него оружие и освободить его пленников (см. 11:21-22; 13:16).

Если таковы некоторые из ведущих тем, вновь и вновь заявляющих о себе на протяжении второго эта-

па повествования, то возникает вопрос, как нам следует рассматривать его содержание: как серию отдельных и, в значительной мере, обособленных друг от друга фрагментов; как единое и неделимое целое или же как сменяющие друг друга действия, каждое из которых прежде всего посвящено каким-то определенным аспектам общих для второго этапа повествования тем? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте будем прежде всего ориентироваться на только что перечисленные нами четыре эпизода, в которых говорится о сопротивлении Христу. Прежде всего, следует заметить, что четвертый из этих эпизодов является не только заключительным эпизодом второго этапа повествования, но и победным финалом темы сопротивления. Мы читаем, что в то время, когда Христос опровергал обвинения начальника синагоги, «все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его» (13:17). Этот победный настрой еще более усиливается в двух притчах, в которых описано возрастание Божьего Царства: в первой говорится о человеке, посадившем горчичное зерно, выросшее в большое дерево, в ветвях которого находили себе приют птицы; во второй рассказывается о женщине, которая положила немного закваски в муку, и этой закваски было достаточно, чтобы превратить все три меры муки в тесто (см. 13:18-21). Нетрудно понять, почему Лука решил закончить второй этап на этой победной ноте.

Но далее следует обратить внимание на то, что первый эпизод, посвященный сопротивлению Христу (см. 11:14-28), поразительно напоминает последний, — и по содержанию, и по форме. В обоих случаях речь идет о чуде, и оба чуда связаны с избавлением человека от власти злого духа. В обоих случаях в адрес Христа выдвиг-

гаются обвинения; и как в том, так и в другом случае, победоносно опровергая обвинения, Христос говорит при этом о силе и приемах, используемых сатаной. Кроме того, подобно тому, как в подкрепление Его слов из последнего эпизода приведены два рассказа — о некоем человеке (греч. *anthrōpos*, то есть о человеческом существе, а не о мужчине) и о некоей женщине, — за первым эпизодом сначала следует рассказ о некоем человеке (вновь греч. *anthrōpos*), из которого вышел злой дух, а потом вошел вновь, вместе с семьей еще худшими духами, и все они обитали в человеке (см. 11:24-26) (ср., обитание птиц в ветвях горчичного дерева); и затем следует второй рассказ — о женщине, которая захотела восславить Христа за то, что Он одержал победу над Своими обвинителями, однако, увы, прибегла к косвенному пути, воздав хвалу Его матери, и Христу пришлось ее поправить. Итак, по крайней мере, можно сделать вывод, что Лука хотел, чтобы мы обратили внимание на сходства (и различия) между этими двумя эпизодами, а также хорошо подумали над их значением. В таком случае вполне правомерно выдвинуть рабочую гипотезу, согласно которой триумфальное завершение первого эпизода должно было предвосхищать главную кульминацию повествования в четвертом эпизоде. То же самое можно сказать и о двух других эпизодах, в которых описывается сопротивление Христу. Теперь, исходя из этой гипотезы, составим таблицу, в которой будет кратко отражено содержание второго этапа повествования, и посмотрим, как она будет выглядеть. Не стоит ожидать, что на данном этапе, в котором так много места отведено учению Христа и совсем мало — тем или иным событиям, мы встретимся с такой же стройной симметрией, что и в других разделах повествования. Впрочем, это и не важно. Главное, что наша таблица позволит сделать

краткий обзор второго этапа в целом и определить, каким образом связаны друг с другом, и связаны ли вообще, его различные фрагменты (см. с. 334 — 337)

Действие 1. В чем состоят первостепенные человеческие нужды (10:38-11:28)

і. Спор двух сестер (10:38-42) Первый рассказ Действия 1 краток, и нам нетрудно уяснить его суть: среди всевозможных человеческих нужд и обязанностей есть высшая нужда, которой всегда следует уделять наибольшее внимание. В ситуациях выбора ради нее необходимо отказываться от удовлетворения всех прочих нужд и потребностей. Эта высшая нужда состоит в том, чтобы сидеть у ног Господа и слушать Его слово (см. 10:39, 42). Должно быть именно так. Если Творец вообще существует и если Он готов посетить нас и говорить с нами подобно тому, как в дни Своего воплощения Он посетил Марфу и Марию и говорил с ними, то очевидно, что для нас, Его творений, первая обязанность, которая должна быть и наивысшей нашей радостью, состоит в том, чтобы сидеть у Его ног и слушать, о чем Он говорит.

Однако очень легко упустить из виду первостепенный характер этой нужды, позволив огромной массе других нужд и потребностей вытеснить ее и занять ее место. Подобное может произойти не только с атеистом или беспечным грешником. Так, Марфа была не врагом Христа. Напротив, она была одним из наиболее преданных и духовно чутких Его учеников (см. Ин. 11). Когда Христос пришел в ее селение, именно она пригласила Его в свой дом, и именно любовь и преданность Господу побудили ее взять на себя столько разных хлопот (см. 10:40-41): ей хотелось сделать все от нее зависящее, чтобы при-

УХОД ХРИСТА. ЭТАП 2 (10:38-13:21)

<p>1 В чем состоят первостепенные человеческие нужды (10:38-11:28)</p>	<p>2 Правильное понимание Слова Божьего (11:29-12:12)</p>	<p>3 Правильное отношение к собственности (12:13-53)</p>	<p>4 Правильная оценка времени, оставшегося до суда, и наступившего времени (12:54-13:21)</p>
<p>i. Спор двух сестер: жена Христа просит ее сказать ее сестре, чтобы та работала наравне с ней (10:38-42).</p>	<p>i. Люди ищут знамения, но им не дается никакого знамения, кроме знамения Ионы (11:29-36).</p>	<p>i. Спор двух братьев: некто просит Христа, чтобы Он сказал его брату, что наследство нужно разделить по справедливости (12:13-21).</p>	<p>Люди и знамения: люди могут по примене там судить о перемене погоды, но не в состоянии распознать «время сие» (12:54-59).</p>
<p><u>Решение Христа.</u> Христос отказывается отнимать у Марии избранное ею благо. Марфа была поглощена различными хлопотами, однако пренебрегла тем единственным, что было действительно необходимо.</p>	<p><u>О свидетельствах.</u> На суде об отношении Царицы Юга и ниневитян к имевшимся в их распоряжении свидетельствам будет говориться в обвинение «роду сему» и это повлечет за собой его осуждение.</p>	<p><u>Ответ Христа.</u> Христос отказывается выступать в роли судьи, разделяющего имущество, однако рассказывает о богатом глухом, который накапывал огромные запасы на много лет вперед, не думая, что может лишиться</p>	<p><u>Будьте сами себе судьей.</u> Лучше самому принять решение по своему делу и уладить его до суда, вместо того, чтобы идти к судье, проиграть дело и быть приговоренным к длительному тюремному заключению.</p>

жизни в ближайшую ночь.

- ii. Уроки Христа, посвященные молитве (11:1-13)**
- ii. Горе фарисеям и законникам (11:37-52)**
- ii. Уроки Христа, посвященные молитве (13:1-9)**
- ii. Блага, уготованные истинным служителям (12:22-48)**
- а** Пример того, как следует молиться о наступлении Божьего Царства «...Да придет Царствие Твое... хлеб наш насущный подавай нам на каждый день... проси нам грехи наши, ибо мы прощаем всякому должнику нашему...».
- а** Неправильное понимание целей религиозной практики и соотношения ее форм. «...Вы... внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения... Даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и нерадите о суде и любви Божией».
- а** Неправильное истолкование Божьего провидения. «...Думааете ли вы, что эти... были грешнее всех... что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете».
- а** Неправильные и правильные представления о материальных вещах и целях обладания ими. «...Душа больше пищи, и тело — одежды... сколько же вы лучше птиц... не ищите, что вам есть, или что пить... ищите Царствия Божия...».
- а** Неправильное понимание ответственности в христианском служении. «...Если же раб... начнет бить слуг и служителей...».
- а** Необходимость покаяния. Три года хозяин дождался плодов со своей смоковницы, но

чтобы попросить хлеба, мы должны просить и искать, потому что всякий ищущий находит. «Отец небесный даст Духа Святого просящим у Него».

ним перстом своим не дотрогиваетесь до них... Отцы ваши... избili пророков... и соглашались с ними... Да выщется от рода сего кровь всех пророков... вы взяли ключ разуме-ния...».

жанок, есть и пить и напиваться, то придет господи... и рассечет его... Раб же тот, который знал волю господина своего... и не делал по воле его, бит будет много; а который не знает... бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется...».

плоды так и не появились. Ей дан еще один год: если по прошествии этого года плодов не будет, ее срубят.

iii. Поражение противодействия начальной: Христос изгоняет немого беса, и Его обвиняют в том, что Он следовал это, воспользовавшись силой сатаны (11:14-28).

Христос отвечает на обвинения. Сатана не сражается сам против

iii. Преодолеть страх перед противодействием: Христос наставляет Своих учеников в том, как поступать, когда их подвергнут преследованиям и приведут в суд (11:53-12:12).

«... Книжники и фарисеи начали сильно приступать к Нему, вынуж-

iii. Приход Христа возбудает противодействие: Христос рассказывает Своим ученикам об истинной цели Своего пришествия (12:49-53).

«Огонь пришел Я низвесть на землю... Думаете ли вы, что я

iii. Победа над теми, кто противодействует Христу: Христос освобождает женщину от духа немощи, а Его клеймят за то, что Он сделал это в субботу (13:10-21).

Христос отвечает на обвинения. «Сию же... которую связал сата-

себя. Христос, Сильнейший, одержал верх над сильным и освободил его жертвы.

Пример-предупреждение, рассказывающий о человеке, в которого вернулся бес с семьёю другими бесами, и все они нашли в нем себе прибежище.

Некая женщина воздаёт хвалу матери Христа, и Христос её поправляет: «...Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его».

дая у Него ответы на многое, подыскиваясь под Него и стараясь уловить что-нибудь из уст Его, чтобы обвинить Его».

на... не надлежало ли освободить от уз сих в день субботный?»

Притча о человеке, который посадил семя, и выросшее в дерево, и птицы находили приют в его ветвях.

Притча о женщине, пожившей закваску в три меры муки, и о том, как эта закваска превратила всю муку в тесто

нять Его подобающим образом. Но из-за всех этих забот и хлопот — подготовить комнату для гостя, закупить продукты, приготовить и подать угощение, помыть посуду — у нее оказалось очень мало времени для того, чтобы посидеть и послушать, о чем говорит Господь. Из этого, конечно не следует, что беседа с Господом не доставляла ей удовольствия: такая беседа понравилась бы ей не меньше, чем Марии; однако у Марфы были вполне определенные и твердые представления о том, что нужно делать, когда принимаешь такого достойного гостя, как Господь. Если бы у нее спросили, Марфа, несомненно, объяснила бы, что истинная любовь должна проявляться в делах и что работа должна быть важнее удовольствий; вот почему она исполнилась негодованием, когда Мария прекратила работу и села у ног Господа, слушая Его речи. Получалось, что все удовольствие достается Марии, а Марфе приходится работать за двоих. С точки зрения Марфы, Мария поступала эгоистично, беспринципно и нечестно.

Марфе было непонятно: почему Христос не вмешивается в происходящее; более того, ей показалось, что Он поощряет неподобающее поведение Марии, позволяя ей сидеть у Своих ног и беседуя с ней. Уже одно это, казалось бы, должно было заставить Марфу усомниться в непогрешимости своих представлений; но вместо того, чтобы задуматься, насколько правильны ее собственные представления о потребностях и приоритетах, Марфа обратилась к Христу и сказала, что, по ее мнению, Христос поступает безответственно, поощряя нечестные действия Марии. Разумеется, Марфа ошибалась. Судьба ее печальна и иронична: ведь именно любовь и приверженность Господу возвели ошибочность ее представлений о нуждах и при-

оритетах в такую степень, что она подвергла сомнению справедливость Того, Кому считала своим долгом усердно служить.

Христу пришлось доброжелательно, но твердо поправить Марфу. Он сделал это не потому, что недооценивал важность служения как такового или именно служение Марфы. Далее, на протяжении данного этапа повествования (см. 12:35-38, 42-44), мы услышим, как Он потребует от Своих слуг всегда быть готовыми к служению, служению преданному и честному. Более того, Христос пообещает, что по Своему возвращению вознаградит верных слуг: «...препошлется и посадит их, и подходя станет служить им». Однако посещение дома Марфы и Марии было для Христа лишь частью Его большого пути (10:38). Недолго мог Он оставаться с этими двумя сестрами, и пройдет немало времени, прежде чем они свидятся снова. Поэтому следовало задуматься, не стоит ли до предела сократить всевозможные хлопоты и удовольствоваться небольшим количеством простой пищи, чтобы у Господа было как можно больше времени для беседы и общения? Или же, наоборот, может быть, Марфе следовало настоять на своем и готовить богатое и изысканное угощение, хотя из-за этого у нее осталось бы совсем мало времени, чтобы посидеть и послушать Господа. Нет никакого сомнения, что в подобных обстоятельствах Христос предпочел бы общение с Марфой ее служению и что именно такое общение Он посчитал бы наиболее важным для нее самой. Однако сама Марфа думала иначе, и, как мы теперь видим, заблуждалась. Она действовала из благих побуждений, любила Господа, думала, что служит Ему, но, исходя из своих приоритетов и представлений о необходимом, фактически лишала Господа того, чего Он

больше всего желал, а себя — того, что было для нее наиболее важным; а случилось это все потому, что она с самого начала не пошла к Нему и не села у Его ног, чтобы послушать Его подольше и узнать, в чем, согласно Господу, состоит первостепенная потребность человека.

Из этого рассказа можно извлечь очевидный урок. Мы тоже находимся в пути. Наша жизнь коротка. Нас не хватит на то, чтобы сделать все: для этого нет времени. Следовательно, как и Марии (см. 10:42), нам придется делать выбор и отдавать себе в этом выборе полный отчет. Наши дела не будут сами по себе выстраиваться по порядку, в соответствии с их истинной значимостью. Если мы сами сознательно не поставим во главу угла нужду «сидеть у ног Господа и слушать Его слово», то наше время и силы будут поглощены тысячью других забот и обязанностей, каждая из которых покажется первостепенной, и в нашей жизни не останется места для «благой части».

Разумеется, не случайно рассказ о Марфе и Марии — первый рассказ второго этапа повествования. Ясно, что этого требовал принцип последовательного описания событий. Однако никаких сомнений не вызывает и тот факт, что, когда вдохновленный Святым Духом Лука отбирал и компоновал свой материал, определенную роль сыграл и замысел повествования. На данном его этапе большое внимание уделено тому, как правильно распорядиться своей жизнью и каковы приоритеты в нашей системе ценностей. Но будет ли это осуществимо, если прежде всего мы не сядем у ног Господа и не позволим Ему рассказать нам об истинных приоритетах?

ii. Уроки Христа, посвященные молитве (11:1-13).

Если первая жизненная потребность заключается в том, чтобы Господь говорил, обращаясь к нам, то следующей по степени важности, безусловно, является то, чтобы мы обращались к Нему. Мы должны молиться. Самые прекрасные дары, какие только можно ожидать в этой жизни, не появятся сами собой. К достижению самых важных в жизни целей также нельзя приблизиться, не прилагая к тому сознательных усилий. Мы не бездумные шестеренки, вращающиеся в безличной механической вселенной. Каждый из нас — личность, сотворенная личностным Богом и наделенная способностью вступать с Ним в общение. Поразившись тому, что Он желает с нами говорить, мы не можем вслед за этим не почувствовать, сколь велика дарованная нам честь говорить с Ним, просить Его о дарах, которые Он с радостью готов нам ниспослать, и установить с Ним личные отношения, ради чего мы и были прежде всего сотворены.

Но о чем нам следует просить? Что наиболее важно и необходимо для жизни человека? И что из того, о чем мы просим, должно для нас быть превыше всего, а что — иметь второстепенное значение? Жизнь — это путь. Мы постоянно движемся вперед и чувствуем, что нам необходимо стремиться к цели. Но к какой? Какую цель мы должны ставить перед собой прежде всего?

Один из учеников поступил весьма мудро, когда, услышав, как молится Христос, попросил Его рассказать, как следует молиться, о чем и в какой последовательности.

В записанной Лукой молитве, которой научил их Христос, содержится пять просьб. В первых двух просьбах отражено то, что важно для Самого Бога, Его

имени и Царства; три последующие просьбы связаны с нашими собственными нуждами: о хлебе насущном, о прощении и о защите от искушения. Прежде всего то, что важно для Бога, затем то, что важно для нас. Очевидно, что именно таким и должен быть порядок в молитвах Божьих творений.

Итак, прежде всего идет то, что важно для Бога. А в этом ряду на первом месте стоит сущность Бога и Его слава. Нам следует молиться о том, чтобы свяtilось Его имя. Это значит, что Его имя должно стоять особо среди всех прочих имен и к нему необходимо относиться с благоговением, как к самому святому, ценному и величественному, что только есть во вселенной. Мы никогда не сможем разобраться в жизненных ценностях и они никогда не предстанут перед нами в истинном свете, если не увидим, что Божье Имя является не только главной из этих ценностей, но и источником истинной ценности того или иного человека или вещи. Если Имя Бога обесценится, а Сам Бог подвергнется бесчестью, то все, что берет в Нем свое начало, то есть все сущее, лишится ценности и значимости. Отрицать Бога — значит, в конечном счете, отказать в какой-либо ценности всему сущему. И, все же, в этом находящемся в плачевном состоянии мире Божье Имя не святится так, как Оно должно святиться — ни самыми великими святыми, ни нами, простыми святыми, не говоря уже о богохульниках и безбожниках. Мы утратили ощущение Божьей святости и живем в мире, где святые подвергаются все большим надругательствам, а человеческая жизнь все больше обесценивается.

Но так будет не всегда. Цели и замыслы Бога состоят в том, чтобы повсюду установилось Его Царство, воля Божья исполнялась бы на земле, как на

небе, имя Его свяtilось так, как оно должно святиться, и все жизненные ценности засияли и заблестели как драгоценности нового Иерусалима. Такова Божья цель, и она исполнится. Но нам не следует смотреть на то, как она исполняется, глазами фаталистов. Мы должны действовать: молиться об ее исполнении, приводить свою волю в соответствие с волей Бога и сделать пришествие Его Царства нашим главным желанием, целью и мечтой.

К сожалению, зачастую мы этого не делаем, потому что у нас есть собственные устремления, планы, замыслы и цели. Если мы не будем уделять постоянного внимания молитве, молясь так, как этому учил нас Христос, то мало-помалу окажемся во власти этих планов и целей, а замыслы и цели Бога окажутся на периферии нашего внимания. Может даже получиться так, что мы извратим самую суть молитвы, делая главный упор на том, что важно для нас лично и для нашей семьи, а не на целях Бога и на пришествии Его Царства. А это было бы неразумно даже с точки зрения наших собственных, узко понимаемых интересов. Ведь в конечном итоге никакая личная цель, никакое личное устремление не имеет смысла и не принесет удовлетворения, если не будет подчинено единой высшей цели существования вселенной и не сольется с ней. Не должен вызывать сомнений тот очевидный факт, что для нашего же собственного блага пришествие Божьего Царства гораздо важнее, нежели осуществление наших желаний, которые часто бывают близорукими, и устремлений, которые часто бывают ошибочными. Однако и эта мысль принесет больше вреда, чем пользы, если нам будет казаться, что в молитве нас прежде всего должно волновать то, что важно для нас лично. Главное в показанном Христом при-

мере молитвы — это то, что на первом месте всегда должны стоять интересы не наши, но Бога.

Итак, прежде всего идет то, что важно для Бога. Но затем правильно и полезно помолиться за себя. Из того, что Христос предлагает просить для себя, одна часть касается наших физических потребностей, а две другие — потребностей нравственных и духовных. И вновь следует обратить внимание на последовательность. На первом месте стоят наши материальные нужды: пусть каждый день нам даруется насущный хлеб (если это верный перевод: возможно, следует переводить «на грядущий день»). Это вполне разумно и с практической точки зрения необходимо. Физическое существование со всеми его периодически возникающими проблемами — необходимое условие, по крайней мере, в этом мире, для приобретения высшего, духовного, опыта. Это существование не следует ни презирать, ни рассматривать как должное. Воистину наибольшее удовольствие от материальных благ нам приносит осознание того, что они исходят от Бога.

Затем к молитвенной просьбе о наших физических нуждах следует прибавить две другие, посвященные нуждам нравственным и духовным. Превыше всего материального мы нуждаемся в прощении грехов, совершенных нами в прошлом, и в избавлении от искушения, чтобы не впасть в грех в будущем. Раз мы нуждаемся в прощении не меньше, чем в хлебе насущном, значит, то же самое можно сказать и о нашем ближнем. Следовательно, когда мы обратимся к Богу с этой чрезвычайно важной для нас проблемой, Бог потребует от нас, чтобы и мы, в свою очередь, были готовы простить тех, кто может быть нашим должником.

Такова правильная последовательность наших молитвенных просьб. Однако есть в молитве еще нечто такое, что позволит нам увидеть, насколько хорошо мы чувствуем этот порядок и можем отдавать себе отчет, что действительно является важным и необходимым, а что нет. Мы уже говорили, о чем нужно молиться. А теперь давайте задумаемся над вопросом: почему мы молимся об этом, что побуждает нас к такой молитве? К этому вопросу и переходит в 11:5-13 Христос.

В связи с этим давайте прежде всего обратим внимание на то, что дар, который готов послать Отец и о котором нам следует молиться, — это Святой Дух (см. 11:13). Для современников Христа это, несомненно, имело особое значение. Пророки провозглашали, что придет день, когда Бог изольет Свой Дух и положит начало великому возрождению народа Израильского (см. Иез. 36:26-27), а также изольет Свой Дух на всех людей (см. Иоил. 2:28-32; см. также Деян. 2:16). Многие поколения благочестивых людей Израиля молились об исполнении этих обетований; и вот теперь современники Христа (сами того не осознавая) стояли у самого порога Пятидесятницы, во время которой воскресший Господь, получив от Отца обетование Святого Духа, изольет этот Дух на верующих (см. Деян. 2:33). В скором времени нам предстоит увидеть, насколько искренними были некоторые из современников Христа, когда молились о ниспослании Святого Духа. Однако в том, что касается нас с вами, живущих после Пятидесятницы, дело обстоит несколько иначе. Святой Дух, не изливавшийся до ухода Иисуса с земли и до Его вознесения (см. Ин. 7:39), уже ниспослан. В этом смысле верующему во Христа уже не нужно молиться о Его ниспослании: он уже принял Святого Духа (см. 1 Кор.

12:13; Еф. 1:13). Это, однако не означает, что живущим после Пятидесятницы вообще не имеет смысла молиться о посылаемом Отцом даре Святого Духа. В Послании к Ефесянам (1:16-19) Павел говорит, что непрестанно молится о тех, кто уже запечатлен Святым Духом, чтобы Бог ниспослал им дух премудрости и откровения к познанию Его; а в Еф. 3:14-21 объявляет, что молится, дабы Бог дал им «крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке», дабы Христос вселился в их сердца.

Таким образом, по сути своей, просьба ниспослать Святого Духа не может быть единовременной. Христос говорит (см. 11:7), что мы должны неустанно просить, искать, стучаться¹. В таком случае, от двух обстоятельств зависит, будем мы проявлять настойчивость в подобной молитве или нет. Прежде всего, это зависит от того, насколько острой является, на наш взгляд, необходимость получить дар, о котором мы просим. Необходимо, чтобы нами двигало ощущение, что этот дар нам крайне необходим, и тогда мы будем просить его с «неотступностью» (см. 11:8).

На первый взгляд, неотступность (греч. *anaideia*, т.е. докучливость) может показаться неприглядным качеством; в некоторых случаях так оно, конечно, и есть. Однако в значении этого слова не обязательно должен присутствовать отрицательный оттенок. Неотступным и докучливым будет тот, кто проявляет незаурядную настойчивость в своих действиях или просьбах. Если человек стремится к чему-то постыдному, то тогда, конечно, неотступность и докучливость — качества отрицательные, если же он пресле-

---

¹ В греческом оригинале эти формы являются формами повелительного наклонения настоящего времени, что указывает на то, что они обозначают повторяющееся, а не однократное действие.

дует благую цель, то в такой неотступности и настойчивости нет ничего дурного, напротив, она заслуживает похвалы. В качестве примера Христос приводит человека, к которому среди ночи вдруг пришел гость, и выяснилось, что у хозяина нечего ему предложить (см. 11:5-8). Хозяин, живущий на востоке и чтящий восточное гостеприимство, не увидел ничего постыдного в том, чтобы пойти домой к своему другу, хотя на дворе была уже полночь, разбудить его и попросить займы необходимую для гостя пищу. Его друг мог, конечно, сделать несколько раздраженных замечаний по поводу того, что его разбудили среди ночи, но отдал бы должное проявленной настойчивости. Он придерживался сходных представлений о долге восточного гостеприимства и поэтому посчитал бы такую настойчивость вполне оправданной. Приведем еще один пример, который может показаться более близким представителям других культур. Представим себе, что заболел человек. Нужно ли нам среди ночи вызывать врача, чтобы он осмотрел больного? Разумеется, мы испытаем смущение, если потом выяснится, что особых причин для беспокойства не было. Но что, если у кого-то в семье начался сердечный приступ? В этом случае мы не постыдимся проявить максимальную настойчивость, вызывая врача хоть в ночь, хоть в непогоду.

Итак, каков смысл приведенной аналогии? Все, кто просит об озарении и укреплении своих сердец Святым Духом, обязательно получают этот дар, однако будем ли мы просить об этом даре и будет ли наша просьба настойчивой, зависит от того, насколько остро, по нашему мнению, этот дар нам необходим. Так, например, если сегодня мы попросим об озарении Божьим Духом через Божье Слово, чтобы прийти к

более полному знанию Бога, Его благодати и целей, а на следующий день забудем о том, что должны просить у Бога, искать истину в Его Слове, стучать в дверь, ведущую на небеса, и не вспомним об этом на протяжении последующих шести месяцев, то очевидно, что мы не считаем тот дар, о котором просили, слишком уж важным или необходимым, и вряд ли его получим.

С другой стороны, Христос обещает, что тот, кто усердно и настойчиво просит, ищет и стучится, будет обязательно вознагражден за свои усилия, и в подтверждение Своего обещания приводит вторую аналогию (см. 11:9-13). В ней упор сделан уже не на неотступности просящих, а на характере Дарующего и на Его совершенном Отцовстве. Христос утверждает, что люди злы (см. 11:13), и, все же, несмотря на это, они умеют наделять благами своих детей. Ни один нормальный отец не откажет своему ребенку, попросившему у него хлеба, и не обманет его, да в то, что внешне напоминает хлеб, но на самом деле бесполезно или вредно. Таким образом, если даже далекие от совершенства земные отцы приносят своим детям добрые дары, то ясно, что Тот, Кто является Прообразом всех Отцов, и Чье Отцовство бесконечно совершенно, способен дать просящим у Него самое высшее благо — Духа Святого (11:13). Обратим внимание, что именно на этой уверенности Павел обычно основывал свои просьбы: «Для сего преклоняю колена мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, — да даст вам... крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши...» (см. Еф. 3:14-17).

iii. Поражение противодействующего начала (11:14-28). Итак, мы познакомились с двумя эпизодами Действия 1. В первом говорилось о необходимости слушать говорящего с нами Господа. Во втором — о необходимости самим говорить с Господом. В третьем эпизоде мы встретимся с человеком, который был нем. Этот человек вообще не мог с кем-либо говорить.

Любой человек, страдающий какими-то физическими недостатками, вызывает сочувствие. В особенности это относится к немым. Речь, умение выражать свои мысли и чувства в словах, общаться с окружающими — это сугубо человеческая черта, одна из составляющих блистательного удела — быть человеком. Из-за немоты человек лишается важной частицы человеческого, становится узником, ограниченным пределами своего сознания и тела.

Христос совершил чудо и изгнал беса, обрекавшего человека на немоту. Но если это чудо подобно чудесам, описанным Лукой ранее, то это не просто чудо, это притча, воплощенная в деле. Многие люди страдают от немоты, худшей, нежели немота физическая. Изначально человек был сотворен для того, чтобы находиться вместе с Богом, беседовать с Ним. Отдавая отчет в своих поступках и в существовании Бога, человек может осознанно откликнуться на призыв своего Творца и вступить в словесное общение с Тем, Кто есть Само Слово. Однако многие люди никогда не обращаются к Богу с какими-либо словами, никогда не молятся. Они говорят, что Творца, с Которым можно было бы вести беседу, не существует, или что Он существует, но не хочет с ними разговаривать, или что они не знают, как нужно молиться, не умеют этого делать. Не требуется специальных объяснений, чтобы понять: здесь потрудился враг. Если в соответствии с исконным желанием и за-

мыслом Бога и великим уделом человека ему следует быть священником сотворенных Богом людей и выражать в словах тот отклик, который тварь обращает к своему Творцу, если ему следует говорить с Богом, как сын говорит с Отцом, то очевидно, почему одна из ключевых по своей важности целей врага — лишить человека способности обращаться к Богу, замкнуть его дух в самом себе и сделать так, чтобы для Бога наша земля стала «планетой безмолвия».

Таким образом, когда Спаситель изгнал беса, обрекавшего человека на физическую немому, Он совершил замечательное чудо. Лука сообщает, что, когда немой нарушил многолетнее молчание и заговорил, народ охватило удивление (см. 11:14). И это вполне понятно: окружающие настолько привыкли к немоте этого человека, что и думать не могли, чтобы немой перестал быть таковым. Однако еще более замечательным является то духовное освобождение, которое Христос решил продемонстрировать этим чудом. Чтобы представить себе это освобождение, позволим себе позаимствовать несколько образов из аналогии, на которую ссылается Сам Христос в последовавшем сразу же после изгнания немомого беса споре (см. 11:21-22). «Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение». Иными словами, его собственность находится в сохранности, на нее никто не покушается, и она не вызывает у охраняющего тревоги. Именно таково реальное состояние чуждых молитве, духовно немых людей. Их безопасность, внешняя удовлетворенность и тишина — это покой тюрьмы. Эти люди являются собственностью сильного врага и не просят Бога ни о чем, даже о своем освобождении, ибо их чуждые молитве уста скованы тираном, в распоряжении которого имеется бесчисленное множество средств для того, чтобы не дать им гово-

ритель и не позволить установить контакт с внешним миром. Многих из них даже убедили в том, что иного мира и не существует (ср. Еф. 2:1-3).

Учитывая суровый характер складывающегося положения, можно возблагодарить Бога за то, что Он не стал дожидаться, пока узники попросят его вмешаться и даровать им свободу. Бог Сам сделал первый шаг. Каким бы сильным и хорошо вооруженным ни был враг, Тот, Кто сильнее его, начал посредством Своего воплощения вторгаться в тюрьму, превозмогая тиранию, и говорить с его узниками. Когда Он чудесным образом освободил одного из узников от беса физической немоты, это не могло не произвести сильного впечатления на остальных; однако цель совершенного чуда состояла не только в том, чтобы, явив сверхъестественную силу, продемонстрировать реальность существования Бога и Его Царства, но и в том, чтобы показать людям знамение освобождения, призвать их нарушить свое молчание и обратиться к Богу. После этого посредством Своей смерти Сильнейший захватил все, даже самые крепкие вражеские темницы врага и вторгся в каждое из его убежищ. Множество людей обрело свободу (см. Кол. 2:13-18; Евр. 2:14-15). Так воскресший и победивший Господь «лишил сатану его добычи» (см. 11:22, *перев. мой — Д.Г.*).

На данном этапе комментария мы можем выбрать одну из двух разных стратегий. Мы можем обуздать свою фантазию и принести свои извинения Луке за то, что мы взяли из его повествования обычную аналогию и отнесли к ней как к аллегории. С другой стороны, мы можем этого не делать, учитывая, что у использованных нами образов есть немало общего с образами, которые использовались другими христианами. Когда Павел говорит, что Христос «пленил плен и дал дары

человекам» (Еф. 4:7-13), под «дарами» он подразумевает тех людей, которые в прошлом были узниками сатаны, а ныне освобождены воскресшим Господом и отданы церкви, став апостолами, евангелистами и учителями.

Итак, Христос освободил человека от власти беса немоты. Для этого Он прибегнул к сверхъестественной силе: с этим никто не спорил. Мы могли бы предположить, что точно так же ни у кого не возникало сомнений в том, что эта сверхъестественная сила исходила от Бога; однако, думая так, мы недооцениваем, сколь прочно враг овладел сознанием многих людей и сколь ухищренным является его сопротивление Христу. Кое-кто из толпы очевидцев этого чуда подумал, что Христос воспользовался силой дьявола, другим такое объяснение показалось вполне правдоподобным, и они потребовали от Христа знамения с неба в доказательство обратного (см. 11:15-16). Эта мысль была настолько нелепой, что удивляешься, почему Христос вообще удосужился дать им ответ. Однако помимо нелепости в ней было и немало зловещего. Пусть эти люди были узниками дьявольской темницы, однако ведь и к ним пробило себе дорогу Божье Царство (см. 11:20). Их коснулась Божья длань; к ним обращался Бог. Только что они стали непосредственными свидетелями явного проявления силы Святого Духа. Теперь им предстояло сделать самый важный в своей жизни выбор; они стояли на грани принятия решения, которое, если оно будет принято осознанно, уже нельзя будет изменить, путь к освобождению может закрыться навсегда. Отвергните Святой Дух, назовите Высшее Добро злом, Истину, источником Которой является Абсолютная Святость, — ложью, и у Самого Бога не останется более свидетельств и слов, способных привести челове-

ка к покаянию, вере и спасению. И тогда даже Бог умолкает. (Ср., напр., ситуацию, в которой оказался царь Саул. Несмотря на четыре предупреждения, которые были даны ему Святым Духом, он продолжал упорствовать в преследовании Давида до тех пор, пока Господь не перестал с ним разговаривать (1 Цар. 19:18-24; 28:6, 15)).

Итак, раз эти люди были готовы принять губительное для себя решение, Христос хотел, чтобы они целиком и полностью отдавали себе в этом отчет. Он, конечно же, не мог допустить, чтобы им казалось, будто бы они вынуждены принять такое решение, исходя из своих здравых размышлений, положений истинной религии или нравственных убеждений. Христос подчеркнул, что если они хотят отвергнуть открывшееся через Него свидетельство Божьего Святого Духа, им при этом придется бросить вызов здравому смыслу, отвергнуть общепринятые нравственные принципы и отречься от своих собственных духовных постулатов и норм поведения. Они должны будут осознанно и намеренно назвать черным то, что, находясь в любых других условиях, в любой другой жизненной ситуации, они назвали бы белым. Возможно, что из каких-то тактических соображений сатана будет изредка изгонять бесов. Однако мысль о том, что он будет это делать вновь и вновь, как это делал Христос, и тем самым уничтожать собственное Царство — очевидная нелепость (см. 11:17-18). Кроме того, сыновья тех, кто выступил против Христа, тоже изгоняли бесов (см. 11:19-20), и все считали, что они делают это силой Бога. Почему же, в таком случае, нужно утверждать обратное о Христе? Тому было одно простое объяснение, о котором и сказал далее Христос (11: 20). Их сыновья не претендовали на то, что посредством их

действий к людям будет приближаться Божье Царство. Христос же говорил о Своих действиях именно в связи с приближением Царства Божьего. Итак, если именно божественная сила позволила Христу изгнать беса, то это подтверждало истинность Его утверждений. И именно нежелание людей соглашаться с Его утверждениями и следствиями из них привело их к абсурдному выводу о том, что Иисус находится в союзе с дьяволом. Более того, — и здесь приходит черед той аналогии, образы которой мы уже заимствовали ранее, — невозможно забрать имущество у хорошо вооруженного, охраняющего это имущество человека, если сначала не победить его и не отнять у него оружие. Уже сам факт того, что Христос освободил немого человека из лап сатаны, достаточно убедительно свидетельствовал, на чьей стороне был Христос: очевидно, что как Сильнейший Он превозмог Своего врага (см. 11:21-22).

Далее, исходя из всего происходящего, Христос обращается к собравшимся с двумя чрезвычайно серьезными предупреждениями. Во-первых: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (11:23). Обвинявшие Христа открыто выступали против Него; и, раз Христос сражался с врагом, то очевидно, на чьей стороне они оказались. Однако пусть многие из собравшихся и могли считать, что физические отклонения и одержимость — это зло и обвинители Христа впадают в крайность, они могли не видеть надобности полностью и безоговорочно встать на Его сторону. Христос предупредил таких людей, что в том сражении, которое Он ведет, нейтралитет просто невозможен.

Во-вторых, Христос предупредил собравшийся народ, что изгнать беса из человека, как бы хорошо

это само по себе ни было, — а Он только что упомянул, что иногда это удавалось даже их сыновьям, — недостаточно (см. 11:24-26). Человек очищается, но место, прежде занятое бесом, остается пустым. Существует опасность, что бес вернется вновь, а с ним — семь еще худших бесов, все они вселятся в человека, и у того не будет сил, чтобы им противостоять. И так, исправиться, но при этом не возродиться, не открыть себя Святому Духу — недостаточно и означает подвергнуть себя серьезной опасности. Недаром перед этим Христос призывал Своих иудаистских слушателей, хотя их иудаизм и был очищен от примесей язычества и подвергся существенному исправлению благодаря пленению, страстно стремиться обрести дар Святого Духа (см. 11:9-13). И недаром через несколько лет после этого Петр получил Божье вдохновение, чтобы столь живо описать (см. 2 Петр. 2:20-22) те опасности, которые несет с собой нравственное очищение, если ему не сопутствует рождение свыше и причащение «Божескому естеству» (см. 1 Петр. 1:22-23; 2 Петр. 1:4).

Действие 1 подходит к концу. В нем было описано немало имеющих чрезвычайно важное значение событий, однако Лука по-прежнему считает, что необходимо упомянуть еще об одной детали (см. 11:27-28). Стоявшая в толпе женщина, услышав, сколь блестяще Христос опроверг утверждения Своих обвинителей, воздала Христу хвалу и, возможно, также исповедала Его как Мессию, воскликнув, как это было принято на востоке, что счастлива должна быть Его мать. Так оно и было, и Христос не стал этого отрицать. Но как бы счастлива ни была Его мать, этого еще было недостаточно для спасения людей. Жизненно важными являются не родственные, а духовные отношения

с Христом. Поэтому, не опровергая сказанного искренне желавшей восславить Его женщиной, Христос показал, в чем заключен источник высшего счастья: «...блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его». В этот момент у нас в памяти не может не всплыть другой образ. В самом начале Действия 1 мы узнали, что «благая часть» жизни состоит в том, чтобы сидеть у ног Господа и слушать Его слово (см. 10:39, 42). В этом, конечно же, состояла истина, но не вся истина. Ведь, в конечном счете, важно не только то, слушаем ли мы Божье слово, но и соблюдаем ли мы его.

Действие 2. Правильное понимание Слова Божьего (11:29-12:12)

і. Люди ищут знамения (11:29-36). В 11:16, в ходе Действия 1, некоторые из собравшихся потребовали от Христа знамения с неба. Именно об этом говорит теперь, в начале Действия 2, наш Господь и тем самым определяет тему, которая будет доминировать на протяжении всего второго Действия: это тема свидетельств. Своими утверждениями Христос поставил слушателей перед необходимостью принятия решений, последствия которых трудно было переоценить. Вполне естественно, что эти люди хотели, чтобы Христос предоставил им неоспоримые свидетельства истинности Своих утверждений.

Поэтому, на первый взгляд, кажется странным, что Христос отказывает им в их просьбе. Разве перед этим Христос не заверял Своих слушателей, что любой ищущий обретет то, что ищет? Почему же теперь Он отказывается дать знамение тем, кто ищет это знамение? Дело было, конечно же, не в том, что свидетельство, данное в чудесных знамениях, ущербно или

неприемлемо, а в глубокой ущербности самих людей: «род сей лукав; он ищет знамения, и знамение не дастся ему...» (11:29)¹.

В каком-то смысле все люди лукавы и злы (см. 11:13); но современники Христа отличались особой испорченностью. Даже то, что они искали знамения, — было тоже признаком испорченности, так как, по словам Луки (см. 11:16), они искушали Христа. Их искания не были искренними. Доказательства, которых они, согласно их утверждениям, искали, были не рациональными или научными доказательствами того, что за действиями Христа стояла сверхъестественная сила: все соглашались, что эта сила была сверхъестественной. Они требовали нравственных и духовных доказательств того, что совершенное чудо было делом рук Бога, а не дьявола. В принципе, это очень важная мысль, которую, кстати, наш современный мир рискует предать забвению: сама по себе сверхъестественная сила еще не обязательно проистекает из доброго источника; человек должен задаться вопросом о нравственной и духовной природе сверхъестественного, прежде чем оно начнет на него воздействовать.

Однако Христос уже совершил немало чудес, о которых они, несомненно, слышали, и, кроме того, Он только что исцелил человека от немоты. Нравственная и духовная природа Его исполненных сверхъестественной силой действий была самоочевидна. Допущение о том, что их природа остается неясной, и в их основе лежит зло, а потому в доказательство того, что за ними не стоит дьявол, необходимо знамение с небес, было чудовищно не-

---

¹ Необходимо проявить внимательность, чтобы ошибочно не истолковать 1 Кор. 1:22-23 как указание на то, что в свидетельствах, наших дедов свое выражение в чудесах нашего Господа, есть что-либо принципиально неприемлемое. Ср. Ин. 20:30-31; Деян. 2:22; 14:8-11; 19:11-12.

верным. Если те чудеса, которые Христос уже совершил, исчерпывающе не доказывали божественной природы Его действий и в этом оставались какие-то сомнения, то какое чудо могло бы тогда это доказать? Дело было в том, что потребовавших нового знамения людей ни это, ни множество других знамений не убедили бы. То, что они искали знамения, свидетельствовало не о желании верить в том случае, если бы им были предоставлены достаточные для этого свидетельства, а о попытках оправдать свое нежелание верить уже предоставленным им, вполне достаточным свидетельствам. И — что еще хуже — они искушали Христа. Если бы Христос попытался дать им еще одно знамение, то тем самым Он, по крайней мере, в глазах этих людей, признал бы, что их сомнения насчет нравственной природы Его прочих чудес имели под собой какие-то основания. Христа эта просьба предоставить новые свидетельства не обманула.

Итак, никаких знамений эти люди не получили, кроме знамения пророка Ионы: «Ибо, как Иона был знамением для Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего» (11:30). Сразу же возникает вопрос: в каком смысле Иона стал знамением для ниневитян? Матфей прямо указывает в своем повествовании (см. 12:38-40) на параллель между «погребением» Ионы в чреве кита и смертью, погребением и воскресением Христа. Лука не обращает внимания читателя непосредственно на эту параллель, из-за чего некоторые думают, что, по его мнению, все сходство между Ионой и Христом ограничивалось лишь тем, что оба были посланы Богом, чтобы сурово призвать к покаянию народ, которому скоро грозил неминуемый Божий суд. Возможно, что такая интерпретация справедлива, и в этом случае параллель между Ионой и Христом вполне уместна и звучит крайне серьезно. Когда в ответ на все новые и новые сви-

детельства люди продолжают уваливать, наступает такой момент, когда остается последняя надежда убедить их одуматься и покаяться — прямо и недвусмысленно объявить о грядущем в ближайшее время Божьем суде, подобно тому, как это успешно сделал Иона, обратившись к ниневитянам.

Существуют, однако, два момента, на основании которых можно предположить, что Лука видел в параллели между Ионой и Христом не менее глубокий смысл, чем Матфей. Во-первых, это значение слова «знамение», ключевое для понимания сходства между служением Ионы и Христа. В контексте повествования Луки (см. 11:6, 29, 30) слово «знамение» означает «чудо». Само по себе появление Ионы в Ниневии и его проповедь вряд ли можно назвать чудом. И, если современники Христа были готовы отвергнуть свидетельство Его чудесных дел, вряд ли следовало ожидать, что они посчитают чудом Его проповедь. Сила проповеди Ионы и его знамение ниневитянам заключались в том, каким образом Иона появился в Ниневии. Точно так же смерть, погребение и воскресение Христа сделали Его высшим и последним Божьим знамением Израилю (ср. Ин. 2:18-22).

Во-вторых, в 12:50, в заключении Действия 3, Христос говорит о Своей грядущей смерти, погребении и воскресении как о «крещении». В других синоптических Евангелиях упоминается, что Христос использовал это выражение по другому поводу (см. Мф. 20:22-23; Мк. 10:38-39). В данном же контексте о его употреблении говорится только у Луки. Трудно представить, что, говоря о параллели между Ионой и Христом в 11:29-30, Лука не увидел никакой связи между этой параллелью и «крещением», о котором он собирается сказать уже в 12:50.

Итак, если мы предположим, что, проводя параллель между Собой и Ионой, Христос имел при этом в виду Свою смерть, погребение и воскресение, то окажется, что Его слова из 11:29 не только предупреждают о грядущем суде, но и исполнены безграничной милости. Да, не имело смысла давать этим людям еще одно знамение, потому что они нуждались не в новом знамении, а в том, чтобы их привели к покаянию, к раскаянию в собственном нежелании верить тем чудесным знамениям, которые им уже были даны; и, все же, Бог уготовил для них свидетельство, которое как раз могло привести их к покаянию, свидетельство того, что Он любит их, несмотря на их порочность. Бог допустит, чтобы в своем неверии люди распяли Его Сына. После этого Бог воскресит Его из мертвых и вместо того, чтобы сразу же обрушить на людей Свой гнев и предать их праведному суду, предложит им прощение, примирение и избавление от суда во имя и благодаря страданиям как раз Того, Кого они распяли. Если они не смогут увидеть, что такая любовь является любовью «с неба», то никогда не смогут увидеть небес, даже если столкнутся с ними лицом к лицу, и, следовательно, сами изберут уготованный им ад.

После этого Христос сообщает Своим современникам¹, какая участь их ждет на последнем суде. Широко распространено представление, что этот суд опреде-

---

¹ Мы имеем здесь в виду не всех еврейских современников Христа, во всем мире и даже не всех Его современников в Иудее, Самарии и Галилее, а людей, подобных жителям Хоразина, Вифсаиды и Капернаума (10:13, 15), некоторых фарисеев и книжников (11:37 — 12:12), некоторых саддукеев и священников (20:1-47). Более того, разоблачение и осуждение грехов современников-иудеев не означало антиеврейских настроений Христа или Его несправедливости по отношению к ним. Оно было подобно отношению великих древних пророков — Исаи, Иеремии и Иезекииля. Напомним для сравнения, что современники Иеремии покушались на его жизнь, тогда как современники Христа в конце концов добились своего и уничтожили Его (см. 13:34; Деян. 7:51-52).

лит, насколько добрыми или злыми были дела того или иного человека. Так оно, конечно же, и будет при вынесении приговоров (см. Откр. 20:12). На самом же деле, никто и никогда не обретет спасения на основании своих дел, какими бы *добрыми* они ни были. Точно так же окончательное обвинительное заключение суда будет основываться не на том, насколько *злыми* были дела человека, а на его неверии (см. Ин. 3:18) и, следовательно, на том, что его имя никогда не было записано в книге жизни (см. Откр. 20:15) (*выд. ред.*). Таким образом, на суде будет определяться, какова была открывавшаяся перед человеком возможность уверовать, какие свидетельства находились в его распоряжении и как он отнесся к этим свидетельствам. Согласно Христу, Которому в конце концов и предстоит быть Судьей (см. Ин. 5:22-24), на суд призовут свидетелей. Свидетели должны будут показать, как другие отнеслись к имевшимся в их распоряжении свидетельствам. На основании этого будет установлено, как *мог бы* поступить представший перед судом человек, исходя из тех свидетельств, которые были ему доступны (*выд. ред.*).

При определении участи этих современников Христа в свидетели будет призвана Царица Юга и ниневитяне (см. 11:31-32). Противопоставляя позицию Царицы Юга позиции Своих современников, Христос заслуженно обличал последних в безразличии к Божьему самооткровению. Единственной путеводной нитью для Царицы Юга было известие об удивительной мудрости царя далекой земли. Однако ее желание приобщиться к мудрости было столь велико, что она проделала долгий путь, чтобы послушать Соломона. Мудрость Соломона была совсем невелика в сравнении с мудростью Христа; однако, когда Христос проходил по Израилю, многие из его современников решили, что в Нем нельзя увидеть при-

знаков особой мудрости, а кое-кто осудил Его, даже не выслушав (см. Ин. 7:50-51). Отсутствие у таких людей интереса к мудрости воплощенного Бога и их отказ Его принять будут основанием для их осуждения на грядущем суде. Это напоминает нам о том, что, хотя Христос и покинул нашу землю, известие о Нем до нас дошло, и мы должны воспользоваться этим известием, чтобы упорно и неустанно искать, просить, стучаться, покуда не обречем Его. Не проявлять достаточного интереса к тому, чтобы искать Господа, значит обрекать себя на погибель.

В противопоставлении ниневитян современникам Христа также содержалось обличение последних в нравственном лукавстве. Нравственная проповедь Ионы была достаточно простой: Иона предупреждал ниневитян о том, что из-за их греховности на них в скором времени должен будет обрушиться Божий суд. Ниневитяне были язычниками, и у них не было Моисеева закона, который мог бы просветить их, то есть научить их поступать по совести, однако им не составило труда увидеть, что они заслуживают Божьего осуждения; и множество ниневитян покаялось. Нагорная проповедь Христа, несмотря на утверждавшиеся ею высокие нравственные принципы, не вызвала массового покаяния в Израиле. Современники Христа просто не понимали, что им остро необходимо покаяние (см. 3:7-9; 7:30-34). И далее Христос объясняет, почему они не были в состоянии этого понять.

Для того чтобы человек мог просветиться, ознакомившись с теми или иными свидетельствами, разумеется, необходимо, чтобы эти свидетельства были ему доступны. Но это еще не все. Чтобы свет свидетельств мог достичь человека, он должен еще обладать способностью к восприятию. Эту способность Христос называет «оком», «светильником тела» (11:34) и сравнива-

ет ее роль с ролью свечи в доме. Горящая свеча, стоящая на подсвечнике, наполняет светом весь дом. Но если ее спрятать в укромном месте или накрыть сосудом, то дом окажется погруженным во тьму. То же самое можно сказать и о способности человека к восприятию. Если человек открыт и честен, если его сознание не замутнено подспудными эгоистичными мотивами и предрассудками, то он воспримет свет предоставляемых ему Богом свидетельств. Однако бывает, что способность к восприятию ущербна, окутана злыми помышлениями и предрассудками. В этом случае не имеет значения, насколько исчерпывающими будут свидетельства, — их свет никогда не просветит разума и личности человека, ибо он не способен воспринять свет или воспринимает его искаженно.

Христос предупреждает нас, чтобы мы помешали этому случиться (см. 11:35), и из Его предупреждения следует, что не допустить этого — в пределах возможностей каждого. Даже невозродившийся человек, каким бы испорченным и злым он ни был, обладает нравственным чувством, побуждающим его давать хорошее своим детям (11:35) и признавать в минуту просветления, что он позволяет честолюбию, алчности или ревности исказить свое восприятие той или иной ситуации. Так же и со светом предоставляемого ему Богом свидетельства. Бессмысленно и опасно возражать, что невозродившийся человек не в состоянии осознать, что он позволяет вожделению, алчности, честолюбию или страху исказить свое восприятие свидетельств. Он может это понять, говорит Христос, и, более того, может предпринять в этой связи какие-то шаги и потому несет за это ответственность. При желании он может воспринять мудрость Христа так же, как Царица Юга восприняла мудрость Соломона и откликнулась на нее, а ниневитяне откликнулись на про-

поведь Ионы. Если же невозродившийся человек этого не сделает, он будет осужден на суде, так как не предпринял того, что было в его силах.

ii. Горе фарисеям и законникам (11:37-52). Теперь мы покинем толпу собравшихся и направимся вслед за Христом в дом фарисея; однако можно ожидать, что обсуждение затронутого выше вопроса будет продолжено, так как, согласно Луке (11:37), фарисей пригласил Христа на обед как раз тогда, когда Христос говорил о том, насколько важно следить, чтобы «око» не стало «худым» и не искажало свет, не преграждало ему путь.

Сейчас нам предстоит стать свидетелями чрезвычайно печального зрелища. Перед нами предстанут религиозные люди, с особым рвением соблюдающие законы Ветхого Завета. Казалось бы, благодаря этому у них должно было выработаться нравственное чутье и просвещенная совесть, которые бы помогли им признать истинность нравственного учения Христа, нравственной природы Его сверхъестественной силы, справедливости Его требования покаяться и божественной сущности провозглашаемого им спасения. К сожалению, эти люди позволили своим очам сделаться «худыми», затмили их алчностью, тщеславием и бессердечной гордыней. В результате тот свет Ветхого Завета, который все-таки пробил к ним свою дорогу, столкнулся с такими препятствиями, что оказался абсолютно искаженным. Уже то, что мы будем свидетелями их состояния, послужит нам грозным предостережением. Ведь необходимо сразу же оговориться, что ни фарисеи, ни законники не ставили перед собой сознательной цели стать испорченными и злыми. Их намерения были как раз противоположными. Однако, предаваясь гордыне знатоков академичес-

кого богословия и религиозных обычаев, они настолько утратили чувство меры и нравственное чутье, что и в самом деле стали злыми и испорченными. А когда Христос обратил их внимание на то, что с ними произошло, вместо того, чтобы покаяться, они стали Его злейшими врагами и упорными гонителями (см. 11:53-54). Проследим за описанным у Луки подробным анализом их состояния, который сделал Христос.

Прежде всего Христос сказал о том, что они слишком много внимания уделяют религиозной символике и обрядам и при этом пренебрегают нравственными отношениями и обязанностями, на которые эта символика указывает. В Ветхом Завете Бог подкрепил Свое требование нравственной и духовной чистоты тем, что установил для Израиля обряд совершення определенных символических омовений. В том, что касается символических омовений, фарисеи допустили две ошибки. В своем законопослушном рвении они добавили к библейским нормам несметное количество небиблейских норм и правил и стали считать, что любой, кто пренебрегал хотя бы одним из выработанных ими дополнительных правил, совершал тем самым преступление против истинной святости. Поэтому, когда Христос пренебрег одним из придуманных ими правил и стал обедать, не совершив ритуального омовения, фарисеи были потрясены; в свете придуманных ими норм святости истинная и незапятнанная святость Христа казалась им грехом (см. 11:38) и сразу же настроила их против Него.

Второй ошибкой фарисеев было то, что соблюдение внешних обрядов стало для них суррогатом нравственности. Тщательно следя за символическим очищением чаш и блюд от нечистого с обрядовой точки зрения, они начали думать, что достигли высокого

уровня святости в то время, как ничего или почти ничего не предпринимали, чтобы очиститься от реальной и куда более серьезной, внутренней, нравственной нечистоты — алчности и лукавства (см. 11:39). Для преодоления алчности не нужно омыwać руки водой, возвращаясь домой с рынка, или очищать снаружи чашу, наполненную несправедливо приобретенными богатствами. Следует раздать содержимое такой чаши бедным (см. 11:41). В подобной ситуации сосредоточенность на обрядах чревата опасностью обратить знаки из символических ориентиров нравственного поведения в его суррогаты.

Далее Христос обвинил их в том, что в своем стремлении соблюдать Божьи законы фарисеи утратили чувство меры: платили десятину с мяты, руты и всякой зелени, но пренебрегали справедливостью и любовью Божьей (см. 11:42). Они доходили до фанатичных крайностей в формальном соблюдении закона, однако решительно игнорировали его смысл и направленность. В отличие от многочисленных омовений, которые фарисеи сами добавили к закону, уплата десятины изначально входила в закон. Разумеется, когда человек начинает платить десятину с каждой маленькой травинки, это дает основания предположить, что в своей добросовестности он преступает пределы разумного; однако если бы фарисеи искренне считали, что соблюдение закона действительно следует доводить до такой крайности, Христос не стал бы им возражать, чтобы не оскорблять их добрых намерений. Христос сказал, что закон об уплате десятины следует соблюдать (см. 11:42). Но при этом уплата десятины оставалась второстепенной обязанностью в сравнении с несоизмеримо большим долгом любить Бога и поступать по справедливости с ближними. Бо-

лее того, десятина была установлена в Израиле как форма проявления любви дающего к Богу посредством оказания поддержки слугам Его храма и как демонстрация Божьей любви к пришельцу, сироте и вдове (Втор. 14:29). Платить десятину с мяты и руты, однако при этом поступать несправедливо с пришельцем, сиротой и вдовой и не проявлять любви к Богу значило насмеяться над смыслом десятины и ее истинной целью и превратить уплату десятины в духовно пустую финансовую операцию.

Затем Христос вскрыл побудительные мотивы фарисеев, из-за которых их религиозная активность оказывалась в значительной мере несостоятельной, несмотря на то, что сами по себе поступки могли заслуживать похвалу: фарисеи любили сидеть на почетных местах в синагогах и слушать приветствия в свой адрес на площадях (см. 11:43). Никто не может совершать религиозное действие ради самовозвеличивания и одновременно во славу Божью.

Более того, как только самовозвеличивание становится одним из побудительных мотивов поведения, нравственное чутье разрушается. В конечном итоге это может сделать невозможной веру в Христа. Как сказал однажды Христос, «...как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» (Ин. 5:44).

Наконец, Христос обратил внимание фарисеев на то, как сильно воздействовала их ложная святость на окружающих. Находясь под впечатлением внешней религиозности фарисеев, их строгой приверженности обрядам и правилам, люди теряли чувствительность к разложению и порокам фарисеев, которые те обнаруживали в своей личной жизни и делах; и тогда люди начинали думать, что все, что ни делали эти «святые»

люди, с нравственной точки зрения вполне приемлемо, и без угрызений совести следовали их примеру, предаваясь алчности и злобе. Печальная ирония сложившегося положения ярко отразилась в образной характеристике этих фарисеев, данной Господом на основании их собственных обрядовых норм (см. 11:44). Согласно Ветхому Завету (см. Числ. 19:11-22), человек, прикоснувшийся к мертвому телу или кости, становился с обрядовой точки зрения нечистым. Из-за этого гробницы обычно отмечались отчетливым знаком, так как, в противном случае, какой-нибудь человек, например, направлявшийся в храм паломник, мог случайно пройти по гробнице и тем самым осквернить себя, а затем распространить скверну в храме (см. Числ. 19:13). Ирония положения состояла в том, что, когда фарисеи придавали такое большое значение внешней приверженности обрядовому очищению и при этом, к сожалению, не стремились к истинной внутренней святости, они уподоблялись ничем не отмеченным гробницам, только были еще хуже, потому что становились разносчиками нравственной скверны среди ничего не подозревающих людей.

Нет нужды упоминать, что не все фарисеи были подобны тем, кого осудил наш Господь; и даже трижды повторенные Им слова «горе вам, фарисеи» (см. 11:42-44) скорее являются выражением печали, нежели окончательным обвинительным приговором. Однако в них звучит и предостережение, адресованное нам. Когда дело касается принятия самых важных в нашей жизни решений, к религии следует относиться крайне осторожно: религиозные соображения всегда пользовались и пользуются дурной славой за то, что, исходя из этих соображений, люди склонны утрачивать чувство меры, и формулировать ошибочные утверждения о приоритетах.

Услышав, как Христос обвиняет фарисеев, законники начали возражать Христу (11:45-52), потому что именно последние с помощью экзегетики выводили из Ветхого Завета те подробные нормы и правила, которые первые старались соблюдать. Из обличения Христом фарисеев следовало, что законнические экзегезы Ветхого Завета являются ошибками и извращениями; заявление о том, что система экзегетики, принятая в раввинских школах, принципиально ошибочна, было настолько радикальным, что законники, видимо, были не уверены, действительно ли Христос имел в виду именно это, понимал ли Он, на что посягал в своей критике. «Учитель! — сказал один из законников, — говоря это, Ты и нас обижаешь». Однако вместо того, чтобы извиниться или поправиться в Своих замечаниях, Христос начал обвинять теоретиков так же прямо и без обиняков, как перед этим обвинял практиков.

Первое обвинение состояло в том, что они возложили на людей тяжелое бремя, однако сами не касались его даже пальцем (см. 11:46). Под тяжелым бременем, конечно же, подразумевались те горы норм и правил, которые законники выработали, исходя из своей экзегетики библейских текстов (им свои интерпретации казались глубокими и мудрыми, нам же они нередко кажутся весьма странными). Эти нормы и правила были настолько сложными, что человеку, желавшему определить, нарушает он закон или нет, самому приходилось становиться опытным и искушенным законником; а искреннее стремление соблюдать все эти правила превращало нравственные и религиозные обязанности в невыносимое бремя (ср. Мф. 11:28-30). Что же касается второй части обвинения Христа, то ее истолковывали по-разному. Некоторые полагали, что Христос обвинял законников в том, что,

возложив на других тяжелое бремя, они не пытались сами поступать так, как учили других, и вместо этого использовали свою искушенность в казуистике для того, чтобы изобретать все новые и новые лазейки и окольные пути, позволявшие им самим уклоняться от этого бремени. В случае с учеными законниками-иудаистами в какой-то мере так оно, конечно же, и было; более того, любой, кто занимается теоретическими изысканиями в области религии, порой, сталкивается с искушением считать, что накопленные им в процессе изучения Библии опыт и знания почему-то дают ему право игнорировать необходимость самому следовать тем правилам, которые, как он полагает, нужны для окружающих. Однако ученые законники-иудаисты действительно следовали многим изобретенным ими правилам и гордились этим. Поэтому с большей вероятностью можно было бы предположить, что наш Господь имел в виду их бессердечное, лишенное сострадания буквоедство: их радовала возможность установить новый закон, но не интересовало, нуждаются ли презируемые ими простые люди (см. Ин. 7:49) в помощи или в ослаблении гнетущего их бремени. Примеры такого отношения нетрудно обнаружить в рассматриваемом отрывке. Мы уже прочитали о людях, которые утверждали, что произведенное Христом избавление человека от немoty было делом рук дьявола (см. 11:15). В 13:10-16 мы прочтем о других, но придерживающихся сходных взглядов: пустые буквоеды, они будут настаивать, что нельзя исцелять людей в субботу, лучше оставить их мольбы без внимания.

Второе обвинение против законников состояло в том, что в глубине души они ничем не отличались от тех своих предков, которые убивали пророков.

«...Строите гробницы пророкам, которых избili отцы ваши», — сказал им Христос (11:47). Тем самым, — утверждай Он (11:48), — они не только свидетельствовали о том, что пророков убивали именно их отцы, но и о том, что они одобряли содеянное отцами.

На первый взгляд, может показаться, что это слишком суровое или даже несправедливое обвинение. Разве то, что они строили гробницы пророкам, не свидетельствовало об их покаянии, не было попыткой смягчить содеянное отцами? Христос дает на это отрицательный ответ. Чтить умершего пророка и духовно обогащаться его наследием значит исполнять то, что он проповедовал. Раз Осия объявил именем Господа: «Я милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6), значит, чтящие Осию должны не строить ему монументальную гробницу, чтобы поклоняться ей как святыне, а, как призвал законников-буквоедов Христос (см. Мф. 9:13), следовать словам Осии и проявлять милость и сострадание. Однако эти ученые законники уже собирались, действуя заодно с фарисеями, подвергнуть Христа преследованиям за то, что Он осудил их бездушное буквоедство и нравственное двуличие, и были охвачены такой же смертоносной яростью, что и их отцы, когда в былые дни их обличали пророки (см. 11:53-54). Для таких людей поклонение останкам мертвых пророков было не чем иным, как суеверием.

А посему к Своему второму обвинению Христос добавляет еще более суровое заявление (см. 11:49-51). Среди всех поколений в истории Израиля поколению современников Христа было оказано наибольшее предпочтение: именно на них должен был обрушиться Божий гнев и накапливавшееся в течение всех этих веков возмездие. В заявлении Христа отразился чрезвычайно важный принцип Божьего провиденциаль-

ного правления. Если вмешательство Божьего суда происходит в различные моменты человеческой истории, еще до срока последнего суда, который эту историю увенчает, и если Бог не вершит Свой суд над каждым поколением в отдельности, сразу же после того, как оно согрешило, то возникает вопрос, справедливо ли, что накапливаемое в течение многих веков Божье возмездие обрушивается на какое-то одно конкретное поколение¹.

Христос дает здесь ответ на этот вопрос (см. 11:49-51). Люди его поколения занимались тем, что строили гробницы пророкам, которых убили их предки. Чтобы никто не остался в заблуждении, думая, что современники Христа делали это в знак своего покаяния, Бог, в Своей мудрости, послал этому поколению таких пророков и апостолов, слышать которых не устаивалось ни одно из прошлых поколений: величайшего из пророков — Иоанна Крестителя, затем — Самого Мессию и, наконец, — христианских апостолов. Ни перед каким другим поколением Благая весть не представляла в таком чудесном и величественном свете. Отвергая этих пророков и апостолов, а также их благовестие, современники Христа показали, что встают на сторону своих отцов, в свое время убивших других пророков и, тем самым, должны разделить с ними их вину. А поскольку они отвергли даже больших пророков и апостолов, то они оказались еще более виновными. Таким образом, возмездие за убийство всех пророков от сотворения мира справедливо обрушилось именно на это поколение.

Этот суровый принцип Божьего суда нашел свое воплощение в 70 г. н. э., а затем в 135 г. н.э., когда Бог

---

¹ *Примерами такого суда в Ветхом Завете могут служить потоп и пленение.*

допустил, чтобы римляне разрушили Иерусалим и Иерусалимский храм, а также истребили, взяли в плен и обрекли на изгнание множество жителей Иерусалима, превратив его в языческий город (21:20-24; 1 Фес. 2:14-16). И в еще большей степени этот принцип подтвердится в отношении отступившего от Бога христианского и иудаистского мира при наступлении конца времен.

Последнее обвинение, выдвинутое Христом в адрес законников, было, пожалуй, наиболее изобличающим. «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали» (11:52). В конце концов, ведь именно законники должны были объяснять Писание, чтобы простым людям было легче его понять, покаяться, уверовать, спастись и приобщиться к духовным сокровищам Божьего слова. Однако в своей экзегетике законники так далеко уклонились от этой цели, что не только сами оставались в неведении относительно истинных сокровищ Писания, но и делали так, что простому человеку, который знакомился с их трудами, становилось после этого в тысячу раз сложнее понять Божье слово. Такая экзегетика опровергает самую себя.

Обличение фарисеев и законников — один из наиболее суровых отрывков во всем Писании. Оно является уроком и для нас. Если в Действии 1 пример Марии и неизвестной женщины, воздавшей хвалу Христу, побуждает нас слышать и соблюдать слово Божье, если в начале Действия 2 пример Царицы Юга побуждает нас искать Божьей мудрости, то остальная часть Действия 2, безусловно, является суровым предостережением, показывающим, как опасно не понимать Слова Божьего и как опасно не при-

слушиваться к Божьей мудрости. Божье слово даровано людям для спасения: однако они могут использовать его во вред, извращая его «к собственной своей гибели» (2 Петр. 3:16).

iii. Преодолеть страх перед противодействием (11:53-12:12). К тому времени, когда обед в доме фарисея подходил к концу, атмосфера там должна была быть весьма и весьма напряженной. Когда Христос покидал дом, «книжники и фарисеи начали сильно приступать к Нему, вынуждая у Него ответы на многое, подыскиваясь под Него и стараясь уловить что-нибудь из уст Его, чтобы обвинить Его...» (11:53-54). Описывая отношение фарисеев и книжников к Христу, Лука использует выражение из языка охотников, переведенное на русский как «подыскиваться» и означающее «устроить засаду». Они преследовали Христа подобно тому, как охотники преследуют дикого зверя, тесня его здесь и там, чтобы направить его в нужную им сторону. Им хотелось спровоцировать Христа, вынудить Его сказать что-нибудь сгоряча, чтобы затем подхватить Его слова и на их основании выдвинуть обвинение или заманить Его в ловушку. Тем временем (см. 12:1) вокруг собралось столько народа, что люди начали напирать друг на друга. Учеников это, наверное, сильно испугало, именно в такой ситуации их должно было охватить искушение сказать самим себе, что вера — дело личное и никого более не касающееся и нет никакой нужды вот так, у всех на виду, объявлять о своей приверженности Христу. Поэтому Христос начал с того, что объяснил им, почему необходимо, чтобы они исповедали Его принародно, сколь бы пугающей ни казалась им эта необходимость, а затем научил, как бороться со своим страхом и превозмогать его.

Прежде всего Христос предупредил их, чтобы они не пытались лицемерно скрывать свою истинную веру, и основывалось Его предупреждение на том, что в конечном итоге скрыть ее все равно невозможно: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях» (12:2-3).

Греческое слово из стиха 2, переведенное на русский язык как «тайное», — это *kypton*, и мы вновь вспоминаем 11:33, где Христос замечает, что «...никто, зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте (т.е. в *eis kyptēn*)... но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет». Тогда наш Господь предостерегал людей, чтобы они не позволили своему оку оказаться окутанным такой пеленой, что свет Божьей истины не сможет пробить дорогу в их погруженные во мрак сердца. Теперь, в 12:1-3, Он предостерегает нас против противоположной опасности — препятствовать проникшему в наши сердца Божьему свету выйти наружу и сделаться явным для окружающих.

Но как человеку преодолеть страх, вызывающий искушение сохранить свою веру во тьме? Мы никогда не сможем полностью избавиться от всякого страха, да и не должны к этому стремиться (если иметь в виду не страхи невротического происхождения, а тот страх, который является оправданным и полезным). Страх — это защитный механизм, заложенный в нас самим Творцом. Поэтому Христос не говорит нам, чтобы мы ничего не боялись, Он просто хочет подчеркнуть, что бояться следует того, что действительно внушает наибольший страх; такой страх избавит нас от менее серьезных страхов. Никто не спорит, что страшно подвергаться угрозе физической расправы; но совершившие

такую расправу больше уже ничего не смогут сделать. Поэтому крайняя близорукость из-за боязни людских гонений отречься от Бога, которому подвластно безгранично большее, нежели людям: «Но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну; ей, говорю вам, того бойтесь» (12:5). И этот, больший, страх избавит нас от меньших страхов.

Однако страх перед силой Бога — лишь одно из орудий борьбы со страхом перед людскими гонениями: другое такое орудие — это вера в то, что Бог всему знает истинную цену (см. 12:6-7). Он помнит и про пятую птичку, которую дают в придачу тому, кто покупает четыре. Даже волосы у нас на голове сочтены. Живем мы или умираем, Бог всегда знает, что с нами происходит и помнит о нас. А раз так, то все, что нам остается узнать, — это какую ценность мы для него представляем. «Вы дороже многих малых птиц», — говорит Христос, — и Его крест свидетельствует, насколько дороже.

Далее следует призыв (см. 12:8-9) выработать правильное представление о приоритетах в другой области. Мы не были бы людьми, если бы не испытывали весьма горьких чувств, видя, как нас отвергают наши ближние. Однако, исповедуя Христа, нам, порой, приходится через это проходить. Поэтому мы должны помнить, что существуют только два суда. Есть суд человеческого общества и мнение людей. А есть суд небесный и высокое мнение ангелов. Необходимо определить, решение какого суда для нас дороже. Отвергнуть Христа на земле перед людьми значит быть отвергнутым на небе перед Божьими ангелами; исповедать же Его перед людьми значит быть исповеданным Им перед Божьими ангелами (см. 12:8-9).

Наконец, в 12:10-12 Христос предлагает нам сравнить несколько грехов по степени их серьезнос-

ти. Слово, сказанное против Сына Человеческого, простится, однако хула на Святого Духа прощена быть не может; цель этого замечания становится ясной из заключительных стихов Действия 2, 12:11-12. Верующие во Христа, как предупреждает Христос Своих учеников, должны быть готовы к тому, что люди захотят их судить. Многие ученики испугаются. Чтобы успокоить и вразумить их на этот случай, Христос сообщил им две важных вещи. Во-первых, им не придется заботиться, что отвечать в свою защиту: этому их научит Святой Дух. Во-вторых, Святой Дух использует свидетельство христиан, чтобы публично, перед судом представить Свое чудесное, божественное и окончательное свидетельство о том, Кем является Христос. Это будет процесс не столько над христианами, сколько над самим судом. Пусть любой судья, обвинитель, свидетель осознанно, намеренно и целенаправленно говорит хулу на свидетельство, которое совершает посредством верующих Святой Дух, в этом случае он безрассудно совершит непростительный и обрекающий его на вечное проклятие грех; земная жизнь этого человека может продолжаться, но он уже переступит тот порог, из-за которого нет возврата. Возможные последствия для свидетелей, судей и обвинителей на таком суде настолько плачевны, что сочувствие, которое может зародиться в сердце верующего к тем, кто его преследует, превзойдет его жалость к самому себе (см. Деян. 7:60).

Действие 3. Правильное отношение к собственности (12:13-53)

і. Спор двух братьев (12:13-21). В первом эпизоде Действия 3, как и в первом эпизоде Действия 1, описывается семейный спор. Сходство двух эпизодов оче-

видно; но в данный момент нас больше интересуют различия между ними. Целью первого эпизода Действия 1 было показать, как правильно распределять наше время, а именно, что труд не должен быть в ущерб вниманию к Слову Божьему. Цель настоящего эпизода — показать, как следует делиться своим имуществом с другими. Тем самым определяется тема всего Действия 3: главным в нем будет вопрос о материальной собственности человека, о необходимости правильно к ней относиться.

«Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство», — раздался голос из толпы, и мы не можем с уверенностью сказать, насколько обоснованной была жалоба, так как Христос отказался выступать в роли судьи. Возможно, что у этого человека действительно были основания жаловаться на брата. Но Христос не считал, что должен разрешать имущественные споры между теми, кто не принадлежал к числу Его учеников (12:14). Разумеется, наступит день, когда Он будет «судить и делить» всех; но тогда, когда Он находился на земле, это время еще не пришло. Не пришло оно и по сей день. Более того, Христос воспользовался Своим отказом рассматривать это дело для того, чтобы предостеречь людей против алчности и корысти; суть Его предостережения вполне очевидна. Когда речь идет о материальной собственности, Христос не считает, что в любых обстоятельствах лучше всего — добиться удовлетворения своих законных прав. Возможно (хотя и не обязательно), что, отстаивая наши законные права на какую-то материальную собственность, мы исходим при этом из соображений корысти. Христос никогда не будет оказывать нам помощи в достижении такой «победы». «...Смотрите, — сказал Он, — берегитесь, всякой (т.е. любого рода и в любое

время — Д.Г.) корысти» (12:15 — *перев. В. Н. Кузнецовой*). Очевидно, что корысть может скрываться под разными масками и присутствовать даже там, где она кажется нам незаметной.

В греческом оригинале слово, переведенное как «корысть», — это *pleonexia*. Любопытно, что оно означает «владение или желание владеть большим (т.е. большим, чем то, что полагается по справедливости)». Однако еще более любопытно то, почему, как говорит Христос (см. 12:15), нам необходимо опасаться такой корысти. Вторая часть стиха 12:15 переведена с греческого так: «жизнь человека не зависит от изобилия его имения». Однако греческое слово, переведенное на русский язык как «изобилие», имеет два значения: «обилие, большое количество» и «избыточное количество, больше, чем достаточно», и могло бы истолковываться двояко, однако из приведенного Господом в этой связи примера становится вполне очевидно, что в слово «изобилие» вкладывался смысл «избыточное количество, больше, чем достаточно»¹.

Буквальный перевод с греческого второй части стиха 12:15 будет звучать так: «Жизнь человека состоит не в том, что у него с избытком имеется то, чем он владеет». Итак, наш Господь не говорит, что человеку не нужно или вредно владеть тем, что ему действительно необходимо для жизни: Его мысль состоит в том, что, хотя есть вещи, которые и в самом деле необходимы для жизни, жизнь человека не зависит от того, что он имеет с избытком, в большем объеме, чем требуется для удовлетворения его нужд.

---

¹ В других трех случаях, когда это греческое слово употребляется в Евангелии от Луки, отчетливо виден мотив избыточности: «...и оставшихся... кусков набрано двенадцать коробов» (9:17); «...избыточествуют хлебом...» (15:17); «...от избытка своего...» (21:4).

Перед богатым селянином из притчи стояла проблема. На его полях созрел такой небывалый урожай, что этого было достаточно не только для удовлетворения насущных потребностей, но и на многие годы вперед (см. 12:17, 19). Таким образом, возникала проблема, что делать с излишками. Богач решил убрать их в хранилище. Но тогда возникла другая проблема: как это сделать? В его амбарах не было столько места (12:17). Решение второй проблемы он увидел в том, чтобы снести свои старые амбары, выстроить на их месте новые, собрать туда все свои излишки и затем отойти от трудов и в течение многих последующих лет веселиться и наслаждаться жизнью.

Бог назвал его решение безумным. Во-первых, этот человек забыл, что его физическая жизнь дана ему лишь взаймы. Она может быть востребована в любой момент. Более того, ее должны были востребовать уже в ту ночь, когда он принял свое решение. И как только его жизнь была окончена, сразу же стало ясно, что решив накапливать свои излишки на земле, богач тем самым совершил две прискорбные ошибки. Он так и не сможет насладиться этими излишками, и они попадут в другие руки (см. 12:20), кроме того, решив составить из этих излишков богатство для самого себя, а не употребить их в соответствии с непреходящими целями Бога, он не будет богатеть для Бога (*в англ. переводе — rich toward God — прим. ред.*).

Исходя из этого, мы можем извлечь первый урок Действия 3. Имущество даровано нам не только для того, чтобы мы могли жить в этом материальном мире, но и чтобы с его помощью мы богатели для Бога; чтобы, вкладывая свое имущество в достижение Божьих целей, обращали недолговечные, материальные, земные предметы в непреходящие сокровища. Не делать этого — зна-

чит лишать себя тех духовных богатств, к которым, в конечном счете, только и имеет смысл стремиться.

ii. Блага, уготованные истинным служителям (12:22-48). Притча о глупом богаче была обращена ко всему собравшемуся народу, но она содержала в себе нечто важное и для учеников. И теперь Христос более подробно развивает тему Божьего богатства, говоря о благах, уготованных ученикам. Первый урок состоит здесь в том, какое воздействие оказывает приобретаемое нами сокровище на наши сердца: «...где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (12:34). Накапливайте свое сокровище на земле, и оно неизбежно будет притягивать ваше сердце к земле. Накапливайте его на небесах, и оно будет увлекать ваше сердце, а с ним и цели, устремления и желания, к небу. Как могут небеса казаться реальными для того, кто не хочет вкладывать свои средства в достижение небесных целей? Тот же, кто это делает, видит, что небеса становятся для него все более реальными.

Для того чтобы вкладывать свои ресурсы в достижение небесных целей, нужно освободиться от заботы (см. 12:22) и страха (см. 12:32). Если человека гложет тревога, хватит ли ему пищи и одежды, то он должен специально следить (*careful*), чтобы пища и одежда не стали основным предметом его устремлений, а гораздо более важные вещи не отошли на задний план или вообще перестали иметь для него значение. Итак, чрезвычайно важно, чтобы мы понимали роль пищи и одежды правильно. И пища, и одежда необходимы, они делают возможной нашу земную жизнь. Однако главная цель жизни состоит не в том, чтобы употреблять достаточное количество пищи. И наши тела даны нам не для того лишь, чтобы мы тра-

тили наше время и энергию на приобретение для них одежды (см. 12:22-23). Тело и жизнь даны нам для того, чтобы мы могли искать Божьего Царства, Божьей власти и воли. «...Ищите Царствия Божия», — говорит Христос (12:31), тем самым напоминая и подкрепляя Свой призыв к тому, чтобы нашей главной молитвенной просьбой была просьба об установлении Божьего Царства. Именно в этом и состоит главная цель жизни: искать Божьей власти, стремиться к тому, чтобы она уже здесь и сейчас утвердилась в нашей жизни и распространилась на жизнь окружающих; искать, молиться и трудиться ради грядущего Божьего Царства, которое установится во всем мире после возвращения Христа. И Христос ручается, что, если мы откажемся жить так, как живут люди мира сего, делающие пищу и одежду главной целью своей жизни, и вместо этого поставим превыше всего Божье Царство, то Бог, наш небесный Отец, знающий о нашей нужде в пище и одежде, Сам позаботится о том, чтобы мы их получили (см. 12:30-31).

Посмотрите на воронов, говорит Христос. Они не жнут и не делают запасов пищи. Казалось бы, им не выжить в мире, где идет такая острая борьба за выживание. Однако они живут. Их питает Бог (см. 12:24).

В этой связи необходимо сделать целый ряд замечаний. Христос не хочет сказать, что птицам нет нужды трудиться, чтобы получать свою пищу. Им приходится трудиться, да еще как. Во-вторых, Христос не говорит, что, раз вороны не сеют, не жнут и не делают запасов на будущее, то и нам ничего этого делать не следует. Бог питает воронов, несмотря на то, что Он не наделил их способностью сеять, жать и делать запасы. Белку Бог наделил инстинктом делать запасы (разумеется, не на двадцать лет вперед, как это

сделал глупый богач!); именно так — посредством этого инстинкта — Бог кормит белку; если же белка не воспользуется данной ей способностью, то нужные ей орехи и грибы сами к ней не придут. Бог наделил нас несравненно большими способностями, нежели воронов или белок. И питает Он нас благодаря тому, что мы пользуемся этими способностями. В-третьих, Христос смотрел на вещи достаточно реалистически, чтобы заметить, что птицы стареют, становятся жертвами болезней, врагов, голода: в Мф. 10:29 приведены его слова о том, что ни одна из птиц *не упадет на землю* без воли Отца. И из приведенного Христом примера отнюдь не вытекает, что ни один верующий никогда не умрет от холода и голода. Христос хочет сказать следующее. Покуда Богу требуется, чтобы мы оставались в этом мире, познавая и воплощая в жизнь принципы Божьего Царства, трудясь ради его расширения и молясь о его приходе, Бог будет заботиться о том, чтобы у нас была необходимая для нашего земного пути пища и одежда. Когда мудрому Богу будет угодно, чтобы наш земной путь подошел к концу, все наши заботы и тревоги не смогут прибавить к этому пути даже самого малого: а после того, как он окончится, у нас исчезнет нужда в пище и одежде. Зачем же в таком случае тревожиться о меньшем — о пище и одежде, — когда нет смысла тревожиться и о самом большом? (см. 12:26).

Для того чтобы понять, каким образом сказанное выше связано с нашей повседневной жизнью, рассмотрим один конкретный пример. Очевидно, что взяточничество и коррупция противоречат принципам Божьего Царства. Предположим, что христианину, работающему в какой-то организации, говорят, что если он откажется брать взятки, то его уволят с рабо-

ты. В такой ситуации, несмотря на увольнение с работы и все вытекающие из этого потери, христианин должен сохранять верность Божьему Царству. Бог же обязательно позаботится, чтобы у такого человека было достаточно пищи и одежды. Следовательно, послушание Божьей власти в этом мире можно положить в основу повседневной жизни. Однако предположим, что этот человек боится довериться Богу и соглашается брать взятки, чтобы его не уволили и не лишили возможности зарабатывать на пищу и одежду для себя и своей семьи. В этом случае, согласно принципам, которые отстаивает Христос, такой человек утратит самую цель своей жизни, которой, собственно, и определяется необходимость в пище и одежде.

Итак, мы представляем из себя гораздо большую ценность, чем птицы (см. 12:24). В 12:6-7 Христос использовал почти те же самые слова, чтобы укрепить Своих учеников перед лицом грядущих преследований. Сейчас, в 12:24, Он использует их снова, чтобы укрепить Своих учеников перед лицом искушений, связанных с каждодневным трудом в суровом человеческом мире. В одних странах христиан преследуют, в других — нет. Не исключено, что противостоять искушениям, связанным с повседневным трудом, иногда бывает труднее, нежели — прямым преследованиям.

Сначала Христос говорил о пище (см. 12:24), затем Он переходит к одежде (см. 12:27-28). И здесь в качестве примера Он приводит уже не птиц, но цветы, так как речь пойдет уже не о нашей большей ценности, а о нашей долговечности. Цветы быстро увядают, и все-таки Бог прилагает немало усилий, чтобы их украсить. Они настолько недолговечны, что может возникнуть вопрос, а стоит ли тратить на них так много сил? Но

Бог это делает. И разве Бог не позаботится о том, чтобы одеть и украсить нас, раз уж мы куда долговечнее цветов (и, как показано в примере с Соломоном и в примере с лилиями, — отнюдь не во что-то неопределенное, серо-буро-малиновое)?

Итак, в 12:22-31 речь шла о приобретении пищи и одежды; в 12:32-34 рассматривается вопрос о том, как поступать с уже приобретенной материальной собственностью: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню» (12:33). Для того чтобы правильно понять смысл этого повеления, необходимо обратить внимание на его контекст. Христос не настаивает на том, что у христианина ни в коем случае не должно быть какой-либо собственности. Не было ничего греховного в том, что у Марфы был дом (см. также Деян. 5:3-4); Сам Христос с радостью воспользовался возможностью остановиться в ее доме. Не выступает Он и против того, чтобы христианин обладал ценностями. Совсем наоборот. Христианину следует стремиться к тому, чтобы накапливать как можно больше непреходящих ценностей, то есть материальные ценности он должен использовать так, чтобы накапливалось его богатство на небесах, которое никогда не оскудеет, не будет украдено и не подвергнется порче, то есть по мере своих сил он должен оказывать материальную помощь тем, кто в силу той или иной причины оказался нищим.

Наибольшим препятствием на пути послушания Христу здесь является страх (см. 12:32). Немногое, чем мы владеем, кажется нам настолько важным и ценным, что мы боимся расстаться с тем, что отдаем другим. В противовес нашему страху Христос позволяет нам увидеть наше имущество в правильном свете: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Цар-

ство». Обратите внимание, что глагол «благоволил» стоит в прошедшем времени. Радость и воля Его состояли в том, чтобы даровать это Царство, и оно было даровано. Более того, дарованное наследство подтверждено и обеспечивается не отменяемым заветом (см. Гал. 3:15-29). Зачем наследникам Вечного Царства бояться расставания с тем немногим, что находится в их временном распоряжении? Напротив, не надо ли нам бояться того, что у нас может оказаться слишком много имущества, которое не обращено в вечные ценности (см. 12:33)? Будем же молиться Богу, чтобы не пойти по пути фарисеев из 11:39-4, сочетавших внешние проявления религиозности, следование обрядам с низостью и скупостью в повседневной жизни.

Далее, в 12:35-48, Христос обращает внимание еще на одно обстоятельство, помогающее ученикам правильно понять назначение материальной собственности: это второе пришествие Господа. Здесь можно говорить о двойном уроке. Во-первых (см. 12:35-40), нельзя допустить, чтобы из-за нашего отношения к вещам материального мира пришествие Господа застало нас врасплох. Во-вторых (см. 12:41-48), по Его пришествии все Его слуги будут держать перед Ним отчет в том, как они поступали со своей материальной собственностью и со всеми прочими вверенными им дарами.

Итак, первый урок: время пришествия Христа нам неизвестно; однако когда бы это пришествие ни наступило, Христос хочет, чтобы мы были готовы Ему служить. Его желание вполне оправданно. Если изложить этот вопрос на языке Его притч и сравнений, то это будет означать следующее: коль скоро мы ожидаем, что Бог готов откликнуться, когда мы постучим в Его дверь, вполне естественно, что мы должны быть готовы исполнить все, что Он ни попросит, когда придет и постучит к нам в дверь (см. 12:36).

Одна из опасностей, связанных с материальными вещами, состоит в том, что они требуют к себе столько внимания, что мы забываем о Господе. У нас остается мало времени для духовного общения с Ним или для служения Ему. Как же, в таком случае, можно ожидать, что, когда неожиданно вернется Господь, мы сразу же окажемся подготовленными к той степени близкого и личного общения, которую Он обещает Своим верным слугам (см. 12:37)? Кроме того, наша повседневная жизнь — работа, хлопоты, связанные с добыванием пищи и одежды — как мы только что видели, является ничем иным, как тренировочной площадкой, на которой мы учимся следовать принципам Божьего Царства. Если, подобно людям мира сего (см. 12:30), мы потратили свою жизнь на то, чтобы накапливать ценности для себя, на земле, если, подобно фарисеям из 11:48, мы не предприняли серьезных попыток сделать Божью любовь и справедливость частью своей повседневной жизни, то как мы можем ожидать, что по возвращению нашего Господа окажется, что мы готовы царствовать вместе с Ним (см. 2 Тим. 2:12), а также со всей ответственностью истинных служителей утверждать и поддерживать в Его Царстве любовь и справедливость?

Второй урок становится понятным благодаря аналогии с управителем большого дома, которому господин перед отъездом доверил свое имущество, чтобы тот распоряжался этим имуществом на благо другим слугам. Чтобы правильно понять и использовать приведенную Христом аналогию, сначала необходимо задаться вопросом, возникшим у Петра в связи с первым из двух уроков: «Господи! к нам ли *(т.е. к Своим истинно обращенным, верующим ученикам — Д.Г.)* притчу сию говоришь, или и ко всем *(т.е. включая и невоз-*

рожденных людей, не верующих во Христа — Д.Г.)?» (см. 12:41). Ответ на этот вопрос, содержащийся в остальных частях Нового Завета, несомненно, состоит в том, что в то время, как истинным ученикам Христа вверены особые духовные дары (см. 1 Кор. 4:1-5; Тит. 1:7; 1 Петр. 4:10-11), ни один человек не является безраздельным собственником вещей и природных дарований: все люди остаются их простыми управителями. Мы ничего не принесли с собой в этот мир и, точно так же, как и глупый богач из притчи (см. 12:20), не возьмем с собой ничего, когда придет время этот мир покидать. Бог временно вверил вещи и природные дарования человеку, чтобы тот мог использовать их на благо ближних.

Истинно верующий во Христа проявит себя как верный управитель. Когда Христос вернется, Он вознаградит такого правильно распорядившегося вверенным ему в этой жизни имуществом управителя за верность. Он отдаст под его начало имущество настолько большое, что его размер даже трудно предугадать (см. 12:42-44). Но если человек поступает как неверный управитель и обманывает доверие Господина, использует находящиеся в его распоряжении вещи и природные дарования в услужение самому себе, обманывает ближних, угнетает нищих или, подобно фарисеям и законникам из 11:47-51, преследует истинных слуг Бога, то его неверность в качестве управляющего будет свидетельствовать о том, что он является неверующим. Вернувшись на землю, Христос объявит, что это неверующий, и поступит с ним соответствующим образом (см. 12:45-46). Конечно, можно говорить о разной степени верности или неверности, и лучший из верующих с готовностью признает, что является недостойным слугой (см. 17:10).

Однако в 12:45-46 наш Господь описывает крайний и очевидный пример. Человек может заявлять о чем угодно, но если он постоянно поступает не по-христиански, он не истинно верующий (см. Еф. 5:5; 1 Ин. 3:10), и второе пришествие откроет его подлинное лицо. Поэтому давайте вести себя так, чтобы быть уверенными, что при пришествии нашего Господа сможем рассчитывать и на Его обетование блаженства (см. 12:37-38) и на награду (см. 12:44), уготованную истинным слугам Христа.

Упомянув о наказании, которое будет определено для неверующих при втором пришествии, наш Господь должен был в заключение сказать и о двух принципах, на которых Он будет основываться, совершая Свой суд. Во-первых, чем больше человеку было известно о воле Господа, тем более суровым будет наказание, если он этой воли не исполнил (см. 12:47-48). Во-вторых, чем больше человеку было вверено, тем большую он будет нести ответственность (см. 12:48).

iii. Приход Христа возбуждает противодействие (12:49-53). В начале этого Действия мы видели, как Христос отказался «судить и делить» людей (12:14) во время Своего пребывания на земле. В 12:41-48 Христос подчеркивал, что во время второго Своего пришествия Он обязательно будет судить и разделять всех людей. Теперь, в заключительном разделе Действия, Он дает понять, что в определенном смысле уже сейчас Он вершит это разделение: вопреки распространенному мнению Он пришел не для того, чтобы дать земле мир, но принести огонь и противостояние (см. 12:49, 51).

Это утверждение, как и любое другое, необходимо рассматривать в контексте. Оно не подразумевает

противоречия более позднему новозаветному утверждению: «И, пришед, благовествовал мир вам, дальним и близким...» (Еф. 2:17). Но люди греховны и находятся под властью сатаны. Для того, чтобы они обрели мир с Богом, их необходимо лишить самоуспокоенности, привести к покаянию, вере и спасению. Уже одна лишь попытка предупредить людей об опасности того положения, в котором они находятся, вызовет противодействие и людей, и сатаны, как мы уже видели в 11:15, в 11:53-54 и вновь увидим в 13:14-17. И, раз не все придут к покаянию или возжелают спасения, должно состояться разделение, а с ним — и все, вытекающие из него последствия, как ограниченные временными рамками, так и вечные. Искупление человечества не было для Христа игрой; и проповедь во имя Христа — не шутка. Христос пришел не для того, чтобы сказать людям, что не важно, во что они веруют, что нет никакой разницы между добром и злом, ни здесь на земле, ни в вечности, что неважно, верят они Благой вести или нет, принимают Спасителя или отвергают Его. Христос пришел, чтобы принести и утвердить разделение. Необходимо принять решение: быть со Христом или против Христа (см. 11:23), с Богом или с дьяволом (см. 11:15-20), принять спасение или погибель, рай или ад. И если такое решение породило разделение **даже** в семье, значит так и должно быть (см. 12:52-53).

На протяжении последних двух лет Христос проповедовал «роду сему», и рано или поздно придет время утвердить это разделение. В каком-то смысле наш Господь с нетерпением ожидал этого времени: «Огонь пришел я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (12:49). И все же, последствия принятого Израилем решения будут настолько серь-

езными, что в Своем глубоком милосердии и посредством безмерной для Христа платы Бог не станет вынуждать Израиль принимать окончательное решение в отношении Иисуса, покуда не представит исчерпывающих свидетельств Его крещения: Его страдания, смерть, погребение и воскресение (см. 12:50). Разумеется, одной из целей Его пришествия было «очистить гумно Свое» (см. 3:17); однако, исполненный Божьего сострадания, Он не «сожжет огнем неугасимым» солому, покуда Сам не испытает на себе Божий гнев, предоставив тем самым возможность любому человеку спастись от этого огня.

Действие 4. Правильная оценка времени, оставшегося до суда, и наступившего времени (12:54-13:21)

i. Люди и знамения (12:54-59). Тема суда оставалась одной из наиболее важных на протяжении предшествующих Действий; не ослабевает она и в заключительном Действии 4. Здесь неотъемлемо присущая этой теме суровость еще больше усиливается тем, что приходится помнить о времени — об ограниченности того небольшого временного промежутка, который разделяет наш сегодняшний день от грядущих приговоров Божьего суда (вечных или временных), а также о времени действия приговора, который вынесет Высший суд. Вполне естественно, что уроки последнего Действия наш Господь адресовал Своим современникам в конкретной ситуации той эпохи; однако лежащие в основе этих уроков принципы не утратили своего значения и по сей день.

Первый урок состоял в том, что суд близок и неотвратим, и Христос осудил лицемерие тех, кто делал вид, что не может этого понять. Эти люди могли по природным приметам определить, что надвигается буря или грядет палящая зной. Как же в таком случае им было не

видеть примет нравственной и духовной бури, что бушевала вокруг (см. 12:54-56)?

Начать с того, что они вполне могли бы почувствовать растущую враждебность по отношению к Христу со стороны главных книжников, фарисеев и саддукеев. Что предвещала такая враждебность, если учесть долгую историю преследований, которые Израиль обрушивал на своих пророков? Против Христа уже были выдвинуты нешуточные обвинения: кое-кто зашел настолько далеко, что обвинил Его в союзе с сатаной (см. 11:15). Обвинение было нелепым; однако оно продемонстрировало решимость обвинителей не признавать, что Христос действует по воле Бога. А это означало, что в скором времени должен был состояться религиозный процесс с неизбежным исходом: обвинением в богохульстве и смертным приговором. Как можно было этого не видеть?

А когда власть предержавшие в конце концов добьются своего и предадут Христа смерти, о чем это будет свидетельствовать? Точно так же, как вслед за южным ветром обязательно приходит палящий зной, вслед за казнью невинного Господнего Помазанника (см. 4:18) на Израиль обрушится Божий гнев. Как принципы нравственности, так и исторический опыт должны были послужить предупреждением о неизбежном гневе. После того, как на протяжении прошлых столетий Израиль отвергал и преследовал пророков, в конце концов пришло время Божьего суда, обречшего Израиль на изгнание. Христос был больше Соломона, Ионы и всех пророков. Более того, Он был Тем Самым Грядущим, приход Которого пророки предсказывали (см. 4:17-21). Фарисеи и законники уже яростно ополчились против Его утверждений. Если в своем сопротивлении они не остановятся даже

перед казнью, то это дело выйдет из-под их юрисдикции и будет рассматриваться в небесном суде; и приговор, который вынесет Израилю этот суд, будет весьма суровым, а срок наказания долгим (см. 12:57-58). Израилю следовало принять чрезвычайно важное и быстрое решение. Он должен был понять, насколько необоснованными являются его обвинения против Христа и насколько серьезным — обличение Христом его грехов, и, пока еще не поздно, уладить это дело с Христом до суда.

Нам, разумеется, известно, как стали развиваться события. Вожди Израиля упорствовали в своем сопротивлении и не прошло и нескольких месяцев, как они приговорили Иисуса к смерти. Иисус не воспротивился и не стал мстить, но «предал *тò* Судии Праведному» (1 Пет. 2:23). Судия провозгласил правоту Иисуса и в подтверждение тому воскресил Его из мертвых и ниспослал во имя Его Святого Духа (см. Ин. 16:8-11; Деян. 2:36). Израилю было дано время для покаяния; но, когда весь народ отказался покаяться, на него обрушился «гнев до конца» (1 Фес. 2:16). Израиль был рассеян между язычниками, а Иерусалим отдан им во власть, чтобы язычники попирали его; пока не окончатся их времена (см. 21:24). Немало времени потребуется Израилю, чтобы отдать этот долг до последней полушки¹.

Однако участью, которая в соответствии с определением Божьего суда постигла народ Израиля здесь, на земле, все не исчерпывается. У каждого еврея в отдельности по-прежнему есть дело, которое нужно улаживать

---

¹ Само собой разумеется, если Бог использовал язычников для того, чтобы в течение какого-то времени верить Своему суду над Израилем, это ни в коей мере не оправдывает проявленную ими в отношении Израиля варварскую жестокость, как не оправдывало в прошлом ассирийские злодеяния против израильтян. Язычником еще постигнет кара за их антисемитизм. См. Ис. 10:5-15.

с Христом, и по-прежнему сохраняется возможность того, что оно однажды дойдет до высшего и последнего суда, приговором которого будет вечная погибель. Начиная размышлять в этих категориях, мы сразу же осознаем, что не только евреи, но и язычники находятся в таком положении. Жизнь — это путь, конец которого близок; а после смерти нас ждет суд (см. Евр. 9:27). Любому человеку необходимо приложить все усилия, чтобы уладить дело с Христом до того, как он подойдет к концу пути, и дело дойдет до суда.

Христос не выступает по отношению к человеку истцом (таково исходное значение греческого слова *antidikos*, переведенного на русский как «соперник» в 12:58. — *Прим. перев.*). В этом смысле соперником или противником человека назван дьявол (см. 1 Петр. 5:8). И Христос не будет обвинять кого-либо, будь то еврей или язычник, перед Отцом (см. Ин. 5:45), что постоянно делает дьявол (см. Откр. 12:10). С другой стороны, Христос свидетельствует, что обвинение против нас действительно существует: наши дела злы (см. Ин. 7:7); и Он настоятельно призывает нас принять Его спасение. Если мы будем оспаривать Его слова или проигнорируем их и наше дело станет рассматривать высший суд, то Христос предупреждает нас, что единственно возможный приговор — это приговор обвинительный, а единственно возможный срок действия приговора — вечность (см. Ин. 3:18-19, 36). Таким образом, Христос призывает нас, чтобы мы сами стали судьей в своем деле и уладили его в этой жизни и чтобы оно никогда не попало на рассмотрение последнего суда.

В других частях Нового Завета Христос просто и прямо говорит, как это можно сделать: «...слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня име-

ет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5:24). По-гречески эти слова звучат совершенно однозначно. В них не только утверждается, что верующий не будет осужден, хотя это само собой разумеется, но и подчеркивается, что его дело даже не дойдет до суда, так как оно уже улажено и верующий уже перешел от смерти в жизнь (ср. Рим. 8:1).

Многие люди не пытаются улаживать свое дело с Христом подобным образом, потому что думают, что это невозможно. Тем или иным способом они убедили себя в том, что предугадать исход последнего суда невозможно. Такие люди должны позволить Христу, Который будет Судьей на этом суде (см. Ин. 5:22), убедить их, что это возможно.

Другим кажется, что нет ничего срочного в том, чтобы уладить свои дела с Христом. Они пока еще не понимают, насколько безнадежно плохи эти дела, и что Бог уже прямо объявил об этом (см. Рим. 2:1; 3:19-23). Жизнь влечет их к последнему суду, а они пребывают во власти успокоительной, но абсолютно ложной иллюзии, думая, что, будучи несовершенными, они все-таки не настолько порочны, чтобы подвергнуться проклятию. Если они и дальше будут оценивать себя так нереалистично, то как раз проклятие их и ожидает. Им необходимо срочно показать, в каком состоянии находятся их дела. Именно к таким и подобным им людям обращены следующие уроки Христа.

ii. Уроки, связанные с покаянием (13:1-9). Первый из них состоит в том, как истолковывать злодеяния, подобные тем, что совершил Пилат в отношении некоторых галилеян (см. 13:1-2), и несчастные случаи, такие как падение Силоамской башни (см. 13:4). Современники Христа

верили в провиденциальное Божье правление, но, очевидно, что при этом они, как и многие до них и после них, были склонны считать, что жертвы подобных злодеяний и бедствий, должно быть, совершили какие-то особо тяжкие грехи, остававшиеся неизвестными для окружающих, пока Бог не сделал их явными, допустив, чтобы в наказание за них на этих людей обрушились столь сильные несчастья. Христос сказал, что такое истолкование ошибочно.

Атеисты, замечая, что злодеяния и бедствия нередко обрушиваются на хороших людей, обходя стороной законченных негодяев, делают вывод, что такая явная несправедливость доказывает их утверждение о том, что Бога нет. Подобное истолкование также ошибочно.

Некоторые злодеяния и бедствия могут постигнуть тех или иных людей или тот или иной народ потому, что Бог допускает это в качестве земного, ограниченного временными рамками наказания за особо чудовищные грехи. Однако не ко всем злодеяниям и бедствиям следует относиться как к Божьей каре, обрушивающейся на человека за особые грехи. Для того, чтобы извлечь правильный урок из таких событий, для начала необходимо подойти к ним совершенно с другой стороны. Все мы грешники. Сравнив себя с другими людьми, мы обнаружим немало реальных и, порой, весьма существенных различий. Однако все эти различия будут лишь количественными. Ни одно из них не может повлиять на тот печальный факт, что любой человек далеко не отвечает требованиям, которые предъявляет к людям Бог. Вся наша жизнь исполнена нечестия и неправды (см. Рим. 1:18-20; 2:1; 3:19). Удивительно не то, что Бог допускает, чтобы на некоторых людей обрушивались злодеяния и бедствия, а то, что есть люди, которых эта участь минует. Не подлежит сомнению (и Христос дважды со всей

серьезностью предупреждает об этом) (см. 13:3,5), что если мы не покаемся, то все погибнем, не обязательно в результате какого-то несчастного случая или злодеяния здесь на земле, но обязательно и навечно — из-за гнева Всемогущего Бога. Более того, если мы еще не погибли, это не означает, что мы чем-либо лучше тех, кого уже смело в вечность в результате какого-то злодеяния или несчастного случая. На то существует совершенно иная причина, как об этом свидетельствует второй урок данного раздела.

Этот второй урок (см. 13:6-9) имеет форму притчи о смоковнице, хозяин которой три года подряд приходил, чтобы снять с нее плоды. Так и не найдя ни одного плода, он приказал срубить дерево. Однако садовник попросил хозяина повременить с этим еще год, чтобы он мог еще раз прибегнуть к тем средствам, благодаря которым дерево могло бы начать плодоносить. Если и после этого у смоковницы не появится плодов, хозяину придется ее срубить. Нельзя рассчитывать, что ожидание продлится более одного года.

Трудно, пожалуй, сказать наверняка, какие из элементов этой притчи несут в себе аллегорический смысл; однако можно легко выделить три главных урока. Во-первых, Христос говорил Своим современникам, что если они не принесут угодные Богу плоды, то Бог не будет мириться с этим положением вечно. То же самое, разумеется, можно сказать о каждом человеке.

Во-вторых, следует обратить внимание на различие между словами Христа и тем, что говорил в свое время Иоанн Креститель (см. 3:9). В таких же образных выражениях Иоанн предупреждал людей, что секира уже лежит у корня деревьев. Достаточно будет приказания Хозяина, и садовник возьмет секиру и срубит все негодные деревья. Однако к тому времени, когда Хрис-

тос рассказывал эту притчу, приказание уже было отдано. Хозяин ждал три года (в течение земного служения Христа?), желая увидеть свидетельства покаяния и, не обнаружив таких плодов, приказал срубить смоковницу. Смоковница уже была бы срублена, если бы за нее перед Хозяином не походатайствовал садовник, добившись временной отсрочки, чтобы попробовать в последний раз добиться, чтобы дерево принесло требуемый плод. Следовательно, время жизни современников Христа было взято взаймы. То же самое относится и ко времени нашей с вами жизни (см. 2 Пет. 3:9-12). Мы вводим себя в заблуждение, если думаем, что приговор последнего суда в отношении не покаявшихся и неверующих еще неясен. Этот приговор уже вынесен (см. Рим. 3:19). Либо мы покаемся, либо погибнем.

В-третьих, современники Христа были не в большей мере, нежели мы с вами, обязаны предоставленной отсрочкой каким-то своим заслугам или доброте, и уж, конечно же, не могло идти речи об их нравственном превосходстве над теми, кого они считали безнадежными грешниками. Этой отсрочкой, согласно нашему пониманию притчи, они были обязаны ходатайствам Христа. Да, в 12:49-53 мы видели, как Христос проявлял Божье нетерпение, желая принести на землю огонь и привести дело к решающему концу. Здесь мы с вами видим обратную черту Его божественной сущности: Тот же Самый Иисус, исполненный Божьего сострадания, просит об отсрочке в исполнении приговора, чтобы у людей еще осталась возможность покаяться и спастись.

iii. Победа над теми, кто противодействует Христу (13:10-21). Мы переходим к заключительному разделу Действия 4. Как и в первых двух разделах, в нем говорится о краткости настоящего периода времени.

Однако если в первых двух разделах содержались суровые предупреждения о том, как мало времени осталось у людей, чтобы покаяться и спастись, то в последнем разделе звучит иной, радостный мотив: как долго ни находился человек под властью сатаны, он может в мгновение ока получить спасение. Чтобы прийти к Богу, нет нужды ждать и пяти минут. Однако для того чтобы преподать этот урок, Христос должен был бросить открытый вызов начальнику синагоги, считавшему, что из уважения к Божьему закону необходимо отложить спасение одной женщины до истечения субботы. Таким образом, нам с вами необходимо определить, каково было состояние женщины, в чем состояло чудо, совершенное над ней Христом, и каково истинное значение субботы.

Мы уже видели (см. Часть Вторая, Этап 2, Действие 1, раздел iii «Поражение противодействующего начала»), что история немого человека и его исцеления в 11:14-26 была не только рассказом о чуде, но и содержала в себе притчу. То же самое можно сказать и о чудесном исцелении женщины в 13:10-13, и это вполне закономерно. Независимо от того, чем именно было вызвано ее болезненное состояние, очевидно, что оно в значительной мере ущемляло ее человеческое достоинство: женщина постоянно ходила с согнутой спиной и не могла распрямиться. С одной стороны, речь шла о физическом состоянии. С другой стороны, выпрямленная поза — это не просто отличительный признак анатомии человека. Подобно способности говорить, которой лишил человека дьявол в 11:14-26, в этой характерной для человека физической черте отражается достоинство его нравственного и духовного положения как полномочного Божьего наместника, созданного по образу Божьему для вла-

дычества над всеми другими тварями (см. Быт. 1:26-27). Согнутая спина характеризует типичную позу находящегося под игом раба или человека, отягощенного тяжелым бременем, и, таким образом, становится естественным и ярким воплощением последствий гнета и порабощения. Более того, физическое состояние женщины объяснялось не только физическими причинами. Христос объявил, что оно было проявлением рабства, в котором ее держал сатана, чей исходный злой умысел состоял в том, чтобы лишить человека его удела и достоинства, низведя его до положения раба. Мало кто из людей имеет согнутую спину в буквальном смысле слова, однако если говорить о нравственной или духовной скрюченности, то можно сказать, что любой человек рано или поздно оказывается согбенным под тяжестью той или иной немощи, от которой у него нет сил освободиться.

Но вот однажды, согласно Луке, эта женщина доковыляла до синагоги, чтобы услышать там Божье Слово, ибо была суббота. Какие слова могли найтись в Библии для пребывавшей в подобном состоянии женщины? Само по себе, незамутненное фарисейской экзегетикой, слово Библии должно было прозвучать достаточно ясно. Возможно, вот так: «А день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. Не делай в *оний* никакого дела... И помни, что *ты* был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою» (Втор. 5:14-15). Или даже так: «Я Господь, Бог ваш, Который вывел вас из земли Египетской, чтоб вы не были там рабами, и сокрушил узы ярма вашего, и повел вас с поднятою головою» (Лев. 26:13). Однако начальник синагоги был фарисеем и, наверное, сказал ей, что если бы Бог и пожелал ее освободить — сделать так, чтобы

она встала с высоко поднятой головою, то никак не сегодня: был субботний день, и ее освобождение от рабства в субботу не послужило бы прославлению Бога. Однако начальник синагоги не успел еще вымолвить и слова, как кто-то другой возложил на нее крепкие руки и сказал: «женщина! ты освобождаешься от недуга твоего». Женщина «тотчас выпрямилась и стала славить Бога» (см. 13:12-13).

Начальник синагоги пришел в негодование и попытался выступить перед людьми с суровым осуждением женщины за то, что она пришла исцелиться в субботу; но Христос разоблачил его лицемерие и заставил умолкнуть. И начальник синагоги, и другие, ему подобные люди, не видели ничего дурного в том, чтобы в субботний день отвязывать своих волов и ослов от яслей и вести их поить, считая это необходимым актом милосердия. Но ведь теперь речь шла не о животном, а о человеке; и не просто о человеке, но о дочери Авраама (см. 13:16), о друге Бога, призванном, подобно Аврааму, ходить перед Богом (см. Быт. 17:1). В течение восемнадцати лет сатана удерживал ее согнутой в три погибели, чтобы она не могла обратить свой взор к небу или посмотреть в лицо своим соплеменникам, и ей оставалось лишь ковылять, пребывая в самом жалком и рабском состоянии. Получается, что животные заслуживают милосердия, а она нет? Неужели из-за узко понимаемой приверженности религиозным правилам на уже сломенную спину несчастной, следует взвалить еще одно невыносимое бремя, вместо того, чтобы освободить ее (см. 11:46)? Христос не мог согласиться ни с одним из этих выводов и твердо заявил, что освобождение человека от рабства сатаны является такой насущной необходимостью, что его нельзя откладывать на «потом»: наоборот, самое время сделать это в субботу.

От этих слов начальник синагоги и его единомышленники пришли в полное смятение, а собравшийся в синагоге народ радовался славным делам Христа (см. 13:17). Христос одержал победу. Конечно, освобождение и исцеление неизвестной женщины в безымянной палестинской синагоге было в некотором смысле лишь малой победой. Но из маленького зернышка этой победы вырастет дерево, больше и величественней древа Навуходоносора (см. Дан. 4:10-22). Придет день, когда его ветви раскинутся по всей вселенной и будут расти, покуда все творение целиком не освободится от рабства тлену и не обретет прекрасную, уготованную Божьим детям свободу. Тогда, при виде величия Божьего владения, все во вселенной исполнится покоя, довольствия и радости. В те времена, о которых повествует Лука, труд Христа на земле был еще незаметен: мало кто тогда слышал о Христе. Но, подобно закваске в тесте, Его труд будет возрастать, пока не охватит все сферы — небесные, земные и адские — и не останется уголка, где не чувствовалась бы Его победная сила (см. 13:18-21).

Тем временем воскресший Христос продолжает Свою борьбу с ложными толкованиями Божьего благовестия, которые удерживают людей в рабстве или пытаются поработить их опять, после того как они уже обрели свободу. Послушайте, как Он негодует устами Петра: «Что же вы ныне искушаете Бога, *желая* возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?» (Деян. 15:10). Прочитайте, что Он пишет рукою Павла: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5:1). Так пусть же Он позволит нам, тем, кто трудится вместе с Ним и благовествует людям, «...открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу...» (Деян. 26:18), пока избавлен-

ный от немоты и распрямившийся человек не будет царствовать в жизни посредством нашего Господа Иисуса Христа (см. Рим. 5:17).

КУДА ИДЕМ МЫ

Предварительный обзор

Третий этап повествования заключен между двумя упоминаниями о том, что Христос находится в пути: 13:22 и 17:11. Ведущая тема третьего этапа обозначена уже в самом первом эпизоде (см. 13:22-30). Описывая грядущее Царство, Христос говорит: «И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут¹ в Царствии Божием» (13:29). В 14:15-24 эта метафора перерастает в притчу, в которой Христос уподобляет грядущее Царство торжественному ужину. И у того, и у другого отрывка есть параллели в Евангелии от Матфея (см. 7:21-23, 8:11-12; 22:1-14); однако в 15:11-32 Лука приводит притчу о блудном сыне, параллелей не имеющую. В этой притче радость, вызванная возвращением блудного сына, выливается в веселый пир (см. 15:23-25), перекликаясь с радостью, которая, как говорится в 15:7, 10, охватывает ангелов на небесах при известии о кающихся грешниках. В 16:19-31 Лука приводит еще один важный рассказ, не имеющий параллелей в других Евангелиях. В нем речь идет о богаче, для которого блистательные пиры были делом повседневным (см. 16:19), однако в жизни, которая наступила после его смерти (*in the life to come*), ему пришлось страдать от неутолимой жажды (см. 16:24); в этом же рассказе говорится о нищем Лазаре, всю свою жизнь надеявшемся хотя бы крошками утолить свой голод, в ином же мире нашедшем покой и утешение на груди у Авраама (см. 16:21, 23, 25).

¹ Греческое слово *anaklinotai*, переведенное как «возлечь», означает «возлечь за столом». В древности во время пир за столом не сидели, а возлежали.

Таким образом, уже сама мысль о грядущих радостях вызывает в нас радость; однако по этой же причине третий этап отмечен невыразимо глубокой печалью. Во всех только что упомянутых нами четырех отрывках фигурируют люди, которых по той или иной причине эти радости обошли стороной. Мы обнаружим, что две группы людей попали в это положение ненамеренно и нет пределов постигнутому их разочарованию и отчаянию. Другие две группы отказывают себе в этих радостях осознанно, хотя опять же по разным причинам. Их сознательный отказ от спасения ужасает.

Вполне естественно, что по мере того, как, совершая Свой путь, Христос все ближе подходит к славному финалу, Он должен все чаще напоминать людям, что у их собственного жизненного пути может быть лишь один из двух финалов: один — в доме Отца, на пиру, исполненном радости и довольства, другой — вне пределов дома Отца, в вечной безысходности и горестях. А раз вполне возможно, что люди останутся вне дома Отца, то не удивительно, что Христос уделит немало времени тому, чтобы раскрыть перед нами разнообразные причины катастрофического финала, который ожидает некоторых из тех, кто совершает свой жизненный путь. Очевидно, что цель Христа — предостеречь нас, чтобы мы не перенимали глупых и обрекающих на погибель воззрений и способов поведения таких людей.

Анализируя содержание данного этапа повествования, можно сказать, что оно движется единым непрерывным потоком, в котором последний эпизод одного Действия является одновременно вступлением к теме следующего. Но, чтобы было лучше видно, как взаимосвязаны друг с другом различные элементы, а также какую роль играет каждый из них в формировании общей картины

УХОД ХРИСТА.

1 Славное сообщество святых (The glorious company of the saints) (13:22-14:6)

i. Погибшим отказано в их просьбах (13:22-30)

a «...Будет плач... когда увидите Авраама... и всех пророков в Царствии Божиим, а себя изгоняемыми вон».

b Он «...затворит двери...».

в «...Вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: «Господи! Господи! отвори нам». Но Он скажет вам в ответ: «не знаю вас, откуда вы... отойдите от Меня...»».

ii. Отношение Христа к неизбежности того, что Он будет отвергнут (13:31-35)

a «...Не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима».

2 Удовольствия и воздаяние должного на пиру Мессии (14:7-15:2)

i. Люди не принимают приглашения Господа (14:7-24)

Три притчи

1 О гостях: честь быть возвышенным.

2 О хозяевах: вечное воздаяние за истинное гостеприимство.

3 Люди приглашены на пир Мессии. Все они извиняются, что не могут прийти. Хозяин в гневе.

ii. Цена ученичества (14:25-35)

a «..Кто из вас... не сядет прежде и не вычислит издержек...».

ЭТАП 3 (13:22-17:10)

3 Радости искупления 15:3-16:18

i. Человек не откликается на зов отца (15:3-32)

Три притчи

- 1 Радость человека, нашедшего пропавшую овцу.
- 2 Радость женщины, нашедшей пропавшую серебряную монету.
- 3 Пир по случаю возвращения домой блудного сына. «...Старший же сын... осердился и не хотел войти; Отец же его... звал его...».

ii. Предусмотрительный управитель (16:1-13)

a «Сколько ты должен... сто мер... садись скорее напиши: пятьдесят».

4 Утешение и покой на небесах (16:19-17:10)

i. Погибшим отказано в их просьбах (16:19-31)

a «И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его...».

б «...Утверждена великая пропасть...».

в «И возопив сказал: отче Аврааме! ...пошли Лазаря... чтобы... прохладил язык мой... пошли его в дом отца моего... пусть он засвидетельствует...». Авраам отказывает в обеих просьбах богача.

ii. Отношение учеников к неизбежным прегрешениям (17:1-4)

a «...Невозможно не придти соблазнам...».

УХОД ХРИСТА.

б «...Пойдите, скажите этой лисице...».

в «...Сколько раз хотел Я собрать чад твоих... и вы не захотели!»

iii. Нужды человека и то, что приписывается Богу (14:1-6)

«Случилось Ему в субботу придти в дом одного из начальников фарисейских вкусить хлеба, и они наблюдали за Ним; и вот, предстал пред Него человек, страждущий водяною болезнью... При сем сказал им: если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не *тотчас ли* (выд. мной — Д.Г.) вытаскивает его и в субботу?».

б «...Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».

iii. Фарисеи обвиняют Христа (15:1-2)

По их мнению, Христос слишком снисходителен: «Фарисеи же и книжники роптали, говоря: Он принимает грешников и ест с ними».

ЭТАП 3 (13:22-17:10)

б «И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?»

б «...Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему...».

в «И если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится... прости ему».

iii. *Фарисеи насмеваются над Христом (16:14-18)*

По их мнению, Христос слишком строг: «...фарисеи, которые были сребролюбивы... смеялись над Ним. Он сказал им: ...скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет».

iii. *То, что причитается Господу, и нужды Его учеников (17:5-10)*

«Кто из вас, имея раба па́шущего... по возвращении его с поля, скажет ему: «пойди *скорее* (выд. мной — Д.Г.), садись за стол»? Напротив не скажет ли ему: «приготовь мне поужинать... и потом ешь и пей сам?»»

повествования, при составлении таблицы, отражающей основное содержание данного этапа повествования, мы делаем упор на тех четырех эпизодах, в которых раскрывается его ведущая тема (см. с. 406-409).

Действие 1. Славное сообщество святых (13:22-14:6)

і. Погибшим отказано в их просьбах (13:22-30). В Действии 1 с самого начала ставится насущный вопрос, который будет доминантой всего рассматриваемого этапа повествования. Это вопрос о спасении и о вступлении в грядущее Божье Царство.

«Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся?» Господь не стал говорить «да» или «нет», но в конце концов дал совершенно однозначный ответ: когда дверь Божьего Царства в конце концов закроется (и следует обратить особо серьезное внимание на то, что однажды это действительно произойдет), многие люди останутся снаружи. Более того, среди них окажутся и те, кто думал, что попадет туда. Будет слишком поздно, когда такие люди обнаружат, что их надежды на благополучный исход были беспочвенными — они утратили спасение, утратили неожиданно для себя.

Говоря об этих людях, наш Господь обращает внимание на два момента: во-первых, на то потрясение, которое они испытают, когда увидят, что остались снаружи, и, во-вторых, на ожидающее их разочарование и безысходность. Об их потрясении свидетельствует тот факт, что, постучав в дверь и услышав, как Хозяин отвечает из-за закрытой двери, что никогда их не знал, они возражают, что, напротив, Он, конечно же, их знает, ведь было время, когда они ели и пили в Его присутствии и Он учил на их улицах (см. 13:25-26). Из этого можно

сделать вывод, что, как прямо говорит Матфей (см. Мф. 7:21-23), Хозяин дома — это не кто иной, как Сам Христос, а люди у дверей имеют в виду то, что, когда Он был на земле, они участвовали с Ним в одних и тех же трапезах или даже были хозяевами таких трапез, то есть были с Ним знакомы. Более того, они слышали, как Он учил, знали Его взгляды и даже интересовались Его проповедями. Они были уверены, что этого достаточно, чтобы получить возможность вступить в Божье Царство. Узнав, что этого недостаточно, они были глубоко поражены.

Чего же, в таком случае, достаточно? Хозяин не оставляет по этому поводу никаких сомнений: чтобы человек мог войти, Христос должен узнать его лично (см. Ин. 10:14-15, 27-29) благодаря взаимным и прямым отношениям. Очевидно, что стоящие перед закрытой дверью никогда не общались с Христом на таком, личностном, уровне. Они оставались теми, кем были всегда — «делателями неправды». В течение своей жизни на земле они так никогда и не покаялись в своей греховности, никогда не искали и не получали у Христа прощения и дара вечной жизни, так и не стали «Своими» (Ин. 13:1); они не рождались от Бога, не принимали Христа как Своего личного Спасителя и Господа (см. Ин. 1:12-13). И потому, так и не приняв Его, они должны были теперь от Него отойти.

Как велико потрясение этих людей, и как глубока безысходность их положения (см. 13:28-29)! Христос рисует их стоящими у закрытой двери. Они не могут войти, но сквозь щелку или окошко в двери им виден большой пиршественный зал Божьего Царства, видны гости, занимающие свои места. Они принадлежат к разным историческим эпохам. Вот Авраам, Исаак и Иаков

и все пророки. Приходят люди, принадлежащие еврейскому народу, из которого вышли великие патриархи, приходят представители всех других народов. Каждого из них привела сюда вера. Частички их индивидуального опыта слагаются в огромное богатство. Какие замечательные беседы будут идти на этом вечном пире, где знание и понимание каждого будет пополняться опытом окружающих, ведь все его участники, совершая свой жизненный путь, узнали Хозяина дома.

Быть так близко к Христу на земле и не принять Его, не узнать Его лично и, значит, навсегда быть отрезанными от славного сообщества святых, в то время как другие люди, представители отдаленных эпох и культур, нашли путь, ведущий в Божье Царство (см. 13:30)... Чем измерить душевную горечь и страдания людей, осознавших тяжесть своей потери? Среди них будет слышен «плач и скрежет зубов» (см. 13:28), — пишет Лука.

А что же мы? — Мы должны убедиться, что будем среди тех, кто пройдет сквозь тесные врата (см. 13:24).

ii. Отношение Христа к неизбежности того, что Он будет отвергнут (13:31-35). Из первого эпизода мы узнали о том, что на первый взгляд поражает, если не ужасает: придет время, когда Христос преградит людям доступ к вечному блаженству, несмотря на их мольбы о том, чтобы их впустили. Однако первый эпизод нельзя воспринимать в отрыве от второго, в котором речь пойдет о другой стороне медали.

Мы узнаем о том, как фарисеи сообщили Христу о намерении Ирода убить Его, если Он не покинет пределы его царства. Имея достаточно смутное представление о том, к чему стремился Иисус (см. 9:3-9), Ирод, по видимому, боялся, что Иисус возглавит какой-нибудь

мессианский мятеж, и не хотел, чтобы на подвластной ему территории происходили беспорядки. Ирода не интересовали небесный пир и славное сообщество святых: он уже казнил Иоанна Крестителя на одном из своих собственных пиров (см. Мф. 14:3-11). Ирода заботила лишь политическая власть и удовлетворение собственных желаний. Христос отнесся с презрением к его пристрастиям, низменным хитростям и угрозам и осудил их (см. 13:32). Проходя по нашему миру, Христос следовал предопределенному Богом пути, выказывая Божью любовь к людям в Своих бесчисленных делах, исполненных милосердия и несущих спасение. Угрозы Ирода не могли повлиять на Его служение — ни сократить, ни ускорить его. Не могли испугать Христа и угрозы Ирода предать Его смерти: Христос с готовностью пошел бы на смерть и действительно собирался это сделать. Только не мелкому политикану, вроде Ирода, и не во имя незначительных политических махинаций будет позволено убить Иисуса. Когда Христос умрет, это произойдет в таком месте и по воле таких людей, что Его смерть обретет чрезвычайно большое значение. И когда мы осознаем, в чем состоит это значение, станет понятно, почему наступит такое время, когда Он должен будет отвергнуть мольбы погибших.

Вот уже много столетий за Иерусалимом сохранялась дурная слава города, убивающего посылаемых ему Богом пророков (см. 13:34). Спасителю это было известно еще до прихода в наш мир. И все-таки Он пришел. Над Иерусалимом нависла опасность оказаться достигнутым Божьим гневом за то, что он отвергал Божьих пророков. Таким образом, Христос предложил Иерусалиму спасение, пришел как его Спаситель, обратившись к жителям города с настоятельным призывом — обрес-

ти убежище и спасение под Его искупительной защитой, подобно тому, как птица собирает своих птенцов. На первый призыв Христа жители Иерусалима ответили отказом. Христос знал о нем заранее. Но даже зная, Он не отказался от решения обратиться к ним с призывом, и Его призыв не стал от этого менее искренним. Не охладело и Его желание даровать этим людям спасение. Христос обращался к ним со все новыми и новыми призывами (см. 13:34); но они так и не приняли спасения. Если однажды Ему придется отвергнуть их мольбы, то это произойдет только потому, что они уже многократно отвергли Его призыв.

Но это еще не все. Когда жители Иерусалима приняли решение отвергнуть Христа, Христос отнесся к их воле с уважением и смирился с ней. Иерусалим был для Мессии Его столицей; именно в этом городе находился дом Бога. Однако Христос не стал собирать армию или использовать Свою чудесную силу, чтобы изгнать Своих врагов из Иерусалима, а мятежное израильское священство — из дома Своего Отца. Вместо этого Он позволил, чтобы Его самого изгнали и из храма, и из города; а то, что принадлежало Его Отцу и Ему, Он оставил в руках врагов: «оставляется вам дом ваш...» (13:35). С глубоким благоговением думаем мы о том, что если люди используют Богом дарованную им свободу воли для того, чтобы отвергнуть Спасителя, ни Бог, ни Христос не будут ни подавлять эту волю, ни уничтожать ее. Это, разумеется, не означает, что немощный человек в состоянии побороть волю Всемогущего Господа: воля Бога всегда состояла в том, чтобы человек был свободен и мог при желании сказать Богу «нет». Однако когда такие люди придут без покаяния к дому, в котором Бог является бесспорным Хозяином, то и Он не будет обязан их впустить.

Особо следует отметить то, каким образом Христос примирился с волей Иерусалима. Когда ответом на последний из Его многочисленных призывов стал решительный отказ и неприятие, Он, казалось бы, вполне мог отказаться от Своего последнего путешествия в Иерусалим и обречь Свой народ на безнадежное и бесконечное страдание — результат принятого людьми рокового решения. Христос поступил совершенно иначе. Он продолжил Свой предопределенный путь в Иерусалим, исполнившись решимости умереть в руках своих врагов. Однако придет день, пусть и не скоро, когда благодаря этой смерти Израиль будет приведен к покаянию (см. Ис. 53:3-5) и очистится (см. Зах. 12:10-13:1), дабы во время второго пришествия он увидел Того, Кого пронзили, и сказал в слезах покаяния: «благословен Грядый во имя Господне!» (13:35).

iii. Нужды человека и то, что причитается Богу (14:1-6). «...Господи! отвори нам, — говорят стучащие в дверь, — мы ели и пили пред Тобою» (см. 13:25-26). Чтобы у нас не сложилось впечатления, что мольба этих людей свидетельствует об их истинном покаянии, Лука рассказывает нам о том, что в действительности означало для таких людей «есть и пить вместе с Христом» в то время, когда и они, и Христос находились на земле. Один из наиболее влиятельных фарисеев пригласил Христа на обед. «И вот, — не без драматизма рассказывает Лука, — предстал пред Него человек, страждущий водяною болезнью» (14:2). Христос не мог не обратить внимания на этого человека.

Возникает вопрос, каким образом он там оказался и почему предстал непосредственно перед Христом. Как подчеркивают все комментаторы, этот человек не был

гостем: после исцеления Христос «отпустил его» (см. 14:4). Похоже, что его намеренно привели к Христу фарисеи, чтобы понаблюдать, как Он поступит (см. 14:1). Они считали, что лечить в субботу значило нарушать закон. Им было известно, во что верил и чему учил Христос. Но они специально подстроили так, чтобы посмотреть, достанет ли у Него смелости бросить им вызов прямо в лицо — исцелить человека и тем самым причислить Себя к нарушителям закона. Христос спросил их, можно ли лечить в субботу. Ответом было ледяное молчание (см. 14:3-4). Тогда Христос исцелил человека и задал новый вопрос. И вновь ледяное молчание. Фарисеям нечего было сказать в защиту своей позиции (см. 14:5-6). Однако это не означало, что они были готовы покаяться или хотя бы переосмыслить свои взгляды. Они считали, что Христос не прав, и затеяли все дело, чтобы показать, насколько Он не прав. Разумеется, они надеялись, что однажды будут допущены на пир Мессии, однако не верили, что Хозяином дома будет Иисус.

Уже сам факт несогласия с Иисусом был достаточно серьезным симптомом; однако серьезным был и повод для несогласия. Речь шла ни много ни мало, как об отношении Бога к нуждам человека и к его спасению. Фарисеи считали, что почитание Бога и закона требовало, чтобы в субботний день не совершалось никакой работы. С этим все были согласны, потому что об этом говорилось в Писании. Однако фарисеи добавляли, что исцеление человека — это тоже работа, и, следовательно, почитание Бога и подчинение Его закону требовало, чтобы, независимо от серьезности человеческих нужд, их нельзя было удовлетворять в субботу. Следовало подождать.

Иногда такая суровость нравится: ее принимают за большую святость, самоотречение и приверженность

Богу. А Христос показал, что она лицемерна и ложна. Он начал с того, что сказал фарисеям, что если бы их сын или вол¹ упал в субботу в колодезь, любой бы из них сразу же побежал и вытащил его. Оставить мальчика или животное в колодеце хотя бы на несколько минут значит обречь их на гибель. Но вот перед ними стоял человек, чье тело было настолько насыщено водой, что он подвергался угрозе скорой смерти, причем никто из присутствующих не знал, насколько скорой. Почему они должны были заставлять его ждать помощи, если, не тратя ни минуты, бросались спасать даже своих животных?

Дело здесь было не в почитании Бога, а исключительно в их гордыне и корысти. Фарисеи считали, что если будут соблюдать Божий закон, то это вменится им в заслугу, а именно от их заслуг зависит, примет ли их Бог, откроет ли для них впоследствии доступ в Свое Царство. Поэтому они добавили к закону о субботнем дне новые правила, в результате чего из дня отдыха и радости в Боге этот день превращался в суровое испытание человеческой способности соблюдать бесчисленные строгие правила. При этом фарисеи думали, что чем больше дополнительных правил и чем жестче такие правила, тем большей заслугой будет их соблюдение. Их истолкование закона позволяло им в субботний день вытаскивать из колодца вола, потому что если бы животное утонуло, они бы понесли материальный ущерб. Однако в случае исцеления человека они соблюдали закон строго — ведь в случае его смерти они ничего не теряли. Их заботило не желание почтить Бога и не благо ближнего, а корысть, гордыня и собственные заслуги.

---

¹ В некоторых списках стоит «осел или вол».

Согласно Христу — а это-то и привело в ярость фарисеев — их заслуги не имели никакого значения. Раздутое чувство религиозного превосходства было духовно нездоровым и куда более опасным, нежели физический недуг, угрожавший жизни больного. Во-первых, то, принимает ли Бог человека и открывает ли ему доступ в Свое Царство не зависит и никогда не будет зависеть от его заслуг. Более того, Бог никогда не давал согласия на введение этих строгих правил в дополнение к Своему закону о субботе, и, следовательно, соблюдение этих правил не являлось заслугой в Его глазах. Но гораздо хуже было то, что фарисейские правила были равносильны клевете на сущность Бога. Почитание Бога и воздаяние Ему того, что Ему причитается, ни при каких обстоятельствах не могут вытеснить спасение человека на второе место. Если человек находится в отчаянной нужде и опасности, для Бога его нужды всегда будут стоять на первом месте, и впоследствии Голгофа показала, на что Он готов ради них пойти.

Однако фарисеи не собирались отказываться от добывания себе мнимых заслуг. Они считали, что Иисус не прав и то, что Он говорит о Боге и о спасении, ошибочно. Поэтому когда они, наконец, подойдут к двери, ведущей в Божье Царство, им трудно будет добиться, чтобы их пустили. Ведь у них есть только одно основание для этого — они приглашали Иисуса на обед и слушали некоторые из Его богословских речей. Христос — не демократически избранный председатель религиозного клуба, членом которого может стать любой, независимо от того, согласен он со взглядами председателя или нет. Христос — Сын Отца и Хозяин дома. В грядущем пире Он открывает нам сущ-

ность Бога. Отвергнуть Его учение значит отвергнуть и сам пир.

Действие 2. Удовольствия и воздаяние должного на пиру Мессии (14:7-15:2)

i. Люди не принимают приглашения Господа (14:7-24). В 14:1-6 Христос находился на обеде у фарисея. Три притчи, о которых теперь рассказывает Лука, прозвучали в то время, когда Христос вместе с другими гостями принимал участие в разных застольях. Нам нет нужды решать, было ли это в гостях у того же самого фарисея и в тот же самый раз или нет: можно оставить этот вопрос для обсуждения экзегетов. Для нас важно то, что переход к Действию 2 совершается в повествовании плавно, без пауз.

Первые две притчи посвящены тому, как гости и хозяева должны относиться к земному гостеприимству; в третьей речь идет о том, как следует относиться к пиру Мессии. Между этими двумя вопросами существует взаимосвязь: неправильное отношение к земному гостеприимству может способствовать формированию превратных представлений о пире Мессии.

Итак, во-первых, Христос сказал о том, что для некоторых людей наибольшее удовольствие от праздничного пиршества состоит в том, чтобы воспользоваться случаем и продемонстрировать окружающим воображаемую значимость собственных заслуг и собственного величия. Эти люди не могут смиренно радоваться пиру и общению, как благодатным дарам, полученным вне зависимости от собственной значимости. Они не дожидаются, пока хозяин удостоит их почетом; напротив, они стремятся занять лучшие места сами, чтобы все видели, какие они достойные люди. В про-

тивном случае, они не получают от пира никакого удовольствия.

Далее Христос сказал о том, что некоторые хозяева не любят приглашать к себе бедных гостей, не способных отплатить за проявленное хозяевами гостеприимство. Такие пиршества являются скорее проявлением холодного расчета по принципу «ты — мне, я — тебе». Гости благодарят хозяина, как будто угощение бесплатное, однако в глубине души знают, что хозяин рассчитывает на воздаяние. Подаваемые хозяином обильные блюда приобретают иной смысл, меняется и отношение к пиру со стороны гостей.

После того как Христос критически отозвался о подобном отношении гостей и хозяев к земному гостеприимству, один из бывших с ним рядом гостей заметил: «блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!» (14:15). Это замечание было вполне справедливым: ни одного человека не пригласят на этот пир на основании его заслуг и значимости, и поэтому никто не омрачит его демонстрацией своих беспочвенных претензий на почетное место. И никого из гостей не попросят отплатить Хозяину за этот пир своими хорошими поступками, самоотречением или соблюдением религиозных норм и правил; впрочем, никто из гостей и не смог бы отплатить Хозяину. Воистину, этот пир будет даром, преподнесенным искренним в Своей щедрости Хозяином. Прозвучавшее замечание дало Христу возможность сказать еще несколько слов о пире Мессии, однако теперь Его описание несколько отличалось от приведенного в 13:25-30.

Прежде всего, Он обратил внимание слушателей на то, что это будет роскошный пир: с большим числом приглашенных и хорошо приготовленными блюдами

(см. 14:16-17). Разумеется, удовольствия, уготованные для вечного пира, будут иного, более высокого порядка, нежели удовольствия физические; но даже и в этом мире пир — не просто средство удовлетворения физического голода. В метафорическом образе пиршества, а не просто принятия пищи — залог того, что ни голод и ни жажда — никакое из дарованных нам Богом подлинных желаний и стремлений не останется без внимания, все они будут удовлетворены наиболее полным и возвышенным образом.

Затем в Своем описании гостей, которые в конце концов будут пировать у Мессии, Христос упоминает не прославленных святых — Авраама, Исаака и Иакова со всеми пророками, как Он это делал в 13:28, — а нищих, увечных, хромых и слепых (см. 14:21). Это люди, над которыми в этом мире жизнь сыграла злую шутку, сначала представ в наиболее полных своих проявлениях, а затем иссушив их силы, насмеявшись над их сокровенными желаниями и оставив без удовлетворения их голод и жажду. Немало на свете людей, с которыми жизнь поступила подобным образом, если не в физическом, то в эмоциональном и духовном смысле. Получив спасение, они будут вознаграждены щедро и с лихвой.

Наконец, как и в 13:25-30, здесь говорится о тех, кто не попал на пир, — но с той разницей, что раньше говорилось о тех, кто остался за порогом ненамеренно, просит, чтобы его впустили, однако остается перед закрытой дверью; теперь же речь идет об уклоняющихся осознанно — их пригласили, сказали, чтобы они пришли к определенному часу и заняли свои места, а они сознательно отклоняют приглашение. Эти люди извиняются, но их извинения пропитаны фальшью. При желании

они могли бы прийти, но не пожелали. Очевидно, что приготовленный ужин для них недостаточно хорош.

Эта притча напоминает нам о том, что множество людей отвергают спасение по той же самой причине. Они с радостью пользуются дарами Творца, но Сам Творец для них скучен. Такие люди сознательно отвергают спасение. Они соглашаются, что за жизнью на земле может стоять нечто большее, однако она их удовлетворяет. Даже не приобщившись к вечной жизни, они считают, что она им не понравится. Такие люди осознанно делают свой выбор: им никогда не суждено вкушать пира (см. 14:24).

ii. Цена ученичества (14:25-35). Небесный пир устраивается безвозмездно. Он соответствует всем требованиям Христа к подлинному гостеприимству: за него не нужно платить, на него зовут не по заслугам; отплатить Хозяину за пир просто невозможно. Однако то, что он устраивается безвозмездно, не означает, что это нечто дешевое. Как раз наоборот. Из этого отрывка мы узнаем о том, что спасение имеет такую большую ценность, что если, принимая его в качестве безвозмездного дара, мы должны отказаться от всего остального, было бы глупо этого не сделать. Тысячи людей в прошлом и настоящем сталкиваются с необходимостью подобного выбора уже в самом начале своей христианской жизни. Они видят — так же ясно, как это видел Савл из Тарса, — что спасение является безвозмездным даром. Не менее ясно они видят, что, исповедав христианскую веру, они могут лишиться работы, друзей, семьи, возможно, даже жизни; и им приходится делать свой выбор между Христом и спасением. Все ученики Христа дол-

жны быть в любое время готовы к такому выбору, готовы «возненавидеть» все иное, то есть поставить на второе место и при необходимости отказаться от всего, кроме Христа и спасения (см. 14:26).

Далее Христос подчеркивает, что никто не может быть Его учеником, если не понесет свой крест и не последует за Ним (см. 14:27). Его ученик должен быть готов встретиться с такой же враждебностью мира, которую испытал Христос. И более того. В древнем мире человек, несший на себе крест по улицам города, как правило, был преступником или мятежником, захваченным и приговоренным к смерти, лишенным всех прав и собственности, а вели его к месту казни. Любой человек, желающий получить прощение, даруемое умершим за него Христом, тем самым исповедует себя грешником, утратившим все свои права и все, что у него было, и полагающимся лишь на милосердие Христа.

Итак, нельзя отрицать, что за ученичество надо платить, как в начале пути, так и на всем его протяжении. Христос этого не скрывает. Каждому ученику предстоит осуществить грандиозный замысел. И так же, как при осуществлении любого другого крупного замысла, в строительстве или в военном деле, необходимо заранее тщательно просчитать и учесть все предстоящие затраты (см. 14:28-33). Представим себе руководителя группы неопытных туристов, собирающихся в опаснейшее путешествие. Он может успешно провести свою группу по маршруту и даже отказаться от вознаграждения. Но при одном условии: на все время пути каждый из членов группы должен предоставить себя и все, чем он располагает, в распоряжение руководителя и безоговорочно повиноваться

его воле. Христос ручается, что проведет каждого истинного ученика по его жизненному пути к грядущему пиру. В пути Он научит их, каким образом вести себя на этом пиру. Сам по себе пир будет безвозмездным, и Христос не потребует платы за Свою помощь. Но Он выдвигает неперемнное условие: каждый ученик должен отказаться от всех прав на свою собственность (см. 14:33). Это не означает, что он должен раздать все, что у него есть окружающим. В том, что касается окружающих (в том числе и церкви), за учеником сохраняется право на частную собственность (см. Деян. 5:4). В понятие «все, что имеет» включены не только деньги и вещи, время и силы, талант и тело, но и жена, и дети. Очевидно, что ученика не призывают отдать окружающим свою жену и детей. Однако он должен отдать их во власть Христа и быть готовым во всем безоговорочно повиноваться Его воле. Соль — добрая вещь; но если соль перестала быть соленой, в ней нет никакого проку. Стоит ли тогда называть ее солью? Путешественник, не готовый расстаться с домашним креслом, — не путешественник. Ученик, не готовый следовать за Хозяином и делать то, что Он говорит, — не ученик (см. 14:34-35).

iii. Фарисеи обвиняют Христа (15:1-2). В 14:1-6 фарисеи, пригласив Христа на обед, привели туда больного человека. Они хотели спровоцировать Христа на открытое столкновение: Христос должен был либо подчиниться выработанным ими талмудистским правилам о субботнем дне и оставить больного без внимания, либо вылечить его в субботу и тем самым стать в их глазах презревшим религию грешником, нарушителем закона об обрядах.

И вот фарисеи вновь обвиняют Христа, на этот раз — в потакании безнравственности, а именно в том, что Христос принимает сборщиков податей и людей, которые вели беспутную жизнь, и готов есть с ними. Фарисеи считали, что вести себя подобным образом — значит потворствовать безнравственности этих людей. Это было крайне несправедливое обвинение. Фарисеи забывали, что Христос прямо и недвусмысленно осуждал безнравственность и, кроме того, делал это гораздо решительнее, нежели сами фарисеи (см. 16:18; Мф. 5:27-32); они также забывали как о цели, которую преследовали сборщики податей и грешники, когда стремились встретиться с Христом, так и о намерениях Христа, когда Он изъявлял желание с ними есть. Сборщики податей и грешники приходили, чтобы послушать Его проповедь (см. 15:1), и прекрасно знали о том, какие нравственные принципы Он отстаивает. Подобно блудному сыну, не удовлетворенному своим уделом (см. 15:16-17) и тосковавшему по тому, что приносит большее удовлетворение, они делали первые нерешительные шаги навстречу Отцу, в сторону дома. Конечно же, Христос принимал этих людей и допускал их не только послушать Свои публичные проповеди. Он хотел пригласить их на пир, где будут удовлетворены их истинные и наиболее глубокие устремления, где их ожидают полноценные и возвышенные радости, а не пища для свиней, с помощью которой они пытались удовлетворить свои извращенные желанья. Разве был лучший, нежели застольная беседа, путь донести до них Свое приглашение, показать, что оно истинно и как они могут его принять? Фарисеи получали огромное удовлетворение, соблюдая созданные ими самими религиозные правила; однако их не привлекала радость, ко-

торуую испытывают те, кто помогает вернуться к Богу людям, нарушившим Божьи законы. И это был чрезвычайно серьезный симптом, потому что, как мы узнаем из Действия 3, одна из наибольших радостей, которую Хозяин дома приглашает с Ним разделить на Своем пиру, — это Его радость быть нашим Искупителем.

Действие 3. Радости искупления (15:3-16:18)

i. Человек не откликается на зов отца (15:3-32). Подобно первому эпизоду Действия 2, в настоящем эпизоде приведены три притчи, в последней из которых описан пир. По-видимому, Лука хочет, чтобы мы обратили внимание на сходство между этими двумя эпизодами, но еще в большей степени — на различия между ними. Подобно людям из притчи в 14:16-20, отклонившим приглашение на праздничный ужин, старший брат из притчи в 15:25-32 отказался принять участие в пире, устроенном в честь возвращения младшего брата; но если в первом случае пир оказался приглашенным недостаточно хорошим, то во втором (с точки зрения старшего брата) он был слишком хорош. Слишком хорош для такого никудышного человека, как младший брат. Отец вышел из дома и сам позвал его, но старший сын был рассержен и отверг приглашение (см. 15:28). Все происходящее его глубоко возмуцало. Младший брат ушел из дома, вел беспутную жизнь, позорил свою семью, промотал все, что у него было. Потом он вернулся, произнес какие-то слова покаяния, и отец его сразу же принял. Вокруг него поднялась суматоха, к нему стали относиться как ни в чем не бывало, более того, — лучше, чем прежде. Поступать так — значит поощрять грех и порочную жизнь. Это была насмешка над долгими годами упорного труда, которые он, старший брат, про-

вел, трудясь на полях своего отца как раб. Если отец именно так понимал прощение и «спасение погибшего», то старший брат не желал быть к этому причастным.

В тексте прямо говорится, что эта притча была обращена к фарисеям (см. 15:1-3). Именно фарисеи возражали против того, чтобы Христос принимал сборщиков податей и людей с дурной репутацией, и нам нетрудно увидеть, какое отношение она имела к фарисеям. Знакомясь с третьей, главной притчей, наверное, прежде всего, следует обратить внимание на то, к чему нас подготовили две первые, вводные, притчи: великую радость испытывает тот, кто вновь обретает пропавшее. Любой согласится с этим, исходя из своего жизненного опыта. Фарисеи (см. 15:4, 8) радовались, как обычные люди, когда находили пропавшую овцу или пропавшую серебряную монету, а их друзья соглашались, что здесь есть чему радоваться, когда фарисеи приглашали их разделить с ними свою радость. Эта радость есть не что иное, как земной аналог той гораздо более возвышенной радости, которую испытывают ангелы, когда слышат об обращении грешника. Таким образом, отец из третьей притчи был совершенно прав, когда в ответ на жалобы своего старшего сына возразил, что вполне разумно и правильно, что он (отец) устроил пир и веселье, чтобы отпраздновать возвращение пропавшего сына, и вполне разумно и правильно было ожидать, что старший сын присоединится к веселью (см. 15:32). Однако старший сын так и не пошел на пир; он считал, что отец поступает слишком мягко, снисходительно и несправедливо, что подобное веселье безнравственно.

Итак, в притче о блудном сыне Христос говорил фарисеям, что они не разделяют чувств Отца и ангелов и подвергают себя опасности сознательного отказа от

одной из наибольших радостей небесного пира. Но этим притча не исчерпывалась: в ней объяснялось, почему именно фарисеи не испытывали радости в связи со спасением сборщиков податей и грешников. Обида старшего брата состояла в том, что он, беспрекословно проработав на своего отца в течение многих лет и ни разу не послушавшись его распоряжений, не получил от него даже козленка, чтобы повеселиться с друзьями. Тогда как младшему брату, который вообще не трудился, а, наоборот, растратил накопленное отцом, предаваясь постыдному разгулу, стоило вернуться домой, и ему сразу же закололи тельца, откормленного для большого праздника. Поступать подобным образом значит давать награду за грехи и себялюбие, наказывая при этом за искренние усилия жить по правде.

Похожую обиду испытывали фарисеи, когда слышали благовестие Христа, несущее прощение и спасение благодатью. Они старательно трудились, стремясь соблюдать Божьи заповеди. Подобно старшему брату, они гордились своими делами; однако все их дела никогда не приносили им радости, ощущения того, что Бог их принимает, уверенности в собственном спасении. Да и разве могло быть иначе? Бог не может принять человека и даровать ему спасение на подобных условиях (Рим. 4:4-7; Еф. 2:4-10). Но вот рядом стояли некоторые из сборщиков податей и грешников: в прошлом они нарушали практически каждую заповедь, жили в бесчестии, но теперь посредством одного лишь покаяния и веры приняли приглашение Христа и почувствовали, что приняты Богом, достигшим самой глубины их сердец; именно у них было такое чувство, что пир уже начался. Это вызвало гнев фарисеев, которые не признали их чувства подлинными.

В притче о блудном сыне содержится и еще один ответ на обвинения фарисеев. Удивившись обиде старшего сына, отец обратил его внимание на то, что, приветствуя младшего, он никак не наказал старшего и не лишил его того, что ему принадлежит. «Все мое твое», — сказал отец. Но это не успокоило старшего сына. «Я столько лет служу тебе», — сказал он. И в его ответе сквозил рабский дух. Старший сын не чувствовал, что является наследником собственности отца не по заслугам: ведь его заслуги не было в том, что он был сыном. Подобно рабу, он думал, что добьется лишь того, что заработает своим тяжким трудом. Щедрость по отношению к разоренному, но покаявшемуся брату была в его глазах не желанием поделиться незаслуженным богатством, которое испытывал бы наследник всего состояния отца, но пустой растратой того, что было заработано дорогой ценой и с чем он не мог себе позволить расстаться. Нет, он не разделит радости пира, если этот пир требует таких издержек.

В силу похожих причин многие сознательно отказывают себе в возможности разделить с Богом радости искупления, как нынешние, так и грядущие.

ii. Предусмотрительный управитель (16:1-13). В притче о блудном сыне рассказывалось о молодом человеке, который растратил все, что у него было, ведя беспутную жизнь (см. 15:13). Притча из второго эпизода знакомит нас с управителем, растратившим добро, принадлежавшее хозяину. По крайней мере, так о нем сказано (см. 16:1). Урок притчи о блудном сыне состоит в том, что если мы жили как грешники и тратили свою жизнь впустую, но в последний момент обратились к Богу с покаянием и верой, то прошлое наше отношение

к собственной жизни никоим образом не будет основанием для отказа нам в прощении или в принятии Отцом. В притче об управителе мы видим обратную сторону медали: если мы растратим нашу жизнь впустую, то в определенном смысле это будет иметь непреходящие последствия.

Возможно, что методы управителя были не вполне верными: от нас не ожидается, чтобы мы их копировали. Однако нам следует учиться его предусмотрительности. Понимая, что в скором времени ему придется оставить свое место и у него больше не будет возможности распоряжаться добром хозяина, управитель воспользовался временно возложенной на него обязанностью, чтобы приобрести себе друзей и, когда его лишат места, пойти к ним.

Мы находимся в таком же положении. Ничто из того, что мы имеем в этой жизни, нам не принадлежит. Мы ничего не принесли в этот мир и ничего из него не вынесем (см. 1 Тим. 6:7). Мы всего лишь управители. Однажды нам придется уйти и оставить все, что у нас было. Следовательно, пока мы можем распоряжаться тем, что Господь называет «богатством неправедным» (не потому ли, что в этом лишенном гармонии мире оно распределено несправедливо?), его следует использовать не для того, чтобы обрести спасение, ибо спасение — дар, который нельзя ничем заработать; но для того, чтобы приобретать друзей, не таких непостоянных, что приобретал себе, согласно притче, блудный сын, а таких, которых мы увидим и в другом мире и которые останутся нашими друзьями навечно. «...Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (16:9).

Наши представления о будущей жизни в раю нуждаются в определенных поправках. Вполне возможно, что в некоторых отношениях жизнь в раю будет напоминать нашу нынешнюю жизнь. Всех верующих, надо думать, в раю ждет одинаково радушный прием и глубокая любовь, но не у всех будет одинаковое количество друзей. Если при подведении итогов выяснится, что именно благодаря вашим пожертвованиям целое африканское племя смогло получить экземпляры Евангелия от Иоанна и, оставив язычество, обрело веру в Христа, разве это племя не будет выражать вам своей вечной благодарности, которой не удостоится тот, кто потратил избыток своих денег на излишества и личные удовольствия? И это еще не все. Когда дело касается наших отношений с Христом как Спасителем, тогда, конечно, все необходимое для нашего спасения делает Он один. Но когда речь заходит о наших отношениях с Христом как с Другом, то такие отношения будут строиться на фундаменте взаимности: «Вы друзья Мои, — говорит Христос (Ин. 15:14), — если исполняете то, что Я заповедую вам». Если в этой жизни мы ничего не будем делать сами, чтобы стать друзьями Христа, то как можно ожидать, что это не повлияет на наши с Ним отношения на небесах?

В следующих за притчей стихах Христос начинает перечислять некоторые из непреходящих последствий неверности управителя (см. 16:1-13). На фоне реальных и непреходящих богатств богатство несправедное мало чего стоит (см. 16:10-11). Однако то, как мы им распоряжаемся, достаточно хорошо показывает, честны (в Синодальном переводе — «верны» — прим. ред.) мы или нет. Если, говорит Хрис-

тос, мы нечестны в распоряжении неправедным богатством, то кто доверит нам распоряжаться богатством истинным? Более того, ничто в этом бренном мире нам не принадлежит. Нам лишь временно вверено распоряжаться тем, что мы имеем. В вечном мире все будет иначе. Там нас ожидает вечное наследство, завещанное нам во Христе и посредством Христа (см. Гал. 3:15-29). Однако одно дело — быть собственником наследства и совсем другое — реально им распоряжаться. Таким образом, если в этой жизни мы не были честны, распоряжаясь тем, что принадлежит Другому, кто позволит, чтобы в грядущем веке мы распоряжались своим (см. 16:12)? И, наконец, от того, как мы используем неправедное богатство в этой жизни, зависит чрезвычайно много. Мы можем использовать его для служения Богу, а можем — для умножения неправедного богатства, полагая его самоцелью. В последнем случае, как говорит Бог, это означает, что мы презираем Его, ставим Его на второе место (см. 16:13). Никто не должен думать, что, прожив всю свою жизнь, презирая Бога, он избежит вытекающих из подобной жизни последствий, когда будет вступать в вечность.

iii. Фарисеи насмеваются над Христом (16:14-18). В 15:1-2 фарисеи обвиняли Христа в чрезмерной снисходительности. Теперь, в 16:14, услышав, как, согласно Христу, следует распоряжаться деньгами, они подвергают насмешкам Его учение, говоря, что Он слишком строг. Согласно Луке, фарисеи были сребролюбивы; в этом-то и состоит причина их насмешек. Пришлось им объяснить, что установленные ими самими и являющиеся предметом их гордо-

сти нормы чрезвычайно далеки от того, чтобы удовлетворять высоким Божьим требованиям. И это касается не только денежных вопросов. Христос действительно ел вместе с блудницами и сборщиками податей, желая обратить их к покаянию и вере, однако в Его учении о нравственности в сексуальных отношениях, о браке и разводе утверждался тот божественный идеал (см. 16:18), о котором некоторые из критиков Его Благой вести, довольствовавшиеся сугубо юридической стороной дела, не хотели даже думать, не говоря уже о том, чтобы учитывать в своей жизни.

И по сей день формальный институт религии, требующий от человека только соблюдения обрядов, нередко мешает человеку принять спасение верой, которое с точки зрения этого института неизбежно приводит к опасной беспечности. Вместо принятия спасения верой он призывает прилагать все усилия к тому, чтобы соблюдать Божий закон. Затем, когда человек «прикладывает все усилия к тому, чтобы соблюсти Божий закон», а результатом оказывается что угодно, только не святость, религиозный институт «утешит» его тем, что ведь Бог, в конце концов, достаточно разумен: лишь фанатику придет в голову, что Бог действительно хочет, чтобы мы соблюдали Его закон так строго. Подобные «утешения» являются суррогатом религиозного сознания и не дают никакого представления о рае. Более того, человек, обретающий утешение в столь заниженных представлениях о Божьем законе, находится, как подтверждает следующий эпизод, в смертельной опасности.

Действие 4. Утешение и покой на небесах (16:19-17:10)

і. Погибшим отказано в их просьбах (16:19-31). Лука не пишет, что фарисеи, насмежавшиеся над проповедью Христа о том, как следует относиться к деньгам, были богаты; они любили деньги (см. 16:14), а это не одно и то же. О том, чем чревата любовь к деньгам, мы узнаем из сурового рассказа нашего Господа о богатом человеке, одевавшемся в самые дорогие наряды и каждый день устраивавшем блистательные пиры; когда этот богач умер, то оказался в аду.

Как и люди, описанные в 13:25-30, богач упустил (*в англ. переводе Библии — missed — прим. ред.*) спасение ненамеренно. Для него обнаружить, что он находится по другую сторону великой пропасти (см. 16:26), было так же неожиданно, как и для них обнаружить, что они стоят перед закрытой дверью. Подобно молившим о том, чтобы им открыли дверь, он молил об облегчении страданий; однако и мольбы тех, кто был снаружи, и мольбы богача остались без ответа. Так почему же богач упустил спасение?

Размышляя об этом, нужно проявлять особую внимательность, так как в противном случае легко прийти к заключению, что он упустил спасение, потому что недостаточно щедро распорядился своими деньгами и не проявлял сострадания к нищим. Такое заключение было бы справедливым, но это была бы не вся правда, а полуправда; и эта полуправда, как часто бывает, стала бы причиной опасного заблуждения: некоторые могли бы подумать, что если они будут поступать не так, как тот богач, а наоборот, то есть от всего сердца делать изрядные пожертвования для нищих и голодных мира сего, то благодаря этому они обеспечат

себе доступ в Божий рай. Это, конечно, не так. В Писании ясно и недвусмысленно подчеркивается, что спасение даруется не по делам, но по вере (см. Еф. 2:8-9; Тит. 3:5).

С другой стороны, хотя спасение нельзя *заработать* любовью и добрыми делами, оно неизменно *порождает* любовь и добрые дела (*выд. ред.*). Исповедание веры, которое не проявляет себя в добрых делах (см. Иак. 2:14-24), не является подлинным.

Именно это можно сказать о богаче из прозвучавшего рассказа: у него никогда не было той веры, о которой он заявлял. Нет, он не был атеистом. Нельзя делать вывод и о том, что он был саддукеем и верил, что земная смерть является концом всему. Как и фарисеи, к которым обратился со Своим рассказом Христос, он, наверное, заявил бы, что верит в Писание как в Слово Божье и в грядущий после смерти суд. Однако его ошибка состояла в том, что он ни на одно мгновение не задумывался над всем этим серьезно. Свидетельством тому являются его поступки. Вторая величайшая заповедь Ветхого Завета гласила: «люби ближнего твоего как самого себя». У самых ворот богача, так близко, что он почти что спотыкался об него всякий раз, когда выходил на улицу, лежал нищий, покрытый язвами и изнуренный голодом; ему могли доставаться лишь крохи и объедки, но богач отнюдь не стремился проявить к нему любовь или сострадание. Он не задумывался о том, что соблюдение Божьего закона действительно важно, по крайней мере, настолько важно, что если он не будет соблюдать Божий закон, то Бог пошлет его в ад. По мнению богача, лишь какой-нибудь фанатик или человек, страдающий крайней ограниченно-

стью, мог понимать Библию столь строго и столь буквально. Сама мысль о том, что Бог может послать в ад его самого или кого-либо из его цивилизованных, утонченных, благовоспитанных и приятных в общении друзей, казалась ему нелепой. Никто из людей его круга в это не верил. И, конечно же, в это не верил он сам. Лежавшее в основе бездействия богача неверие в конце концов открылось во время его последней беседы с Авраамом (см. 16:27-31). Когда богач взмолился, чтобы Лазаря послали на землю во свидетельство его братьям, Авраам ответил, что в этом нет необходимости, потому что у них есть Библия и они могут прочитать, что в ней говорится. Тогда богач возразил, что нельзя надеяться, что они отнесутся к Библии достаточно серьезно, чтобы покаяться, для этого им требуется какое-нибудь впечатляющее явление. Богач был в этом уверен: ведь он сам в свое время не верил в то, о чем говорилось в Писании, и именно поэтому теперь оказался в аду.

Несмотря на подобные аргументы Авраам отказался послать Лазаря во свидетельство братьям богача, и будет поучительным разобраться, почему. Причина состояла не в том, что ни Авраам или Сам Бог в принципе не собирались давать людям каких-либо свидетельств, кроме самых незначительных. Если бы свидетельства могли привести братьев к покаянию, то в любом помещении, где бы они ни находились, на любой улице, по которой бы они ни проходили, они бы видели такие свидетельства. Но весь вопрос как раз и состоял в том, что свидетельства (например, видения) были бессильны. Братьев богача не нужно было убеждать, что жизнь после смерти — это реальность, или что после смерти прихо-

дит суд, или что существует ад. Их нужно было убедить, что последствия их пренебрежения Божиим законом достаточно серьезны: из-за этого они могут попасть в ад. А это уже было вопросом нравственности и в конечном итоге сводилось к нравственной сущности Бога. Следовательно, наиболее авторитетным из возможных свидетельств здесь являлось непосредственное изложение Его Слова, обращенное к совести братьев и их нравственному чутью. То же самое можно отнести и к нам. Если наше нравственное чутье настолько ослабло, что мы не принимаем всерьез содержащиеся в Библии предупреждения о нашей виновности перед Богом (см. Ин. 3:18; Рим. 1:18, 20; 2:1-3:20), то никаких свидетельств не будет достаточно, чтобы убедить нас в том, что нам грозит гибель, если мы не покаемся.

Рассказ о богаче и Лазаре не назван в повествовании притчей, и очевидно, что это не притча¹. Однако описание того положения, в котором в конечном итоге оказываются богач и Лазарь, — безусловно, образное. Полезно сопоставить образы этого рассказа с теми, которые наш Господь использовал в 13:22-30. Тогда о погибших говорилось, что они могут видеть, как на пир приходит Авраам и другие гости, просят, чтобы их впустили, однако остаются перед закрытой дверью. Это, разумеется, не означает, что дверь закрыта для приходящих гостей. В нынешнем отрывке о богаче тоже говорится, что он может видеть Авраама

---

¹ В притче фигурируют события и предметы, относящиеся к нашему миру, т. е. зерно, плевелы, овцы, светильники и т. д., которые затем используются в качестве прообразов высших реальностей. Однако рай и ад, куда, соответственно, попали Лазарь и богач, не являются прообразами высших реальностей. Они сами являются такими реальностями.

и Лазаря, однако теперь они находятся вдали (см. 16:23). С богачом их разделяет не закрытая дверь, а пропасть, которая не только не позволяет богачу перейти к Лазарю, но и делает невозможным переход Лазаря к богачу (см. 16:26).

На земле пропасти между богачом и Лазарем не существовало: Лазарь лежал у его ворот. И богачу не составляло труда увидеть, в чем нуждается Лазарь: его отвратительная болезнь была налицо. Каким очевидным было Божье желание и как легко и просто было воспользоваться предоставленной возможностью возлюбить ближнего как самого себя! При желании богач мог в любой момент привести его к себе в дом, оказать помощь и пригласить к столу. Если бы богач отнесся к Лазарю подобным образом, это не только бы наполнило его, богача, жизнь новой радостью и удовлетворением, но и способствовало бы его нравственному росту. Однако богач сделал так, чтобы между ним и больным нищим возникла непреодолимая пропасть бездушно-го эгоизма.

Теперь, в вечном мире, их навеки разделила другая пропасть. Богач не может перейти к Лазарю, чтобы сделать для него добро: да Лазарю этого и не нужно. И Лазарь не может перейти к богачу, чтобы облегчить его мучения и изменить его положение. Богачу пришлось расстаться со всеми своими богатствами и роскошными яствами, но не со своей сущностью. Сложившееся положение сохранится вечно. Даже забота богача о своих братьях никогда уже не сможет вылиться в реальную помощь в том, что, как он теперь видит, имеет наибольшее значение. Осознавая это, богач испытывает большие мучения.

В заключение поразмышляем о Лазаре. Прожив исполненную страданий жизнь, Лазарь получил утешение (см. 16:25). О Лазаре говорится, что он нашел покой на груди у Авраама. Очевидно, что на земле он был истинным сыном Авраама, отца верующих. Воистину требовалась крепкая и твердая вера, чтобы перенести возложенное на него в этой жизни бремя, не отказавшись при этом от веры в Бога. Почему люди страдают? Это остается для нас великой тайной. Однако ясно, по крайней мере, то, что чужие страдания позволяют кому-то (а кому-то и нет) выработать в себе такие качества, которые в противном случае, скорее всего, остались бы в зачаточном состоянии. Верующий врач-миссионер, чья вера проявляется в самоотверженной работе с прокаженными, вырабатывает в себе такие черты характера, которые имеют непреходящую ценность, и нет никакого сомнения, что в грядущей жизни Бог его вознаградит. Однако все это было бы невозможным, если бы не существовало прокаженных, с которыми он мог бы работать; а бремя прокаженного куда тяжелее, нежели бремя врача-миссионера, человека, которым многие восхищаются. Что же, в таком случае, можно сказать о прокаженных? Мы не должны думать, что уже сам факт того, что они страдают, открывает им путь в рай, точно так же, как сами по себе богатства не обрекают богача на мучения в аду. Однако если прокаженный является истинным сыном Авраама, то его вера, пройдя через горнила страданий, окажется «к похвале, и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1 Пет. 1:7). И Бог утешит его за все его страдания, ставшие в Божьих руках инструментом усовершенствования характера других людей. Конечно, уверенность в том, что лазарей мира сего ждет утешение в ином мире, не дает никакого основания за-

житочным пренебрегать нуждами бедных в этом мире. И нельзя забывать, что сказал Христос о судьбе богача, пренебрегшего нуждами Лазаря.

ii. Отношение учеников к неизбежным прегрешениям (17:1-4). Если истинная вера, воплощающаяся в поступках, действительно имеет такое непреходящее значение, как мы только что убедились, то ни один грех против ближнего не может быть более серьезным, чем слово или дело, из-за которого ближний преткнется в своей вере или лишится веры в Бога, в божественность Христа, в авторитетность Его слова, в ценность Его искупления или в реальность Его спасения¹. Христос говорит, что в этом несовершенном мире на пути верующего не могут не встретиться камни преткновения; однако последствия для тех, кто разбрасывает эти камни, будут настолько трагичными, что для таких людей было бы лучше, если бы до того, как они успели причинить вред чьей-либо вере, их бросили бы в море, привязав к шее мельничный жернов: тем самым от них можно было бы спокойно избавиться, чтобы они не смогли оказать своего дурного влияния.

В этой связи на истинного ученика возложены две особые обязанности. Он должен выговорить своему брату, если тот согрешил (см. 17:3). Нехорошо, если кто-то испытывает удовольствие от исполнения этой обязанности. Это означает, что он делает что-то непра-

---

¹ В этом предупреждении не подразумевается, что не нужно проявлять гибкости или стремиться к осмыслению христианской веры. Христос не требует, чтобы человек подавлял в себе искренние сомнения, и сам идет навстречу сомневающимся, предоставляя им свидетельства, устраняющие их сомнения (Ин. 20: 24-29). Но Он выступает против таких учений или действий, которые могут разрушить веру в других людях.

вильно. Большинству из нас эта обязанность кажется неприятной, и мы, трусливо уклоняясь от ее исполнения, тоже поступаем неправильно. Однако если наше молчание побуждает человека думать, что его грех не имеет значения, к чему может прийти такой человек? Как же тогда быть? Как и во всех других ситуациях, здесь мы должны руководствоваться примером Христа. Например, Христос обличал «лису-Ирода», хотя при этом подвергал риску Свою земную жизнь (см. 13:31-33).

Вторая обязанность истинного ученика состоит в том, чтобы прощать своего кающегося брата, даже если тот согрешил и покаялся семь раз в течение дня (см. 17:4). Сам Бог никогда не отказывает в прощении тем, кто искренне кается. Но как велика будет трагедия, если человек, заявляющий о том, что знает Христа, откажется простить своего кающегося брата, а у того сложится впечатление, что каяться бесполезно и из-за этого он перестанет каяться в своих грехах — как перед людьми, так и перед Богом. Итак, если ученику кажется, что прощать согрешившего брата семь раз на дню — это слишком много, пусть он вспомнит о Христе. Христос обращался к Иерусалиму с призывом придти под Его защиту. Сколько раз Он был отвергнут... И сколько раз, несмотря на это, вновь и вновь протягивал ему Свою милосердную руку (см. 13:34).

iii. То, что причитается Господу, и нужды Его учеников (17:5-10)

После того как апостолы увидели, что на них возлагаются такие серьезные обязанности, как те, о которых шла речь в предыдущем эпизоде, они попросили Христа укрепить их веру.

Ответ Христа был обнадеживающим: даже вера с горчичное зерно может совершить невероятное — если они прикажут смоковнице, то она сама вырвется из земли и с корнем «пересадится» в море. Когда у человека есть вера подобной силы, то найдется мало таких обязанностей, которые будут даваться ему с трудом. С другой стороны, всеисилие нашей веры может способствовать выработке ошибочного отношения к жизни: достигнутый нами успех может сделать нас кичливыми и надменными в духовных вопросах. И потому Христос хочет научить нас, как нам, Божьим слугам, следует относиться к Богу.

«Кто из вас, — спрашивает Христос, — имея раба па́шущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: «пойди скорее, садись за стол»? Напротив не скажет ли ему: «приготовь мне поужинать и подпоясавшись служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам?» (17:7-8). Форма аналогии и имеющий принципиальное значение упор на слово «скорее» позволяет провести плодотворную параллель с отрывком 14:1-6 и содержащимся в нем уроком (см. выше Действие 1, раздел iii «Нужды человека и то, что причитается Богу»). Раз Бог всегда будет ставить спасение человека выше обрядов и вознесения хвалы в Свой адрес, то мы, спасенные, всегда должны ставить служение Богу выше собственных интересов. Нам, разумеется, никогда нельзя внушать себе, что раз мы послужили Богу исключительно плодотворно, то отныне имеем право уделять собственным нуждам и удовольствиям больше внимания, нежели тому, чего требует от нас Бог. И никогда не будет так, что, раз мы служим Богу — значит Он будет нам чем-то обязан. Если, считая, что мы хорошо послужили Ему, мы не видим Его благодарности (см. 17:9),

то почему мы думаем, что Он должен быть нам благодарен? Когда мы сделаем для него все, о чем Он нас попросит, это будет не чем иным, как нашей обязанностью. На великом пиру нам будет служить Сам Хозяин (см. 12:37). Так разве это не воодушевляет нас на то, чтобы использовать любую возможность, дабы сначала послужить Ему?

ГОТОВЯСЬ ЦАРСТВОВАТЬ С ХРИСТОМ

Предварительный обзор

Четвертый этап повествования заключен между двумя упоминаниями о том, что Христос находится в пути: 17:11 и 19:28. Значительный объем использованного в нем Лукой материала как по содержанию, так и по расположению не имеет параллелей в других Евангелиях.

Большой отрывок 17:22-37 посвящен пришествию Сына Человеческого. Очевидно, что существенная часть этого материала вновь найдет свое отражение при описании событий Страстной Недели (см. Мф. 24:26-28, 37-41); однако только Лука сообщает, что Христос говорил об этом уже на пути в Иерусалим.

Притча о вдове и неправедном судье в 18:1-8 встречается только у Луки. В ней прямо говорится о пришествии Сына Человеческого (см. 18:8).

Основной мотив притчи о минах (см. 19:11-27) — это воздаяние, ожидающее с луг Христа при Его втором пришествии. Только Лука упоминает, что наш Господь рассказал эту притчу на Своем пути в Иерусалим¹.

Итак, пришествие Христа и Его царствование на земле — вот две темы, которые будут доминировать на протяжении данного этапа повествования. К этому вре-

---

¹ Параллель, содержащаяся в Евангелии от Матфея, представляет собой совершенно иную притчу о рабочих в винограднике (Мф. 20:1-16), также рассказанную во время пути в Иерусалим и посвященную вопросу вознаграждения.

мени наш Господь уже прошел бóльшую часть Своего пути, и неудивительно, что, чем ближе Он подходит к столице, тем чаще возникают вопросы о том, как скоро может наступить Божье Царство. Некоторые думали, что это должно произойти в самом скором времени (см. 19:11) и, несомненно, испытывали огромную радость и восхищение при мысли о том, что они сопровождают Сына Давида на завершающем этапе Его пути ко вселенскому престолу.

Каковы же, согласно Луке, те уроки, которые Христос считал своевременным и необходимым преподать людям на нынешнем этапе Своего пути? Прежде всего следовало откорректировать их представления о развитии событий во времени. Дважды Он обращал их внимание на то, какие именно события произойдут в самое ближайшее время: Его отвержение, распятие, погребение и воскресение (см. 17:25; 18:31-34). Он также рассказал им притчу о вдове и неправедном судье (см. 18:1-8), заранее предостерегая, что их вера может быть подвергнута испытанию, — им может показаться, что Бог откладывает время защиты Своего народа и пришествия Сына Человеческого (18:1, 8), хотя с точки зрения Бога это произойдет скоро¹. И нам прямо сообщается (см. 19:11), что Христос рассказал притчу о минах для того, чтобы опровергнуть широко распространенное мнение о том, что Божье Царство вот-вот наступит, и объяснить Своим ученикам, что после Его вознесения и до возвращения пройдет какое-то время, в течение которого они должны будут верно Ему служить.

---

¹ *Подробный и глубокий анализ перевода 18:7 см. в Marshall 674-77.*

И все же эти поправки и объяснения не должны были заслонить главной цели Христа, которая на данном этапе состояла в том, чтобы привлечь внимание учеников непосредственно к грядущему Царству. Да, в Иерусалиме нашего Господа ожидали страдания. Однако Он отправлялся «в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и вернуться» (19:12); и раз Его ученики не могли еще оставаться с Ним на протяжении всего пути в дальнюю страну, им нужно было знать, чего ожидать по Его возвращении и как к этому подготовиться.

Таким образом, прежде всего нужно отметить не только то, какое значение Лука уделяет сказанному нашим Господом о пришествии Сына Человеческого, но и каких пропорций он при этом придерживается. В большом отрывке 17:22-37 о пришествии Сына Человеческого говорится как о времени больших потрясений и суда, сопоставимых со всемирным потопом и разрушением Содома. В длинных текстах 18:18-30 и 19:11-27 об этом говорится в ином ключе — не только о пришествии Царства, но и о вступлении в него, а пришествие Христа описывается прежде всего как время, когда Христос вознаградит Своих слуг (в особенности обратите внимание на 18:28-30).

Далее следует отметить, к каким приемам прибегает Лука, сплетая основные и второстепенные мотивы в единую ткань повествования, так что весь этап в целом оказывается подчиненным единому замыслу. Одним из таких приемов является отбор лексических средств. Так, на протяжении всего этапа он вновь и вновь обыгрывает смежные понятия «видеть» и «являться» — как в буквальном, так и в образном смысле. Мы узнаем, что при втором пришествии Сын Человеческий будет «как молния», кото-

рая сверкает неожиданно и сразу же становится видимой повсюду, так что ее свет нельзя не заметить (см. 17:24). Сын Человеческий «явится» (см. 17:30), и Божье Царство «откроется» (см. 19:11). А покауда этого не произойдет, ученики Христа будут желать «видеть» хотя бы один из дней Сына Человеческого и не «увидят» (17:22). Более того, Христос предупреждает их, чтобы они не впадали в заблуждение и не ходили искать Мессию «здесь... или... там» (см. 17:23). Таким образом, Лука стремится донести до читателей, что в течение какого-то времени Сын Человеческий и Его Царство будут сокрыты пеленой, недоступны взору, невидимы; а затем пелена неожиданно спадет, и Царь и Его Царство предстанут открытыми взору.

Однако — и Лука это подчеркивает — Сын Человеческий, Который явится в это время и получит повсеместное признание, будет не кем иным, как Тем, Кто уже посетил нашу землю и прошел путь от Галилеи до Иерусалима. Сравнительно немногие увидели тогда, Кем именно был Иисус. Однако некоторые смогли это понять и обрели спасение. Из десяти прокаженных один увидел, что не только исцелился от физического заболевания (см. 17:15), но и что это исцеление было исполнено огромного смысла, и вернулся к Христу, получив от Него новый дар — дар духовного спасения (17:19). Подобным же образом и слепой из окрестностей Иерихона понял, что Тот, Кого народ называл Иисусом из Назарета, на самом деле был Мессией, Сыном Давида; и осознание этого позволило ему обрести не только физическое зрение, но и спасение, а также совершенно отличную от прошлой жизнь (см. 18:35-43). И Закхей, главный

сборщик податей, «искал видеть Иисуса, Кто Он», и это привело к его истинному обращению: «пришло спасение дому сему» (19:1-10).

С другой стороны, один из видных людей (см. 18:18-19), несмотря на то, что он обратился к Христу с подобострастием, на самом деле не смог увидеть, Кем является Христос. Поэтому он отверг Его слово и презрел возможность войти в грядущее Божье Царство (см. 18:23-24). Подобным же образом в притче о минах один из десяти слуг начисто отвергает любую возможность принять активное участие в управлении грядущим Царством, которое будет осуществлять Господь, и делает это из-за своих превратных представлений об истинной сущности Господа (см. 19:21).

Другой прием, который использует Лука, сплетая разнообразные темы данного этапа повествования в единое целое, и который он нередко использовал ранее, состоит в том, что характерные детали того или иного сюжета перекликаются с характерными деталями одного из предыдущих сюжетов. Приведем лишь один пример. Урок притчи о вдове и неправедном судье состоит в том, что необходимо продолжать молиться, невзирая на неприятности и огорчения (см. 18:1), и тех, кто «вопиет к Богу день и ночь» (см. 18:7), Бог обязательно услышит и в конечном итоге вознаградит. Использованное Лукой слово «вопить» — это *βοαῖ*. Через двадцать пять стихов он начинает новый рассказ (см. 18:35-43). Это рассказ о нищем, который «закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня» (18:38). Использованное Лукой слово, переведенное на русский язык как «закричал», — это опять *βοαῖ*. Толпа пыталась заставить нищего замолчать, однако он продолжал кричать, пока не получил то, о чем мо-

лил (см. 18:39-42). Нет никаких сомнений, что вышеупомянутая притча и этот рассказ перекликаются между собой. О том, какую цель при этом преследовал Лука, мы поговорим позднее.

Существует и еще один прием, которым Лука нередко пользуется на протяжении данного этапа повествования: он составляет пары отрывков, объединенных общей темой, однако раскрывающих эту тему с разных и при этом взаимодополняющих точек зрения. Однако эту характерную черту его повествования, как и ряд других, легче всего будет отметить в том случае, если мы, как обычно, приведем таблицу, раскрывающую краткое содержание рассматриваемого этапа (см. с. 450-451).

Действие 1. О приходе Царства (17:11-18:14)

А і. Возвращение прокаженного (17:11-19). Первое, на что необходимо обратить внимание, знакомясь с этим рассказом, — это та ключевая роль, которую играют в развертывающемся повествовании указания на географию произошедших событий и на расстояния. Лука не удовольствовался тем, чтобы просто упомянуть, что эти события произошли в одной из деревень на пути Господа в Иерусалим, как он сделал в 10:38. Он уточняет, что это случилось, когда наш Господь проходил вдоль границы между Самарией и Галилеей. Что до галилеян, то они были израильтянами, однако самаряне, как впоследствии заметил Господь, были иноплеменниками (см. 17:18). Упоминание о границе между двумя территориями содержит в себе первый намек на разделение, дистанцию и отчуждение. В 17:12 мы встречаем второй намек: Христа встретили десять прокаженных. Они «остановились вдаль», и им пришлось кричать, чтобы их голос

УХОД ХРИСТА.**1 О приходе (coming) Царства (17:11-18:14)*****A i Возвращение прокаженного (17:11-19)***

Десять прокаженных очищаются от проказы; лишь один из них возвращается, чтобы возблагодарить Иисуса и потому наряду с исцелением получает спасение.

B ii (a) Приход (coming) Царства невидим (17:20-21)

Все дело заключается в том, как в глубине сердца люди относятся к Царству, которое уже находится среди них.

(б) Приход Сына Человеческого будет видимым (17:22-37)

Предупреждение о том, что ждет отвергающих заявления Христа, которое проиллюстрировано жизнью людей во времена Ноя и Лота: людей будут занимать материальные блага и мирские дела, и они окажутся не готовыми к пришествию Сына Человеческого.

B iii (a) Вдова и неправедный судья (18:1-8)

Притча о необходимости постоянной молитвы: вдова продолжает молить неправедного судью, несмотря на то что тот отказывается ей помочь. В конце концов она получает поддержку.

(б) Фарисей и сборщик податей (18:9-14)

Притча о двух молящихся: хвалящийся своими добрыми делами и осуждающий сборщика податей фарисей не получает оправдания; а сборщик податей, который всего-навсего просит Бога быть милостивым к нему, получает.

ЭТАП 4 (17:11-19:28)

2 О вступлении в Царство (18:15-19:28)

Б' i (a) Благословение детей (18:15-17)

Возможность вступления в Царство будет определяться тем, как человек относится к нему в глубине своего сердца: кто не примет Божьего Царства, как дитя, не войдет в него.

(б) Богатый предводитель¹ (18:18-34)

Предупреждение в форме истории о богаче, которая говорит о том, что владеющему богатством, трудно войти в Царство. Жертвующий для Царства получит воздаяние, однако такие пожертвования следует рассматривать прежде всего в свете отвержения и страданий Христа.

В' ii (a) Слепой нищий (18:35-43)

Слепой кричит: «Иисус... помилуй меня». Толпа пытается заставить его замолчать, однако он продолжает кричать, пока Иисус не дает ему спасения, о котором он молил, сказав при этом: «вера твоя спасла тебя».

(б) Богатый сборщик податей (19:1-10)

Сборщик податей желает видеть Иисуса. Толпа осуждает Иисуса за то, что Он хочет зайти к «грешнику»; однако сборщик податей отдает половину своего имущества бедным и возвращает в четырехкратном размере тем, с кого взял лишнее. Иисус в ответ на это говорит: «ныне пришло спасение дому сему».

А' iii Возвращение Господа (19:11-38)

Каждый из десяти слуг получает по мине (фунту серебра), чтобы деньги были в обороте до возвращения господина. Вернувшись, господин вознаграждает верных слуг. Один слуга не стал пускать свои деньги в оборот, пойдя наперекор воле господина. Господин забирает у него деньги и отдает их другому слуге, у которого уже есть десять мин.

¹ В нашем переводе из соображений удобства и адекватности оригинальному тексту комментария (ср. англ. *rich ruler*) используется данный вариант номинации действующего лица рассказа. Он взят из перевода: *Благая весть. Новый завет. Пер. с греч. текста. М., 1992* (прим. ред.).

преодолеет расстояние, отделявшее их от Христа. Закон не позволял прокаженным приближаться к здоровым людям. Далее мы замечаем, что Христос не подошел к ним, чтобы дотронуться до них и исцелить, как Он поступал с другими прокаженными (см. 5:12-13), а оставался на расстоянии и просто сказал им, чтобы они пошли и показали священникам. И уже на пути к священникам эти прокаженные получили очищение. Разумеется, к этому времени расстояние между ними и Христом все увеличивалось.

Тут один из прокаженных осознал, что очистился. Он, конечно же, был благодарен Богу. Но ключом к пониманию рассказа является то, *каким образом он выразил (выд. ред.)* свою благодарность. Можно было бы подумать, что ему не обязательно было возвращаться к Христу, чтобы выразить свою благодарность Богу, и что он мог сразу отправиться к священникам. Но нет! Христос считал необходимым, чтобы и он, и остальные «возвратились воздать славу Богу» (17:18). Дело было не в том, что наряду с благодарением Богу Христу хотелось услышать похвалу в свой адрес, хотя возвратившийся прокаженный действительно вознес Ему хвалу; из слов Христа в 17:18 следует, что исцелившиеся должны были вернуться к Христу, если они действительно хотели воздать славу Богу.

Один из них и в самом деле вернулся. И как радостно видеть, что после его возвращения дистанция и отчуждение между ним и Богом исчезли. Теперь не было необходимости в социальной изоляции. Исцелившийся уже не должен был держаться от людей на расстоянии: он подошел и упал перед Господом на колени. Этот человек был самарянином, Иисус — евреем; теперь разделявший их национальный и религи-

озный барьер перестал иметь какое-либо значение. Когда-то проказа свела этого человека вместе с девятью прокаженными евреями, ибо все они были отделены как от евреев, так и от самарян; очищение же привело его к признанию божественной силы еврея Иисуса и к принятию того, что из этого вытекало. Однако важнее всего то, что, с благодарностью признав Божью силу в Христе и потому вернувшись к той Личности, через Которую эта сила проявилась, он тем самым позволил этой Личности даровать ему спасение (см. 17:19): не просто физическое исцеление, которое получили и девять других прокаженных, но и прощение, примирение и вечную жизнь, а также избавление от всякого отчуждения и всякой дистанции, отделявшей его, человека греховного и нечистого нравственно, от Бога.

Что же можно сказать об остальных девяти исцелившихся? Об их дальнейшей судьбе в рассказе не говорится. Не следует думать, что они пошли к священникам из тех же соображений, что пошла бы группа атеистов, — нехотя, в силу необходимости подчиниться религиозным канонам, в которых они не видят никакого смысла. Исходя из того, что нам известно, они могли направиться к священникам, подобно правоверным иудеям, вознося в песнопениях хвалу Богу. Для Христа этого было недостаточно. Расплывчатое чувство абстрактной благодарности Богу не являлось адекватным ответом на случившееся. Чудесная сила Бога была явлена им через Христа. Во Христе — если заимствовать встречавшееся выше выражение — до них достигло само Божье Царство (см. 11:20). В ответ они должны были вернуться к Христу, чтобы воздать славу Богу (см. 17:18).

Быть неблагодарным за разнообразные дары Творца — уже само по себе зло (см. Рим. 1:21); и немало таких людей, которые попадали в тяжелое положение и взывали к Богу с просьбой о конкретной помощи, а получив ее, неблагодарно отвергали Бога, удаляясь от Него еще дальше, чем раньше. Однако в нашем рассказе дело приняло еще более печальный и серьезный оборот. Исцеление прокаженных не было подарком судьбы или одним из ряда разнообразных даров, которые Творец посылает Своим творениям, — в нем заключалось чудесное знамение, указующее исцеленным на Христа, посредством веры в Которого они могли принять спасение и вечную жизнь. Именно так повлияло исцеление на самарянина: в конце концов, и это знамение, и указуемое им направление были достаточно очевидны. Однако о девяти исцелившихся евреях можно сказать то же самое, что и о толпе из рассказа о насыщении пяти тысяч. Эта толпа увидела чудо, однако ее не интересовало, о чем оно свидетельствовало. Они не задумывались также и том, чтобы обратиться к Тому, на Кого оно указывало, за чем-либо еще, кроме новой порции хлеба и рыбы (см. Ин. 6:26). То же самое относится и к девяти прокаженным. Они получили доступ к спасению, вечной жизни и Божьему Царству; но даже чувство благодарности не смогло пробудить в них интереса к чему-либо еще, кроме собственного физического исцеления. Когда они были прокаженными, они, по крайней мере, могли приблизиться к Христу; получив от Него исцеление, они покинули Его и, насколько нам известно, навсегда. Все дары Бога предназначены для того, чтобы привести нас к Личности, являющейся Высшим Даром людям.

Трудно понять человека, который принимает мелкие подарки, но отказывается от Высшего Дара.

Б ii (а). Приход Царства невидим (17:20-21). Далее следуют два четко обозначенных отрывка, один из которых адресован фарисеям, другой — ученикам. И в том, и в другом говорится о приходе Царства, однако с разных точек зрения.

В данном, первом, отрывке, отвечая на вопрос фарисеев: «когда придет Царствие Божие?», наш Господь говорит: «не придет Царствие Божие приметным образом», т. е. можно очень внимательно следить, как это произойдет, но так и не увидеть. «И не скажут, — добавляет Он, — «вот, оно здесь», или: «вот, там»»; а объясняется это тем, что оно не придет внешне видимым образом, и потому бесполезно смотреть, когда это произойдет.

Разумеется, говоря так, наш Господь не собирался заранее опровергать того, что Он вот-вот должен был сказать Своим ученикам: в будущем приход Божьего Царства станет видимым повсюду (см. 17:24). Мысль, которую Он хотел донести до фарисеев, заключалась в том, что о приходе Божьего Царства следует прежде всего думать в ином ключе. И с этой точки зрения Божье Царство уже находилось среди них (см. 17:21)¹. Ведь перед слушателями тогда находился Сам Царь, хотя они этого и не понимали. Их неспособность увидеть, Кем был Говорящий, объяснялась не недостатком знамений. Их Он сотворил немало. Но знамения были всего лишь «указателями»; а фактическое признание Иисуса Божь-

---

¹ Перевод слов Господа «Царствие Божие внутри вас есть» ошибочен. См. Marshall, 665.

им Мессией было и остается результатом внутреннего откровения и духовного прозрения (см. 10:21). Точно так же и вступление в духовный мир Царства было по сути своей глубинным процессом покаяния, веры и нового рождения от Духа, чей труд невидим, как ветер (см. Ин. 3:3-8). Таковым оно остается и по сей день.

Итак, прежде всего фарисеи должны были уделять чуть-чуть меньше внимания тому, как будет выглядеть будущее Царство внешне, и чуть-чуть больше — духовному миру уже окружавшего их Царства, они должны были признать Царя и вступить в Его Царство. Не сделав этого, они окажутся неготовыми к пришествию Царства в его будущем обличье, даже если смогут это пришествие увидеть.

Б ii (б). Приход Сына Человеческого будет видимым (17:22-37). С другой стороны, было бы столь же неверно впасть в противоположное заблуждение, то есть сосредоточиваться сугубо на духовном мире уже окружающего нас Царства, при этом забывая или даже отрицая тот факт, что однажды это Царство придет явным образом, в силе и великой славе. Такое пришествие будет отнюдь не невидимым, наоборот: оно станет видимым мгновенно и повсеместно (см. 17:24).

В свете этого грядущего пришествия наш Господь сделал два предупреждения. Первое предупреждение связано с тем, что Его ученики, несомненно, должны горячо и с нетерпением ожидать желанного часа; однако именно из-за их нетерпения может случиться так, что они обманутся и преждевременно решат, что Христос вернулся. Поэтому Христос еще раз подчеркивает глупость тех, кто будет говорить: «вот, здесь» или

«вот, там...» (см. 17:23); только теперь глупость заключается в другом. В первом случае (см. 17:21) было глупо говорить: «вот, оно здесь» о том, что по определению можно считать невидимым. Во втором случае (см. 17:23) глупостью является утверждение о необходимости указывать на уже открытое всеобщему взору. Таким образом, ученикам следовало остерегаться любых заявлений о том, что Мессию заметили в том или ином месте или что Царство уже наступило. Когда Сын Человеческий появится, не будет нужды кому-либо об этом сообщать.

Второе предупреждение (см. 17:25-30) состояло в том, что до Его славного появления Ему надлежало «быть отвержену родом сим». Когда впоследствии ученики увидели страдания Христа, это предсказание укрепило их веру (ср. 24:6-8). Однако в своем первоначальном контексте оно служит и еще одной цели. В нем дан ответ, почему, несмотря на многовековую историю проповедования христианства, второе пришествие станет для мира неожиданностью. Выражение «быть отвержену родом сим» прямо указывает, что род современников Христа обдумает Его утверждения о том, что Он является Мессией и отвергнет их. Следовательно, покуда Израиль и другие народы будут придерживаться подобных взглядов, они будут отрицать самую возможность возвращения Христа. Вот почему, когда Христос вернется, они удивятся и будут застигнуты врасплох.

Чтобы донести до учеников значение сказанного, Христос прибегает к двум аналогиям. Во времена Ноя люди не верили проповеди Ноя (см. 2 Пет. 2:5); начало потопа было для них неожиданностью, и они были уничтожены. Во времена Лота жители Содомы насме-

хались над свидетельством Лота; в тот день, когда Лот покинул город, к их ужасу на них действительно обрушился Божий суд и уничтожил их.

Точно так же и после того, как в течение долгого времени мир в большинстве своем будет игнорировать многочисленные предупреждения, придет день, когда Сын Человеческий внезапно и неожиданно явится людям (см. 17:30; 1 Фес. 5:3). Это будет день последнего суда (см. 2 Фес. 1:7-9; 2:8-12).

Современники Ноя и жители Содома времен Лота совершали особо тяжкие злодеяния (см. Быт. 6:11-13; 19:1-11); однако пришествие Божьего суда застало их врасплох не потому, что они пребывали в чудовищном грехе. По словам Христа, это произошло потому, что они были настолько погружены в обычные повседневные дела, в каждом из которых не было совершенно ничего дурного, что их ничуть не заботили ни Божьи предупреждения, ни Благая весть (см. 17:27-28). Более того, когда Содом уже остался позади и горел во гневе Всемогущего Господа, жена Лота обернулась, сожалея о тех вещах и образе жизни, которые она оставила с большими колебаниями. Из-за этого поступка она и погибла (см. 17:32). В человеческой природе мало что меняется. Для некоторых предметы материального мира значат так много, что Христос считает необходимым их предупредить: в тот самый день, когда Он явится, чтобы обрушить Божий гнев на тех, кто являет собой средоточие зла и скопище пороков, эти люди испытают искушение вернуться домой или в родной город, чтобы забрать с собой свои любимые вещи, — то, без чего они не мыслят жизни. Ради этих вещей они погубят собственную жизнь (см. 17:31-33).

Когда безбожный мир был застигнут потопом, потоп, как говорится в Мф. 24:39, «истребил всех» (греч. *airō*) или, как говорится в Лк. 17:27, «погубил всех». Так были смыты переполнявшие землю злодеяния (см. Быт 6:13). Верующие праведники, надежно укрытые в ковчеге, остались в целостности и сохранности. То же самое повторится во время пришествия Сына Человеческого: люди порочные будут сметены с лица земли. В ту ночь двое будут в одной постели — один будет взят (греч. *paralambanō*), а другой оставлен. Две женщины будут вместе молотить зерно — одна будет взята, а другая оставлена (ср. Мф. 13:41-43). Ученики спросили Христа, где состоится суд, который разделит людей и определит их судьбы. Видимо, услышав Его предупреждение не возвращаться назад в город или домой, они подумали, что этот суд состоится в каком-то конкретном месте или во многих конкретных местах. Ответ Господа был несколько загадочен: «где труп, там соберутся и орлы» (17:37). Питающиеся падалью птицы — не слишком приятное зрелище, однако они исполняют очень важную роль в природе: благодаря им с лица земли исчезает гниющая масса. Суд — не самая приятная тема для обсуждения; однако наступит день, когда придет Христос, чтобы остановить губительное разложение, источником которого является зло. Он придет, чтобы погубить губивших землю (см. Откр. 11:18).

В iii (a). Вдова и неправедный судья (18:1-8). Итак, для безбожников пришествие Сына Человеческого станет неумолимой катастрофой; однако в следующем отрывке это пришествие описано совершенно в иных тонах. Для Божьих избранников уверен-

ность в пришествии Сына Человеческого основывается на достоверной Благой вести; всякая несправедливость, которую им пришлось перенести, будет исправлена. На протяжении всех прошедших веков Божьим избранникам приходилось терпеть несправедливость и гонения, а страдания, которые они будут призваны перенести в конце времен, перед явлением Христа, не будут иметь себе равных по тяжести (см. Мф. 24:21-22). Будет совершенно естественно, если они возопят к Богу, моля Его, — но не о мести врагам, а о том, чтобы Он вмешался и положил конец всякому злу, проистекающему от гнусности властей и людей, им подчиненных. Разве Бог не хочет, чтобы возторжествовала справедливость?

Иногда подобный вопль о справедливости расценивается как нечто недостойное христианина, и уместное, пожалуй, для евреев дохристианской эпохи. Утверждается, что христиане должны следовать примеру Иисуса, молившегося о прощении для тех, кто Его распял. В возражение этому утверждению можно напомнить, что Писание говорит и о том, что Иисус «...страдавая... предавал *то* Судии Праведному» (1 Пет. 2:23); и самый призыв к христианам не мстить за себя основан на личном заверении Бога: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19).

Итак, вопрос состоит не в том, должны ли христиане обращаться к Богу с громкой мольбой о возмездии, а в том, что, когда они обращаются к Нему с подобной мольбой, Бог хранит молчание и, похоже, ничего не предпринимает, покуда наконец Божьи избранники не подвергаются искушению думать, что взывать к Богу бесполезно: либо Он их не слышит, либо на самом деле Ему все равно. Тем не менее, настаивает Христос, Бо-

жьи избранники обязаны не оставлять молитвы и не отчаиваться (см. 18: 1); ибо прекратить молиться — значит подвергнуть сомнению самую сущность Бога. Судья из притчи был весьма порочен и беспринципен, пренебрегая и Богом, и людьми. Но даже он в конечном итоге уступил настойчивым мольбам вдовы. Так неужели мы должны перестать взывать к Богу, тем самым представляя Его еще более бесчувственным и несправедливым, чем даже неправедный судья? В отказе от молитвы скрыт чудовищный смысл: из такого отказа следует, что Бог, если Он действительно существует, настолько безразличен к справедливости, что у нас не может быть надежды на то, что грядущее Царство справедливости на земле или какой-то рай на небе и в самом деле стоит того, чтобы туда попадать.

Придет день, и Бог отомстит за Своих избранников. Христос Сам готов в этом поручиться (18:8). Бог вмешается: Сын Человеческий придет. Справедливость восторжествует. Но будем ли мы еще верить в торжество Божьей справедливости, когда придет Сын Человеческий (18:8)? Если во время, предшествующее его возвращению, мы оставим молитву, как нам тогда удастся объяснить Ему, почему мы усомнились в Его сущности?

В iii (б). Фарисей и сборщик податей (18:9-14). Мысль о том, что Христос грядет, чтобы свершить Божий суд над всеми злыми и неправедными, естественным образом подводит к вопросу, который поставлен в следующей притче: кто неправеден, а кто праведен? Здесь мы должны быть чрезвычайно внимательными. Люди слишком склонны, в особенности если они стали жертвой несправедливости — да

даже и без того — считать себя невинными и добрыми и не сомневаться, что порочен кто-то другой, а не они сами. Итак, необходимо отдавать себе отчет, исходя из чего мы обращаемся к Богу в своих молитвах; ибо помимо того, что по настойчивости наших молитв можно судить о наших представлениях о Божьей сущности, на основании наших молитв (хотя мы этого, порой, не осознаем), можно сделать вывод о том, каковы наши представления о самих себе. Эти представления могут быть ошибочными и привести к несчастью. Фарисей из притчи был человеком крайне религиозным, и, наверняка, и он, и его единомышленники нередко становились жертвами несправедливости со стороны сборщиков податей. Поэтому фарисей решил обратиться к Богу, исходя из своих собственных добрых дел, и указать Ему на то, что он, фарисей, куда лучше окружающих его людей, ведущих беспутную жизнь, и уж, конечно же, лучше стоявшего поодаль мытаря. Такое представление в действительности было ошибочным. По относительно-людским меркам, возможно, фарисей и был лучше сборщика податей; однако он забывал, что если исходить из абсолютных Божьих принципов справедливости, то вместе со всеми людьми, религиозными и нерелигиозными, обманутыми и обманщиками, жертвами гонений и гонителями, он был осужден Богом как грешник, лишенный Божьей славы. Полагаясь на свои собственные заслуги, фарисей ушел из храма домой не принятым и не оправданным Богом, по-прежнему вызывая Божью немилость.

Сборщик податей исходил из другого: он стоял вдали (см. 18:13), подобно прокаженному из 17:2, при-

знаявая ту пропасть, что возникла между ним и Богом из-за его грехов, и не предпринимая попыток преодолеть ее ссылкой на какие-либо добрые дела, которые можно было бы поставить себе в заслугу. Чувствуя, что он недостойн даже поднять глаз к Божьему небу, сборщик податей признал абсолютную справедливость того, что Бог осудил его грехи, осознал свою полную духовную нищету и просто положился на Божью милость. И Бог его принял. Причем сборщику податей не пришлось ждать второго пришествия, чтобы об этом узнать: он пошел домой оправданным (см. 18:14). Всякое расстояние, разделявшее его с Богом, исчезло навсегда. Теперь он мог ожидать пришествия Господа спокойно и с уверенностью.

Действие 2. О вступлении в Божье Царство (18:15-19:28)

Если Действие 1 было, в основном, посвящено пришествию Царя и Его будущему Царству, то в Действии 2 речь пойдет о вступлении в это Царство. Нам вновь, как и в 17:20-37, необходимо помнить как о духовном мире уже окружающего нас Царства Христа, так и о его будущем внешне видимом явлении, ибо, если мы хотим вступить в будущее Царство, мы должны убедиться, что вступили в теперешнее. Итак, данное Действие начинается с двух рассказов, в которых прямо говорится об условиях вступления в Божье Царство.

В'і (а). Благословение детей (18:15-17). В 17:20-21 фарисеи, желая увидеть славу и силу грядущего Царства, не признали Самого Царя, Который стоял в это время перед ними. Было очевидно, что они не

считали Его достаточно великим. Теперь ученики совершали обратную ошибку. Матери приносили Христу маленьких детей, чтобы Он дал им Свое благословение, а ученики осуждали их. Было очевидно, что ученики не считали маленьких детей настолько важными и великими, чтобы Христос тратил на них время и силы; и нашему Господу пришлось поправить учеников: «таковых, — сказал Он, — есть Царствие Божие». Маленький ребенок принимает пищу, пользуется любовью и защитой родителей и не задумывается, заслуживает он того или нет, достаточно ли он важен, чтобы удостаиваться подобного внимания или нет. Точно таким же должно быть и наше отношение к Царству Божьему — мы должны принять его, как дети, и войти в него (см. 18:17).

Можно с уверенностью сказать, что в данном контексте большинству христиан нетрудно будет выработать в себе такое отношение. А вот когда, подобно апостолам, мы начнем свой христианский труд, мы можем легко впасть в искушение и подумать, что гораздо важнее приводить ко Христу «лидеров» и «сильных мира сего», нежели тех, кто выполняет черновую работу. Согласно Иакову (см. 2:1-13), поступать так — значит грубо нарушать закон. Истина состоит в том, что при вступлении в Божье Царство никто из нас не больше другого.

Б'і (б). Богатый предводитель (18:18-34). Следующий отрывок говорит нам о другой стороне проблемы: превыше всего для нас должен быть Царь и Его Царство, и если мы будем придерживаться другой позиции, то вряд ли войдем в Царство. Классической иллюстрацией этого принципа является пример богатого пред-

водителя (в Синодальном переводе — «одного из начальствующих» — прим. перев.). Надо думать, что, будучи богатым, этот человек получал большое удовольствие от своей земной жизни и считал, что было бы хорошо обрести и вечную жизнь. У него всегда было, чем заплатить за блага земной жизни, и он с готовностью, как ему казалось, заплатил бы за возможность жить вечной жизнью в Божьем Царстве: «что мне делать, — спросил он, — чтобы наследовать жизнь вечную?» (18:18). На деле же он самым серьезным образом недооценивал и Самого Царя, и Его Царство.

Он обратился к Христу вежливо: «Учитель благий!» Видимо, он не понимал, что говорил, и Христос резко ему возразил: никто не благ, кроме Бога.

И это была не отвлеченная богословская дискуссия. Если Иисус действительно являлся воплотившимся Богом, а богатый предводитель и в самом деле смог это увидеть, то он, конечно же, должен был быть готов беспрекословно исполнять волю Иисуса. Было бы абсурдом просить о вступлении в Царство и при этом с самого начала отказываться исполнять то, о чем говорил Сам Царь. Однако предводитель не был готов исполнять повеления Иисуса. Слова «Учитель благий» оказались простой данью вежливости.

Итак, этот человек пришел, чтобы спросить, что ему нужно делать, чтобы наследовать вечную жизнь. Христос объяснил ему, каким образом можно получить не только вечную жизнь, но и небесное сокровище (см. 18:22). Однако когда стало ясно, что придется выбирать между сокровищем на небесах и довольно значительными владениями на земле, богач решил, что в конечном итоге более ценно не первое,

а второе. В этом-то и состоит проблема, с которой сталкиваются люди, владеющие богатствами. Дело не только в том, что из-за сосредоточенности на своем богатстве они окажутся не готовыми к грядущему вместе с Царством суду (см. 17:26-33), но и в том, что в свете их нынешнего богатства Божье Царство представляется далеко не единственной сущностью, обладающей наивысшей ценностью. В лучшем случае оно становится чем-то таким, что они бы с радостью присовокупили к своим земным богатствам, появившись для этого благоприятная возможность, однако не стали бы приобретать, если бы ради этого потребовалось отказаться от всего прочего. И если они и дальше будут думать о Божьем Царстве подобным образом, приходится сильно сомневаться, что они когда-либо в него войдут.

Увидев, что богач запутался в сетях собственного богатства, Петр испытал желание обратить внимание Христа на то, что и он, Петр, и другие апостолы оставили все, что имели, чтобы следовать за Христом (см. 18:28). Складывается впечатление, что в замечании Петра сквозит досадное заблуждение, согласно которому жертва апостолов вменялась им в выдающуюся заслугу и ставила их над богачом. Христос сразу же поправил Петра, сделав сначала одно замечание (см. 18:29-30) и затем — другое (см. 18:31-34). Во-первых, Он обратил внимание учеников на то, что каждый из них с избытком получит воздаяние за отказ от чего-либо ради Божьего Царства. Такой человек обретет не только вечную жизнь в ином мире, у него появится много больше друзей, а также «дом и семья» в этом мире. Жертва ради Христа, на самом деле, — не потеря: это вклад, который приносит доход и увеличивается в размере.

Во-вторых, через некоторое время — Лука не говорит, когда именно, — Христос отвел учеников в сторону и более подробно (ср. 17:25) рассказал о страданиях, ожидавших Его в конце пути, и о том, что за этими страданиями последует воскресение. Если бы они сразу же поняли смысл Его слов, то, возможно, Петр смутился бы из-за того, что недавно напоминал Христу, от чего он и другие апостолы ради Него отказались. Но апостолы не поняли Христа; и Лука употребляет сложное предложение, состоящее из трех простых, чтобы это подчеркнуть и объяснить: «слова сии были для них сокровенны». Разумеется, настанет день, когда глаза апостолов откроются.

В' и (а). Слепой нищий (18:35-43). Следующие два рассказа будут перекликаться с тем, что мы уже слышали. Прежде всего нам вспомнится предупреждение нашего Господа об опасностях, которые несет с собой богатство («как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (18:24)), и реакцию слушателей («кто же может спастись?» (18:26)). Ответ на этот вопрос содержится в следующих далее двух рассказах. В одном речь идет о бедном нищем (см. 18:35-43), в другом — о богатом сборщике податей (см. 19:1-10). Бедняк спасся (18:42); спасся и богач (19:9-10), тем самым подтвердив истинность сделанного нашим Господом ранее замечания: «невозможное человекуам возможно Богу» (18:27). Богач, разумеется, нуждался в спасении. Он приобретал свои богатства в значительной степени благодаря грязным махинациям; помимо всего прочего спасение должно было избавить его от такого способа зарабатывать себе на жизнь. Однако, чтобы нам не показалось, что бедняк

уже сам по себе лучше богача, Лука указывает, что бедняк тоже нуждался в спасении. Его попрошайничество заслуживало не меньшего порицания; он тоже нуждался в избавлении от подобного способа зарабатывать себе на жизнь.

Мы слышим отголосок еще одного мотива, когда узнаем, что послужило ключом к спасению бедняка. Нам не сообщается, каким именно образом «просветились очи» его сердца (см. Еф. 1:18); однако мы знаем, что задолго до того, как он получил физическое зрение, он увидел в Иисусе гораздо большее, чем то, что в Нем виделось окружающим. Люди видели в Иисусе простого человека из Назарета (18:37). Бедняк увидел в Нем принадлежащего царской фамилии Мессию, Сына Давида (см. 18:37-38), которому подчиняются все силы Божьего Царства. Изо всех сил бедняк воззвал к Нему, моля даровать зрение, и Царь ответил на его мольбу. Бедняку не пришлось более просить милостыню; благодаря своей молитве он получил подлинную независимость. Даже в наши дни человек, страдающий от недуга, который делает его полностью зависимым от окружающих, может посредством молитвы, добиться для них гораздо больших благ, чем те, что он получает от них сам.

Однако, когда нищий стал взывать к Господу, толпа попыталась заставить его замолчать (см. 18:39). То, с какой настойчивостью он продолжал взывать к Богу, пока не добился своего, не может не напомнить нам о вдове, которая, несмотря на бесконечные отказы, продолжала настойчиво молить неправедного судью о помощи, пока не добилась своего (см. 18:1-8). И вдова, и нищий проявили одинаковую настойчивость, однако будет поучительно разобраться, чем отличалось то, что

каждый из них получил. Вдове все-таки удалось добиться, чтобы судья по справедливости рассудил ее дело; и наш Господь, как мы помним, рассказал эту притчу, чтобы мы в нашей вере обращались ко времени пришествия Сына Человеческого (см. 18:8), Который явится со всей Своей божественной силой и во всем Своем величии, чтобы свершить Божий суд и искоренить на земле всякую неправду. Этот образ грядущего Христа соответствует действительности, и в нем мы будем черпать поддержку, когда нам придется переживать несправедливость.

Однако после того, как слепой получил воздаяние за свою настойчивость, он увидел нечто совершенно иное: то был не Сын Человеческий во славе Своего Отца и святых ангелов и даже не человек, облаченный в царские одеяния, в благородном окружении совершавший путь в свой престольный город. Перед обретшим зрение слепым стоял запыленный путник, направлявшийся в Иерусалим, Тот, которого, как нам только что напомнили (см. 18:31-33), вскоре ожидали насмешки, оскорбления, плевки, бич и смерть. И все же только что обретенное слепцом физическое зрение его не обманывало: перед ним действительно предстал Сын Давида, Он был именно таким, каким должен был быть, и именно это означало для Него быть Царем. Слепой пошел следом за Иисусом, благодарный Богу за то, что ему все-таки довелось встретиться с Сыном Давида. Увидев впоследствии, что произошло с Царем в Иерусалиме, слепой, вероятно, понял, что если бы Царь не приблизился к людям настолько, чтобы те смогли на него плевать, Он не смог бы приблизиться и к слепому, чтобы услышать его вопль. Впрочем, как бы там ни было, но Царь никогда

не изменится. Тот, Кто служил и страдал за людей на земле, по-прежнему будет служить им, пребывая во славе (см. 12:37; 22:27). Вот почему так прекрасно пребывать в Его Царстве.

Поскольку мы знаем наверняка, что придет день, когда наши молитвы будут услышаны и Сын Человеческий вернется, чтобы искоренить среди нас всякую неправду, к нам тоже, как говорит Петр (см. 1 Пет. 2:18-24), по-прежнему обращен призыв идти следом за Царем по пути невинного страдания во имя спасения. «...Многими скорбями, — говорит апостол Павел (Деян. 14:22), — надлежит нам войти в Царствие Божие». Если ныне наши глаза открыты, чтобы видеть и понимать сокрытое от апостолов (18:34), — то, что в страданиях Царя и состоит Его наивысшая слава; если мы увидели, что Царь, будучи богатым, отказался от богатства и стал бедным ради нас, погрязших в нищете, дабы посредством Его бедности мы смогли обрести богатство, то мы должны с готовностью поспешить разделить с Ним Его нынешние страдания, чтобы впоследствии разделить Его славу (Рим. 8:17).

В' ii (б). Богатый сборщик податей (19:1-10). Богатый Закхей также получил спасение, и в каком-то смысле ему также помогло то, что он увидел Иисуса Христа. Закхей был невелик ростом (19:3) и, возможно, испытывал свойственную людям маленького роста сильную потребность в самоутверждении и признании. Видимо, богатство не приносило ему ощущения, что Бог или люди его принимают. Синагога его осуждала, а люди чурались: они презирали и его самого, и его нажитое нечестным путем богатство; он должен был с горечью видеть, что деньги не могут облегчить его положения

отверженного. Закхей был пропавшим, погибшим человеком. Как мог погибший найти дорогу в Божье Царство? Разумеется, он не мог этого сделать, однако его можно было найти и привести в Царство, если бы нашелся тот, кто захотел бы отправиться его искать и принести спасение в самый его дом (19:9-10).

Теперь Лука все чаще и чаще замечает, что Христос находится в пути (18:31, 35; 19:1, 4, 5, 7, 9, 10). Его путь длился уже довольно долго, однако, когда Христос проходил через Иерихон, потребовалось совсем немного времени, чтобы произошел целый ряд связанных друг с другом событий. У Закхея появилось желание — и кто может сказать, откуда, — увидеть, кто такой Иисус, и он взобрался на дерево, чтобы ему было лучше видно; а Иисус, в точном соответствии с Божьим замыслом, остановился под этим деревом, и посмотрел наверх, в лицо смотревшего на Него Закхея, и сказал ему, чтобы тот слез с дерева, потому что Иисусу нужно было остановиться у него в доме. В тот миг Закхей не только увидел, Кем был Иисус, но и обрел давно утраченное им истинное «я». Бог любил Закхея вечной любовью и стремился к нему столь сильно, что послал Своего Сына, дабы Тот нашел Закхея и избавил от гибели, придя к нему в дом и утвердив в самой глубине его сердца ощущение того, что он принят Богом.

Однако Закхей обнаружил и что-то еще. Когда его принял Бог, у него появилось то, чего он в течение многих лет стремился добиться с помощью богатства. Все подчиняющая себе потребность зарабатывать деньги исчезла. Более того, он почувствовал, что половина его богатств ему больше не нужна, и раздал её бедным. Вдобавок к этому теперь он уже

не мог примириться с мыслью о том, что за предложенное им Христу угощение заплачено деньгами, которые были получены путем махинаций. Закхей признал греховность своего способа зарабатывать деньги и пообещал полностью покрыть потери тех, кого он обидел. Его план помощи бедным намного превосходил по своей щедрости то, о чем объявил находившийся в храме фарисей (18:11-12). Решение Закхея было вызвано не тем, что его порицал народ (19:7); никогда в прошлом людское порицание не оказывало на него подобного воздействия. И, разумеется, Христос не требовал этого в качестве непременного условия для обретения мира с Богом. Принятый Богом, Закхей вновь обрел свое истинное «я»: он был сыном Авраама (19:19), того самого богатого предка, который сначала получил оправдание верой (см. Быт. 15:6), а в последующей жизни оправдал исповедание своей веры делами (Быт. 22, Иак. 2:21-23).

И теперь мы вновь замечаем, с какой тщательностью Лука отбирает и располагает свой материал. Сборщик податей из притчи в 18:9-14 был оправдан Божьей благодатью, хотя и не совершал добрых дел, которыми можно было бы похвалиться, как это сделал фарисей. Закхей был принят и оправдан Богом на тех же основаниях. Однако в результате спасения коренным образом изменилось его отношение к собственному долгу перед убогими и неимущими: ведь если Закхей собирался править вместе с Христом в его грядущем Царстве, ему следовало научиться христианскому отношению к богатству и начать проявлять его в этом мире. Заявить о своем обращении, а затем продолжать поступать, подобно богачу из 18:18-34, было бы логической несообразностью.

А' iii. Возвращение Господа (19:11-27). На протяжении всего второго Действия мы размышляли над тем, что следует понимать под вступлением в Божье Царство, и что для этого требуется. Как правило, речь при этом шла о вступлении в духовный мир уже окружающего нас Царства посредством веры в Спасителя. Теперь, в заключительном отрывке, мы должны задуматься, что значит вступить в Божье Царство в его будущем, внешне видимом, обличье во время пришествия нашего Господа Иисуса Христа.

Для всех истинно верующих это будет означать вечную жизнь (см. 18:30). Но не только. Притча о минах в значительной степени является яркой аллегорией вознесения Христа и Его возвращения, в момент которого все царства этого мира будут, наконец, полностью и окончательно подчинены Его власти. Притча о минах недвусмысленно говорит, что, когда Господь вернется царствовать, Его народ будет царствовать вместе с Ним (см. 2 Тим. 2:12; Откр. 2:26-27).

Что же, в таком случае, включает в себя такое царствование? Царствовать с Христом — значит разделять с Ним славу Его царствующего дома (см. Рим. 8:17; Евр. 2:5-10). Для кого-то, возможно, для большинства это будет означать активное участие в управлении (см. Мф. 19:28; 25:31; 1 Кор. 6:2-3). В этой связи притча о минах знакомит нас с рядом чрезвычайно важных принципов.

Во-первых, в грядущем Царстве важность возложенных на каждого верующего в отдельности функций будет, в частности, зависеть от того, насколько верным был верующий в использовании и приумножении доверенного ему Господом на время Своего отсутствия.

В этой связи будет к месту вспомнить о замечании апостола Петра (см. 2 Пет. 1:10-11): одно дело вступить в вечное Царство — это сделают все верующие. Совершенно другое дело — получить доступ в это Царство «с избытком» (*перев. мой — Д.Г.*). Такой доступ откроется для тех, кто силой своей веры пришел к познанию Божьих сокровищ и обогатил себя благими дарами и качествами (см. 2 Пет. 1:3-8).

Во-вторых, каждому из слуг было что-то доверено Господом: надо полагать, что на это указывает большое число слуг в притче — десять.

В-третьих, по Своему возвращению Господь призывает всех Своих слуг держать ответ, как они распорядились тем, что им было доверено. Верные слуги получают вознаграждение: они удостоятся большей ответственности, большего доверия и большей работы, равно как и радости, сопутствующей участию в новых невиданных по своему размаху делах Мессии. А какая участь ждет неверных?

Один из таких неверных фигурирует в нашей притче, и в связи с этим человеком у нас возникает серьезный вопрос. Неверного слугу из притчи о талантах у Матфея (см. Мф. 25:24-30) бросают «во тьму внешнюю», где плач и скрежет зубов. Очевидно, что у Матфея речь идет о слуге-обманщике, которого в конце концов разоблачают как неверующего. Однако приводимая Лукой притча о минах имеет свои особенности; в этой притче с неверным слугой поступают иначе. У него забирают данную ему мину, однако не говорится, что он брошен «во тьму внешнюю» и, похоже, что его нет среди врагов, которых приводят к Царю и казнят (19:27).

Почему же, в таком случае, нам все равно трудно считать неверного слугу из нашей притчи истинно

верующим? Все дело в тех представлениях, которые сложились у него о Царе. Когда у него спросили, почему он не потрудился для своего господина, неверный слуга ответил, что господин сам в этом виноват, потому что всегда хочет получить что-то, не прилагая к этому каких-либо усилий, взять там, где не клал (см. 19:21). Неверный слуга добавляет, что боялся поступить неправильно и этот страх его парализовывал.

Таким образом, наш вопрос сводится к следующему: может ли найтись такой человек, который, если он действительно верит, что Христос отдал за него Свою жизнь, в ответ на какую-нибудь просьбу Господа потрудиться ради Него отвернется и скажет, что Господь пытается получить что-то, не прикладывая к тому никаких усилий? Люди могут быть неблагодарными — вспомним, к примеру, девять прокаженных. Но может ли быть настолько неблагодарным верующий? И найдется ли такой человек, который, веруя, что смерть Христа обеспечила ему прощение всех его грехов, может сказать Христу, что не трудился для Него, потому что боялся допустить ошибку?

Возможно, наш вопрос звучит слишком отвлеченно или литературно. Возможно, нам лучше задаться вопросом о нашей собственной нынешней жизни: что говорит она Господу о нас и о том, как мы к Нему относимся, если и мы не исполняем верой и правдой дело, которое Он нам доверил?

Возможно, неверный слуга все-таки был верующим, а, может быть, и нет, но мину у него забрали. Если верующий не трудится для Господа, он не утратит своего спасения; однако, конечно же, лишится воздаяния (см. 1 Кор. 3:15).

Завершим рассмотрение данного этапа повествования на более радостной ноте. Прокаженный, благодарный Господу за исцеление и вернувшийся, чтобы выразить Ему свою благодарность, понял, что чувство благодарности позволило ему обрести и нечто большее: вдобавок к своему исцелению он получил дар спасения. Верность слуги из притчи, преданно трудившегося для своего господина, дала лавинообразный эффект: одна мина принесла ему десять; десять мин дали власть над десятью городами (см. 19:16-17); и кроме всего прочего верному слуге дали еще и мину слуги неверного. Принимая во внимание то, как верный слуга использовал мины, новая мина должна была вскоре стать для него новым городом. Очевидно, что, согласно закону Божьего Царства, тому, кто уже имеет, будет дано еще (см. 19:26).

ЭТАП 5

ЦАРЬ ВСТУПАЕТ В СЛАВУ**Предварительный обзор**

Мы подошли к заключительному этапу Ухода Христа. По своему объему он превосходит все остальные этапы, и это вполне закономерно, потому что в нем разворачивается кульминация великого путешествия, которое началось в 9:51 и продолжалось все описанное нами время. Ведущая тема данного этапа достаточно очевидна, поэтому задача нашего предварительного обзора состоит лишь в том, чтобы проанализировать, каким образом Лука расположил отобранный им материал. Это поможет нам увидеть события последнего этапа в соответствующей авторскому замыслу перспективе.

В начале пути, в 9:51, нам ясно и недвусмысленно сообщили, что в то время как цель пути заключалась не в чем ином, как во «взятии» Христа на небо, дорога, по которой Он шел, должна была закончиться в Иерусалиме. Иначе и не могло быть. Сын Всевышнего, Которому Господь Бог обещал дать престол Его отца Давида (см. 1:32), наш Господь являлся наследником всех данных Богом Давиду обетований, и Иерусалим был Его столицей. Следовательно, когда, наконец, Ему пришло время прямо и официально заявить народу о Себе и Своем праве, это следовало сделать в Иерусалиме. И не случайно на протяжении всего кульминационного посещения Иерусалима Лука указывает, в какой части города находится в тот или иной момент Христос. Мы увидим, как Он приближается к городу и плачет о нем (см. 19:29-44). Мы узнаем, что каждую ночь во избежание преждевременного взятия под стражу Он должен был уходить из города и проводить ночь на Елеонской

горе (см. 19:47-48; 21:39). Мы услышим, как Он предскажет разрушение Иерусалима и его многовековое запустение (см. 21:20-24). Лука не без горечи поведает нам о мерах предосторожности, которые пришлось предпринять Христу, чтобы вкусить пасху в Своей собственной столице (см. 22:7-15). Мы увидим, как, в конце концов, Его выводят из города и ведут на распятие и как, совершая Свой путь, Он предупреждает «дщерей Иерусалимских» о грядущих бедствиях (см. 23:26-31). А после воскресения мы увидим, как Он призывает Своих падших духом учеников вернуться в Иерусалим (см. 24: 33), говоря им, чтобы они оставались там, покуда им не будет ниспослана сила Святого Духа, и наказывая им, чтобы они начали свое благовествование народам мира именно в Иерусалиме (см. 24:47-49).

Разумеется, повествование нельзя сводить к географическим деталям, однако на данном его этапе именно география является тем фундаментом, на котором зиждется весь его смысл и значение. Сам пятый этап начинается в тот момент, когда Христос подходит к Виффагии и Вифании и затем вместе со Своими учениками спускается от Вифании по Елеонской горе к Иерусалиму и входит в Иерусалим (см. 19:28-46). Заканчивается Пятый этап тогда, когда Христос выводит своих учеников из Иерусалима обратно по Елеонской горе, пока они не доходят до Вифании, где Он их и оставляет (см. 24:33-50-51).

На протяжении пятого этапа Христос совершает два тщательно подготовленных вступления в Иерусалим. Лука обращает на это наше внимание тем, что в его описании между этими вступлениями оказывается немало общего. В 19:29-35 он рассказывает нам, что Христос послал двух Своих учеников в близлежащее селение, чтобы достать там на время осла, строго наказав им,

как разговаривать с хозяевами животного (см. 19:31-34). «Посланные пошли и нашли, как Он сказал им» (19:32). После чего они привели животное к Христу и Он въехал на нем в город. В последующие дни Христос ежедневно не раз входил и выходил из Иерусалима, однако торжественным было, конечно, только первое вступление — въезд на осле. Те дни проходили в проповедях и беседах, и завершает Лука эту часть пятого этапа общим итоговым замечанием: «Днем Он учил в храме... и весь народ... приходил к Нему в храм...» (21:37-38).

Далее приходит время второго тщательно подготовленного вступления (см. 22:7-13). Христос вновь посылает двух Своих учеников, на этот раз в город, чтобы они приготовили там на время комнату, строго наказывая, как разговаривать с ее хозяином. «Они пошли, и нашли, как сказал им...» (22:13). За этим вступлением последовали события чрезвычайной важности. После всех этих событий Лука подводит итог второй части пятого этапа сходным общим замечанием: «Они... возвратились в Иерусалим... и пребывали всегда в храме...» (24:52-53).

Очевидно, что между описанными выше двумя основными вступлениями Христа в Иерусалим есть общие мотивы, однако ярко видны и различия между ними, и наша задача будет состоять в том, чтобы попытаться понять смысл и значение этих различий. К моменту первого на данном этапе вступления нашего Господа в Иерусалим мы уже хорошо подготовлены и знаем, чего ожидать: Он будет отвергнут и распят (см. 9:22, 31; 17:25; 18:31-33). В то же время у нас не осталось никаких сомнений в том, что Он является Божьим Мессией (см. 9:20, 35) и потомком Царя Давида (см. 18:38-39); кроме того, нам уже объяснили, частично — языком притчи, частично — напрямик, какое место занимают

Его страдания в замысле ввести Сына Давида в Его Царство. После распятия Он воскреснет из мертвых (см. 9:22; 18:33), вознесется на небо (см. 19:12) и, наконец, вернется, чтобы править (см. 9:26; 17:22-37; 19:15). И тогда возникает вопрос, чем именно являются страдания Христа в свете его грядущего царствования? Может быть, это всего лишь временное препятствие, возникшее на Его пути после того, как Он заявил, что является Царем, а Царство еще не наступило? Или, может быть, это Богом предопределенный перерыв, который позволит царским слугам ездить по миру и использовать предоставленные столетия для того, чтобы подготовить народы к грядущему правлению Царя? Или же его страдания — это нечто большее, чем препятствие и даже большее, чем полезный перерыв?

Словно желая ответить на этот вопрос, Лука обращает наше внимание на чрезвычайно важное обстоятельство — когда наш Господь, наконец, официально вступил в Свою столицу как Царь Сиона, Его вступление состоялось дважды, и в обоих случаях было хорошо подготовленным. При первом вступлении Христос устроил дело так, чтобы привлечь к Себе как можно больше внимания; во время второго вступления Он приложил не меньше усилий, чтобы сохранить его в тайне. В первом случае Он позаимствовал у хозяев осла, во втором случае — занял на время горницу хозяина дома. В обоих случаях эти приготовления делались ради исполнения того, что задумывалось много веков назад. Когда в первом случае Христос позаимствовал осла, это было сделано во исполнение пророчества, прозвучавшего за много столетий до того в устах Захарии (см. Зах. 9:9) о том, что однажды иерусалимский Царь Мессия въедет в город на осле. Когда во втором случае Христос занял иерусалимскую горницу, это было сделано для того, что-

бы вкусить самую последнюю пасху перед тем, как запечатленное в ее исторической символике пророческое обетование исполнится в Его собственных страданиях на Голгофе (см. 22:16). В первом случае Христос заявил о Себе как о Царе Сиона; во втором — как об истинном пасхальном агнце Израиля. Второй поступок не был импровизацией, выдуманной для того, чтобы использовать неожиданное отвержение Израилем своего Царя.

В истории Израиля пасха в течение многих веков предвосхищала Царя и Его Царство; запечатленные в ее праздновании обетования обязательно должны были исполниться. Но наибольшее значение имеет, по-видимому, следующее: когда при первом вступлении в Иерусалим Христос заявил о Себе как о Царе, а Его заявление было публично отвергнуто, Он произнес пророчество о том, что Сам Он будет «выведен вон из виноградника» и убит и что в Его отсутствие город будет попирается язычниками до времени Его второго пришествия (см. 21:20-36). Но вступив в город во второй раз, тайно, Христос сразу же перешел к установлению Своего Царства, учредив новый завет, по законам которого Он отныне будет править Своими подданными. Сначала Он утвердил этот завет посредством символов (см. 22:20), а вскоре после этого — на Голгофе, собственными страданиями и кровью.

Таким образом, страдания Христа были не просто временным препятствием и не только своевременным перерывом; они явились самой основой, на которой было воздвигнуто Его Царство. Впрочем, когда Лука старательно подчеркивает, что имели место два вступления в Иерусалим, одно открытое, а другое — тайное, он тем самым вновь утверждает уже встречавшийся нам в Евангелии тезис о том, что установление Божьего Царства следует рассматривать в двойном смысле. При Своем

первом вступлении Христос публично заявил о Себе как о Царе, и как Он Сам, так и Его Царство были публично отвергнуты. В этом смысле, в смысле открытости для всеобщего взора, Божье Царство установится только при втором пришествии. Во время Своего второго вступления Христос установил Божье Царство, установил его скрыто. Завет этого Царства основывался на Божьих законах, которые написаны и сокрыты в человеческом сердце (см. 22:20; Иер. 31:33-34). Впоследствии мир увидел страдания, кровь и смерть Христа, однако люди и не догадывались, что этой самой кровью Христос утверждал новый завет и тем самым устанавливал Свое Царство. Значение Его смерти и учреждение нового завета были объявлены и объяснены Христом в закрытой для мира горнице, что и соответствовало характеру Божьего Царства, которое до времени Его возвращения должно существовать лишь в духовной форме.

Мы приходим к выводу, что Лука объединил Действия заключительного этапа в две группы, каждая из которых открывается вступлением Царя в Свою столицу. Для того чтобы уяснить основные темы этих Действий, а также их взаимосвязь между собой мы вновь прибегнем к помощи таблицы, раскрывающей краткое содержание рассматриваемого этапа (с. 486-489).

ЧАСТЬ 1.

Действие 1. Иерусалим и первый приход Царя (19:29-48)

i. Приход Царя (19:29-40). Когда в конце Своего долгого пути Христос, наконец, пришел в Иерусалим, Он не оставил и тени сомнения насчет того, в каком качестве Он явился. Захария предрек (см. Зах. 9:9), что Царь Сиона придет к «дщери Иерусалима» «праведный

и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной»¹. Поэтому, придя в Виффагию и Вифанию, Христос послал за ослом и на виду у всего Иерусалима съехал с Елеонской горы во главе торжественной царской процессии. И так, в сопровождении толпы учеников, Он преодолел последнее расстояние, отделявшее Его от города.

Еще до того, как процессия отправилась в путь, Христос уже заявил о Своих правах — правах Господа. Двое из Его учеников были посланы в близлежащее селение, где, как сказал им Христос, они должны были найти привязанного осленка. Осленка следовало отвязать и привести к Христу. Затем Христос добавил: «И если кто спросит вас: «зачем отвязываете?» скажите ему так: «он надобен Господу» (19:31). Ученики пошли в селение и, по словам Луки, «нашли, как Он сказал им» (19:32). Очевидно, что это не было игрою случая: все происходило по воле Христа, который, возможно, договорился с хозяевами предварительно. Для того, чтобы закончить рассказ, было бы достаточно добавить, что ученики все сделали точно так, как им было сказано. Однако Лука решил еще раз обратить внимание на уже отмеченную подробность: «Когда же они отвязывали молодого осла, хозяева его сказали им: зачем отвязываете осленка? Они отвечали: он надобен Господу» (19:33-34). Итак, мы дважды слышим один и тот же вопрос: «По какому праву Христос забирает чужого осленка?» И дважды звучит от-

---

¹ *Использованный здесь древнееврейский союз, который переводится как «и», может иметь два разных значения: уточняющее 'даже' и соединительное. Очевидно, что Захария не имел в виду, что Иерусалимский Царь ехал на двух животных одновременно. Но он вполне мог подразумевать, что в распоряжении Царя в пути находилось два животных.*

вет: «Он надобен Господу». Нужды Господа — превыше всего.

Если же Его въезд в город на осле еще позволял кому-либо усомниться, действительно ли Христос заявляет о Себе как о Царе Сиона, то Его ученики нисколько в этом не сомневались. Выражая свое глубокое почтение, они накинули «одежды свои на осленка, посадили на него Иисуса». А когда Он ехал, они «постилали одежды свои по дороге». Затем, когда процессия перевалила через Елеонскую гору и начала спускаться вниз, к городу, следовавшие за Ним ученики вдруг начали радостно и громогласно славить Бога за все совершенные Христом чудеса, свидетелями которых они были, открыто провозглашая Иисуса Мессией: «...благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!» (19:35-38).

Среди наблюдавших за процессией было несколько фарисеев. Фарисеи сказали Христу, что Он, наверное, не согласен с теми преувеличениями, которые допускают Его ученики и попросили Его умерить их пыл. Однако Христос не стал этого делать. Наоборот: Он самым решительным образом подтвердил, что Его ученики говорят истину и что их нельзя заставлять молчать. Умолкни ученики — самые камни города Иерусалима возопили бы, признавая Царя Иерусалима и укоряя его молчащих жителей. На протяжении прошлых месяцев Иисус запрещал Своим ученикам публично объявлять, что Он является Мессией (см. 9:21); однако теперь пришло время официально предстать перед народом: и вот ясно и недвусмысленно и настолько открыто, насколько это только возможно, Он объявляет о Себе как о давно обетованном Мессии и Царе Сиона.

ii. *Грядущее разрушение Иерусалима (19:41-44)*. Царь направлялся в Свою столицу. Однако несмотря на то, что не оставалось ничего двусмысленного или неопределенного, Он не питал иллюзий относительно того, как Он будет принят в городе и будет ли Он там признан. Поэтому далее следуют два отрывка, в первом из которых Он оплакивает неизбежные последствия того, что Иерусалим Его не примет, а во втором — объясняет причину этого неприятия. Последствия неприятия вызывают у Него слезы, причина неприятия — только божественное негодование.

В плаче Христа о Иерусалиме не проскальзывало ни жалости к Самому Себе, ни чувства ущемленной гордости, ни угрозы отмщения. Для Христа этот город был как мать, которой присуще инстинктивное желание защитить своих детей; Он же пришел не просто как Царь, но и как «спасающий». И город, конечно же, в Нем нуждался. История свидетельствовала, что без Божьей помощи одних стен и крепостных валов недостаточно, чтобы отразить натиск врагов (см. Пс. 47, Ис. 26). Если теперь город отвергнет своего Богом посланного Царя и Спасителя, его стены станут тюрьмой, в которой беспощадные враги будут держать и убьют и мать, и ее детей. Разрушение было неминуемо.

При этом наш Господь не винил Иерусалим. Мать делает то, что ей покажется наилучшим для ее детей. Но иногда ее любовь слепа. Ср., «это сокрыто ныне от глаз твоих» (19:42), ты не узнал «времени посещения» (19:44) города Мессией. Может быть, слепота и не заслуживает осуждения, однако она не сможет сгладить последствий того, что Иерусалим отвергнет своего Спасителя-Царя. Предвидя эти последствия, Христос плакал; произошедшие затем события показали, что Его слезы были не напрасны.

УХОД ХРИСТА. ЭТАП 5 (19:29 — 24:53)

- 1 Иерусалим и первый приход Царя (19:29-48) 2 Царь и вопрос о религиозной власти (20:1-19) 3 Царь и вопрос политической власти (20:20 — 21:4) 4 Иерусалим и второе пришествие Царя (21:5-21:38)
- i. Приход Царя (19:29-40)**
- i. От Царя требуют ответа (20:1-8)**
- a** «...Благословен Царь, грядущий во имя Господне!»
- a** «...Какою властью Ты это делаешь, или кто дал Тебе власть сию?»
- a** «И наблюдая за Ним... предать Его начальству и власти правителя».
- b** «...Фарисей... сказали Ему... запрети ученикам Твоим... Он сказал... если они умолкнут, то камни возопиют».
- b** «Крещение Иоанново с небес было, или от человеков?»
- b** «Я дам вам уста и прелесть, которой не возмогут... противостоять все прогивающиеся вам...».
- ii. Разрушение Иерусалима (19:41-44)**
- ii. Убийство Мессии и утверждение Его прав (20:9-18)**
- ii. Воскресение Мессии и Его восхождение на престол (20:27-44)**
- ii. Разрушение и изблечение (gedemtion) Иерусалима (21:20-33)**
- a** «...Враги твои... окружают тебя... и разорят тебя... и побьют детей твоих в утробе матери твоей...»
- a** «И умереть уже не могут, ибо они... суть сыны Божии, будучи избраны».
- a** «...Иерусалим, окруженный войсками... горе же беременным и...

<p>тебе».</p> <p>б «...Но это сокрыто ныне от глаз твоих... за то, что ты не узнал времени посещения твоего...».</p>	<p>ли... «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»... на кого он упадет, того раздавит».</p>	<p>сынами воскресения... Как говорят, что Христос есть сын Давидов? ... седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих».</p>	<p>питающим сосцами... ибо... падут от острия меча...».</p> <p>б «...И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего... и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие...».</p>
<p>б «...Но это сокрыто ныне от глаз твоих... за то, что ты не узнал времени посещения твоего...».</p>	<p>ли... «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»... на кого он упадет, того раздавит».</p>	<p>сынами воскресения... Как говорят, что Христос есть сын Давидов? ... седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих».</p>	<p>питающим сосцами... ибо... падут от острия меча...».</p> <p>б «...И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего... и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие...».</p>
<p>iii. Христос входит в храм (19:45-48)</p> <p>«... Написано: «дом Мой есть дом молитвы»; а вы сделали его вертепом разбойников. И учил каждый день в храме. Первосвященники же... искали погубить Его, и не находили, что бы сделать с Ним, потому что весь народ неотступно слушал Его».</p>	<p>iii. Реакция вопрошающих в храме (20:19)</p> <p>«... И искали в это время первосвященники и книжники, чтобы наложить на Него руки, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал Он эту притчу».</p>	<p>iii. О приношениях в храме (20:45 — 21:4)</p> <p>«Остерегайтесь книжников... которые подают дома вдов и лицемерно долго молятся...». Вдова положила в сокровищницу храма все свое пропитание.</p>	<p>iii. Последние увещания и проповедь в храме (21:34-38)</p> <p>«... Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством... Днем Он учил в храме... и весь народ... приходил к Нему в храм слушать Его».</p>

УХОД ХРИСТА. ЭТАП 5 (19:29-24:53) (продолжение)

- 5 Царь вкушает пасху в Иерусалиме. Символы Его смерти (22:1-38)
- 6 Царь схвачен и подвергнут допросу религиозными властями (22:39-71)
- 7 Царь подвергнут допросу, приговорен к смерти и распят государственными властями (23:1-56a)
- 8 Царь вкушает пищу в Иерусалиме: свидетельство Его воскресения (23:56b-24:53)
- i. Необходимые приготовления (22:1-13)**
- «...Пойдите, приготовьте нам есть пасху... где верить?...они пошли, и нашли, как сказал им, и приготовили пасху».
- ii. Вкушение пасхи с учениками (22:14-38)**
- «Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания; ибо...уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием Господа...».
- i. Христос схвачен: священники и власть тьмы (22:39-53)**
- «Отче! о, если бы Ты благоводил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет... И находясь в борении, прилежнее молился...».
- ii. Христа уводят в дом первосвященника (22:54-65)**
- «Одна служанка... сказала: и этот был с Ним. Но он отрекся от Него, сказав... я не знаю Его... и Петр вспомнил слово Господа...».
- i. Гражданский суд: Пилат и власть (с.ж. 23:7) Ирода (23:1-25)**
- «Пилат... возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали... и превозмог крик их... И Пилат решил быть по прошению их... Иисуса предал в их волю».
- ii. Христа уводят и распинают (23:26-49)**
- «... Неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу... но нашли камень отваленным... и... не нашли Тела Господа Иисуса... вспомните, как Он говорил вам...».
- ii. Вкушение пищи с учениками (24:13-43)**
- «...О... медлительные сердца, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу».

(22:15-16)... Сын Человеческий идет по предначинанию... (22:22) И Я завещаю вам... царство... да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем» (22:24-30).

б «И взяв хлеб... преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое... сие творите в Мое воспоминание...» (22:19).

iii. Подготовка к служению и материальные нужды благовестников (22: 35-38)

«...Когда Я послал вас без мешка... имели ли вы в чем недостаток?... но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его... продай одежду... и купи меч; ибо... должен исполниться на Мне и сему написанному...».

б «Люди... ругались над Ним и били Его... спрашивали Его: пророки, кто ударил Тебя?»

б «Насмехались же вместе с ними и начальники... и воины ругались над Ним... Один из повешенных злодеев злословил Его».

Свою?...И... изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании» (24:25-27). «...Есть ли у вас здесь какая пища?... И взяв ел пред ними» (24:41-43).

б «И... взяв хлеб... преломил и подал им... и... Он был узнан ими в преломлении хлеба» (24:30, 35).

iii. Наставление к миссионерскому служению (24:44-53)

«...Надлежит исполниться всему, написанному о Мне... И Я пошлю обетованного Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше».

iii. Решение члена совета (23:50-56a)¹

«...Некто, именем Иосиф, член совета... не участвовавший в совете и в деле их... ожидавший также Царствия Божия, пришел к Пилату и просил Тела Иисуса... и положил Его в гробе...».

¹ Граница между 23:56a и 23:56b в Синодальном переводе находится после слова «масти» (прим. ред.).

iii. Христос входит в храм (19:45-48). Войдя в город, Христос сразу же направился к храму, как и предрекал пророк Малахия (Мал. 3:1). Он сделал это не только потому, что, будучи Сыном Отца, хотел прежде всего воздать должное Отцовскому дому. Будучи Царем Сиона, которого Сион вот-вот должен был отвергнуть, Христос хотел немедленно обратиться к корню всех зол и показать, что именно ослепило Сион настолько, что он отверг справедливые притязания своего хозяина-Царя: самый храм Божий стал логовом разбойников. Наглядным свидетельством чинившегося разбоя стала откровенная коммерциализация храмовых служб; она была дурна сама по себе, но наряду с этим являлась симптомом и более серьезного недуга.

Разумеется, кто-то должен был продавать овец и птиц, необходимых для служения; однако подобная торговля должна была оставаться в руках светских людей и не иметь ничего общего со священной землей и жизнью храма. То, что начальники храма разрешили торговать в храме и, более того, извлекали из этого прибыль, было не просто неверно, а возмутительно и постыдно. Вместо того, чтобы в качестве священников предстать перед Богом за людей, проводя служение и помогая им обрести Божье благословение, они превратились в торговых посредников, сделали свое священство торговой монополией, которая служила им способом извлекать денежный доход из желания людей прийти к Богу.

В результате люди оказывались обворованными, потому что трудно получить и ощутить Божью благодать и безвозмездный дар спасения, если для этого приходится прибегать к услугам тех, кто хочет зара-

батывать на духовных нуждах ближнего. Бог тоже оказывался обворованным, ведь они обращались с Его Словом и святынями, как если бы это были выставленные на продажу товары, и относились к Божьему народу не как к собственности Бога, которую следует возделывать Ему на радость, а как к рынку сбыта на который у них, профессионалов, есть исключительное право.

Глубоко негодуя, Христос изгнал торговцев из храма и каждый день учил там людей. То было началом смертельной борьбы. По одну сторону баррикад стояли начальники храма, полные решимости защитить свое положение, власть и доходы; по другую — Мессия, пришедший «во имя Господне» чтобы отстоять Свои божественные права. Борьба велась за веру, любовь, послушание и преданность, за сердца людей; и теперь эта борьба будет оставаться в центре внимания Луки (см. 20:1, 6, 19, 26; 21:38; 22:2, 6; 23:2-5, 14, 35; 24:19-20). Начальники храма были готовы как можно скорее уничтожить своего «противника»; однако Он пользовался такой популярностью в народе, что попытка немедленного ареста и расправы была бы обречена на провал и не имела смысла по тактическим соображениям. Настроить людей против себя значило подвергнуть риску ту самую цель, ради которой и велась борьба (см. 19:47-48). Тут требовался более тонкий и хитрый подход.

Действие 2. Царь и вопрос о религиозной власти (20:1-19)

i. От Царя требуют ответа (20:1-8). Близившаяся атака не заставила себя долго ждать. Однажды, когда Христос «учил народ в храме и благовествовал», к

Нему подступили религиозные вожди и перед всем народом потребовали у Него ответа, какой властью Он это делает и кто дал Ему эту власть (см. 20:1-2).

Их гораздо больше волновало не Его учение, а то, что Он, по их мнению, бесцеремонно и крайне необычно повел Себя в храме, выгнав оттуда торговцев («какою властью Ты это *делаешь* (*выд. мной — Д.Г.*)?»). По формулировке вопроса — «кто дал Тебе власть сию?» — было видно, что при этом они имели в виду официальные полномочия Иисуса. Согласно их представлениям, у Иисуса не было никаких полномочий, и они, конечно, рассчитывали, что Его публичное признание в этом или дискредитирует *Его*, или, по крайней мере, послужит оправданием *им*, когда они Его схватят. (*выд. ред.*).

Допущенная ими ошибка достаточно характерна для любого религиозного «истэблишмента». Встречаясь с проповедником или человеком, который претендует быть духовным учителем, прежде всего следует задуматься о том, истинно ли его учение, а не о том, есть у него разрешение на проповедь или нет. Точно так же и в связи с очищением храма, которое проделал Христос, прежде всего, следовало задаться вопросом, было ли оно правомерным с нравственной и духовной точки зрения и оправдывал ли Его поступок тот отрывок из Писания (см. 19:46; Ис. 56:7), на который Он ссылался; а было ли у Него официальное разрешение от церковных властей — это уже вопрос десятый. Вообще-то, у Иисуса, как у Мессии, были все необходимые официальные полномочия, и Ему не нужно было просить разрешения у первосвященников и начальника храма. Однако, в конечном счете, вопрос сводился не к официальным полномочиям, а

к полномочиям нравственным и духовным, да иначе и быть не могло. Правда, возможно, религиозные власти почувствовали, что поднимать вопрос о нравственных и духовных полномочиях Христа на очищение храма неудобно и опасно: у людей могли возникнуть серьезные сомнения в том, насколько с нравственной и духовной точки зрения правомерна жизнь на приносимых ими жертвах. Как бы там ни было, но они решили поставить под вопрос Его официальные полномочия.

Христос не стал давать им прямого ответа; вместо этого Он задал им тщательно сформулированный вопрос об Иоанне Крестителе (см. 20:3-4). Разумеется, Иоанн Креститель не давал Иисусу каких-либо полномочий; однако он объявил себя Предтечей, о котором пророчествовал Исайя (Ис. 40:3-4), а также провозгласил, что Иисус является Мессией. Итак, Христос мог бы задать священникам совсем простой вопрос: «Разве вы не помните, что Иоанн говорил обо Мне, что Я есть Мессия?» Однако в этом случае последовал бы новый вопрос: «А откуда мы знаем, был Иоанн Креститель истинным пророком или нет и была ли у него власть так говорить?» Поэтому Христос спросил их по-другому: «Крещение (выд. мной — Д. Г.) Иоанново с небес было, или от человеков?», и в такой формулировке в вопросе Христа сразу же обращалось внимание на нравственный и духовный авторитет служения Иоанна. Основываясь на авторитете Исайи, Иоанн объявил, что для того, чтобы народ подготовился встретить и принять Мессию, каждый принадлежащий к народу человек должен пройти через глубокое и полное покаяние; он также потребовал, чтобы подтверждением такого покаяния стало

крещение. Фактически, именно грандиозная нравственная и духовная сила проповеди Иоанна о крещении покаяния убедила людей, что Иоанн был пророком, посланным Богом.

Известно, что многие фарисеи, саддукеи, священники и книжники отказались принять крещение от Иоанна (см. 7:30; Мф. 3:7); надо полагать, что каждый из них решил про себя, что не нуждается ни в этом крещении, ни в покаянии. Однако они почувствовали себя крайне неудобно, когда вот так, открыто, у них спросили, от Бога было крещение Иоанна или нет. Отказать проповеди Иоанна в нравственном и духовном авторитете — значило окончательно потерять уважение людей. Объявить, что, хотя в общем и целом люди нуждались в том, чтобы услышать его призыв к покаянию, но к ним лично это не относилось, тоже было нельзя: нравственные проступки религиозных лидеров не могут оставаться в абсолютной тайне. Однако признать, что крещение Иоанна было от Бога и требовалось каждому, значило публично объявить о своем мятеже против Бога: отказе креститься и принять Мессию, о Котором Иоанн свидетельствовал. Поэтому они решили отговориться незнанием и ответили: «не знаем откуда», т. е. какой властью было дано крещение Иоанна.

Что же, если бы им и в самом деле не хватало нравственного и духовного чутья, чтобы дать правильный ответ на этот чрезвычайно важный вопрос, они не имели бы права претендовать на то, чтобы быть духовными наставниками народа. Однако их неведение было лишь маской, а это значило, что они попрали священный долг, предписанный их саном. Если они действительно верили, что Иоанн был не от Бога, их долг со-

стоял в том, чтобы сказать об этом людям; и если бы люди побиили их камнями, их долг состоял бы в том, чтобы принять смерть во имя истины и верности. Намеренно затушевывать истину и запутывать вопрос, чтобы сохранить свою власть над людьми, значило опускаться до уровня обыкновенных религиозных политиканов, которых больше заботит собственное положение и власть, нежели истина.

ii. Убийство Мессии и утверждение Его прав (20:9-18). Итак, религиозные власти попытались на виду у всех дискредитировать Христа, поставив под вопрос то, какой властью Он совершал Свои дела. Христос отказался отвечать на их вопросы, разоблачив их неискренность. Вместо этого Он обратился к людям (см. 20:9) и в присутствии их религиозных вождей рассказал им историю, которая должна была ясно показать, какой властью Он пользовался и как она будет утверждена, и в то же время — послужить предупреждением народу, что его религиозные вожди собирались совершить наиболее чудовищное с точки зрения их сана преступление.

В этой истории использована хорошо известная ветхозаветная метафора (см., напр.: Ис. 5), ставшая притчей. Люди представлены в ней как виноградник, Бог — как Хозяин виноградника, а религиозные вожди — как наемные работники, обязанные возделывать виноградник на радость его Хозяину. Говоря языком метафоры, Христос выдвинул двойное обвинение религиозным вождям Израиля. Во-первых, в прошлом они зачастую шли против желаний и ожиданий Хозяина и, во-вторых, в настоящее время собирались совершить то самое тяжчайшее преступление, которое столь

типично для чиновников от религии (establishment), — захватить виноградник и начать в нем хозяйничать, подняв тем самым открытый мятеж против его настоящего Хозяина.

В прошлом, когда Бог посылал Своих слуг, пророков, с призывами к покаянию, социальным, нравственным и религиозным реформам и истинному поклонению, многие религиозные руководители противились всем этим преобразованиям, подавляли, преследовали, а иногда даже уничтожали пророков, в результате чего Бог не получал от Своего народа того отклика, на который рассчитывал, и того искупления грехов, которому религиозные вожди в силу своего религиозного сана как раз и должны были способствовать.

Теперь же религиозные лидеры вот-вот должны были совершить нечто еще более худшее. Прибегнув к языку притчи, Христос объявил, что теперь Хозяин послал Своего «сына... возлюбленного» (20:13), и нет ни малейших сомнений в том, что Он имел в виду Самого Себя, прямо объясняя, какой властью Он пользовался и кто дал Ему эту власть (см. 20:2). Цель прихода Сына совпадала с целью пророков, однако для Него, как для Сына Хозяина, виноградник был чем-то совершенно иным, нежели для пророков или религиозных лидеров. И те, и другие были простыми слугами; Он же являлся наследником, владевшим виноградником вместе с Отцом, обладая правами не только на его плоды, но и на сам виноградник. Другими словами, люди были Его собственностью; Он лично имел право на их веру, любовь, послушание и служение, а долг их религиозных руководителей состоял в том, чтобы обратить их к вере в Сына и сделать их Ему послушными. Вместо этого, как объявил Христос, они собирались предать

смерти Его, Сына Хозяина, — не потому, что считали Его утверждения лживыми, но потому, что в глубине души знали, что Он действительно является Сыном Отца, и были полны решимости сохранить свою власть над людьми и не дать Ему воспользоваться этой властью. Чтобы открылось то, как они изменили сущности своего сана, превратив его из инструмента смиренного служения Богу и Его народу в орудие узурпации Божьих прав на Свой народ, потребовался приход Сына Хозяина. Добавим, что в дальнейшем примере религиозных лидеров последовали самые разнообразные псевдодуховные организации, шедшие в своей деятельности вразрез с Писанием и присваивавшие себе права Христа над Своими церквями. Они скрывали Его Слово от людей, подвергая преследованиям Его благовестников.

Далее в притче предсказывалось, каковы будут последствия узурпации прав Хозяина. Христос сказал, что Хозяин ответит на убийство Своего Сына уничтожением работников и передачей виноградника другим. Духовные интересы Бога на земле и забота о тех, кто верует и служит истинному Богу Израиля, выпадут из рук иудаистских священников, а впоследствии по большей части — и из рук народа Израиля.

Услышав обо всем этом, толпа была потрясена (см. 20:16). Циник мог бы сказать, что суровость обвинений, выдвинутых Христом против религиозных властей, на самом деле объяснялась Его желанием добиться того же, в чем Он обвинял священников, — власти над Божьим народом. Отвечая такому цинику, можно обратить внимание на то, каким образом, по словам Иисуса, одержат верх Его точка зрения и Его права. Ведь, согласно притче, сначала религиозным властям удастся предать его

смерти; и, говоря об этом, Христос не пытался призвать людей встать на Его защиту. Он довольствовался тем, что Хозяин виноградника утвердит Его права и власть после Его смерти.

Кроме того, Христос обратил внимание слушателей на то, что и Его оценка сложившегося положения, и утверждение Его прав предсказаны Писанием. Псалом 117 рассматривался всеми как мессианский: именно поэтому фарисеи столь резко воспротивились тому, что ученики Христа использовали язык Псалма применительно к Иисусу, а именно, к Его въезду в Иерусалим, при котором Он заявил о Себе как о Царе Сиона (см. 19:38=Пс. 118:26). Но в этом Псалме, в контексте описания Божьего дома и приношений у жертвенника, встречается образное упоминание о «строителях» (ст. 22). О ком здесь могла идти речь, как не о священниках и религиозных лидерах Израиля? В Псалме также указывалось, что эти лидеры отвергнут тот камень, который впоследствии будет поставлен Богом во главу угла Своему народу для поклонения. Кто мог быть этим краеугольным камнем, как не Мессия? Именно потому, что Иисус знал, что является Мессией, Он не пытался противиться священникам и призывать на свою сторону народ, чтобы, воспользовавшись его поддержкой, отвоевать виноградник. Христа устраивало то, что Бог Сам утвердит Его права и поставит Его во главу угла в Своем народе.

В заключении, однако, Христос предупредил как народ, так и религиозных руководителей о том, что произойдет, если они будут упорствовать в своем отказе Его принять. В конце концов, Он был Сыном Хозяина и наследником виноградника (наследником самой вселенной — см. Евр. 1:2). Придет день, когда

Бог сделает Его краеугольным камнем в вечном духовном храме вознесения вселенской хвалы Богу. Отбросить этот камень и попытаться строить собственную жизнь на каком-то ином фундаменте означало навлечь на себя разрушение и катастрофу. Между тем активное сопротивление предопределенному ходу событий будет в конце концов сломлено (см. 20:18).

Читая эти суровые слова, мы не должны забывать, что в 19:41-44 Христос плакал, думая о том, что слепой отказ принять Его спасение обречет Иерусалим на гибель от рук врагов. Однако, помня о Его страдании по отношению к слепым и тем, кто не ведаёт, что творит, мы не должны забывать и о том, что Он должен будет сделать с людьми, сознательно и намеренно присваивающими себе Божьи права и в особенности с теми, кто делает это, прикрываясь своим религиозным долгом. Во всей вселенной нет такого виноградаря, где люди могли бы узурпировать власть своего Хозяина и Его Сына и затем вечно пользоваться виноградом.

iii. Реакция вопрошавших в храме (20:19). В 19:47-48 Лука рассказал, что религиозные власти хотели уничтожить Христа, но не смогли этого сделать из-за отношения к Нему народа. Теперь, в 20:19, ситуация изменилась в худшую сторону. Лука сообщает, что первосвященники и книжники хотели немедленно Его схватить, «...и боялись народа» (см. 20:19, *перев. и курсив мой — Д.Г.*). То есть боязнь народа их уже больше не останавливала, наоборот — была причиной, по которой они считали, что должны схватить и уничтожить Его как можно скорее. Дело было в том, что, как объяс-

няет Лука, «они (*видимо, и власти, и все остальные — Д.Г.*) поняли, что рассказанная Им притча была о них (*т. е. о религиозных властях — Д. Г.*)» (см. 20:19 в моем *перев.* — Д.Г.). У людей начинали открываться глаза на то, как религиозные руководители злоупотребили и продолжали злоупотреблять своей властью. И более того, в Христе они встретили Того, Кто не побоялся выступить против религиозной верхушки и прямо и открыто ее осудить. Религиозные лидеры боялись, что если и дальше события будут развиваться в том же направлении, то невозможно будет предсказать, как будут действовать люди, и поэтому решили действовать немедленно.

Действие 3. Царь и вопрос о политической власти (20:20-21:4)

i. От Царя требуют ответа (20:20-26). В Действии 2 Лука показал нам, как утверждение Христа о том, что Он является Царем, подействовало на официальных религиозных лидеров и почему они отвергли Его утверждение. Теперь, на протяжении большей части Действия 3, он будет показывать, как утверждение Христа о том, что Он является Царем, повлияло на политических лидеров того времени. Мы узнаем, что сделали иудейские политические лидеры, когда обнаружили, что не в состоянии свести на нет популярность Христа в народе, ставя под сомнение Его религиозный и духовный авторитет и полномочия: они решили заманить Его в ловушку и уничтожить, прибегнув к помощи политики.

Неудивительно, что многих евреев раздражала необходимость платить подати римлянам. Недовольство одних объяснялась сугубо экономическими сооб-

ражениями. Другие видели в этом ущемление национальной гордости. Правое религиозное крыло в иудаизме пошло еще дальше: позиция этих людей состояла в том, что платить подати римлянам значит оскорблять Бога, отдавая им то, что в действительности причитается божественному Правителю, всемогущему Господу. Кроме того, Великие пророки прямо провозгласили, что, когда придет Мессия, Бог дарует Израилю полное освобождение от гнета язычников. Поэтому любой самозванный Мессия, готовый внушать людям, что их религиозный долг состоит в отказе от уплаты податей римлянам, мог рассчитывать на немедленную и широкую поддержку в массах. Религиозные лидеры народа, разумеется, проявляли большую осторожность. В особенности это касалось высокопоставленных священников, обязанных своим положением практически одной лишь благосклонности и милости римлян. Эти люди с тревогой и неудовольствием взирали на любое мессианское движение (см. Ин. 11:47-50), которое могло разгневать римлян и в конечном итоге стать реальной угрозой или даже уничтожить (что впоследствии и произошло) храм, власть священства и его доходы. Итак, они дождались удобного случая, когда вокруг Христа собралась большая толпа слушателей и с известной долей подобострастия, апеллируя к Его чувству справедливости и праведности (см. 20:21-21), спросили Его, следует ли платить подати римлянам. Следует или нет? Вопрос был поставлен так, чтобы Христос оказался перед серьезной дилеммой. Если бы Он ответил, что да, следует (в Синодальном переводе — «*позволительно*». — *Прим. ред.*) платить подати, что в этом нет ничего дурного, Он сразу же оттолкнул бы от Себя массы и потерял бы в их глазах всякое уважение. С другой сто-

роны, если бы Он сказал, что подати платить не следует, об этом могли бы донести римскому наместнику, который расправился бы с Ним как с политическим бунтарем. В этом случае Он также оказался бы отрезанным от людей. Ответ Христа прозвучал афористически, как пословица. Он попросил показать Ему динарий и добился от вопрошавших ответа, что изображение и имя на монете принадлежали Цезарю, после чего сформулировал правило: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (20:25).

Сразу же бросается в глаза, что в этом правиле определено, как поступать с «собственностью», а это, в свою очередь, напоминает об оценке сложившегося в иудаизме положения, которую Христос дал в притче о винограднике. Сущность притчи сводилась к тому, что религиозные лидеры Израиля, священники и богословы присвоили себе права Бога-Хозяина и Его Сына-Наследника на любовь, преданность и послушание народа. Ярким контрастом здесь оказывается то, что Христос не называет требование Цезаря к Израилю об уплате податей присвоением Божьих прав собственности. Не говорит Христос и о том, что теперь, когда явился Мессия и наследник престола, Цезарь должен отказаться от своего права взимать подати с Израиля или властвовать над ним. Совсем наоборот. Христос утверждает, что Цезарь действует в рамках своих законных прав собственности: отдавайте кесарево кесарю. Тот, кто думал, что вера в Божью истину и справедливость (см. 20:21) требовала предпринимать политические меры к свержению режима Тиберия Цезаря, сколь бы жестоким и продажным ни был этот режим, смешивал совершенно разные вещи. Ниже Лука подробно покажет, что вера в Иисуса как Мессию не подразумевала

идеи восстановления древнего идеала Израиля, идеала теократического государства. Следование этой идее путем развертывания политических кампаний гражданского неповиновения или путем прямого военного столкновения с языческими захватчиками означало бы неверное истолкование предсказанных пророками сроков и ошибочное представление о методах и тактике Мессии.

Каковы же, в таком случае, были сроки установления Христом Своего Царства? Какими должны были быть используемые Им методы? И какова была природа Его Царства? Рассмотрению этих вопросов и посвящены следующие далее Действия.

ii. Воскресение Мессии и Его восхождение на престол (20:27-44). Примерно тогда же, когда происходили описанные выше события, несколько саддукеев — а большинство главных священников, споривших с Христом, были саддукеями — вовлекли Его в публичный спор о воскресении. В отличие от фарисеев саддукеи не верили в воскресение (см. Деян. 23:8) и пытались показать, что в свете разумных, практических установлений Священного Писания сама идея воскресения является абсурдной. С целью аргументации своего мнения они привели пример женщины, чей первый муж умер, не оставив сына или наследника. Закон (см. Втор. 25:5-10) требовал, чтобы брат покойного женился на вдове. Сын, рожденный в этом браке, считался бы сыном и наследником покойного. Итак, был заключен второй брак. Однако второй муж женщины тоже умер, не оставив сына. То же самое произошло со всеми последующими мужьями, пытавшимися исполнить требование закона, а было их семеро. «Итак, — сказали саддукеи, подводя итог тому, что, на

их взгляд, полностью и окончательно опровергало саму идею воскресения, — в воскресение, которого из них будет она женою? ибо семеро имели ее женою».

Мы не можем сказать наверняка, какую цель преследовали саддукеи, затевая спор. Возможно, они поняли, что притчей о виноградунике и цитатой из Псалма 117 Христос давал понять, что после Своей казни властями Он воскреснет из мертвых, и потому хотели опровергнуть эту идею, пока она еще не завладела сознанием людей (Мф. 27:62-66); а может быть, им просто хотелось выиграть публичный спор с этим пророком-галилеянином по важнейшему из тезисов их богословской доктрины. В одном можно быть уверенным: авторы всех трех синоптических Евангелий понимали, что этот вопрос чрезвычайно важен и непосредственно связан с утверждением Иисуса о том, что Он — Мессия и Спаситель мира. Если такой вещи, как воскресение, не существует, то Иисус не является ни Мессией, ни Спасителем, а в христианстве вряд ли остается что-либо кроме пустого звука (см. 1 Кор. 15:12-19). Поэтому все три евангелиста подробно описывают как вопрос саддукеев, так и ответ Христа.

Согласно Христу (см. 20:34-40), в основе аргументации саддукеев лежали две ложные посылки. Первая из них состояла в том, что жизнь в мире, в который человек получит доступ в результате воскресения, будет не более чем продолжением жизни нынешней, со всеми ее условиями и, следовательно, отношения брака, в которые люди вступили в этой жизни, будут продолжаться и в новой жизни. Это, конечно, не так. После воскресения искупленные будут подобны ангелам в двух отношениях: они никогда не умрут и не будут жениться или выходить замуж.

Вторая посылка заключалась в противоположной крайности. Из нее следовало, что взаимоотношения между Богом и людьми, установившиеся в их нынешней жизни, носят сугубо временный характер. Но это неверно. Раз Бог вечен, то и отношения, в которые Он вступает, тоже вечны. Христос обратил их внимание на то, что через многие века после Авраама, Исаака и Иакова Бог говорил о Себе Моисею как о Боге Авраама, Боге Исаака и Боге Иакова (см. 20:37). Вечное нельзя охарактеризовать в терминах преходящего. Итак, воскресение — это не фантазия мечтательных и не слишком глубоких богословов; воскресение неизбежно вытекает из самой сущности и природы Бога.

Однако Христос не удовольствовался парированием тезиса своих оппонентов, но перешел в наступление и в Свою очередь процитировал ветхозаветный отрывок. В Псалме 109:1, заметил Он, Давид называет Мессию своим Господом. Эти слова были бы полной бессмыслицей, если бы (1) Мессия уже не существовал во времена Давида и (2) ко времени рождения Мессии Давид полностью прекратил свое существование. Разве мог бы Давид назвать несуществующего Мессию своим Господом (Lord)? Разве мог бы Мессия быть Господом несуществующего Давида? Более того, на востоке ни один отец и тем более монарх никогда не назвал бы своего сына своим Господином (Lord). Братья Иосифа могли бы в конечном итоге назвать Иосифа Господином, но Иаков — никогда! Однако Давид называет Мессию своим Господом: разве может Мессия быть всего лишь его сыном и не более того?

Ответ на эти вопросы предлагается в остальных частях Нового Завета: Мессия был не просто сыном

Давида. Он был и остается одновременно и корнем и потомком Давида (см. Откр. 22:16). В отношении Давида Он мог бы сказать то же самое, что Он сказал в отношении Авраама: «прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8:58). Следовательно, Он не мог быть казнен и после казни перестать существовать. Он был возлюбленным Сыном Хозяина в наиболее полном смысле этого слова. За Его смертью не могло не последовать Его воскресение.

Если мы пойдем дальше и зададимся вопросом, какой замысел должен был лечь в основу установления Его Царства, то найдем ответ во второй части первого стиха Псалма 109. Повеление «воссядь (в Синодальном переводе — «седи». — Прим. ред.) одесную Меня», данное Богом Мессии, не имело бы смысла, если бы Мессия сидел там всегда. Из этого повеления следует, что в какой-то момент Мессия «исшел от Отца» (см. Ин. 16:28) и не сидел одесную Бога; в равной степени из него следует, что впоследствии Он воскреснет, вознесется и воссядет одесную Бога. В стихе также указывается, что после Его вознесения и перед тем моментом, когда Его враги будут положены в подножие Его ног (см. Евр. 10:13), пройдет какое-то время. Как и когда все это случится — об этом мы узнаем из Действия 4.

iii. *О приношениях в храме (20:45-21:4).* В 19:45-46 Христос осудил священников за то, что они превратили храм в разбойничий вертеп. Теперь Он осуждает сходные злоупотребления книжников, искушенных в толковании Священного Писания (см. 20:46-47). Обвинение Христа заключалось в том, что они использовали свой авторитет знатоков Писания, чтобы добиться великих почестей от народа, не слишком жаждав-

шего их воздавать; кроме того, их профессиональные молитвы нередко оказывались простой маскировкой бессовестного и безжалостного вымогательства денег, причем — не только у зажиточных людей, но и у беззащитных вдов. Следует обратить внимание (см. 21:1-4) на то, что серьезные злоупотребления, встречавшиеся в религиозной системе Израиля, не затмевали в глазах Христа истинной и вызывавшей восхищение преданности Богу отдельных людей, которых было немало: таких, например, как вдова, чью жертву в две лепты Он поставил всем в пример, навеки запечатлев Свою похвалу. Но Его обвинения свидетельствуют и о том, что в те времена иудаизм был серьезно искажен разного рода злоупотреблениями, подобными тем, что в последующие века таким позором легли на христианский мир (см. 1 Тим. 6:5). Именно эти злоупотребления, в которых так и не покаялись совершившие их люди, должны были впоследствии повлечь за собой разрушение храма.

Итак, мы должны понять, каким образом данная Христом оценка состояния израильского храмового богослужения (20:45 — 21:4) связана с политическим вопросом, обсуждаемым в начале данного Действия 3 (20:20-26). Во времена Иеремии многие думали, что сколь бы порочной ни была религиозная, общественная и торговая деятельность людей, Бог никогда не допустит, чтобы великая языческая империя захватила и разрушила Иерусалимский храм. Поэтому Бог повелел Иеремии встать у ворот Господнего дома и предупреждать всех приходивших на служение, что как раз наоборот — Бог допустит языческое вторжение (см. Иер. 7), и храм их не защитит. Во времена Христа религиозные руководители, в особенности те,

кто принадлежал к аристократической прослойке высшего священства, говорили, что если они не положат конец распространению Иисусом Своих мессианских заявлений, то может возникнуть народное политическое восстание. Тогда в ответ римляне уничтожат как храм, так и весь город (см. Ин. 11:47-53). На самом деле, как было показано в Действии 3, мессианские заявления Христа не представляли какой-либо угрозы ни для римского императора Цезаря, ни для еврейского храма. Действительную и неизбежную угрозу для храма составляли, во-первых, злоупотребления в богослужении, которое находилось в руках религиозных вождей, и, во-вторых, то, как эти лидеры замыслили поступить с Мессией. Фактически, им удастся добиться казни Иисуса римлянами — теми самыми римлянами, которые поколение спустя безжалостно уничтожат их храм.

Действие 4. Иерусалим и второе пришествие (coming) Царя (21:5-38)

Из Действия 1 с самого начала стало ясно, что когда Христос торжественно и официально вступил в город, сидя на осле, как давно предсказанный Царь Сиона, Он не питал никаких иллюзий по поводу грядущих событий. Христос знал, что Иерусалим отвергнет и Его Самого, и Его спасение (см. 19:41-44). Сразу же после вступления в город Он направился к главному источнику бед — храму с его извращенным богослужением (19:45-46); после этого в Действиях 2 и 3 были приведены подробности того, как религиозные лидеры Израиля пытались уничтожить Христа. В этих условиях не могло идти и речи о том, чтобы Христос доказывал, что действительно является Спасителем

Сиона, которое совершится путем освобождения Иерусалима от языческого гнета. Все Великие пророки провозгласили, что Бог Сам отказал Израилю в политической независимости и теократическом устройстве из-за его грехов. Разумеется, Христос не собирался мановением руки освобождать не покаявшийся Израиль от языческого гнета, тот Израиль, вожди которого намеревались убить Сына Хозяина виноградника. В девятой главе своей книги пророчеств Даниил записал суровую истину о том, что Божьи обетования о восстановлении Израиля так никогда до конца и не исполнятся, если Израиль будет упорствовать в своем грехе и в отказе принять своего Мессию; а в Действии 3 мы слышали, как Сам Царь Сиона сказал, чтобы Израиль продолжал платить подати язычникам, ибо господство язычников будет продолжаться и дальше.

Теперь, переходя к Действию 4, мы услышим новые суровые предупреждения. Израиль не только останется под игом язычников, но и самый храм, «штаб мятежа», поднятого Израилем против своего Мессии, будет после убийства Мессии сметен с лица земли, а Иерусалим окажется под пятой язычников.

Но есть и радостные известия. В седьмой главе Даниил предрек, что наступит время, когда Израиль будет окончательно освобожден из-под имперского гнета язычников и связал это время с пришествием Сына Человеческого в небесных облаках (см. Дан. 7:13). В данном Действии наш Господь подтвердит пророчество Даниила: избавление Иерусалима все-таки состоится и произойдет это при пришествии Сына Человеческого на облаке «с силою и славою великою» (см. 21:27-28).

i. Приход мессий-самозванцев (21:5-19). Главное содержание Действия 4 видится в свете двух событий — страшной неизбежности разрушения храма, с одной стороны, и славной перспективы будущего избавления Иерусалима при втором пришествии Христа, с другой. Это содержание касается того, *что именно и в какой последовательности* будет предшествовать этим двум грандиозным событиям (*выд. ред.*).

Начинается Действие 4 с предостережения ученикам о появлении в будущем множества мессий-самозванцев, которые будут проповедовать наступление конца света (см. 21:8), исходя при этом из совершенно ложных свидетельств. Чтобы уберечь Своих учеников от подобных заблуждений, Христос предупредил их, что знамением конца света станет целая серия войн, землетрясений, голод, болезни, а также страшные космические катаклизмы (см. 21:11).

Затем ученикам было сказано, что не только между разрушением Иерусалима и вторым пришествием, а также концом света пройдет очень большой промежуток времени (см. 21:24-27), но и до разрушения Иерусалима и храма после ухода Христа тоже пройдет какое-то время (см. 21:12-19). Это произойдет потому, что перед разрушением Иерусалима народу будет предоставлена возможность покаяться, а также новые, совершенно исключительные по своему характеру доказательства, цель которых — подвести народ к покаянию. Эти доказательства найдут свое выражение в сверхъестественных богодухновенных свидетельствах первых христиан, которые достигнут всех слоев общества, а также в том, что эти свидетельства и их распространение будут поддерживаться божественной силой и потому будут успешными — вопреки суровым и час-

то непредвиденным преследованиям. Таким образом, Израилю должны были быть представлены настолько внушительные доказательства того, что распятие Иисуса было ошибкой, и настолько убедительная возможность прощения и примирения, чтобы не оставалось никаких оправданий для дальнейшего сопротивления и никаких оснований для жалоб и сетований, когда впоследствии Бог допустит уничтожение и города, и храма.

ii. Разрушение и избавление Иерусалима (21:20-33).

Из Деяний Апостолов нам известно, что несколько тысяч евреев воспользовались предоставленным им временем для покаяния; однако официально Израиль продолжал упорствовать в своем отвержении (rejection) Иисуса. Христос, конечно же, это предвидел, как предвидел это и пророк Даниил. В своей широко известной главе, посвященной Иерусалиму, Даниил предсказал, что «...предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения» (Дан. 9:26).

Итак, далее Христос дал понять, что время, отведенное Иерусалиму для покаяния, истечет, и ему на смену придет время запустения (см. 21:20) и отмщения, когда исполнится «все написанное» (21:22). Увидя, как к Иерусалиму приближаются языческие войска, ученики должны будут оставить город и не надеяться на какое-либо чудесное избавление свыше. То будет время Божьего гнева, которому не следует противиться (см. 21:20-22). Христос в Своем страдании вновь, как и ранее (см. 19:41-44), оплакал те людские муки, которые ожидали город, в особен-

ности муки женщин и детей. Он предвидел, что жители города будут либо убиты, либо взяты в плен и должны будут покинуть родину (см. 21:23-24). В Своей божественной праведности Он точно указал *главную форму*, в которой проявится Божий гнев в отношении Иерусалима: его жители «...отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (21:24). Эти строки звучат как суровое напоминание о содеянном. В свое время Иерусалим был средоточием всего чуждого языческому образу жизни и системе ценностей. Однако теперь его официальная религия деградировала и по духу своему ничем не отличалась от любой языческой религии. Религиозные руководители Иерусалима собирались схватить своего Мессию и заставить язычников, против их воли, Его казнить (см. 23:1-25). Улицы города вполне закономерно ожидала та участь, которая уже постигла его ценности. Бог собирался допустить, чтобы Иерусалим был не столько разрушен, сколько повержен и попран язычниками. Священный город Иерусалим должен был стать языческим городом, управляемым язычниками в соответствии с языческими ценностями и представлениями.

Разумеется, будет уничтожен и храм, предано забвению его многовековое свидетельство о Боге (см. 21:5-6). В то время, как верховное священство храма схватило Его возлюбленного Сына и убило Его, Бог не мог мириться с тем, чтобы храм продолжал оставаться эдаким, «альтернативным», свидетелем об истинном Боге. Как говорит Иоанн, религия, официально отрицающая, что Иисус является Сыном Божиим, «не имеет и Отца» (см. 1 Ин. 2:23).

Здесь, наверное, будет уместным очевидное, но несколько наивное наблюдение: Бог возложил разрушение Иерусалима не на христиан, а на язычников-неевреев (*pagan Gentiles*) (ср., в прошлые века это сделали ассирийцы (см. Ис. 10:5-15)). В средние века и позднее в так называемых христианских странах время от времени вспыхивал антисемитизм. Антисемитизм, кто бы его ни проявлял, — совершенно иное и намного более мерзкое дело, чем какие-либо акции, предпринимавшиеся против Израиля древними государствами. Но антисемитизм, проявлявшийся в так называемых христианских государствах, вдвойне постыден, так как он не только не был освящен Богом, но и шел вопреки учению и практике Самого Христа и Его апостолов, которых так называемые христианские страны якобы исповедовали. Новый Завет учит людей, исповедующих христианство, относиться к евреям как к «возлюбленным *Божиим* ради отцев» (Рим. 11:28). Поэтому преследование соотечественников Христа только за то, что они родились евреями, практически не отличается от сатанизма.

А теперь необходимо заметить, что божественное милосердие ограничило божественный гнев в отношении Иерусалима еще до того, как он проявился: Христос сказал, что Иерусалим будет попирается язычниками, но лишь до тех пор, пока «не окончатся времена язычников» (21:24). Во «времена язычников», которые продлятся многие столетия, у язычников будет возможность услышать о Спасителе и о Благой вести, которая была официально отвергнута иудаизмом; и, как нам теперь известно, на нее откликнутся миллионы. Однако сами по себе языческие народы окажутся ничем не лучше и ничуть не менее

грешными, нежели Израиль; и предоставленная им возможность принять Благоую весть также не продлится вечно, равно как и их господство над Иерусалимом. Более того, как должен был впоследствии напомнить своим вышедшим из язычников христианским братьям Павел, из-за своего отступничества христианский мир, в конце концов, лишится своего положения как главного свидетеля о Боге на земле, и этот результат будет столь же неизбежен, как и результат отступничества иудаистов; а обратившийся в конечном итоге Израиль будет восстановлен в своем положении свидетеля о Боге (см. Рим. 11:13-32). Итак, однажды запустению и страданиям Иерусалима будет положен конец. Сын Человеческий придет на землю с силой и великой славой (см. 21:27) вместе с возвещающими Его пришествие космическими катаклизмами; избавление свершится (см. 21:28); Божье Царство наступит (см. 21:31). Период длительного ожидания останется в прошлом.

В 19:29, 37, 41 Лука подробно описывал, как наш Господь все ближе подходил к Иерусалиму во время Своего первого официального прихода (coming) в город. Теперь, в 21:28, 30-31 он подобным же образом описывает знамения, данные Христом во свидетельство приближения Своего второго прихода. С той же ясностью, с которой люди, находившиеся в Иерусалиме, когда-то увидели, как Христос медленно спускается с Елеонской горы, а затем поднимается по противоположному холму и входит в город, мир однажды увидит, как Сын Человеческий сходит с небес. И придет Он не кротким и незаметным: но в силе и великой славе. И не на чужом ослике, а на облаке — колеснице Божества. Предварять его приход будут не

скромные приготовления, а рев моря и сотрясение небесных сил¹.

iii. Последние увещевания и проповедь в храме (21:34-38). Комментаторы нередко обращали внимание на то, что у Луки наш Господь выступает со Своей пророческой речью в иной обстановке, нежели у Марка и Матфея. И Марк (см. Мк. 13:1-2), и Матфей (см. Мф. 24:1-2) рассказывают, что, когда Иисус выходил из храма, ученики обратили Его внимание на величие сооружения. Лука не упоминает о том, что Иисус вышел из храма. У Луки события развиваются так, что в 21:5 Христос по-прежнему находится в храме, а люди обращают Его внимание не на камни храма, а на приношения по обету (в *Синодальном переводе* — «вклады». — *Прим. ред.*), которые, разумеется, висят внутри. После речи Господа Лука добавляя-

---

¹ Утверждение нашего Господа о том, что «не пройдет род сей, как все это будет» (21:32) повлекло за собой широкую дискуссию о значении слова «род». Подробно этот вопрос рассматривается в Marshall, 779-81. Время показало, что под «родом» не подразумевалось конкретное поколение людей. Из других возможных интерпретаций, пожалуй, наилучшей является та, согласно которой всю фразу следует рассматривать как категорическое утверждение о том, что все эти события обязательно произойдут, сделанное в том же ключе, что и 21:33: т.е. скорее этот народ исчезнет, нежели окажется так, что эти события не состоятся. Другой возможный подход состоит в том, чтобы проследить использование слова «род» в Библии, где некоторые «роды» рассматривались и характеризовались как особо исторченные, например, «род», который Бог был вынужден уничтожить посредством всемирного потопа, или «род», который, будучи в пустыне, отошел от Бога и за то был осужден никогда не войти в обетованную землю. Из всех исторченных «родов», живших на этой земле, наиболее исторченным был, разумеется тот, который отверг своего Царя Мессию и предал Его в руки язычников, чтобы те убили Его. Сам Христос называл этот род «лукавым» (11:29) и заявлял, что с него взъимается кровь всех ветхозаветных пророков (11:50-51). В таком случае, говоря, что этот «род не пройдет» до наступления второго пришествия, наш Господь, возможно, давал понять, что официально отвергнувший его народ будет и дальше официально отвергать Его вплоть до Его второго пришествия и никаких качественных изменений здесь не произойдет.

С другой стороны, возможно, Христос использовал слово «род» в ином, греческом, значении, имея при этом в виду, что, несмотря на рассеяние Израиля в результате его официального отвержения своего Мессии, еврейский народ как таковой не исчезнет до времени predeterminedного избавления и примирения при втором пришествии.

ет два итоговых стиха (см. 37-38), которые, видимо, указывают на то, что все проповеди с 20:1 по 21:36 были произнесены в храме, где Он каждый день учил людей. Вполне возможно, что Христос начал Свою пророческую речь в храме перед всем народом, а потом, когда Он вышел и направился на Елеонскую гору, Его ученики последовали за Ним, как говорят Матфей и Марк, уже без толпы, и в ответ на их просьбу просветить их более подробно Христос вновь повторил то, что уже, в основном, было сказано, но с известными дополнениями и несколько иными акцентами. Это типичная практика общения учителя с учениками, которая распространена и по сей день.

Как бы там ни было, но от нас не может ускользнуть то, какое внимание на протяжении этих глав Лука уделяет храму. Вплоть до настоящего момента каждое Действие заканчивалось описанием тех или иных царивших в храме пороков (см. 19:45-48; 20:19; 20:45-21:4); и теперь, в заключение Действия 4 вполне уместным оказывается предупреждение против еще одного порока. Как мы уже заметили, Действие 4 началось (см. 21:5) с того, что люди обратили внимание нашего Господа на находившиеся в храме приношения по обету. Неудивительно, что прекрасные дары, говорившие о глубоком религиозном чувстве, вызывали у людей восхищение. Но вполне возможно, что это восхищение обуславливалось одним лишь эстетическим восприятием, которое, вызывая в человеке благоговение и восторг, иногда принимается за свидетельство истинной духовности, в то время как на самом деле человек может оставаться в плену самовлюбленности и мирских дел и быть нравственно и духовно неготовым к пришествию Христа (см. 21:34-36). Чем убаюкивать невзродившиеся сердца, самодовольные в своей духовной слепоте и незрелости, уж пусть лучше эти красоты будут сметены прочь.

ЧАСТЬ 2.

Действие 5. Царь вкушает пасху в Иерусалиме. Символы Его смерти (22:1-22:38)

і. Необходимые приготовления (22:1-13) В Действиях Первой Части мы стали свидетелями официального прихода Царя в Иерусалим, узнали, как Он был отвергнут, услышали пророчество о Его смерти и победе. Здесь мы также узнали о дальнейшем ходе событий: разрушении храма, попрании Иерусалима язычниками и, наконец, о славном втором пришествии Господа.

Теперь, с началом Второй Части, Лука хочет, чтобы мы мысленно вернулись в Иерусалим кануна Пасхи, конца Страстной Недели. Религиозные власти, естественно, готовились к встрече национального праздника. Однако гораздо больше их занимала мысль о том, чтобы внести отчуждение между Иисусом и собравшимся вокруг Него народом, отделить Его от толпы и затем уничтожить. В скором времени Иуда предоставил им желанную возможность и они начали непосредственную подготовку к убийству.

И вот теперь нам предстоит увидеть самое впечатляющее свидетельство того, как Бог правит мятежной вселенной. Людской мятеж, сначала инспирированный сатаной в Едемском саду, на нынешнем этапе продолжает возбуждаться им же (см. 22:3). На сей раз его целью стала смерть Иисуса. А что касается Иисуса, то Он, дабы противостоять мятежу и здесь, на земле, в самом сердце мятежа, утвердить Божье Царство, исполнен решимости... умереть! Ради этой цели Он вновь совершает приготовления для входа в Иерусалим и посылает двух учеников, но не для того, чтобы они позаимствовали осла и Он въехал на нем во главе торжественной про-

цессии как Царь Сиона, а чтобы снять комнату, в которой можно было бы вкусить пасху. Согласно традиции, пасху следовало вкушать ночью; однако здравый смысл подсказывал, что Христу было опасно оставаться в городе ночью без защиты окружавших Его толп людей. Именно поэтому на протяжении всей последней недели, как только наступал вечер и народ расходился, наш Господь уходил из города и исчезал в тенистом сумраке Елеонской горы. Он хотел избежать преждевременного пленения (см. 19:47-48; 21:37-38). Его ночное вступление в город, а также то место, где Он будет вкушать пасху, должно было оставаться в секрете. Поэтому двум ученикам были даны заранее разработанные указания, следуя которым они должны были связаться с неизвестным человеком, готовым сдать Христу комнату в своем доме, дабы Он мог отпраздновать пасху в Иерусалиме. Иерусалим был Его столицей, но власти уже установили плату за Его голову, и теперь этот город стал земным штабом мятежа против Царя.

ii. Вкушение пасхи с учениками (22:14-38). Итак, «...когда настал час, Он возлег, и двенадцать Апостолов с ним» (22:14). Обратите внимание на подчеркнутую точность во времени. Вскоре Мессии предстояло принять страдания (см. 22:15); однако Его страдания не будут ни несчастным случаем, ни неожиданностью. В скором времени Сын Человеческий должен будет уйти (см. 22:22). Но этот уход был предопределен еще до сотворения мира (см. 1 Пет. 1:20). Итак, когда в прошлом Израиль нуждался в избавлении от египетского рабства, Бог определил, что это избавление должно прийти через кровь животного — настоящего пасхального ягненка. Последовавшие затем ежегодные празднования пас-

хи были исполнены двояким смыслом. Пасха была воспоминанием об уже состоявшемся избавлении Израиля, которое, разумеется, было реальным историческим событием и уже само по себе имело огромное значение. В то же время пасха задумывалась как прообраз и обетование несравненно более значительного избавления, которое должно быть даровано Богом через жертву и кровь Его Сына.

И вот ныне, в установленное Божьим правлением время (см. 22:16), надлежало исполнить обетование избавления. После того, как были закончены все последние приготовления, Царь вошел и сказал, что испытывает сильное желание вкусить последнюю перед исполнением пасхального обетования Пасху. Давно уже Он томился под гнетом грядущих страданий (см. 12:50), и Его желание, несомненно, усиливалось осознанием того, что в скором времени эти страдания останутся позади. Но, кроме этого, вкушение пасхи в канун собственной смерти было для Него возможностью запечатлеть в сознании Своих апостолов и всех Своих будущих последователей мысль о том, что Его смерть не является ни катастрофой, ни просто мрачной победой человеческой зависти и ревности, дьявольской жажды власти и неверно понятой и потому извращенной религиозности. Эта совместная трапеза должна была внушить людям мысль о predetermined свыше жертве, принесенной ради избавления людей от рабства страстей и пороков, ради примирения простых смертных с Богом. И жертва эта будет настолько действенной, что сколько бы времени ни отделяло нас от Божьего Царства (см. 22:18), Ему уже не нужно будет больше «пить от плода виноградного» ни просто для утоле-

ния жажды, ни в качестве пасхального символа: великая искупительная жертва будет завершена, и Его труд на земле окончен.

Более того, Христос не только отпраздновал Пасху в Иерусалиме, но и положил начало новой традиции — вечере Господней (см. 1 Кор. 11:20). До времени возвращения Господа она должна была стать для Его учеников сочетанием ярких образов, напоминающих о Его теле и крови, отданных за них и за их избавление; она должна была также служить символом нового завета, который Ему в скором времени предстояло ввести Своей кровью (см. 22:19-20).

В условиях нового завета, открытых Богом через Иеремию (см. Иер. 31:33-34), уже давно была явлена его сущность и цель. Подобно старому завету, которому он шел на смену, он должен был стать орудием Божьего правления: «...вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут моим народом. И... все сами будут знать Меня, от малого до большого... потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомяну более». Передавая ученикам чашу скрепленного Своей кровью нового завета, Христос тем самым делал не что иное, как объявлял об утверждении Своего Царства, куда будут допущены те, кто принял искупление Его кровью, и где благодаря возрождению, наставлению и силе Святого Духа, они будут научены послушанию своему Господу и Царю. Причем для утверждения духовного мира Его Царства не нужно было дожидаться второго пришествия: оно могло состояться немедленно после скрепления нового завета кровью заветной жертвы.

Однако сразу же после того, как Христос объявил об установлении Своего Царства, Он обратил внимание

учеников на трагическую иронию сложившейся ситуации. Сатана внедрил своего слугу Иуду в самую горницу, и теперь Иуда сидел вместе с Христом, положив руку на стол (см. 22:21), следя за каждым Его движением, находясь рядом, чтобы рассчитать, как лучше Его схватить, как добиться Его распятия и смерти; и на том самом столе, где покоилась рука предателя, находились предметы, символическое значение которых Христос только что объяснил и которые, как оказалось, свидетельствовали, что цель Бога с самого начала как раз и состояла в смерти Царя. Посредством смерти должна была быть сломлена власть сатаны и утверждено Его собственное Царство. Не было оправдания греху Иуды; однако его предательская рука должна была сыграть роль в исполнении Божьего замысла по уничтожению дьявольской власти его господина.

Затем Христос продолжил. Он не только объявил об утверждении Своих законов в сердцах учеников, но и раскрыл им Свое намерение научить их участию в Своем правлении — как в нынешнем веке, так и в грядущем. Им предстояло пройти школу, в которой отвергались языческие представления о правлении как о господстве над окружающими, и научиться следовать примеру и идеалу Христа — идеалу Царя-Слуги (см. 22:24-27). Когда эта школа будет окончена, а их верность Царю пройдет испытание сопричастием Его страданиям, они получат воздаяние в грядущем веке — радость близкого личностного общения с Ним в Его славе и приобщение к Его правлению миром (см. 22:28-30). До наступления грядущего века ученики не останутся вне досягаемости атак сатаны и им придется терпеть временные частичные поражения; однако живительный источник — их личная вера в Спасителя — не иссякнет, так как он пи-

тается ходатайственным служением, которое будет вести их Царь-Священник, как это стало видно в случае с Петром; а извлекаемые из поражений уроки обратятся на общую пользу (см. 22:31-34). Царь не только одержит победу над Своим Врагом: Он воспользуется сопротивлением сатаны, чтобы добиться духовного возмужания собственных учеников.

iii. Подготовка к служению и материальные нужды благовестников (22:35-38). Если отказ вождей израильского народа принять Царя означал, что Ему пришлось объявлять о наступлении Царства тайно, в закрытой горнице, из этого не следовало, что отныне должны были прекратиться приобретшие столь широкий размах за последние годы миссионерские путешествия. Напротив. Теперь маршруты христианских миссионерских путешествий должны были выйти за пределы границ Израиля и охватить весь мир (см. 24:47). Однако тот факт, что вожди народа вот-вот должны были объявить Царя вне закона и предать Его смерти, лишал Его миссионеров надежды, что народ будет брать на себя расходы по их содержанию, как это было раньше (см. 9:1-6; 10:1-16); отныне миссионеры должны были сами оплачивать свои расходы, сами всего добиваться и не рассчитывать на финансовую поддержку со стороны народа или не обращенных.

Ученики неправильно поняли смысл слов Христа, когда Христос сказал им, что им необходим меч. Они нашли два меча и принесли Христу. Христос остановил их и не стал давать дальнейших объяснений: через несколько часов они сами наглядно убедятся, что Он не имел в виду меч в буквальном смысле слова и не оправдывал использование насилия ни для распространения,

ни для защиты веры (см. 22:49-51). Однако Христос подчеркнул, что сложившееся положение и требовавшиеся в связи с этим новые отношения между христианским миссионерским движением и миром являлись не временным и непредвиденным препятствием, но, как и многое другое, исполнением давно предреченного Писанием (см. 22:37). Тот факт, что Христос был «к злодеям причтен», лежит в самой основе Благой вести о спасении и мире, однако в результате Его крестной смерти между Царем и Его последователями, с одной стороны, и миром — с другой, не могли сложиться такие отношения, которые по своему характеру также являются неотъемлемой частью Благой вести Распятого Христа. Невозможно поступиться этими отношениями, не поступившись при этом Благой вестью (см. 1 Кор. 1:1-2:5; Гал. 6:14).

На этом Христос закончил говорить о замысле и методах установления Своего Царства. Однако нет никакого проку в символах, замыслах и пророчествах, если они остаются замыслами. «...Ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному... Ибо то, что о Мне, приходит к концу» (22:37). После этих слов Царь удалился. Он должен был приступить к установлению Своего Царства.

Действие 6. Царь схвачен и подвергнут допросу религиозными властями (22:39-71)

i. Христос схвачен: священники и власть тьмы (22:39-53). Мы читаем, что, когда Царь вышел из горницы, Он «по обыкновению» пошел «на место» (22:40) — на Елеонскую гору. В течение последней недели Он уходил туда каждый вечер после Своей проповеди в храме. Это место было хорошо известно Иуде, и

вскоре он придет сюда вместе с теми, кто арестует Христа. Христос и не думал спастись бегством. Раз пришло время утвердиться Божьему царству, значит должна была состояться битва с силами тьмы, и чем скорее она начнется, тем лучше.

«Молитесь, — сказал Христос, — чтобы не впасть в искушение». Сам ад соберет все свои силы и, объединившись с людским злом, попытается воспрепятствовать исполнению воли Бога. Вот какое их ожидало искушение: уклониться от участия в битве, уступить, обратиться в бегство, не исполнить воли Бога.

И затем, как бы для того, чтобы было ясно, где в этот критический и определяющий для истории вселенной час будет решаться исход битвы, Он отошел от Своих учеников на расстояние брошенного камня (*в Синодальном переводе — «вержение камня».* — *Прим. ред.*) (см. 22:41). Битва и ее исход будет зависеть только от Него Самого. Если Он потерпит поражение, то все погибнет и погибнет навеки: если Он одержит победу, то эта победа будет полной и бесповоротной.

И Он преклонил колена. Какое зрелище! Какая победа! Царь, преклонивший колена на Елеонской горе! Всего лишь несколько дней назад Он спускался по этой же самой горе во главе царской процессии, и Его по праву приветствовали как Царя (см. 19:35-38). Но, придя в Иерусалим, Он обнаружил, что Его столица находится в руках мятежников, а храм захвачен разбойниками. Как можно было преодолеть такое сопротивление? Как можно было спасти таких мятежников от Божьего осуждения и от наказания за мятеж, вернуть их к послушанию и поклонению Богу? Проехать во главе царского шествия по улицам города? Вряд ли это псзволило бы добиться поставленной цели. Помпезность и пышные об-

ряды еще никогда не превращали мятежника в святого. Если Иерусалиму, Израилю и миру суждено было когда-либо вернуться к послушанию Богу, то это могло произойти только в том случае, если Мессия Сам утвердит на земле Божью волю Своим послушанием.

Итак, Царь преклонил колена. Как всегда, Он проявит послушание Сам, но Он также проявит послушание и за Израиль, и за весь человеческий род. «Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Рим. 5:19). В Своей молитве послушания Христос не собирался делать вид, что Ему предстояло испить сладкую чашу. В ином мире, насколько мы можем судить, послушанию сопутствуют лишь упоительные удовольствия. Однако когда речь зашла о послушании в нашем, падшем, мире, о послушании, результатом которого должно было стать исполнение Божьей цели искупления падших людей, чаша не могла не быть бесконечно горькой. Вложив всю возможную искренность в Свою молитву, Христос попросил, чтобы ее пронесли мимо и Он был избавлен от необходимости из нее пить. Христос был движим не пустым энтузиазмом и не поверхностно понятой преданностью, когда человек, подобно Петру (см. 22:33), заявляет о своей готовности страдать и умереть, а на самом деле просто не берет на себя труд хорошенько вдуматься в смысл своих слов. Любой, кто легко и с радостью соглашается понести на себе грех и стать в глазах Бога грешником, — либо бестолковый невежда, либо мятежник, бросающий открытый вызов Всесвятому Богу. Даже представить себе невозможно, чтобы подобным образом поступил Тот, Кто является Святостью во плоти.

И Он искренне молился о том, чтобы Его миновала эта чаша — если на то будет Божья воля. Но если нет, тогда — пусть все Его чувства и каждая клеточка Его тела восставала против подобной перспективы, и Он мучился так, что пот, как капли крови, падал на землю, — Он должен был согласиться, заявив о Своем согласии в молитве: «не Моя воля, но Твоя да будет».

Возвратившись к Своим ученикам, Он увидел, что они, изнуренные переживаниями, спят, и мягко пожурил их. Однако даже из этого проступка учеников можно извлечь пользу, потому что он помогает нам обратить внимание на одно важное различие между ними и Христом. Под гнетом окружившего их зла и печали они уступили природной слабости и погрузились в безмятежность сна. В результате этого зло, разумеется, не исчезло, они просто перестали его видеть и оказались неготовыми к его наступлению. Христос не уступил ничему, решительно отстаивая волю Бога перед лицом всякого зла. Молитва коленопреклоненного Христа «не Моя воля, но Твоя да будет» была кличем Победителя, ибо «...исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:17).

И вот появились люди, пришедшие, чтобы схватить Христа. И когда, содрогнувшись от неожиданно открывшегося гнусного коварства Иуды, остальные ученики поняли, что сейчас произойдет, они сразу же воскликнули: «Господи! не ударить ли нам мечем?» Один из них даже не стал дожидаться разрешения, вытащил меч и, движимый благими намерениями, сделал то, чего никак делать не следовало, — отсек ухо одному из слуг первосвященника. Такая реакция была естественной, совершенно естественной для людей, действовавших из чисто человеческих побуждений, не

готовившихся к этим событиям в молитвах, не руководствовавшихся волей и мудростью Бога, и потому совершенно не соответствовала сущности разворачивавшегося конфликта, участниками которого они стали. В этом конфликте им противостояли не просто враги из плоти и крови, но силы, власти и мироправители той тьмы (см. 22:53), чье могущество основывается на искажении всего истинного и подлинно человеческого и превращении его в дьявольскую ложь, которой, однако, присуще мнимое правдоподобие. От такой силы материальным оружием человека не освободить. Христос остановил своих сторонников и исцелил поврежденное ухо. Пусть, несмотря на весь шум и смятение, охватившие сад в эту ночь, хотя бы один человек ясно и отчетливо услышит, что же именно отстаивал Христос, ибо Христос начал обличать коварство первосвященников, начальников храма и старейшин, руководивших Его пленением. Сейчас эти люди стояли перед Ним — они называли себя служителями Бога, стражами Его храма, защитниками Его святости и истины — и делали вид, что пришли, чтобы схватить политически опасного бунтовщика. Все это от начала до конца было заранее спланированным представлением, и теперь мы понимаем как, сам того не зная, помог бы Петр их планам, если бы ему было позволено продолжать вооруженное сопротивление. В этом случае они бы объяснили народу, что схватили Иисуса среди ночи как главаря вооруженной шайки, занимавшейся подрывной деятельностью, и что при попытке Его задержать Иисус со Своими сторонниками напал на представителей власти с оружием в руках. Как смеялся бы Сатана, видя, что Спасителя мира представили эдаким партизаном, считающим,

что проблему зла можно разрешить путем политического бунта и вооруженного конфликта.

Однако факты состоят в том, что среди бела дня, на виду у всего народа властители не смогли найти каких-либо оснований для политического обвинения против Христа и поэтому были вынуждены состряпать такое обвинение, чтобы затем навесить его на Христа под покровом темноты. И использованная тактика, и время пленения Христа открыто свидетельствовали об источнике их власти: «...теперь — ваше время, — сказал Христос, — и власть тьмы» (22:53).

ii. Христа уведут в дом первосвященника (22:54-65). К этому времени большинство учеников разбежалось и оставило Христа. Петр, и пусть это навеки останется его заслугой, по крайней мере, последовал за Христом; но вдруг неожиданно обнаружил, что находится не в том лагере. Петр не хотел переходить на сторону врага: однако он не понял ни сущности развернувшейся битвы, ни того, каким оружием и какой силой можно в конце концов одержать в этой битве победу. Битва эта шла между Истиной и ложью, причем Истина в конечном итоге была Личностью. Исход такой битвы определяется не физической — это в принципе невозможно, — но духовной силой (см. 2 Кор. 10:4). От человека в этой битве требуется быть вместе с Истиной. И если он остался вместе с Истиной, чего бы это ему ни стоило, он одержал победу; и любой его успех будет поражением, если ради успеха человек расстался с Истиной.

Во дворе первосвященника слуги разожгли костер и сели вокруг огня. Петр сел между ними. В какой-то момент вспышка пламени прорезала полумрак и выда-

ла Петра, осветив его лицо (22:56). Сидящие заставили Петра говорить и тогда его выдал акцент галилеянина (22:59). «Точно и этот был с Ним,» — заявил говоривший с Петром слуга, подчеркивая тем самым, что убежден в истинности своих слов (22:59); это дало Петру последнюю возможность одержать победу в своей битве и встать рядом с Истиной. Однако Петр отрекся от истины, найдя, как он тогда думал, убежище в мнимом неведении: «я не знаю Его», «нет», «не знаю, что ты говоришь» (22:57-58, 60). И вот в тот момент, когда он в третий раз отрекся от Истины, и казалось, разорвал всякие нити, связывавшие его с Христом, где-то в ночной темноте пропел петух, и Господь, повернувшись, посмотрел на Петра, «и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды» (22:61).

Петр встал и, глубоко опечаленный, бежал прочь, под покров ночи. Но теперь тьма уже никогда более не поглотит его целиком: нити, связующие Петра с Христом, были сохранены, а вера Петра в истинность Его слова никогда не была такой сильной, как в тот момент. Жизнь показала, что слова Христа — истина. А раз истинным было Его предсказание отречения и даже таких подробностей, как время отречения («прежде нежели пропоет петух»), значит истинной является и оставшаяся часть пророчества (см. 22:31-32): Петр вернется и будет укреплять своих братьев. Память о категорическом утверждении Христа позволила Петру избежать разрушительного отчаяния. Результатом ходатайств Царя-Священника стало то, что вера Петра уже не могла оскудеть (см. 22:32). Точно такую же службу сослужат эти ходатайства любому верующему на любом поле жизненных битв.

Остаток той ночи Иисус провел один, покинутый всеми. Его охранники были грубыми и жестокими людьми, которых мало заботила истина. Для них религия всегда была хорошим поводом насмеяться над людьми, в особенности если это касалось пророков, пытавшихся напугать народ своими рассказами о Боге, который должен-де быть всевидящим и однажды подвергнуть грешников наказанию. Поэтому они завязали Иисусу глаза. «...Прореки, — говорили они, пользуясь своей только что обретенной свободой незаметно Его ударить, — кто ударил Тебя?» Рассуждали они, конечно, примитивно; но откуда им было знать, что, когда Петр отрекся от Христа, прямо у них на глазах исполнилось предреченное Им пророчество?

iii. Решение совета (22:66-71). Как только наступил день (см. 22:66), религиозные власти организовали то, что на первый взгляд напоминало собранный для рассмотрения важного дела совет. «Ты ли Христос? — обратились они к Иисусу, — скажи нам». На самом деле они не собирались устанавливать истину. Они не желали ни верить в то, что Он скажет, ни даже обсуждать с Ним этот вопрос. Не имело никакого смысла давать им подробные объяснения или как-то защищаться. Эти люди были полны решимости найти основания для вынесения ему смертного приговора. Предвидя их вердикт, Христос заявил о Себе в перспективе Своего воскресения и вознесения. «Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией» (22:69).

Они поняли, что Он заявил о том, что фактически равен Богу как по Своей роли, так и по Своей силе, и чрезвычайно обрадовались, потому что для них эти слова звучали пределом богохульства и являлись более чем

достаточным основанием для казни. Тогда они задали Ему еще один вопрос, чтобы окончательно удостовериться, что Он заявил о себе как о Сыне Божьем в высшем из возможных смыслов, и, убедившись в этом, закончили разбор дела. Теперь они могли Его казнить. Ирония ситуации состояла в том, что казнь их Пленника будет не чем иным, как первым шагом на пути к ожидавшему Его месту одесную Бога.

Действие 7. Царь подвергнут допросу, приговорен к смерти и распят государственными властями (23:1-56а)

і. Гражданский суд: Пилат и власть Ирода (23:1-25). Религиозные власти прекрасно понимали, что обвинение в богохульстве вряд ли послужило бы достаточным основанием для вынесения нужного им приговора гражданскими судебными властями. Поэтому, приведя Христа к Пилату, они выдвинули против Него другое обвинение — в подрыве власти и политическом мессианстве (см. 23:2). Разумеется, обвинение было ложным, причем столь явно ложным, что Лука не удосуживается на нем останавливаться. Пилат стал допрашивать Христа и очень быстро понял, что выдвинутое против Него обвинение беспочвенно. Однако узнав, что дело пленника подпадает под юрисдикцию Ирода, он направил Христа к Ироду. Сама мысль о том, что Иисус притязает на то, чтобы править страной, показалась Ироду настолько нелепой, что он вместе со своими людьми обратил все дело в фарс: обрядил Иисуса в нечто напоминающее царский наряд и, изрядно повеселившись, отослал Его назад к Пилату. Обвинение было выдвинуто на пустом месте. Пилат вновь собрал суд и объявил, что результат вторичного расследования остается преж-

ним; тут он обнаружил, что священники не желали покоряться его власти или власти Ирода. Они начали настаивать на том, чтобы Иисуса казнили, а некоего Варавву — отпустили.

События начинали принимать характер абсурда. Священники требовали казни Иисуса на том основании, что Он пытался свергнуть политическую власть. Те же самые священники не собирались покоряться политической власти; более того, призывали освободить известного политического мятежника, совершившего убийство во время недавних городских беспорядков. Пилат решил, что пришло время утвердить свою собственную волю. «...Желая (греч. *thelōn* — Д. Г.) отпустить Иисуса», он вновь заговорил с Его обвинителями (см. 23:20). Но они закричали: «распни Его!» Пилат в третий раз попытался настоять на исполнении своей воли, но они перекричали его, и он уступил (см. 23:22-23).

В этот критический момент повествования мы не можем не обратить внимания на вновь и вновь повторяемые Лукой выражения: «Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы он был распят; и превозмог крик их и первосвященников. И Пилат решил быть по прошению их, и отпустил им посаженного за возмущение и убийство в темницу, которого они просили; а Иисуса предал в их волю (греч. *thelēta*, вид. моя — Д. Г.)». Всего лишь несколько стихов выше мы с вами слушали молитвы другого просителя, обращенные к другой власти: «...о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (22:42). То была молитва Царя. Она будет услышана и молящийся «воссядет одесную силы Божией» и Ему будет вверена власть над всей вселенной. Как это не похоже на устремления священников и

толпы. Стоя перед лицом законной политической власти (см. Рим. 13 :1-7), чья священная, Богом данная обязанность состояла в защите невинных и наказании виновных, эти священники настаивали на исполнении своей собственной воли. Состояла же она в том, чтобы осудить невинного и освободить убийцу и бунтовщика. Стоит задуматься, что ждет людей, столь рьяно настаивающих на исполнении своей собственной воли, подобной данной?

ii. Христа уводят и распинают (23:26-49). Если Иисус Христос — действительно Сын Божий, то Его распятие здесь, на нашей планете, со всей очевидностью ставит серьезные вопросы о Божьем нравственном правлении вселенной. И если, как нам было сказано (22:20), Своей смертью Христос намеревался установить новый завет в качестве основы для Своего правления, нет ничего удивительного в том, что в повествовании о смерти Христа Лука обращает наше внимание на некоторые принципы, лежащие в основе божественного правления.

Прежде всего, это то, каким образом Христос добивается исполнения Своей воли в мятежном мире. Когда Христа вели на казнь (см. 23:26), римские солдаты набросились на простого прохожего и заставили Его нести крест Иисуса. У прохожего не было выбора: солдаты хотели, чтобы он это сделал, и принудили его. Только и всего. Насколько же иначе действовал Бог. Божественная воля и предопределение состояли в том, чтобы Сын Божий умер в искупление грешников (см. 22:22). Первосвященник и верховные священники, Иуда, сатана и народ — все сыграли свою роль в том, чтобы привести Сына Божьего на смерть. Бог не застав-

лял кого-либо из них поступать так, как они поступили. Каждый действовал исходя из собственных намерений и совершенно добровольно. Однако в конечном итоге они сделали то, что было заранее предопределено Божьей властью и волей (см. Деян. 4:28).

Далее следует учитывать принцип необратимости последствий. В толпе, сопровождавшей Иисуса к месту казни, было немало женщин, рыдавших и оплакивавших Его. Скорее всего, это была эмоциональная реакция на то, что «такого милого молодого человека» беспощадно обрекают на такую чудовищную по своей жестокости смерть. Ни о каких муках совести или покаянии не было и речи. Пройдет месяц, и они позабудут об этой казни. Христу не нужна была подобная жалость. И Он сказал им, чтобы они оплакивали самих себя и своих детей, ибо их ожидают такие страдания, которые вывернут наизнанку все естественные природные устремления и ценности: бездетность будет казаться высшей радостью, а смерть будет казаться привлекательнее жизни (см. 23:29-30).

Чудовищно... Однако таков неизменный принцип необратимости последствий: что посеешь — то и пожнешь. Жители Иерусалима, возглавляемые своими священниками, старейшинами и правителями, только что призвали Пилата осудить на смерть невинного и освободить вместо него убийцу и политического мятежника. Когда Пилат, желая править по справедливости, попытался отказать им в удовлетворении этого возмутительного требования, они начали кричать и бесноваться, требуя, чтобы была выполнена их воля. Выполнена вопреки справедливости и законности. Они добились того, о чем зывали. Увы добились... Прямым, пусть и отдаленным во времени, результатом их несправедливого призыва станет то, что однажды они воззовут вновь, те-

перь уже к горам, чтобы они обрушились на них и тем самым избавили от последствий того, к чему они сами сначала призывали.

«Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что́ будет?» — сказал Христос (23:31). Если люди, живущие в относительно цивилизованном обществе при достаточно стабильной и относительно справедливой власти, могут пойти наперекор этой власти и настоять на казни невинного человека, не говоря уже о том, что Он был Сыном Божьим и Мессией; если священники признанной в народе религии, утверждающей божественный закон, нравственность и этику поведения, могут прибегнуть ко лжи, дабы оказать давление на гражданскую власть и заставить ее совершить судебную ошибку, казнив невинного, то какие нормы поведения будут господствовать в обществе, утратившем всякое уважение к справедливости, закону, нравственности, религии и Богу? Немало времени нужно, чтобы зеленое дерево стало высохшим стволом, а цветущая земля — пустыней. То же и с человеческим обществом. Перерубите питающие народ нравственные корни — и неизбежно, пусть и не сразу, наступит соответствующий результат.

Вот какие последствия влекло за собой убийство Мессии. Однако грех влечет не только прямые последствия, но и божественное возмездие. Хозяин виноградника, как предупредил Христос (см. 20:15-16), не будет бездействовать после того, как работники схватят Его возлюбленного Сына, изгонят Его за пределы виноградника и убьют. Хозяин «придет и погубит виноградарей». Однако сколь бы ни был суров факт божественного возмездия, он не перечеркивает возможности божественного прощения, и сейчас мы узнаем, на каких условиях

даруется это прощение и как оно связано с вопросом о последствиях греха.

Прежде всего речь пойдет о солдатах, не понимавших, что они делают, распиная Христа вместе с двумя злодеями, как если бы Он был одним из этих злодеев, и вбивая гвозди в Его живую плоть. Следует обратить внимание, на каких основаниях Христос молился об их прощении: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (23:34, *выд. мной — Д.Г.*). Слова этой молитвы, произнесенные в момент страшной боли от имени тех, кто эту боль причинял, не могли не тронуть сердца миллионов людей и стали идеалом, обращаясь к которому, бесчисленное множество страждущих училось не поддаваться порыву слепой мести, но желать добра даже своим врагам (см. Мф. 5:43-48). Однако мы ничуть не приуменьшим величественность Христовой молитвы, если подчеркнем, что Христос молился за солдат, которые и в самом деле не ведали, что творили. Не следует поддаваться влиянию ложных чувств и вкладывать в молитву Христа более широкий смысл, чем тот, который вкладывал Он Сам. Было бы безнравственно молиться о прощении человека, который прекрасно осознает, что он делает и не желает ни останавливаться, ни каяться: подобная молитва была бы равносильна попустительскому отношению или даже потаканию его греху. Христос, конечно же, не мог поступать подобным образом.

Далее говорится о том, на основании чего Христос предоставляет людям возможность получить спасение от Божьего гнева и возмездия. Сначала мы слышим, как об этом говорят старейшины, искажая суть дела: «...других спасал, пусть спасет Себя Самого, если Он Христос, избранный Божий» (23:35). Насмехаясь над неспособ-

ностью Христа спасти Самого Себя, они исходили из понятий физического мира. Они признавали, что, действуя в рамках этого мира, Он избавил от болезней многих израильтян. Но вот Его пригвоздили ко кресту, и очевидно, что Он был не в состоянии освободить Самого Себя. Как же, в таком случае, Он мог быть посланным Богом Мессией, Божьим избранником? Какой прок может быть от Него как от Мессии, если Он не смог избежать казни, на которую Его обрекли враги, или чудесным образом сойти с креста и освободить Израиль от гнета политических врагов?

Затем к старейшинам присоединились римские солдаты. Они не понимали смысла слов «Мессия, Божий избранник» и тех ассоциаций, которые возникали при этом у знавших свой Ветхий Завет евреев. Однако на основании своих собственных представлений о царской власти они считали, что если царь не в состоянии спасти самого себя, то он заведомо обречен на неудачу в борьбе за политическую власть. Раз, желая бросить вызов власти Цезаря в Иудее, евреи не могли найти другого претендента кроме Иисуса, это делало всякую претензию на царство совершенно нелепой. Исполненные презрения, солдаты повесили над Его крестом надпись: «Сей есть Царь Иудейский». Эта надпись вызывала у людей смех, и, покуда Христос не вернется в силе и великой славе, любые попытки представить Христа и истинное христианство в виде политической силы, земного царства, ведущего противоборство с другими политическими силами и царствами этого мира, в конечном итоге вызовут подобное же презрительное отношение со стороны языческих властей.

Но нам известно то, чего не могли знать ни римские солдаты, ни старейшины. Когда Христос вступал в

город в 19:29-48, Он заявлял, что является Царем; однако, вступая в город в 22:7-38, Он шел совершить Пасху и то избавление, прототипом которого она являлась. Что касается первой Пасхи, то она, разумеется, означала избавление от политического гнета фараона; но даже для того, чтобы добиться этого избавления от гнета земной власти потребовалось два этапа. На втором этапе Израиль получил избавление от власти Египта: это произошло, когда Бог уничтожил армию египтян в Красном море. Однако на первом этапе, который, со всей очевидностью, являлся гораздо более важным, Израиль должен был получить избавление не от власти фараона, но от Божьего гнева. Ночь первой Пасхи была ночью Божьего суда (см. Исх. 12:12-13); и из книги Исход совершенно ясно следует, что, когда Бог восстал, чтобы свершить Свой суд над Египтом, этот суд грозил израильтянам в такой же степени, как и египтянам. То, что одни были угнетенными, а другие — угнетателями, не имело большого значения. Все были грешниками. Следовательно, первенцев Израиля должна была постигнуть та же участь, что и первенцев египтян, если бы Бог не определил, что кровь пасхального Агнца будет служить защитой от грядущей кары (Исх. 12:21-23).

Итак, когда Христос сознательно пошел на Голгофу, чтобы Своей кровью избавить греховное и виновное человечество от Божьего гнева, Он сделал это как истинный пасхальный Агнец. Не будь этого избавления — и всякое другое избавление в конечном итоге оказалось бы бесполезным. Насмехаться над Христом, как это делали старейшины и солдаты, было глубочайшим заблуждением: как если бы они насмеялись над настоящим пасхальным ягненком, говоря, что, спасая других, это животное не может спасти себя.

Но если божественное прощение становится возможным благодаря смерти Христа, то на каких условиях человек может это прощение получить? И если оно избавляет человека от божественного возмездия — вечного наказания за грех, то каким образом оно связано, и связано ли вообще с прямыми последствиями греха? Мы находим ответы на эти вопросы в следующем далее рассказе о двух злодеях.

Последствия преступлений первого злодея обрушились на него в форме ограниченного во времени наказания, на которое его обрекли земные власти того времени. Несмотря на все его мучения было очевидно, что он не боялся Бога, не исповедал перед Ним свою вину, не выразил покаяния и не стал просить Бога хотя бы о прощении. Этот человек был готов поверить, что Иисус является Мессией, если бы Иисус сотворил чудо и избавил его от ограниченного во времени наказания — прямого следствия его злодеяний. Когда стало ясно, что Иисус не собирается поступать подобным образом, он осыпал Иисуса и Его религию бранью, обвинив в обмане. Но спасти людей от одних лишь прямых, ограниченных во времени последствий их грехов, не приведя их сначала к покаянию и примирению с Богом, означало бы вообще не дать им истинного спасения. У людей сложилось бы впечатление, что любое отвратительное или причиняющее им неудобства последствие совершаемых ими грехов можно устранить одним взмахом волшебной палочки и оно будет устранено, а значит, эти грехи можно совершать вновь и вновь. Рай не может строиться на безответственном отношении к греху. Со вторым злодеем дело обстояло иначе. Когда он подумал о том, что невинный Христос испытывает те же страдания, что и осужденные за свои зло-

деяния преступники, голос совести убедил его, что должен существовать суд, на котором будет исправлена всякая допущенная в этом мире несправедливость. Это, в свою очередь, пробудило в его сердце благотворный страх перед Богом, результатом которого стало его покаяние и открытое признание своей греховности. Даже наказание, которому его подвергли земные власти, было, по его собственному признанию, вполне заслуженным, и он не просил о чудесном избавлении от прямых последствий совершенных им грехов (см. 23:40-41). Кроме того, видя, что Христос страдает невинно, он пришел к выводу, что Христос действительно является Мессией и Царем, и что раз Христос является Мессией и раз существует Бог, Который желает торжества справедливости, то все слышанное им о воскресении должно быть истинным: Мессия должен воскреснуть из мертвых и «прийти в царствие Свое». Быть может, потому, что он услышал молитву Христа Своему Отцу о прощении распинавших Его солдат, быть может, благодаря неосознанному порыву, на который его подвиг Святой Дух, а может, по какой-то другой причине в его сердце зародилась вера, позволившая ему осознать, что, в то время как не могло идти и речи о его избавлении от ограниченных временными рамками прямых последствий совершенных им преступлений, существовала возможность получить избавление от Божьего гнева и от вечного наказания за грех. И тогда же в его сердце произошла глубокая перемена. Ему уже не хотелось быть мятежником; теперь он желал лишь одного — чтобы ему позволили стать подданным Царя в Его вечном Царстве, если на то будет Его воля. «...Помяни меня, Господи, — сказал он, — когда прийдешь в Царствие Твое» (23:42).

Своим ответом Царь не только сразу же даровал прощение умирающему злодею, но и объяснил ему и всем, кто покается и уверует, что означает такое прощение: Бог тотчас же и безоговорочно принимает прощенного и тот обретает уверенность, что после смерти сразу, без всякого промедления окажется вместе с Царем, будет «с Христом»; такой человек допускается в рай, где не будет больше боли, плача, грехов и бед (22:43). «Ныне же, — сказал Христос, — будешь со Мною в раю». Обращение мятежника... Воистину дело, достойное царя!

Наконец, Лука сообщает, что согласно принципам Божьего правления, оправдание и торжество Христа должно было проявиться уже в Его страданиях и смерти. Разумеется, еще в большей степени оправдание и победа Христа будут связаны с Его воскресением; однако уже момент Его смерти был дважды отмечен божественным вмешательством — в мир природы и в мир религии (см. 23:44-45).

Наступившую тьму нельзя было объяснить солнечным затмением. Но она должна была оказать сильное воздействие на тех, кто сначала был свидетелем распятия, а затем стал свидетелем этого сверхъестественного природного катаклизма (см. 23:48). Когда загадочным образом нарушается течение обычных природных процессов, люди сразу же начинают остро ощущать собственную беспомощность и в результате осознают (в противном случае, ничто более не заставит их этого сделать), сколь ничтожны они сами и сколь бесконечно велик Бог. Они начинают понимать свою вину и перестают лгать, когда речь заходит о нравственных вопросах, по крайней мере, лгать самим себе.

Сотник, под началом которого находился отряд посланных исполнить приговор солдат, просто-напро-

сто исполнял свой долг и, возможно, сперва не проявил особого интереса к предмету столкновения между еврейскими вождями и Иисусом и знал только, что оно было связано с какими-то религиозными вопросами. Наступившая тьма не могла не усилить его интереса, заставив обдумать распятие более глубоко. Лука не описывает, как Христос обратился к Богу с призывом Того, Кого Бог оставил; он просто отмечает, что Христос отправился к Богу с миром и уверенностью, как сын, который идет, чтобы встретиться с Отцом (см. 23:46). Именно это позволило сотнику прийти к окончательному выводу, и он сказал: «истинно Человек Этот был праведник», правый не только в своем споре с еврейскими религиозными вождями, но и в том, как Он строил Свои отношения с Богом. Человек, который при данных обстоятельствах и в данных условиях мог так встретить свою смерть, не мог быть неправым. Реакция толпы на произошедшее была совершенно естественной: став свидетелями невинных страданий Христа и Его смерти, которой сопутствовал необычный природный катаклизм, люди глубже осознали и признали достойной осуждения свою греховность и, расходясь по домам, колотили себя в грудь (см. 23:48).

Немногие из стоявших вокруг креста могли знать, что завеса в храме разорвалась на две части; однако когда стало известно не только о том, что разорвалась завеса, но и о том, что это произошло в момент смерти Иисуса, это событие обрело глубокий символический смысл. Без завесы, укрывавшей Божье присутствие, ни один иудаистский священник не осмелился бы войти в святое храма. После того, как разорвалась завеса, иудаистская система богослужения временно стала недееспособ-

ной. Впоследствии, когда люди увидели, что через смерть и жертву Христа они могут обрести прощение, быть принятыми Богом и получить духовный доступ в Его присутствие (см. Евр. 10:19-22), когда они открыли для себя эти духовные реалии, они сразу же почувствовали, что иудаистские символические жертвы и храм утратили свое значение. Кроме того, они поняли, что крест Христа и достигнутое Им благодаря этому кресту не имеет себе равных по славе и величию.

iii. Решение члена совета (23:50-56а). Следующим этапом в оправдании и торжестве нашего Господа было Его погребение в отдельной гробнице. Если бы Его тело сбросили вместе с другими телами в общую могилу, то впоследствии было бы невозможно указывать на пустую гробницу как на очевидное свидетельство воскресения. Итак, Лука тщательно описывает, каким образом и где было положено тело (см. 23:53), и затем вновь подчеркивает, что женщины, следовавшие за Иисусом из Галилеи, увидели и гробницу, и то, как в нее клали тело (см. 23:55). Тот факт, что, вернувшись назад, они обнаружили, что гробница пуста, не может быть объяснен их ошибкой или неосведомленностью — они, дескать, пришли к другой гробнице или вообще не знали, как было положено тело в гробницу и где именно в гробнице оно находилось.

Однако сейчас нас интересует то, каким образом Бог сделал новый необходимый шаг в оправдании Своего Сына. Этот шаг был сделан посредством того нравственного воздействия, которое смерть Христа оказала на совесть одного из членов иудаистского совета, Иосифа из Аримафеи.

Иосиф, согласно Луке (см. 23:50-51), был «человеком добрым и правдивым» и не согласился со словом и делом совета по той очевидной причине, что считал действия совета совершенно несправедливыми. Однако совет был официальным органом Израиля и действовал в открытую, публично, а Иосиф был его членом. Поэтому он понял, что недостаточно заявить о своем несогласии в частном порядке: чтобы отмежеваться от судебного решения, результатом которого стала смерть невинного Христа, необходимо было публично объявить о своей непричастности к действиям совета.

Но Иосиф, как объясняет Лука (см. 23:51), был не просто «добрым и правдивым» человеком: он «ожидал также Царствия Божия», то есть на основании Ветхого Завета считал, что должен прийти Мессия, который и установит Божье Царство. Многим тогда, как, впрочем, и сейчас, хотелось бы ограничиться признанием того, что казнь Иисуса была несправедливой, но не утверждать при этом, что Иисус — это и есть предсказанный Ветхим Заветом Мессия. Более того, представ перед советом, Иисус заявил о совершенно уникальном характере Своих отношений с Богом, назвав Себя «Сыном Божьим», которому суждено разделить с Богом Его престол. Если Иисус лгал, значит Его заявление было богохульством и, согласно иудаистскому закону, Он заслуживал смерти, а Иосиф был обязан согласиться со смертным приговором.

С другой стороны, если Иисус действительно являлся Мессией, то недостаточно было просто заявить, что Его казнили несправедливо. Иосиф понял, что если он хочет принадлежать Христу ко времени Его прославления, когда бы и в какой бы форме это прославление ни состоялось, то как здравый смысл, так и верность

Христу требовали, чтобы он исповедовал свою веру в истинность заявлений Христа и публично встал на Его сторону уже сейчас, в момент Его глубокого унижения. Поэтому Иосиф обратился к Пилату с просьбой отдать ему тело и похоронил Христа. Разумеется, в самом скором времени совет узнал о поступке Иосифа и понял, каково было значение этого поступка — как с точки зрения нравственности, так и с точки зрения богословия и религии.

«Умирающий» злодей (строго говоря, его уже нельзя было больше назвать умирающим) был взят в рай через несколько мгновений после того, как исповедовал Христа и его не призывали показать искренность своей веры. Нам же с вами, подобно Иосифу, оставленным жить в том мире, где распяли Божьего Сына, стоило бы задаться вопросом: а что мы сделали и делаем, чтобы люди узнали о нашем отношении к заявлениям Христа?

Действие 8. Царь вкушает пищу в Иерусалиме: свидетельство Его Воскресения (23:566-24:53)

Все четыре евангелиста — и это вполне понятно — описывают радостное и великое событие: на третий день наш Господь Иисус воскрес из мертвых. Отличительной чертой повествования Луки является, конечно, его рассказ о путешествии в Еммаус. За исключением краткого замечания в Мк. 16:12-13 ни в одном Евангелии нет ничего, что напоминало бы рассказ Луки. Этот рассказ занимает центральное место в повествовании о воскресении и играет ключевую роль в его динамике. Рассказ следует сразу же после описания растерянности, неверия, удивления и недоумения, охвативших собравшихся апостолов, в 24:4, 11-12, а

увенчивается явлением Господа собравшимся апостолам в 24:36-51 (в особенности см. 24:41), развеявшим всякие остатки их неверия. В начале рассказа мы встречаем двух учеников, охваченных чувством глубокого разочарования; надо полагать, что их неверие в воскресение было характерным и для остальных учеников. Затем мы видим, как Господь объясняет им причину их неверия, искореняет его и добивается того, что на смену неверию приходит радостная и твердая вера. Наконец, Лука отмечает, что именно в тот момент, когда они рассказывали о случившемся апостолам, среди них неожиданно появился Господь, показал им природу Своего воскресшего тела и наставил на всемирное миссионерское служение (см. 24:44-49).

Не случайно, что центральное место в повествовании о воскресении Лука решил уделить рассказу, в котором описывается путешествие, путь; кроме того, он особо обращает внимание читателей на то, что предпринятое двумя учениками путешествие не было просто путешествием в Еммаус. Это было путешествие из Иерусалима в Еммаус и обратно. Когда ученики покидали Иерусалим, он сообщил нам, что Еммаус находился примерно в трех часах ходьбы от Иерусалима (см. 24:13); а, завершая рассказ, он говорит, что как только явившийся им Господь исчез, они тотчас же встали и вернулись в Иерусалим, несмотря на большое расстояние и наступившую ночь (см. 24:29, 33). Как в узком, так и в более широком контексте Евангелия и их уход, и их возвращение в Иерусалим приобретают чрезвычайно важный смысл.

В самом начале своего повествования о пути нашего Господа с земли на небо Лука сообщил нам, что Христос «восхотел идти в Иерусалим» (9:51); и после

этого непрестанно напоминал, что Христос и Его последователи шли в Иерусалим (см. 13:22; 17:11; 18:31; 19:11). Когда Христос появился в Иерусалиме, мы увидели, почему эта цель была такой важной: Он пришел в Иерусалим как Царь Сиона, и чтобы как можно шире обнародовать этот факт, при вступлении в Иерусалим Его сопровождала огромная толпа учеников, которые оказывали Ему царские почести и воздавали хвалу.

И вот теперь двое учеников покидали Иерусалим, и направлялись домой. Их поступок был обусловлен самыми серьезными причинами. Фактически, они пришли к выводу, что раз Христос был распят властями, значит Он не был Царем (см. 24:19-21); теперь им грозила опасность расстаться не только с Иерусалимом, но и с надеждами, о которых они заявляли, когда сопровождали Христа при вступлении в город. Христос, конечно же, не мог допустить, чтобы их походившее на бегство путешествие окончилось в Еммаусе; учеников нужно было вернуть в Иерусалим. Будучи Царем Сиона, Он еще не завершил всех Своих дел с Иерусалимом. Да, религиозные власти «выведши его вон из виноградника, убили» (20:14-15); но существовала и обратная сторона медали. Его смерть в Иерусалиме была частью задуманного Им Самим замысла утверждения нового завета и установления Своего Царства. Теперь, когда Он принес Свою пасхальную жертву, Ему предстояло совершить «исход» (см. 9:31). Он не собирался бежать из Иерусалима как сломленный, поверженный царь, чтобы закончить Свой путь и вознестись на небо из какой-то другой части Палестины. Его исход должен был совершиться так, как о нем было ранее объявлено Моисею и Илии, — в Иерусалиме. Он пришел в Иерусалим как

Царь и должен был уйти из него как все побеждающий Господь. Следовательно, именно в Иерусалиме Он должен был явиться одиннадцати апостолам, чтобы наставить их на всемирное миссионерское служение (см. 24:36-39). Он укажет им, что Иерусалим должен стать отправным пунктом в распространении Благой вести (см. 24:47). В Иерусалиме на них снизойдет Святой Дух, который даст им силу для предстоящего служения, и им следовало оставаться в городе, пока это не произойдет (см. 24:49). Именно из Иерусалима Христос поведет их туда, где они станут свидетелями Его вознесения (см. 24:50). Затем они вернутся в Иерусалим (см. 24:52) и в Иерусалимский храм, где и будут оставаться на протяжении всего времени между вознесением и Пятидесятницей, радостно восхваляя Бога.

Но прежде Христу предстояло сплотить Своих упавших духом учеников и убедить их в Своем воскресении. Назначение первых двух отрывков восьмого действия как раз и состоит в том, чтобы объяснить, почему существовала такая необходимость и почему на первых порах это было сопряжено с большими трудностями.

i. Ненужные приготовления (23:56б-24:12). Когда в первый день недели к могиле Иисуса пришли женщины, чтобы покрыть тело Господа благовонными маслами и мазями, они, конечно же, не думали, что Иисус воскреснет из мертвых и поэтому оказались в растерянности, увидев, что камень от входа в гробницу отвален и тела в гробнице нет. В этот момент перед ними появились два ангела и объяснили им причину их растерянности: они забыли, о чем Христос прямо сказал им в Га-

лилее (а эти женщины пришли из Галилеи (см. 23:55)). Он сказал им, что в скором времени Его ожидают смерть и воскресение (см. 24:5-8).

Следует обратить внимание на то, как тщательно подбирает слова Лука, чтобы привлечь наше внимание к этому факту. Когда, следуя указаниям Христа, двое учеников пошли, чтобы привести Ему осла, они «нашли, как Он сказал им» (19:32). Когда по Его слову двое учеников отправились, чтобы приготовить горницу, они «нашли, как сказал им, и приготовили пасху» (22:13). Если бы апостолы и ученики прислушались к словам Господа в Галилее, то женщины не стали бы готовить благовония и приносить их к гробнице; а если бы и пришли к гробнице, то не удивились бы, обнаружив, что она пуста.

Очевидно, что, услышав рассказ женщин и даже вспомнив, как в Галилее Господь предсказывал Свою смерть, одиннадцать апостолов никак не отреагировали. Они просто-напросто отказывались верить в то, что женщины видели ангелов или в то, что ангелы объявили об исполнении предсказания, сделанного Христом в Галилее (см. 24:11). Правда, Петр побежал к гробнице и увидел, что, как и говорили женщины, она пуста и там нет ничего, кроме погребальных пелен (см. 24:12). Это его удивило и озадачило, однако, тем не менее не привело к выводу о том, что исполнилось предреченное Христом пророчество о собственном воскресении.

Из следующего рассказа мы узнаем, почему апостолам было так трудно поверить словам Господа о Его воскресении. А пока необходимо уяснить значение фактов, о которых сообщается в первом отрывке. Впоследствии Лука скажет, что Благая весть, которую апостолы должны были нести миру, состояла в том, что на основании смерти и воскресения Христа кающимся

людям предлагалось прощение (см. 24:46-47). В рассматриваемом нами сейчас отрывке упор сделан на тот факт, что источником Благой вести является Христос. Неправда, что, как говорили некоторые, проповеданная Иисусом весть была простым уроком любви Бога к человеку и человека к Богу и своему ближнему, а ту Благоую весть, согласно которой Христос умер за наши грехи и воскрес на третий день (см. 1 Кор. 15:3-4), выдумали апостолы. Иисус мог бы проповедовать любовь к Богу и человеку, и близко не подходя при этом к Иерусалиму. Однако неотъемлемая предпосылка Благой вести, весть, которую Он вот-вот должен был послать миру, состояла в том, что Он должен был пойти в Иерусалим, взойти там на крест и затем воскреснуть. Учитывая все это, Лука торжественно заявляет, что Христос объявил о цели Своего пути еще в Галилее, до того, как этот путь начался. Ученики не выдумали Благой вести: более того, в течение некоторого времени они в нее не верили и не понимали ее. Источником Благой вести был Христос.

ii. Вкушение пищи с учениками (24:13-43). Актом доброты и великодушия со стороны нашего Господа было то, что, завершив Свой путь из Галилеи и вступив в Иерусалим Царем, Он решил пойти обратно вместе с двумя Своими учениками по дороге их разочарования и выслушать, почему они теперь сомневались, в том, что Он был Царем. Перед уходом ученики слышали, как женщины рассказывали о пустой гробнице и о том, что возвестили ангелы, и смогли поведать Незнакомцу, что кое-кто из апостолов ходил к гробнице Иисуса и видел, что она пуста; а потом посмотрели Ему прямо в глаза и добавили, не понимая иронию происходившего: «но Его

не видели» (см. 24:24). Они даже обратили внимание Незнакомца на то, что шел уже третий день с момента казни Иисуса (см. 24:21), и все же мысль о том, что воскресение уже состоялось, так и не показалась им достаточно серьезной. Почему?

Во-первых, необходимо учитывать, что на простых людей по-прежнему большое влияние оказывали священники и религиозные власти. Когда они решительно отвергли свидетельства, на которых ученики основывали свои надежды, и затем казнили Иисуса, это не могло не стать сильным ударом по вере учеников в то, что Иисус — Мессия (см. 24:19-20).

Однако более важным является тот факт, что смерть и воскресение никак не соотносились с представлениями учеников о положении Мессии и о замысле, который Ему надлежало исполнить. Вот почему они глубоко не поверили в сказанное Иисусом о Своей грядущей смерти. Они возлагали свои надежды на такого Мессию, который свергнет имперское господство римлян силой оружия. А если Мессия позволил, чтобы еврейские власти его схватили, предали в руки римлян и распяли в то время, когда еще ничего не было сделано для организации вооруженного сопротивления, общенационального восстания или открытых военных действий, то какой прок был от подобного Мессии? Раз в Ветхом Завете предрекалось пришествие освободителя, который не увидит смерти, но одержит победу, значит Иисус уже не подходил на роль Мессии: Он умер. После этого казалось, что разговор о воскресении просто не имеет смысла.

Таким образом, первое, что необходимо было сделать воскресшему Господу, чтобы Клеопа и его спутник убедились в реальности Его воскресения, — это пока-

зять, что, согласно Ветхому Завету, Мессия должен был умереть; а затем — что искупление, которое предстояло совершить Мессии, не могло быть совершено иначе, как через Его смерть. Разумеется, их ожидания триумфа Мессии не были беспочвенными, но в своих ожиданиях они исходили из крайне ограниченного знания Ветхого Завета. Они делали особый упор на те фрагменты Ветхого Завета, в которых говорилось о победе над врагами Израиля и о восстановлении его территориальной целостности, царской власти и независимости. Те же отрывки, в которых говорилось о страданиях Мессии и о его смерти, казались им непонятными, и, даже если они были ими прочитаны, то без должного внимания, так что эти отрывки никак не повлияли на формирование связанных с Мессией ожиданий. Эти люди верили в предреченное пророками: просто они не верили во *все*, предреченное пророками (см. 24:25).

Поэтому Незнакомцу пришлось подробно и тщательно объяснить, что замысел, который надлежало исполнить Мессии, состоял в том, что Он должен был «пострадать... и войти в славу Свою» (24:26): то есть, Его страдания должны были стать ничем иным, как средством Его вхождения в Свою славу. Смерть Мессии должна была стать не помехой в Его искуплении Израиля, но самым путем совершения этого искупления. Находясь в горнице (см. 22:14-20), Христос упоминал о сущности образов Пасхи и пророчества Иеремии о новом завете. Обратившись к двум Своим ученикам (см. 24:27), Он объяснил им все образы и пророчества Ветхого Завета, в которых говорилось об искуплении в связи с прощением грехов и примирении с Богом через жертвенную смерть Мессии.

Однако в течение всего этого разговора ученикам так и не дано было понять, Кем был Незнакомец. Не-

знакомец просто и наглядно показал, что смерть Иисуса не означала, что Он вряд ли мог быть Мессией, скорее, наоборот: она придавала Его заявлениям о Себе как о Мессии большую убедительность, а рассказам о Его воскресении — большую достоверность. Но если Иисус вновь находился среди живых, то где именно? И как можно было Его узнать и не ошибиться?

Для нас последний вопрос, видимо, еще интереснее, чем для тех двух учеников. Раз многие признавали, что, согласно Ветхому Завету, Мессия должен был умереть, а затем воскреснуть, то что после смерти Иисуса могло помешать какому-нибудь религиозному авантюристу одеться как Иисус и обмануть первых христиан, заставив их думать, что он-то как раз и есть воскресший Мессия? И возникает вопрос: каким образом Незнакомец убедил двоих учеников в том, что Он является Иисусом?

Разумеется, недостаточно было просто сказать: «Я Иисус». Так мог сказать любой самозванец. Незнакомец сделал это так, как никогда не додумался бы сделать самозванец. Господь выбрал наиболее характерный для Него способ. Этот способ так красноречиво напоминал о самой сути того, о чем Он тайно поведал ранее Своим ученикам, когда говорил о Своей судьбе, что никакой самозванец не мог бы об этом догадаться и тем более поступить подобным же образом.

Когда Иисус возлежал за трапезой, то взял в руки хлеб, произнес благодарственную молитву, преломил его и подал ученикам. Ученики не могли не обратить внимания на Его руки и, возможно, увидели на запястьях следы от гвоздей. Однако, объясняя впоследствии апостолам, что позволило им узнать Иисуса, ученики говорили не о следах от гвоздей, но о самом акте хлебо-

преломления: «они рассказывали... как Он был узнан ими в преломлении хлеба».

Наш Господь преломлял Своими руками хлеб и раздавал его ученикам в двух чрезвычайно важных случаях. Первый раз это произошло во время насыщения пяти тысяч (см. 9:16). Те из Его учеников, кто находился достаточно близко, не могли забыть поразительного зрелища: в руках Иисуса хлеб приумножался сам собой. Впоследствии наш Господь вспомнил об этом чуде для образного описания того, как Он отдаст Свою плоть и кровь ради жизни мира (см. Ин. 6:32-59). И вот Незнакомец, только что завершивший подробный обзор Ветхого Завета, из которого становилась ясной сущность замысла, связанного с Мессией, — отдать собственное тело за грехи людей, — взял в руки хлеб, произнес благодарственную молитву, преломил его и раздал. Ученики сразу же узнали в Незнакомце Иисуса: то был неповторимый акт самооткровения.

Во второй раз преломление и раздача хлеба произошли в горнице, когда праздновалась последняя Пасха и закладывалась традиция Господней вечери. Клеопы тогда в горнице не было; насколько нам известно, он вполне мог отсутствовать и во время насыщения пяти тысяч. Но он, конечно же, слышал и о том, и о другом. Очевидно, что в обоих случаях загадочные слова о том, что Христос отдаст Свое тело и кровь, казались апостолам, и, тем более, Клеопе, непонятными и оставались таковыми даже после Его смерти, пока, наконец, Незнакомец не показал, что Ветхий Завет изобилует пророчествами, обрядами, образами и прообразами, указывающими на то, что Мессии было суждено принести Себя в жертву. Теперь, когда Незнакомец вновь преломил хлеб и отдал его учени-

кам, все встало на свои места и сделалось понятным. «...Открылись у них глаза, и они узнали Его».

И по сей день, правда, уже на более высоком уровне, мы узнаем истинного Спасителя мира благодаря тому же акту самооткровения: никто и никогда на протяжении человеческой истории не приносил Свое тело в жертву ради искупления каждого из нас.

В ту же ночь двое учеников вернулись в Иерусалим. Подходя к Иерусалиму в прошлый раз, они надеялись, что Иисус окажется Царем и избавит Израиль (см. 24:21). Теперь дело обстояло иначе. Теперь они уже знали, что Иисус действительно является Царем. Они также узнали, что существует искупление, несравненно большее, чем то освобождение от политического гнета, на которое они раньше надеялись. И ныне их вера и надежды зиждились на таком основании, которому не страшно было ни сопротивление, ни сама смерть.

Оказавшись в Иерусалиме, они пошли туда, где вместе с другими учениками собрались одиннадцать апостолов, которые сообщили, что Господь действительно воскрес и являлся Симону. Тут Господь появился снова, и на этот раз они на какое-то время пришли в ужас. На дороге в Еммаус Он присоединился к двум ученикам так, как это мог сделать любой другой путник; теперь же Он оказался прямо среди них и совершенно неожиданно. Их первая неосознанная реакция состояла в том, что это, должно быть, дух, а не человек Иисус из Назарета, которого они хорошо знали; и они испытали тот ужас, который чувствуют люди, когда сталкиваются с бестелесными или покинувшими телесную оболочку духами.

Чтобы развеять их страхи, Иисус продемонстрировал им, насколько это было доступно их пониманию,

что такое «воскресение». Сначала Он заявил, что является Тем Самым Иисусом, которого они знали, сказав: «это — Я Сам» (24:39). Причем Он оставался Тем Самым человеком Иисусом не только духовно, но и физически. «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои», — сказал Иисус. Иоанн говорит, что на них по-прежнему оставались следы от гвоздей (см. Ин. 20:27); Лука же описывает, как Христос предложил Своим ученикам воспользоваться чувством осязания и убедиться, что после воскресения у Него по-прежнему оставалось тело из плоти и костей. Они все равно не могли в это поверить от радости, и тогда Он попросил у них какой-нибудь пицци и съел предложенную Ему рыбу, дабы они окончательно убедились, что, хотя в определенном смысле Он уже был не с ними (см. 24:44), а в ином мире, где действовали иные законы природы, Он оставался Тем же Иисусом, что и прежде.

До начала Своих страданий Он ел с ними пасхального ягненка, который предвещал Его смерть (см. 22:15-16). Теперь Он ел рыбу (см. 24:43), чтобы продемонстрировать физическую реальность Своего воскресения. Поэтому, когда мы слышим обещание Царя о том, что нам предстоит есть и пить вместе с Ним в Его царстве, неразумно предполагать, что слова «есть и пить» — не более чем метафора, обозначающая духовное общение. Нет никаких сомнений, что в ином мире в них будет вкладываться иной смысл. Но как бы ни отличался иной мир от нынешнего, у них будет нечто общее, ведь сейчас в нем пребывает реальное, прославленное, но по-прежнему человеческое тело нашего Господа Иисуса Христа.

iii. Наставление к миссионерскому служению (24:44-53). В 22:35-38 по окончании пасхальной трапезы Хри-

стос наставил Своих учеников на всемирное миссионерское служение. Теперь, закончив новую трапезу, Он наставляет их вновь. В первый раз Он подробно рассказал об источниках денежных и прочих материальных средств, необходимых для миссионерской деятельности. На этот раз Он обратился к духовным аспектам их служения. Во-первых, это основа и содержание Благой вести, которую им предстояло проповедовать. То была не философская концепция, сформулированная в логических категориях на базе общих аксиом, но Весть, основанная на определенных исторических событиях, предреченных в Ветхом Завете и свершившихся благодаря Иисусу, а именно — страданиях, смерти, погребению и воскресении Мессии; и на факте того, что Его жизнь, смерть, погребение и воскресение были исполнением тех библейских предсказаний, которые сами по себе были частью Благой вести (см. 24:44-46).

Во-вторых, для каждого, кто был готов покаяться, Благая весть означала прощение во имя Иисуса: не во имя Божьей доброты и любви вообще, но конкретно во имя исторической личности Иисуса, который пострадал, умер и воскрес из мертвых (см. 24:47).

В-третьих, Благою вестью о прощении следовало проповедовать по всему миру, всему человечеству, без каких-либо исключений или ограничений. Однако начаться эта проповедь должна была в Иерусалиме (см. 24:47). Не предполагалось, что Благая весть будет распространяться сразу из нескольких разбросанных по миру очагов, как если бы в ее основе лежала какая-то единая и универсальная самоочевидная истина, и разные люди могли додуматься до этой истины в разное время и в разных местах. Проповедь Благой вести должна была начаться в Иерусалиме, потому что предлага-

емое ею прощение основывалось и всегда будет основываться на событиях, связанных с этим городом, — в Иерусалиме воплотившийся Сын Божий пострадал, умер и вблизи от этого города воскрес. Впервые об этом уникальном событии спасения должны были объявить те, кто мог засвидетельствовать, что это историческая истина (см. 24:48).

В-четвертых, для миссионерского служения учеников нужно было наделить силой (см. 24:49). Чрезвычайно важно, что Благая весть, которую они должны нести, основывалась на реальных исторических событиях, однако Божье царство не следовало утверждать одним лишь пересказом истории. Для того, чтобы свидетельствовать, благовестники должны были получить силу Святого Духа, которого им ниспошлет вознесшийся Спаситель; и своим обращением ко Христу слушающие Благую весть будут обязаны Его сверхъестественному труду возрождения.

Таково было наставление, которое Христос дал Своим апостолам после Своего воскресения в Иерусалиме.

Итак, последний этап земного пути Царя завершен, и теперь Ему предстоит исполнить ту цель, о которой Он помнил с самого начала Своего пути: «...войти в славу Свою». Сегодня Он должен идти один, оставив Своих слуг на служение, для проповеди Благой вести и дальнейшего утверждения Его Царства на земле; но наступит день, когда Он вернется, чтобы и они смогли войти в Его славу. За сим Лука переходит к необыкновенно величественному событию — вознесению Царя:

«И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их»: то был не немой священник, который, подобно Захарии, хранил молчание перед удивленным народом (см. 1:22), но истинный Первосвященник, Чье вознесение вызвало у людей такой мощный всплеск хвалы Богу, что ему не суждено было более затихнуть.

«И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему, и возвратились в Иерусалим с великой радостью, и пребывали всегда в храме, прославляя и благославляя Бога».

Пока добавить больше нечего. Так давайте же присоединимся к этим людям и ко всему великому множеству искупленных и радостно поклоняющихся Царю.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Правомерно ли подходить к сочинениям Луки с точки зрения аристотелевых канонов литературного анализа?

Возражение, упомянутое на с. 26 (сноска 1), было бы вполне резонным, если бы мы намеревались рассматривать сочинения Луки с позиций аристотелевой теории критического анализа в целом. Мы, конечно, не задаемся подобной целью, а просто исходим из предположения, что некоторые замечания Аристотеля — о важности тщательного отбора, структурирования и расположения материала, о связности изложения, в котором должно присутствовать начало, середина и конец, другими словами, об определенной логической последовательности в повествовании — справедливы для любого серьезного произведения, как художественного, так и исторического, в какое бы время оно ни создавалось. Мы ни на миг не допускаем, что Лука обращался с источниками своих материалов так же свободно, как греческие драматурги обращались с мифами, на основании которых они создавали свои трагедии. Если исходить из типологии того же Аристотеля, согласно которой историк рассказывает о том, что произошло в действительности, а поэт — о том, что может или могло бы произойти¹, то Луку, безусловно, следует считать историком. С другой стороны, Аристотель сам подчеркивает², что хотя, в принципе, предмет поэзии — всеобщие истины, а предмет истории — конкретные факты и реальные поступки людей, иногда исторические события становятся воп-

---

¹ Аристотель. *Об искусстве поэзии*. М., 1957. Гл. 9.

² Там же.

лощением всеобщих истин. Это замечание также нельзя переносить на произведения Луки, не сделав при этом определенных оговорок; тем не менее, оно может послужить хорошим напоминанием об одной важной черте евангельских повествований. Рассказы евангелистов, к примеру, о совершенных Христом чудесах, — это, прежде всего, описания реально происшедших исторических событий; однако на протяжении всех последующих веков чутье верующих помогало им увидеть в этих рассказах еще и притчи, образы доносившие до читателей всеобщие истины, значение которых не ограничивалось конкретными историческими ситуациями. Такое понимание чудес Христа хорошо прослеживается в Четвертом Евангелии, например, в том, как там описывается насыщение пяти тысяч (см. гл. 6) и наделение слепого зрением (в особенности см. 9:39-41). Поэтому трудно себе представить, что, описывая, например, наделение зрением иерихонского слепого (см. 18:35-43), Лука считал это одним из исторических фактов и не более того. Как только мы признаем, что Лука должен был видеть в подобных чудесах всеобщие истины и уроки, неизбежно возникают следующие вопросы. Как действовал Лука в процессе отбора и расположения рассказов о чудесах? Считал ли он содержащиеся в них уроки изолированными и самодостаточными, или же он хотел, чтобы эти уроки перекликались с тематикой контекста? Здесь перед нами вновь возникает вопрос об организации и динамике повествования.

2. Совместима ли литературная симметрия со строгой историчностью?

Если бы в обязанность историка входило фиксировать все без исключения слова и поступки участни-

ков описываемых им событий, то он обязательно погрешил бы против исторической истины, если бы попытался подчинить свое изложение фактов принципу симметрии: жизненные события слишком разнообразны и между ними зачастую отсутствует необходимая для симметричных построений взаимосвязь. Однако никто не считает, что историк или, допустим, биограф может или обязан пытаться описать все. Приходится производить отбор, а поскольку отбор неизбежно связан с интерпретацией реальности, то главный вопрос, который мы должны адресовать историку или биографу, будет таков: соответствуют ли излагаемые им факты истине и верна ли предлагаемая им интерпретация? Таким образом, необходимо констатировать, что используемые историками или биографами древнего мира симметричные структуры есть не что иное, как выбранный ими метод интерпретации исторической реальности, отличный от методов, используемых современными историками. Как метод интерпретации симметричная структура не является врагом историчности в большей степени, нежели методы современных историков.

Представим себе человека, который был известным военачальником, а потом занялся политикой и в конечном итоге стал главой государства. Биограф древнего мира, желая быть объективным и показать разносторонность его личности и разнообразие эпизодов жизненного пути, вполне бы мог отобрать для своего повествования сюжеты о двух военных кампаниях, в которых участвовал этот человек, и о двух подавленных им мятежах, расположив их либо один за другим, либо попеременно с иным материалом, чтобы в результате получилась симметричная структура: сюжет об одной кампании, победа в которой была одержана благодаря тактике молниеносных ударов и серии открытых яростных

сражений; сюжет о мятеже, который был подавлен в результате принятия суровых мер; затем сюжет о другом мятеже, прекратившемся после принятия умных компромиссных решений; и, наконец, сюжет о второй военной кампании, выигранной благодаря тактике затяжных действий и интриг, а также сознательному уклонению от открытых сражений. Причем в своей интерпретации биограф древнего мира вполне мог бы ограничиться отбором материала и созданием симметричной структуры, не добавляя к этому собственных комментариев. Современный же биограф, пожелав изложить сходную интерпретацию жизненного пути и личности нашего военачальника, возможно, воспользовался бы теми же четырьмя сюжетами, но добился бы своей цели иначе. Скорее всего, он сгруппировал бы все четыре сюжета в одной главе, посвященной военной карьере этого человека; и на протяжении всего повествования вставлял бы свои собственные комментарии и замечания по поводу разносторонности его личности, в которых бы отражалась и получала дальнейшее развитие авторская интерпретация. Возможно, что современному читателю было бы легче воспринимать произведение современного биографа благодаря тому, что в нем сразу было бы видно, где кончаются исторические факты и где начинается их интерпретация; однако непонятно, почему симметричные структуры и отсутствие прямого авторского комментария в произведении биографа древнего мира должны неизбежно приводить к искажению исторических фактов.

Другой же историк, древний или современный, интересующийся биографией того же самого человека, но уже, в основном, как политика, мог бы оставить лишь сюжет об одной из военных кампаний, проигнорировав три остальных сюжета и поместив остав-

шийся сюжет в совершенно иной контекст — в повествование об общественных, экономических и политических событиях, цель которого — показать, как военные успехи нашего героя помогли ему добиться политической власти. Никто не стал бы думать, что раз для этого повествования был отобран только один из вышеупомянутых сюжетов и он оказался в совершенно ином контексте, значит налицо искажение исторических фактов.

Вопрос о том, приводит ли произведенный Лукой отбор материала, его отказ от строгого следования хронологии или использование им симметричных структур к нерепрезентативности документальной базы повествования или искажениям исторических фактов, можно решить, лишь подробно рассмотрев каждый конкретный случай, так как, даже если в девяноста девяти случаях будет доказано, что это не так, все равно останется необходимость проанализировать, действительно ли это не так в сотом случае. Очевидно, что подобная задача выходит за рамки настоящей работы. Однако мы берем на себя смелость заявить, что созданные Лукой симметричные конструкции сами по себе еще не противоречат строгой историчности повествования.

3. О вопросах, возникающих при сопоставлении различных и взаимоисключающих вариантов анализа литературной структуры библейского повествования.

Многочисленные исследователи предлагали разные варианты структурирования произведений Луки¹. Естественно, что каждый из них подкреплен подробны-

---

¹ Прекрасным подспорьем для желающих ознакомиться с этим подробнее будет их описание в Charles H. Talbert, *Literary patterns, theological themes and the genre of Luke-Acts* (Scholars Press, 1974) и в Kenneth E. Bailey, *Poet and Peasant, a literary-cultural approach to the parables in Luke* (Eerdmans, 1976).

ми литературоведческими изысканиями и соответствующей аргументацией, и очевидно, что в силу ограниченного объема настоящего приложения у нас нет возможности провести адекватный анализ хотя бы одного из этих вариантов. Поэтому автору хотелось бы ограничиться лишь кратким изложением собственного отношения к структурированию текста и к его возможностям, присовокупив короткий пример того, какого рода вопросы могут возникнуть в связи с тем или иным предложенным вариантом структурирования.

Главной задачей данной книги был не столько поиск структурной симметрии, сколько раскрытие смысла и динамики повествования Луки. Но даже такая, более узкая, задача может оказаться сопряженной с многочисленными элементами субъективной интерпретации. Достаточно вспомнить об идеях представителей древнееврейской «сопоставительной экзегетики» и об их попытках проследить динамику и взаимосвязь между различными отрывками из Пятикнижия (см. *Babylonian Talmud, Berakoth, 216*, а также, например, замечания в *Midrash Rabbah* о Числ. 20:14-29).

Итак, рассказывая о Третьем Евангелии и желая донести до читателей его объективный смысл и динамику, автор настоящей книги руководствовался двумя соображениями относительно важности структуры повествования. Во-первых, замечая, что Лука организовал ту или иную пару сюжетов в симметричную структуру, автор не мог не рассматривать сходства и различия между этими двумя сюжетами, которые можно было бы посчитать незначительными. Во-вторых, правильность изложения того или иного сюжета всегда можно проверить, задавшись вопросом: соотносится ли изложение данного сюжета с тем местом, которое этот сюжет занимает в исходном структурном контексте.

С другой стороны, используя литературные структуры в качестве средства изложения и критерия его объективности, автор не считает, что они оказываются своего рода прокрустовым ложем. Так, например, в ходе повествования я отмечаю, что структурная симметрия требует, чтобы два рассказа — о женщине в доме Симона и о женщине с кровотечением рассматривались в «одной связке». Проиgnорировать сходства и различия между этими двумя рассказами — значит проиgnорировать нечто очень важное, о чем хотел сообщить нам Лука. Однако, принимая во внимание сказанное выше, автор, тем не менее, не собирается утверждать, что при рассмотрении рассказа о женщине в доме Симона было бы неправомерно проводить параллели и сопоставлять, например, ее помазание ног Господа благовонным маслом, и неразумное намерение женщин из 24:1-9 почитать тело мертвого Господа благовонным помазанием. Вполне возможно, что в замысел Луки не входило сопоставление этих двух рассказов, однако его произведение посвящено описанию реальных исторических событий, и поэтому читатель имеет полное право сопоставлять и сравнивать между собой любые из составляющих Евангелие рассказов по тому принципу, который ему нравится.

Более того, автор не утверждает, что предложенное им структурирование повествования является исчерпывающим. Результатом воплощения сложного художественного замысла зачастую становится то, что один тип симметричной организации может сменять другой в зависимости от выбранной читателем перспективы или системы координат. Автору книги самому приходилось обращать внимание на то, что в Евангелии от Матфея в зависимости от выбранной исходной темы или тем читатель сможет убедительно продемонстрировать,

какие два или три мотива красной нитью проходят через все Евангелие¹.

Ниже приведен фрагмент структурной симметрии, выявленной профессором Ч.Талбертом² для одной из частей Евангелия от Луки (с. 568).

Мы должны вновь со всей определенностью заявить, что не предлагаем здесь вниманию читателя исчерпывающего разбора работы профессора Талберта, в основе которой, разумеется, лежит подробный анализ текста Евангелия. Мы просто привели небольшой фрагмент его работы, чтобы продемонстрировать, какого рода вопросы могут возникнуть в связи с многочисленными вариантами структурирования, предлагаемыми разными исследователями.

Во-первых, правомерен ли вообще вывод о том, что Лука стремился к композиционной симметричности, если для выявления симметричности его повествование приходится перекраивать столь решительным образом, как это сделано в правой колонке? Во-вторых, можно ли считать предлагаемый профессором Талбертом вариант структуры повествования действительно симметричным, если из него приходится исключать такие эпизоды, как исцеление прокаженного (см. 5:12-16) и исцеление человека с высохшей рукой (см. 6:6-11), а также многие другие? Однако еще более важными являются следующие вопросы: ради чего вообще Лука стремится к симметрии? И каким образом выявленная нами структура текста помогает увидеть значение каждого из составляющих ее элементов?

---

¹ См. «Structure littéraire de Matthieu, XIII, 35 à XVIII, 5', *Revue Biblique*, 85, 1978, pp. 236-38.

² Указ. соч., p. 40.

- 4:31-41 Иисус вступает в противостояние с бесами. Один из бесов кричит: «Оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий».
- 1 8:26-39 Иисус вступает в противостояние с бесами. Они говорят: «что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня».
- 5:1-11 Иисус находится в лодке вместе с Симоном. Происходит чудо.
- 2 8:22-25 Иисус находится в лодке вместе со Своими учениками. Происходит чудо.
- 5:17-26 В то время, когда Иисус находится в обществе фарисеев, возникает вопрос, почему Иисус прощает грехи? Иисус говорит человеку: «прощаются тебе грехи твои».
- 3 7:36-50 В то время, когда Христос ест с фарисеями, возникает вопрос о прощении грехов. Иисус говорит женщине: «прощаются грехи ее...».
- 5:27-6:5 Мы видим, что Иисус и Его ученики едят и пьют, в то время как ученики Иоанна часто постятся.
- 4 7:31-35 Пришел Иоанн — не ест и не пьет. Пришел Сын человеческий — ест и пьет.
- 6:12-16 Избрание двенадцати. Сразу же после этого Иисус учит в присутствии народа.
- 5 8:1-3 Иисус с двенадцатью учениками. Сразу же после этого Он учит народ.
- 6:17-49 Иисус учит множество народа. В заключении говорится о «слушающем и исполняющем Его слова».
- 6 8:4-8, 16-21 Иисус учит множество народа. В заключении говорится о «слушающих» и «исполняющих» Его слово.

Возьмем, к примеру, гипотетическую взаимосвязь между 5:1-11 и 8:22-25. Если исходить из того, что в обоих отрывках описываются чудеса природы, то каким образом урок, связанный со вторым чудом, поможет нам лучше понять урок, вытекающий из первого чуда? В первом отрывке очень подробно описывается, как Петр с послушанием отнесся к повелению Господа, признал свою до этого не осознававшуюся греховность и был наставлен на апостольское служение. Какой новый свет может пролить содержание и подробности второго отрывка на содержание и подробности первого, на что они помогут обратить более пристальное внимание?

Наконец, каким образом предлагаемый вариант структурирования поможет нам понять связь отрывка 5:1-11 с его непосредственным контекстом? Мы помним, что кульминация 5:1-11 приходится на момент исповедания Петром своей греховности. В этом отношении у 5:1-11 больше общего с отрывками 5:17-26 и 7:36-50, нежели с 8:22-25. Каким же тогда образом данная структура поможет нам увидеть ту логику повествования, следуя которой Лука сразу же после 5:1-11 переходит к рассказу о прокаженном (см. 5:12-16)?

Другими словами, для автора настоящей книги структурирование текста является только полезным (и достаточно второстепенным) инструментом, к которому он прибегает для того, чтобы читатель смог глубже и подробнее разобраться в содержании и динамике повествования Луки.

Printed by World Wide Printing
Duncanville, Texas - Minsk, Belarus

Религиозное издание

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУКИ

Подписано в печать с оригинал-макета 22.12.97.
Формат 84х108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 30,24. Усл.кр.отг. 31,08. Тираж 25000 экз. Зак. 7102"А".

Типография "ПИКОРП" ЛП № 192.
220141, г. Минск, ул. Жодинская, 18.